

1.45/63
0.74

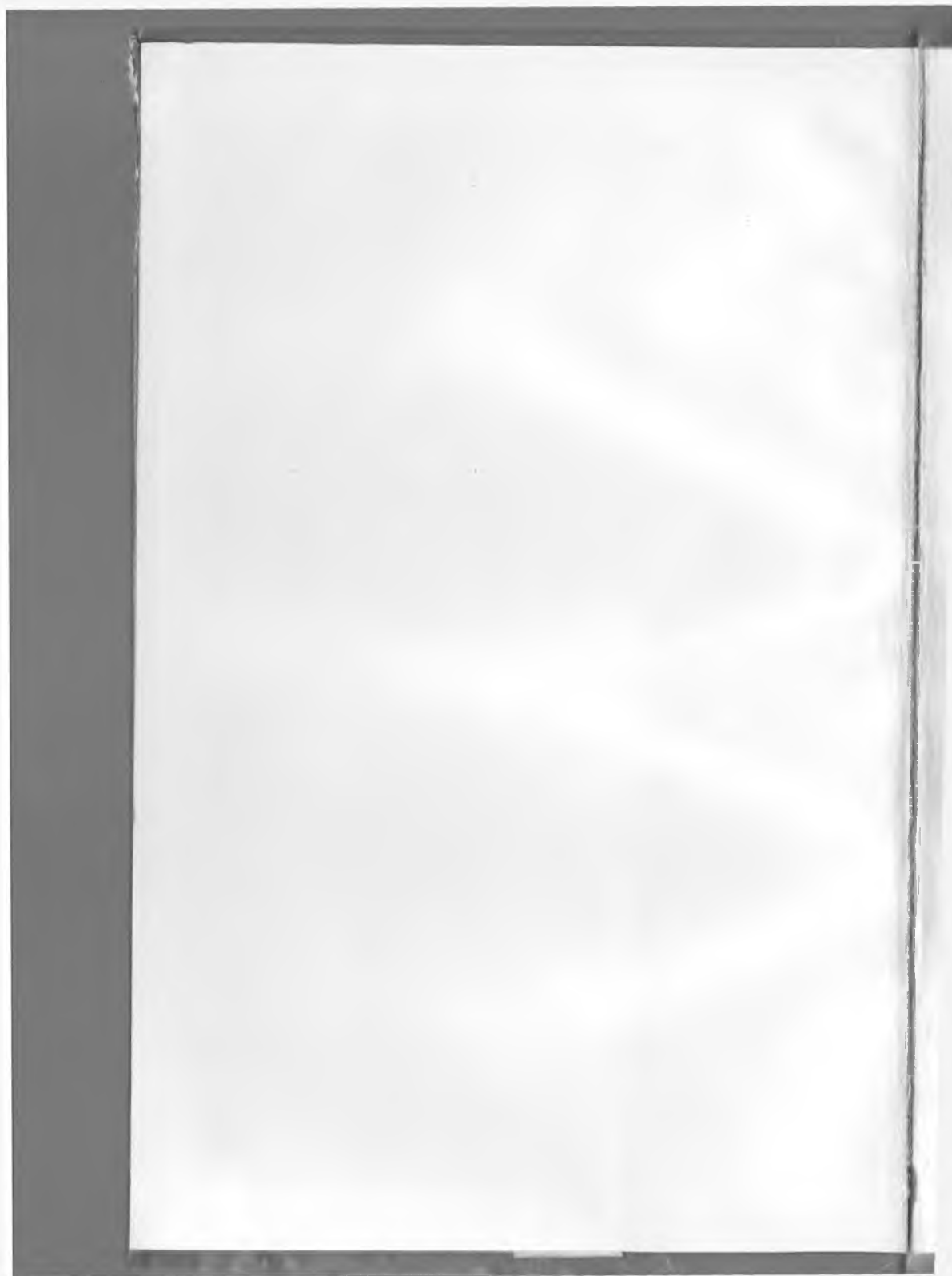
Абузар Айдамиров

Собрание сочинений

В шести томах

Том 4

«Один день судьбы» (повесть)
«Калужский пленник» (повесть)
«В день смерти сына» (рассказ)

Абузар Айдамиров

**Собрание
сочинений
в шести томах**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Эльсункаев Н.М.,
Айдамирова М.А., Минкайлов Э.С., Сумбулатов Д.А.,
Борхаджиев Х.Р., Сумбулатова К.М., Юнусов Х.И.,
Юсупов Р.Х., Юсупов У.

Автор и редколлегия выражают
сердечную благодарность
Хусейну Джабраилу
за помощь в издании Собрания
сочинений Абузара Айдамирова

По заказу
Центра гуманитарных исследований
Чеченской Республики
(Директор – Н. М. Эльсункаев)

Абузар Айдамиров

D-43/03
a28

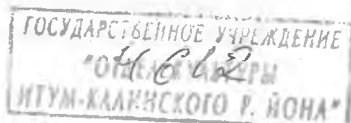
**Собрание
сочинений
в шести томах**

Том 4

«Один день судьбы» (повесть)
«Калужский пленник» (повесть)
«В день смерти сына» (рассказ)

Переводы с чеченского У.Юсупова, Э.Минкаилова

г. Грозный
2005

Своему отцу Абдулхакиму, проведенному в 1933-1941 годах в лагерях ГУЛАГа восемь лет, а в 1944-ом году вновь разлученному с родиной, высланному вместе с народом в холодные казахские степи, пережившему там новые испытания и беды, но при этом никогда не терявшему мужества, благородства и терпения, умершему и похороненному в селе Успеновка Джанги-Джолского района Ошской области, посвящаю.

Автор

Один день судьбы

Повесть

I

Двадцать третье февраля тысяча девятьсот сорок пятого года... Непрестанно дующий с севера холодный ветер со свистом проносился сквозь оголенные деревья. Небо, обычно чистое и безоблачное, в этот день стало свинцовым, пасмурным, низко нависли хмурые черные клочья дождевых туч, готовые вот-вот заплакать, изливаясь слезами. Голые склоны Тянь-Шаня, на которых начал таять снег, казались какими-то чуждыми и неприветливыми.

Дующий со снегов ветер рыскал повсюду, издавая тонкий свист и обжигая холодом лица. Вороны, кружившие над голыми деревьями, каркали, предвещая непогоду, навевая на сердца мрачные мысли. Но зима, как и положено, близилась к своему естественному концу, и никто не мог что-либо изменить. Оставалось совсем немного времени до того, как она безвозвратно канет в Лету, уступая приближающейся весне.

В этот ненастный день по тропе, извиравшейся змеей по каменистому склону, медленно спускались две женщины с вязанками дров на спинах.

Одной из них — одетой в старую тужурку со свисающими ключьями ваты, длинное, сшитое из одеяла платье, с большим изношенным окаймленным платком на голове, с галошами, надетыми на войлочные чуваки — было за сорок, но на вид казалось еще больше. Ее некогда стройная фигура и кругловатое лицо еще не утратили следы былой красоты, были приятны. Поседевшие виски, морщинистые щеки, глубоко впавшие глаза свидетельствовали о том, что перенесенные тяготы состарили ее раньше времени. Но взгляд, в котором не было даже единой искорки радости, был полон сочувствия и милосердия.

Другая, ее спутница, была миловидной молодой женщиной лет за двадцать, среднего роста, круглолицей, с длинными черными волосами. Ее глаза, пасмурные, как и небо в этот день, наполненные слезами, смотрели из-под черных ресниц с тревогой и мольбой. В них отчетливо виднелись и накопившееся в душе и никому не выплаканное горе, и желание найти утешение своему молодому несчастному сердцу.

Пот уже несколько дней подряд две женщины вместе ходили в горное ущелье за дровами. Встречались там ежедневно, но до сих пор мало знали друг друга, так как жили в разных концах села. Их, еще ровно год назад находившихся в горах Кавказа, в своих родных селах, где прожили свою жизнь, умерли и похоронены предки, судьба свела здесь.

Еще год назад они и не представляли себе, что без всякой вины, без суда, в один февральский день, в среду, их выгонят из своих домов и закинут в эти далекие края. А здесь, чтобы от голода не умереть самим и не дать умереть детям, будут заниматься тяжелым трудом, ходить, словно нищенки.

Осторожно, чтобы не поскользнуться и не упасть на промокшей под накрывающим дождем тропинке, они спустились со склона и вышли на проселочную дорогу. Старшая из них очень устала, но продолжала идти, напрягая последние силы.

— Ты не устала, Хелипат? Давай присядем, немного

отдохнем, — оглянувшись, сказала шедшая впереди молодая женщина.

— Нет, Зану, иди, — остановилась та и, с трудом выпрямившись, посмотрела вперед. — Остановимся вон там, под деревом, виднеющимся у дороги.

Зану посмотрела вперед. Дерево было недалеко. До него было шагов пятьсот, не больше, но им, обессиленным от голода, это расстояние казалось очень большим.

Женщины напрягли остаток своих сил и, согнувшись под тяжестью ноши, медленно и молча продолжили путь. Зану думала о Хелипат. Ей было известно, что недавно у нее умерли муж и дочь семнадцати-восемнадцати лет, и она одна мыкается с тремя маленькими детьми.

После того, как они познакомились друг с другом, Зану очень полюбила эту замечательную, чистосердечную женщину. Добрый взгляд, который она сохранила при всех лишениях, выпавших на ее долю, мягкая, приятная речь привлекали к ней, словно к матери.

Они шли, мучимые роем тяжелых мыслей, считая расстояние до дерева, когда далеко впереди, в шагах десяти от дороги увидели собак, копошащихся вокруг чего-то черного, лежащего на земле. Им показалось, что лежит человек; подойдя совсем близко, убедились, что так оно и есть. Собаки, косясь на приближающихся женщин, медленно отошли от него и скрылись в кустах.

На снегу лежал бедно одетый старик. На его голове была некогда дорогая, утратившая вид каракуля шапка, основательно полинявшая, с краями, словно стертými точилом. На голое тело были одеты старая, рваная тужурка с торчащими клочьями ваты и стеганые брюки, кое-как залатанные нитками и шнурками, а на ногах — чувяки. Старик лежал, подтянув ноги, скорчившись.

Шедшая впереди Зану прошла мимо, искоса оглядывая его.

— Постой, Зану, ведь это Аюб из нашего села. Что же он здесь лежит? — остановилась шедшая позади Хелипат. Потом она повернулась к старику и окликнула его.

Хелипат еще несколько раз окликнула его. Когда старик не ответил и не тронулся с места, она подошла и расшевелила его.

— Бодный Аюб! — слабым голосом проговорила она, внимательно взглянув в его лицо. — Да он же мертв...

Эти слова ничуть не удивили Зану, но когда она подошла и посмотрела на старика, то увиденное навсегда запечатлелось в ее памяти. Перед ней было желтое лицо, обросшее белой бородой. Вытекшая из горбатого, как орлиный клюв, носа и изо рта сукровица застыла в ноздрях и на бороде. Глаза были закрыты, как у спящего. В приоткрытом рту виднелись здоровые, крепкие, как кремь, белые зубы. Через дырки тужурки просматривалось худое тело, посиневшее от холода. Он обнимал лежавший рядом завязанный слабым узелком мешочек, в котором было несколько пригоршней кукурузы.

— Давай, Хелипат, уйдем отсюда. Я не могу смотреть на него, сердце разрывается, — сказала Зану, с мольбой глядя полными слез глазами на Хелипат.

— Как только мы отойдем, собаки вернутся. На дороге никого не видно?

Зану посмотрела на дорогу.

— Никого нет, Хелипат...

— Что же нам делать, Зану?

— Пока люди ходят по дороге, наверное, собаки не тронут его. Может быть, будет лучше, если мы быстро пойдем домой и сообщим людям, чем стоять здесь?

— Сообщить-то не трудно, Зану... В нашем селе и мужчин таких нет, у которых были бы силы, чтобы отвезти его, выкопать могилу и похоронить. Одни лежат, сваленные боленными, другие и сами еле передвигаются. Не знаю, что и делать...

— Есть лишь шесть человек, которые это бремя на себя взяли. Сообщим им.

Подумав с минуту, Хелипат отошла от Аюба. С тяжелыми, словно налитыми свинцом, сердцами, уставшие женщины направились к селу. Они представляли

себе лица родных и близких, умерших такой же безжалостной смертью, как и этот старик, перенесенные до сих пор лишения, страшное сегодня и надвигающееся более страшное и грозное завтра.

— Счастлив тот, кто, умерев, уйдет из этого мира, — сказала Хелипат, когда они отошли довольно далеко. — Что хорошее ждет нас, оставшихся в живых? Но удивительно устроен мир! Сколько нежданного-негаданного выпадает на долю человека. Смотри, что случилось с Аюбом. Еще год назад он имел семью, крепкое хозяйство, просторный дом, честно жил, пользуясь огромным уважением у людей. Не прошло и года, а он лишился семьи, дома, остался одиноким, как высохшее дерево. А каким сильным, крепким, здоровым человеком он был! Ему было лет восемьдесят, а в нашем селе в работе ему не было равных. На колхозных собраниях, как лучшего труженика, его сажали за стол рядом с начальством. Более того, во время революции, когда свержали царя Миклая, он получил несколько ранений. Я и сейчас, как сегодня, помню, как шесть-семь лет назад на выборах депутатов ему первому разрешили проголосовать. В той же шапке, которая была на нем сегодня, в черкеске, атласной рубашке, с отделанным серебром кинжалом на поясе. И смерть такого хорошего, красивого человека оказалась собачьей. Рядом не оказалось никого, кто мог бы не только прочитывать заупокойную молитву, но даже повернуть на юг... Ох, Всевышний, все происходит по твоей воле. Неизвестно, каким будет и наш конец, в какой земле суждено лежать...

— Бедолага, куда же он направлялся?

— Куда он мог идти? Не одна ли нужда заставляет всех нас выходить из дома? Наверное, искал что-либо поесть. О, всемогущий Аллах, тебе виднее... Устала, ноги отнялись. Дрожь пробирает... Давай чуть-чуть передохнем...

Не дожидаясь согласия Зану, Хелипат, не снимая ношу со спины, присела на сырую землю.

— Станный ты человек, Хелипат. Удивляюсь я тебе, — сказала Зану, когда присела и устроилась рядом с ней.

— Почему же?

— Ты всегда переживаешь за других людей, утешаешь их, а о своих бедах никогда не рассказываешь. Дух у тебя сильный. Я не смогла сдержать слезы, когда увидела мертвого старика, а ты не уронила ни единой слезинки.

Халипат как-то грустно улыбнулась.

— Ох, хорошая ты моя, много я проплакала. Ой, как много! Из-за этого иссыхали слезы... Сердце плачет, а слезы из глаз не текут. Кому я могла поведать о своем горе? Кому нужны мои причитания и плач? У кого теперь нет какой-нибудь горя, кто живет беззаботно? Никто, Зану. Постарею я, жить осталось недолго, буду терпеть, пока смерть не наступит...

— И это правда. Но ведь иногда хочется с кем-нибудь поделиться своим горем, успокоить сердце, облегчить душу... После того, как увидела мертвого старика, в памяти ожило все прошлое, пережитое, иду и думаю обо всем... У меня были родители и два брата. Я вышла замуж за полтора года до нашего выселения... Нас привезли сюда вместе с мужем. Он был ранен на войне, остался без ноги. Я не давала ему ни в чем испытывать нужду... Он умер прошлым летом...

У Зану застрял ком в горле, она замолчала.

— Я знаю об этом, Зану. И его тоже знала. Это был симпатичный молодой человек, без правой ноги, с худым, длинноватым лицом, чернявый, с кучерявыми волосами. На его груди висели ордена.

— Ими он был награжден за подвиги на войне. Орденом и двумя медалями. После его смерти я сшила маленький мешочек, в котором я всегда ношу их с собой... А о том, что случилось с моими родственниками после нашего выселения, мне ничего неизвестно...

Слезы, наполнившие глаза Зану, перелились и потоками хлынули по щекам. Утирая их краем старого платка, которым была покрыта голова, она беззвучно плакала.

— Не знаю, Зану, что и делать. Может быть, это какое-то божье наказание. Если смиримся с тем, что Он сделал,

мы не останемся, наверное, без какой-нибудь Его милости за пережитое. К сожалению, мы оказались недалеко-видными. Прошлой весной не засеяли выделенные нам колхозом земли, думали, что нас выслали по ошибке, несправедливо, и когда власти поймут это, вернут обратно. Поэтому голод пришел к нам раньше, чем к местным жителям. Если бы мы сразу после приезда вышли на работу, засеяли поля, может быть, теперь не находились бы в таком плачевном положении...

— Не говори, Хелипат, — произнесла Зану, тяжело вздохнув.

— Люди-то и не очень виноваты. Не могли привыкнуть к этому краю, думали, что не сегодня, так завтра их вернут домой. Да и теперь все думают, что скоро пустятся в обратный путь на родину. И мы обе верим в это. Мысли о родине ни на минуту не покидают нас, даже во сне. А сколько раз я готовилась в дорогу, связав в узел свои бедные пожитки? У меня даже припасено два килограмма ячменного толокна в дорогу, если когда-нибудь отправлюсь обратно. Да, землю не засеяли. Во-первых, были уверены, что вернемся, а, во-вторых, земля здесь не такая, как у нас дома. Нужно уметь работать на ней.

Споткнувшись о камень, Хелипат потеряла равновесие и еле удержалась на ногах.

— Короче говоря, не важно у нас обстоят-дела, — сказала она, очищая руки от прилипшей грязи. — В прошлом году не голод был повинен в смерти людей. Тогда у нас еще был хлеб, привезенный из дому. Да прикупить удавалось, продав что-нибудь из оставшейся утвари. Многие умерли от ностальгии. А этой зимой нас истощил голод. По правде говоря, у многих людей не было сил ни обрабатывать выделенную землю, ни выйти на работу в колхозе.

Сказанное Хелипат напомнило Зану о том, как она весной, оказавшись в безвыходном положении, пошла продавать ковер. Это был большой персидский ковер ручной работы, свадебный подарок матери, сделанный после того, как она вышла замуж за Маила. Зану слы-

шала, что бабушка некогда купила его, продав буйвола. Они берегли ковер в память о родителях Зану, не продавали до последнего. Но этой зимой, когда не на что было купить продукты для Маила, который неожиданно заболел и надолго свалился в постель, Зану решила продать ковер. Стучась из одного дома в другой, она обошла все село. За дорогой ковер ей обычно предлагали или полкилограмма масла, или две маленькие лепешки. Кто знает, может быть в соседних селах, особенно на базаре в узбекском селе, расположенном в восьми километрах от них, за него и могли бы заплатить хотя бы полцены. Но у нее, как и у других чеченцев, не было права пойти туда без разрешения комендатуры. А во рту у Маила, ее любимого, бедного Маила, несколько дней кряду не было единой крошки. Ковер пришлось отдать, не торгуясь. Вечером она вернулась домой, неся полкилограмма масла, два килограмма сыра и килограмм пшеничной муки...

— Хелипат! — громко сказала Зану, словно та находилась не рядом, а где-то далеко-далеко, где не могла услышать ее.

— Что, Зану? — удивленно привстала Хелипат.

— За какую вину мы обречены на эти жестокие страдания? Как трудно это выносить! Если бы за проступок отсылали наказание, то еще ничего. А так, без всякой причины разлученные с родиной, со своим домом, доведенные до отчаяния женщины, дети... Это же неслыханное дело, Хелипат... В чем виноват этот умерший старик, мы с тобой, тысячи других? Перед кем мы провинились, Хелипат?

Зану, замолчав, вопросительно посмотрела на нее. Хелипат увидела горящие от гнева черные глаза, еще больше помрачневшее лицо, дрожащую, как при ознобе, челюсть, стучащие зубы...

— Не знаю, Зану, я не знаю. Я не знаю, как тебе ответить, потому что состарилась, выучившись только тому, как выходить на работу в поле и возвращаться домой после ее завершения. Ты училась, работала. Ты, наверное, умнее меня.

Эх, жизнь! Каждый сделанный шаг, каждое произнесенное слово напоминает далекую родину, счастливую молодость.

«Ты училась, работала».

Зану вспомнила годы учебы в сельской школе, о том, как вместе с Маилом закончила семь классов, о работе в библиотеке, вспомнила художественную самодеятельность, впервые организованную ими в селе, концерт на сцене чеченского театра в Грозном, фотографию на четвертой странице газеты «Знамя труда», снятую во время исполнения танца с Маилом, радость, от которой учащенно билось сердце, когда слушала радиопередачу об успехах своего коллектива...

Тогда... тогда они оба были молодыми. Зану – шестнадцать, Маилу – девятнадцать лет. Тогда не было войны, люди жили мирно, у каждого в саду была счастливая весна. Кто знал, кто предполагал... «Увижу ли снова Родину? Увижу ли газету, книгу на чеченском языке... Услышу ли по радио родную речь? – думала, вытирая скатывающиеся слезы. – А Маил был уверен, что Сталин не знает о произволе, учиненном над нами, что его ввели в заблуждение, а как только он узнает все, как есть, нас вернут обратно. А Маил никогда не говорил неправду...»

Зану верила, что они когда-нибудь вернутся в родные края. Как и все остальные, она загадывала день, в который это произойдет. Если же доходило известие о том, что по дороге двигалась колонна из нескольких машин или на железнодорожной станции стояли пустые вагоны, каждый был уверен в том, что они подготовлены для того, чтобы отвезти их домой.

«Да, мы, оставшиеся в живых, когда-нибудь вернемся домой, – думала Зану. – Жаль тех, кто, тоскуя по Родине, взывая к ней, ушли здесь в мир иной. Маил, дорогой мой Маил, тебя уже не вернуть...»

Занятые каждая своими мыслями, женщины молча вошли в село.

Ненастные дни бывали особенно тягостными для Николая Кузьмича. В непогоду начинала ныть культя отрезанной ноги. Боли оживляли в памяти суровые дни начала войны...

Фашисты, поливая смертоносным дождем, уничтожали то, что было создано в мирные годы. Наши войска отступали на восток, скрипя сердцем оставляя родную Украину врагу. Вместе с ними, чтобы не оставаться под вражеским гнетом, уходили женщины, дети, старики, бросая десятилетиями нажитое имущество.

Наконец – берега реки Волги. Дальше отступать нет права. Здесь, задолго до дня победы, осколки мины раздробили его ногу.

Восемнадцатого ноября тысяча девятьсот сорок второго года некогда розовощекий, ловкий, веселый капитан Бородинко навсегда был признан негодным для воинской службы.

Длинный санитарный поезд. Средняя Азия. Ташкент, три месяца в местном госпитале...

А в тот пар, выписавшись из госпиталя с протезом и костылями, он жил в этом в горном киргизском селе, основанном еще при Столыпине украинцами-переселенцами. Сначала был учителем истории и географии, затем стал директором школы. Кто думал, что жизнь повернется таким образом? А его мечты, надежды?..

Вспомнилось время учебы на историческом факультете Киевского университета. Тогда он строил грандиозные планы. В первую очередь – жениться на своевольной Свете Пантелейчук, кареглазой красавице с черными, длинными волосами. Затем – успешно окончить университет и вместе с ней поступить в аспирантуру, чтобы стать учеными. Планы начали осуществляться, он женился на Светлане. Оба с отличием окончили университет, поступили в аспирантуру. Николай работал над диссертацией по истории XIX века, а Светлана – по новейшей истории зарубежных стран. Но призыв Николая в армию

на время отсрочил достижение им своей цели. Но он особенно не переживал из-за этого. Ведь четыре года – срок небольшой. Он был еще молод, впереди – достаточно времени, чтобы закончить аспирантуру, осуществить задуманное.

Николай был доволен успехами жены. Пока он служил в армии, Светлана стала кандидатом исторических наук, устроилась на работу в научно-исследовательский институт. У них подрастал маленький сын. Старая мать Николая чувствовала себя самым счастливым человеком на свете.

Неожиданно грянула война. Она разрушила счастье семьи Николая. В первые дни войны под фашистскими бомбами погибли его мать, жена и сын...

Ученым он так и не стал. Не стало и семьи. Ему даже не довелось отогнать этого бешеного фашистского зверя на запад, чтобы загнать его в свое логово и там уничтожить. А его боевые товарищи уже доходят туда. Советская земля давно очищена от фашистов. Теперь война идет на территории Германии. Еще в прошлом году начали возвращаться в родные места переехавшие во время войны на восток беженцы. Там уже восстанавливаются села и города. А бывший гвардии капитан, а нынче – инвалид, учитель Бороденко сидит здесь в горах.

Что же ему делать? Оставшаяся в живых сестра вывезена фашистами в Германию. Неизвестно, жива ли она еще. Если вернуться домой, все оживет в памяти. Боязно, что опять начнут кровоточить рубцы сердечных ран, уже затянутые временем. Такова же судьба и у его новой жены. В этом селе, в школе они узнали друг друга, здесь начали совместную жизнь. Ее бывший муж погиб в бою под Смоленском, а маленькая девочка убита в Курске. Жене тоже не хотелось возвращаться в Курск.

Трудные нынче времена. Кроме стариков, все мужчины на фронте. Сельскохозяйственные работы легли на плечи женщин. Партийное, государственное и колхозное руководство сосредоточено в руках у трех человек. Он является секретарем парторганизации, Анастасия Федо-

ровна — председателем сельсовета, а инвалид войны Сапар — председателем колхоза. Они неустанно трудятся для нужд фронта. Все направляется для достижения победы, а также на восстановление освобожденных от вражеской оккупации восточных областей. Трудно, конечно, но ни один житель села не жалуется. Они знают, что мирная жизнь на Родине начнется только тогда, когда враг будет полностью уничтожен. Пока же в каждом доме горе. Уже давно не играют свадьбы, не слышно веселых песен...

Еще больше усугубили положение чеченцы, высланные сюда ровно год назад. Несмотря на все усилия руководства, в прошлом году они не засеяли поля, не все приступили к работе в колхозе, остались в стороне, обманутые надеждой, что не сегодня, так завтра вернутся на Кавказ. А теперь голодают. Болезни, вызванные тоской по родине, истощили их. Ежедневно кто-нибудь умирает. А у местных властей и колхоза не хватает сил, чтобы помочь им.

Со складов чеченцам выделяется немного зерна, но этого мало не хватает. Местных жителей они поставили в такое же трудное положение, в котором находятся сами. В мирное время до этого не дошло бы, но теперь трудно.

Из маленького сына Пана, спавший в качелях, несколько раз приподнялся и заплакал, словно стараясь отвлечь Николая Кузьмича от грустных мыслей. Он, тяжело вздохнув, взял в руки красный карандаш и придвинул к себе письменные работы учеников, забытые Марией Петровной, и начал проверять их, покачивая сына. Но в его голове кружились новые мысли. На цветных обложках тетрадей, на листках были написаны разные имена, но у всех учеников были одинаковые биографии. Отцы Петьки, Вовки и Аппы погибли на фронте. Пропал без вести отец Маринки. А брат Володи, рядовой солдат, является кавалером двух орденов. Отец Любы сражается в районе Праги, а мать прикована к постели. В мирное время лица учеников были бы детскими, но теперь они казались почти взрослыми.

Когда в его руки попала работа Астамирова Берсы, пе-

ред глазами его встал образ худого, чернявого двенадцатилетнего мальчика. У него отличные успехи в изучении литературы, истории, географии, но не справляется с русской грамматикой. В каждом слове по две-три ошибки. Николай Кузьмич не хочет его расстраивать, поставив двойку. Это очень умный ребенок, трудолюбивый, стремящийся к знаниям. Кроме того, после одного случая у них возникли своеобразные дружеские отношения...

* * *

У руководства села и школы, несмотря на все их усилия, не хватило сил привлечь к учебе всех чеченских детей школьного возраста. И виной тому были три причины: незнание ими ни русского, ни киргизского языков; они не свыклись ни с этим краем, ни с местными людьми; переживаемые трудности. Поэтому педагоги школы особое внимание обращали на нескольких обучавшихся здесь чеченских детей. Постоянно работали с ними после занятий, прощали им шалости. Тем самым они надеялись привлечь в школу и остальных.

...Не прошел и месяц с начала учебного года, когда классный руководитель пятого класса, молодая учительница Валентина Андреевна пришла в кабинет Николая Кузьмича, ведя с собой пятиклассника Берсу и семиклассника Митьку Величенко. У обоих на лицах были синяки и кровоподтеки.

— Я не виноват! Он первым полез!.. — кричал Митька, плача. — Он вечно на всех кидается. Я начал драться, когда он бросил в меня камень. Более того, он угрожал, что пырнет меня ножом и выпустит кишки!..

Берса молча взглянул на своего обидчика, тяжело вздохнул и уткнулся в угол.

— Берса, Митька говорит правду? — спросил Николай Кузьмич.

Тот ничего не ответил.

— Видите, Николай Кузьмич! Конечно, правда. Молчит? Ему ведь нечего сказать!

— А ты помолчи! Он спрашивает не у тебя. Как это Берса, который ростом ниже твоего пояса, лезет в драку? Не пытайся переложить свою вину на других! — заступилась Валентина Андреевна за Берсу.

Берса взглянул полными благодарности глазами на учительницу, а потом снова потупил взгляд.

«Дети есть дети, — думал Николай Кузьмич, глядя на них, — они остаются ими всегда и всюду. То, что происходит между ними, обычно не имеет серьезных последствий. Не пройдет и часа, как они помирятся и начнут вместе играть. Но так просто отпускать Митьку нельзя. Если простить одного, другие тоже распустиятся».

— Да, Митя, хорошие вы ребята, нечего сказать. Старшие дерутся с маленькими. Сколько раз ты нарушал дисциплину за этот месяц? Сколько раз приводила тебя ко мне классная руководительница? Хочешь, чтобы я вызвал твою маму на педсовет? Она, у которой не заживает рана на сердце, полученная из-за гибели твоего отца, которая живет, потеряв покой, теперь должна переживать еще и из-за тебя? Ты должен был думать об отце, который отдал свою жизнь за родину, за наше счастливое будущее, о матери, которая, не покладая рук, трудится в глубоком тылу. Твои сверстники-пионеры сражаются на фронте с фашистами, стали народными героями, а ты... Да что толку говорить об этом!

Сидевший, облокотившись, за столом Николай Кузьмич обеими руками подпер голову, нагнулся и тяжело вздохнул. Митька стоял, понутив голову.

— Идите оба на занятия. Но знай, Митька, если ты в будущем натворишь что-либо подобное, то будешь исключен из школы.

Митька быстро выскочил, а Берса остался стоять на месте.

— Берса, иди на урок, — стоявшая позади Валентина Андреевна положила руку на его спину и потянула его вместе с собой к выходу.

— Я немного задержусь, Валентина Андреевна, — проговорил тот, не поднимая головы. Учительница вопросительно посмотрела на Николая Кузьмича.

— Оставьте его, Валентина Андреевна. Он потом подойдет.

...Некоторыми своими чертами Берса напоминал Николаю Кузьмичу чеченца Ханпашу Нурадилова, который в 1942 году прославился своими подвигами на всю страну. Геройски погибший при обороне Сталинграда, он был похоронен на земле Дона. Это произошло ровно за три месяца до ранения Николая Кузьмича. Правда, сам он никогда Ханпашу не видел, но хорошо помнил плакат, выпущенный Политуправлением Донского фронта после его гибели. Он и теперь словно видит эту фотографию, на которой был изображен еще безусый юноша, с мужественным, похожим на орлиный, взглядом, с орденами Красного Знамени и Красной Звезды на груди. Звание Героя Советского Союза ему было присвоено посмертно.

Николай Кузьмич до сих пор помнил песню на слова поэта Долматовского, ставшую одной из любимых у воинов, которую и теперь, оставшись наедине с самим собой, иногда напевал тихим голосом. Помнил он и некоторые строки из плаката: «Воин-богатырь, орел Кавказа, рыцарь Отчизны — вот настоящее имя героя-пулеметчика, гвардии старшего сержанта, комсомольца Ханпаши Нурадилова.

...В характере Ханпаши Нурадилова нашли отражение лучшие черты чеченского народа — его отвага, орлиная удаль, мужество и стойкость...

...Нурадилов уничтожил своим пулеметом 920 фашистов...

Вглядись, воин, на фотографию горного орла, отважного пулеметчика Ханпаши Нурадилова! Пусть боевые подвиги героя Кавказа, славного сына чеченского народа станут примером стойкости для тебя и для твоих товарищей...

...Пусть ты не будешь испытывать страха в бою, побеждай смерть, как это сделал славный сын чеченского народа...»

Николай Кузьмич, который всю свою фронтовую жизнь

был политруком, читая газеты, часто натыкался на рассказы о боевых подвигах представителей чеченского народа. Но навсегда врезался в его память именно Ханпаша. Не забывал он и прочитанные позднее в «Известиях» слова его командира, произнесенные на могиле Нурадилова: «Горный орел! Он очень любил песни. Пройдут годы. В новых прекрасных лучах солнца засияет наша жизнь. А счастливые молодые люди Чечено-Ингушетии, девушки с Дона, юноши из Украины будут петь песни о гвардии старшем сержанте Ханпаше Нурадилове».

Все это мелькнуло в мыслях Николая Кузьмича в какое-то мгновение. А Берса стоял на своем месте, как вкопанный. Учительница вышла, оставив их наедине.

— Берса, у тебя какое-то дело ко мне? — спросил Николай Кузьмич, отогнав свои мысли.

Ничего не говоря, мальчик кивнул головой.

— Так рассказывай, дома у нас ничего не случилось? Старик не болеет?

Берса покачал головой.

— Или ты сам болен? В последние дни лица на тебе нет, ты слабощен чем-то. Что, дома нечего повести? Подойди ко мне поближе.

Берса подошел и стал перед Николаем Кузьмичом.

— Продукты есть. И я здоров.

— Тогда что с тобой происходит?

— Николай Кузьмич, не по моей вине произошла драка с Митькой...

— Это мне известно. Я тебя и не обвинял в этом. Ты задержался из-за этого?

— Нет. Несколько мальчиков во главе с Митькой проходу мне не дают, постоянно оскорбляют.

— Берса, ведь всегда есть место шуткам, — улыбнулся Николай Кузьмич, — дети и шутят, и подраться могут, не обращай на это внимания. Я тебе даю слово, что Митька уже давно забыл о вашей ссоре.

— А я не забыл. И не забуду. Если даже для них это шутки, то для меня — нет... Более того, это не в первый раз, и не только со мной одним...

— Ой, в чем же дело, в конце концов? — удивился Николай Кузьмич.

Глаза Берсы наполнились слезами, он прикусил зубами нижнюю губу, чтобы не заплакать. Кадык двигался вверх-вниз. Потом, немного переждав, он заговорил, собрав все силы.

— Иначе, как бандитом, предателем, фашистом они меня не называют... Обвиняют в том, что мы, чеченцы, предали Родину, стали бандитами, помогали немцам...

Когда мальчик, сделав еще один шаг вперед, с плачем кинулся в его объятия, у Николая Кузьмича волосы стали дыбом.

— Николай Кузьмич, скажите правду хоть вы, — прижимая свою голову к его груди, содрогаясь, плакал мальчик. — Наши односельчане в глаза не видели никаких бандитов или немцев... Не знаю, что было в других местах, я был маленький... И Дада говорит, что ничего подобного ему неизвестно. Дядя Коля, скажите: то, что они говорят — правда?... За что нас выслали с родного края и привезли сюда?..

Вопрос, поставленный мальчиком в лоб, привел Николая Кузьмича в замешательство. Некогда успешно читавший доклады на любую тему по всемирной истории, обладающий хорошими знаниями, пользовавшийся уважением профессоров за редкий профессионализм, бывший в своей части лучшим политруком, более года ежедневно смотревший в лицо смерти, Николай Кузьмич сидел, словно ошпаренный, не находя ответа на вопрос этого маленького мальчика.

— Не плачь, мой мальчик, — проговорил он, наконец, прижав маленькую, черную голову Берсы к своей груди и гладя рукой его кучерявые волосы. — Все это неправда. Эти мальчики все просто сами придумали, чтобы поиздеваться над тобой. Я не знаю, за что вас сюда выслали. Эта проклятая война, которую развязали фашисты, разлучила многих людей с родными местами, со своими семьями, близкими. Сейчас трудно всем. Но война уже близится к концу. Потом мы обо всем и узнаем. А ты еще ма-

понький. Хорошо учись, не думая ни о чем. Когда повзрослеешь, постигнешь науку, сам во всем разберешься...

Николай Кузьмич вынул из своего кармана белый платок, вытер им с лица мальчика слезы и легонько хлопнул его по худой, с выступающими лопатками, спине.

— А теперь иди на урок, мой мальчик. А ребятам я скажу, чтобы они больше так не шутили.

...После того, как Николай Кузьмич отвел мальчика в класс и вернулся, он начал размышлять о создавшейся ситуации. Подобные разговоры малосознательных жителей он слышал и раньше. Но взрослых остановить не трудно. А тут все иначе. То, что среди детей распространяются такие вредные слухи, к добру не приводит. Но как их пресечь? Если просто говорить, что это неправда, слухи не прекратятся. Необходимо усиленно проводить воспитательную работу. Но как, с чего начать? Николай Кузьмич и сам не знал всей правды. Но он был уверен в том, что весь народ не виноват. Более того, в свое время о чеченцах хорошо отзывались Маркс и Энгельс. Хорошие слова о них сказали Сталин, Серго Седукидзе, Киров, многие другие деятели большевистской партии. А что же произошло теперь? Неизвестно. Если в этом деле он допустит политическую ошибку, тогда не избежать беды. Но оставлять это дело так тоже нельзя...

После долгих размышлений он решил вечером провести подсчет. О том, что пережил в этот день, а также о своем решении, Николай Кузьмич рассказал своей жене.

— Не знаю, Коля, что тебе и посоветовать, — сказала Мария Петровна, внимательно выслушав мужа, а потом, еще раз все обдумав, добавила. — Дело, за которое ты взялся, имеет политический характер. Без какой-то причины целый народ не выселят. Ведь Сталин, который сидит там, наверху, все видит и знает. Он не допустил бы этого, не будь какой-то причины.

— Сердце мне подсказывает, что весь народ не может быть виновен, — твердил свое Николай Кузьмич.

Нет, Машенька, я ведь коммунист, советский человек, я не смогу успокоиться, утаив правду. Более того, не один я так думаю. Да и ты сама не веришь тому, что говоришь.

— Так-то оно так, Коля. Но если ты допустишь ошибку, не избежать нам беды. Не мне тебе говорить об этом времени. Споткнешься, сделаешь неверный шаг — исчезнешь бесследно. Кто знает, может и в нашем коллективе есть человек, желающий тебе зла. Поэтому, прежде чем что-то затеешь, сначала посоветуйся с Рахманкулом Жапаровичем. Ведь у вас друг от друга нет секретов...

III

Завуч школы Рахманкул Жапарович Юсупов внимательно выслушал то, что Николай Кузьмич рассказал ему по поводу Берсы. Но, узнав о решении директора вынести этот вопрос на педсовет, резко возразил.

— Нельзя этого делать, Николай Кузьмич. Такие вопросы на педсовете не обсуждаются.

— А что здесь такого? Разве не мы занимаемся воспитанием детей? Разве не мы должны заниматься разъяснительной работой среди населения?

— Но в программу нашей школы, в задачи, стоящие перед учителями, не входит обсуждение решений партии и правительства. Эти народы высланы по их решению. А обо всем остальном, я думаю, ты догадываешься и сам.

Николай Кузьмич встал.

— Выходит, ты боишься? — зло упрекнул он Рахманкула. — Если отступает старый большевик, вступивший в партию по ленинскому призыву, давший клятву выполнять заветы Ленина, то беспартийным учителям мне вообще не о чем говорить!

Рахманкул, вскочив, словно ошпаренный, энергичным движением снял очки, и, глядя ему прямо в глаза, словно пытаясь сфотографировать, остановил Николая Кузь-

мича, собравшегося уходить после этого сурового монолога.

Рахманкул... Гладкая, как яйцо, лысина, на которой не осталось ни одной волосинки, высокий, широкий лоб, умные, грустные глаза, худое, длинное лицо, белоснежная борода, широкий, с почти незаметной переносицей, словно приклеенный, приплюснутый нос...

Его — круглолицего, чернобородого, статного — восемь лет назад ночью подняли с постели и увели из своего дома. В тюрьме менее чем за три месяца ему изуродовали лицо, довели до седины, согнули, а потом отправили на Колыму. После многочисленных просьб, зазываний, на второй год после начала войны наконец-то ему удалось отправиться оттуда на фронт. Но ему, споткнувшемуся однажды, не удалось основательно встать на ноги: он, получив тяжелую рану в первом же бою, после длительного лечения в госпитале возвратился домой и жил, мирно работая в местной школе...

Николай Кузьмич очень сожалел о том, что так неожиданно наговорил ему. Он видел, как в эту минуту на высоком лбу Рахманкула появилась испарина.

— Товарищ Бородинка! Я сын большевистской партии, советской страны, — произнес он спокойным, но решительным тоном. — Да, и дал клятву выполнять заветы Ленина. Эта клятва в самые трудные дни моей жизни давала мне силы, терпение и мужество. Знай, что я до самой могилы останусь верным партии и народу!

Рахманкул, присев, протер голову и лицо платочком.

— Прости меня за то, что, не подумав, сказал эти слова, — попытался оправдаться Николай Кузьмич. — Понимаешь, Рахманкул Жапарович, мне очень жаль чеченцев... Ведь сегодняшний случай — не первый. Если оставлю это без внимания, мне будет стыдно перед самим собой. Мы же не только советские люди, а учителя, коммунисты. Тебе же ленинская национальная политика известна лучше, чем мне.

Когда Николай Кузьмич замолчал, Рахманкул посмотрел на него и добросердечно улыбнулся.

— Что ты мне-то доказываешь? — сказал он, приблизившись к нему и положив руку на его плечо. — Мне и самому это хорошо известно. Ты молод, поэтому вспыльчив. Такие вопросы нельзя решать наспех, это к добру не приведет. Более того, никогда осторожность не принимай за трусость. Если бы ты видел, пережил столько, сколько я, ты тоже был бы осторожным. Зачем нужно погибать, если это никому не принесет пользу? В тот год, когда меня арестовали, еще раньше забрали моих товарищей. Среди них были те, кто рос со мной с самого детства, и те, кто долго работал рядом... Хотя они и были арестованы как враги народа, я всегда был уверен в том, что это честные, преданные народу и партии люди. Я заступился за них, сказал правду. После этого и меня причислили к ним. Пока никому неизвестна их судьба. Никто не знает и того, что нас обвинили без всякого на то основания. Клеймо врагов народа с нас не смыто до сих пор. Если бы люди знали, что я чист перед партией, народом, родиной, как это знаю я сам, и умереть было бы не страшно. Я верю — такой день настанет, и поэтому в том, что произошло со мной, я не обвиняю партию. Мы находимся в империалистическом кольце. Это происки врагов, которые проникли в ряды партии, работают в партийных и советских органах. Но им не избежать ответа перед партией и народом. И говорю я все это для того, чтобы ты, допустив ошибку, не повторил мою судьбу. У нас нет секретов друг от друга, поэтому говорю тебе напрямик: слухи о том, что чеченцы предали Родину, что они бандиты, возникли не на пустом месте. Кто-то тайно распространяет их. А ты явно пытаешься реабилитировать чеченцев. Нет, Николай, я против того, чтобы выносить дело Берсы на заседание педсовета. Это слишком широкая публика. Я и сам знаю, что над этими народами учинена страшная несправедливость. Но если вечером, собрав учителей, мы прямо заявим об этом, то завтра вечером нас с тобой точно не будет дома. Это действительно так. Если ценой своей жизни

мы могли бы вернуть чеченцев на свою родину, то мы умерли бы, не моргнув глазом. А так мы просто погубим себя, и нисколько не облегчим участь чеченцев.

«Он говорить то же самое, что и Маша, — подумал Николай Кузьмич. — Среди учащихся школы пускает корни шовинизм, а я, директор школы, коммунист, должен оставаться посторонним наблюдателем. Нет, этого нельзя допустить...»

Николай Кузьмич, сев на стул, глубоко вздохнул.

— Так, значит, мы с тобой будем спокойно наблюдать за тем, как среди учащихся распространяется шовинистическая зараза? Так ты мне советуешь?

— Нет, Николай, я не говорил тебе этого. Я просто хочу предостеречь тебя, чтобы ты проявлял осторожность. От того, что вечером перед учителями ты поставишь вопрос о дружбе народов, обяжешь их проводить воспитательную работу в этом направлении, ситуация не выправится. Возможно, для выполнения твоего приказа или решения подсовета они что-нибудь предпримут, день-другой проведут с детьми беседы. Но они ни единого слова не скажут в оправдание чеченцев, просто не сумеют этого сказать. Если даже они все скажут по твоему, в детских сердцах это не найдет того отклика, на который ты рассчитываешь. Надо сделать так, чтобы учителя, а через них и учащиеся сами задумались над этой проблемой. Как ты утверждаешь, надо довести до их сознания мысль о том, что в мире нет плохого народа, что все народы должны иметь одинаковые права. Но как этого достичь? Над этим надо немного подумать. Я скажу тебе, о чем сам думаю. Видишь, Николай, ты — украинец, жена твоя — русская, а я — узбек. Мы трое, люди различных национальностей, думаем о чеченцах, пытаемся что-нибудь сделать для них. У наших советских народов единая родина, единые цели, единая судьба. Поэтому трагедия, боль одного народа из единой семьи советских народов воспринимается всем сердцем другими.

Юсупов налил полный стакан воды из графина, сто-

ящего на столе, выпил, легким движением руки разгладил седые усы.

— Чеченцев, до их выселения сюда, я никогда не видел. Мне было известно, что на Северном Кавказе проживают чеченцы и ингуши, что у них есть своя автономная республика. Но ничего больше о них я не знал. А когда везли сюда чеченцев, пошли разговоры, что они бандиты, разбойники, воры, которые могут просто так, как курицу, зарезать человека. Ни я, ни подобные мне не верили этому, но были и те, кто верил. Ты ведь сам обо всем этом знаешь. По-моему, в человеческой истории не было случая, когда обвинялся целый народ, когда он целиком подвергался наказанию. Если и был, я о нем не слышал. А когда их привезли сюда и бросили здесь — женщин, детей, стариков, — голодных, истощенных, расстроженных разлукой со своей родиной, их вид заставил меня задуматься над тем, что это за народ, за какое преступление он так жестоко наказан; пошел в библиотеку, покопался в справочной литературе. Короче говоря, я прочитал статьи в Большой Советской Энциклопедии о Кавказской войне, чеченцах и их республике.

Ровно два столетия этот народ вел героическую борьбу за свою свободу против царских колонизаторов. В этой двухсотлетней борьбе царские генералы беспощадно уничтожали их. Убивали, ссылали в Сибирь, переселяли в Турцию. Я очень удивляюсь тому, что чеченский народ вообще сохранился. Не желая смириться с рабским ярмом, в постоянной борьбе, он пришел к Октябрьской революции, первым стал на ее сторону, утвердил в своем крае Советскую власть и активно строил социалистическое общество...

То, что я узнал, заставило меня задуматься еще сильнее. Ведь вероломный народ не мог десятки лет вести успешную борьбу против самой большой, могущественной империи за свою свободу и независимость. Разве бандиты, предатели могли устанавливать Советскую власть в своем крае, с первых дней решительно став на сторону

революции? Я искал ответы на эти вопросы. «Нет, над этим народом совершена страшная несправедливость, — говорил я себе. — Может быть, среди него были предатели, бандиты. Они есть среди любого народа. Но народа-предателя, народа-злодея не было и быть не может. Это дело рук врагов народа, осуществленное тайно от народа и партии, или обманув их, воспользовавшись трудностями военных лет. Это не вызывает сомнения. Разве не таким же образом, без всякого на то основания, не был обвинен я? Разве не таким же образом невинно осуждены и уничтожены преданные партии и народу мои товарищи и друзья?» Но эти свои мысли я скрыл от других, потому что они опасны. Нужно действовать с умом, не лезть на рожон, а подойти с фланга. Если познакомить учителей и учащихся с этим народом, то я уверен в том, что они проникнутся уважением к нему. На уроках истории есть темы о Кавказской войне, о Шамиле. Есть произведения великих русских писателей, написанные с огромной любовью к чеченцам. Что, если на уроках, а также во внеурочное время использовать их?

Мрачное лицо Николай Кузьмича вдруг просветлело.

«Спасибо тебе, Рахманкул Жапарович, — Николай Кузьмич подошел и крепко пожал его руку. — Спасибо за то, что предупредил от ошибки, подсказал верный путь. Теперь я составил план, потом еще подойду к тебе.

«Сей, а же сам должен был додуматься до этого, — удивился сам себе Николай Кузьмич. — В самом деле, одними приказами ничего не изменить. Приказ — это и есть приказ. Главное, как говорит Рахманкул, чтобы они все делали сознательно, сами верили в то, что говорят. Сопляк и самый настоящий, хотя Рахманкул и не сказал мне об этом прямо. Хорошо, что Машенька направила меня к нему...»

Этой ночью Николай Кузьмич, закуривая одну сигарету за другой, долго размышлял об этом деле. В первую очередь, он обратил внимание на статью в учебнике по истории для 9-го класса о борьбе кавказских народов за свою свободу против царских колонизаторов. Ведь в ней са-

мое активное участие принял чеченский народ, который был самым многочисленным из них. Известны теплые слова, сказанные в то время Марксом, Энгельсом, представителями прогрессивной русской интеллигенции, в которых содержится высокая оценка чеченского народа. А во время гражданской войны? Читая работы Сталина, Орджоникидзе, Кирова, часто натыкался на строки, написанные ими о чеченцах. Что, если изучить историю чеченцев, провести вечер истории в школе? Делать это без всякого на то основания, наверное, не стоит. Как говорит Маша, в таком деле легко допустить ошибку. Это будет выглядеть как попытка реабилитации чеченцев. Все надо начинать в девятом классе. С темы, в которой освещается борьба кавказских горцев за свою свободу в девятнадцатом веке. Надо хорошо подготовиться к этому уроку, заинтересовать учащихся; да и Маша может оказать помощь. Ведь с Кавказом тесно связаны жизнь и творчество русских писателей. Что, если собрать всю имеющуюся об этом литературу и сделать в школьной библиотеке выставку?

...Когда директор неожиданно собрал педсовет, о котором раньше не было и речи, все были удивлены. Работа в школе шла нормально, ничего такого, что следовало бы обсудить, собравшись вместе, не было. Николай Кузьмич пришел, когда все уже собрались, и, сев на свое место, без всякой официальности рассказал о конфликте между ребятами.

— Как видите, у меня нет цели ставить этот вопрос на обсуждение, устраивать диспут, затягивать заседание, — сказал он. — Мы — советские учителя. Нет необходимости разъяснять вам ленинскую национальную политику. Я в селе и раньше слышал, да и вы, наверное, тоже, что некоторые несознательные люди распространяют о чеченцах слухи, которые не имеют никакого основания. Никто из нас не знает, за что именно выслан этот народ. Все народы нашей страны принимают участие в войне против гитлеровских захватчиков. Многочисленные народы — большее, малочисленные — соответственно, меньшее.

Но все проливают одинаковую кровь. И у чеченского народа много сыновей, которые сегодня героически сражаются на фронте. Кто знает, может быть, среди этого народа и были подонки, ненавидевшие Советскую власть, поднявшие предательскую руку против Родины. Они встречались среди любого народа и раньше, да и сейчас тоже есть. Но будет несправедливо, если из-за этих ничтожеств мы будем обвинять весь народ. Дети, женщины, старики ни в чем не виноваты. Плохие люди, преступники есть среди любого народа, но плохого, преступного народа в мире не было, да и быть не может. Народ — это народ. Был и останется. Если вы хорошо подумаете, то сами поймете, что чеченцы в большей беде, чем мы. Как парторг и руководитель нашего коллектива, я обязываю и прошу вас оберегать учащихся от этих слухов, а если среди жителей села встретится человек, который их распространяет, разубедить его.

Николай Кузьмич, отпустив учитель, непрерывно куря, еще некоторое время просидел в раздумьях. Он не считал, что этим разговором все проблемы будут разрешены. Привал есть приказ, но главное, чтобы они делали свое дело сознательно, убежденно.

Отложив все другие дела в школе, на следующий день Николай Кузьмич отправился в райцентр, провел весь этот день за книгами в партийной и районной библиотеках. Свою работу он начал с чтения 30-го и 61-го томов последнего издания Большой Советской Энциклопедии. После того, как прочитал в них статьи о чеченцах, он еще больше заинтересовался историей этого народа.

Большую помощь в осуществлении задуманного Николаю Кузьмичу оказывала Мария Петровна. Во внеурочное время она читала с учащимися произведения Пушкина, Лермонтова, Толстого, в литературном кружке подробно знакомила детей с фактами из жизни и творчества этих писателей, связанными с Кавказом.

После этого никто уже не слышал, что чеченских детей в чем-то обвиняют.

В такой ситуации и возникла своеобразная дружба между Николаем Кузьмичом и Берсой.

IV

Завершив проверку последней работы, Николай Кузьмич решил немного отдохнуть, прилег и вскоре вздремнул. Но его разбудил расплакавшийся Вова.

— Не нужно нам дров, бабушка, не нужно, — услышал он голос жены, доносившийся со двора. — Если бы в день приходили один или двое, еще ничего, вас же приходит несколько. Что я вам могу дать? Нет у меня ничего!

«Опять чеченцы, бедолаги», — тяжело вздохнул Николай Кузьмич. Потом встал, подошел к дверям, скрипя протезом, и выглянул наружу. Во дворе под дождем стояли две женщины с маленькими вязанками сырых дров за спинами.

— Маша! Пригласи их в дом.

Мария Петровна молча вошла, остановилась у дверей и недовольно посмотрела на мужа

— Что ты собираешься делать, пригласив их в дом?

— Что за вопрос? Собираюсь разделить с ними то, что у нас есть.

— Нет, мой дорогой, довольно. Мы и сами с трудом перебиваемся. Более того, они украли и те шесть кур, которые я с таким трудом вырастила. Вчера ночью утащили последнюю.

— А что, эти женщины украли твои куры?

— Не знаю. Но украли их чеченцы.

— Вот таким образом человек совершает ошибку! Кто знает, может быть, и среди чеченцев есть несколько подонков, из-за которых выслали весь народ. Наказаны безвинные женщины, дети, старики. И ты тоже хочешь поступить подобным образом. Кто-то украл твои куры, и ты хочешь обвинить в этом всех здешних чеченцев. Ты не права, Машенька. Во всех кражах, совершенных здесь, обвиняют именно их. Кто-то ловко пользуется ситуацией, сваливая все на чеченцев... «Именно они украли мои

кур! Я это хорошо знаю!» Боже мой, какой вред нам нанесла! Шесть кур! — качая головой Николай Кузьмич, скорчив трагическую гримасу на лице.

— Омойся, омойся. Тебе можно смеяться, ведь твоя забота только в том, как съесть то, что я приготовила, — обиделась Мария Петровна.

— Ой, Машенька, это ведь всего лишь шесть кур. Нельзя так расстраиваться, если пропадет даже шесть цыплят. Правильно крадут! Не умирать же им от голода? Если наступили трудные времена, то не надо опускать руки и ждать смерти, а нужно бороться за жизнь. Если ты хочешь знать правду, то я испытываю симпатию к этим беднягам. Ты же и сама знаешь их историю. Никогда, ни разу не смирились, отчаявшись. Нет, Машенька, не случайно их уважали многие выдающиеся представители русской прогрессивной интеллигенции. Настоящие гордые орлы! А теперь пойд и пригласи их. Неприлично оставлять двух бедолаг во дворе под дождем.

Гнев Марии Петровны, неожиданно вспыхнувший при воспоминании о своих покинутых курах, так же неожиданно угас. Что бы ни говорила, в душе она чувствовала совсем иное. Когда у нее появлялось желание сделать что-то хорошее, и тут узнавала о том, что то же самое хочет и муж, она искренно радовалась.

Нарезавшиеся грядью женщины, сняв вязанки дров со своих спиц, вошли в дом, тихо поздоровались и смущенно остановились у входа.

— Ой, Зану, это ты? — удивленно поднялся со своего места Николай Кузьмич. — Миша, ты знакома с ней? Нет? Извини, Зану... Ты очень изменилась. Машенька, поставь к столу еще один стул!

Машенька, деи на стулья, которые хозяйка дома поставила у стола, отодвинув их ближе к выходу, стали смущенно оглядывать комнату. Как не смущаться, когда в этом доме все было чисто, а они были в грязи, промокшие насквозь? Что, если они им неприятны? Иначе и не может быть. С растаявшей в теплой комнате обуви стекала вода, образуя на полу маленькие лу-

жицы. Мучил зуд, но чесаться было нельзя. Ох, как они сожалели, что зашли! Хозяева поддерживают порядок в доме, это добрые, воспитанные люди. Стоило ли заходить, если хозяева даже и пригласили из-за вежливости? Кто знает, что у них на душе? И зачем нужно было стеснять их? Но как хорошо в этой теплой комнате! Доносился приятный запах свежее испеченного хлеба, соленых огурцов и помидоров, от чего потекли слюны. До чего же было бы хорошо, если хозяйка дала бы им по одному огурцу...

А согревающиеся тела все больше и больше чесались.

— Машенька, дай им хоть что-нибудь перекусить. Бедная Зану, беды утомили тебя. Помнишь, как в прошлом году вместе с твоим мужем я приходил к вам? — спросил Николай Кузьмич. — Да, безвременно ушел от нас Маил. Что делать, такова жизнь... Умершего хоронят, оставшийся живет. В наше время всем приходится трудно. Война принесла беду в каждый дом. Ты живешь в том же доме, что и раньше?

— Нет, теперь я живу у деверя.

— Это тот, с искалеченной рукой? Он не был на фронте?

— Да нет, не был. Некогда на свадьбе, во время ссоры, кто-то ударил его кинжалом...

— Ссора — дело последнее. Более того, зачем пускать в ход кинжал? Нельзя ли разрешить ссору без оружия?

Зану отвечала на вопросы Николая Кузьмича короткими фразами, не углубляясь, так как плохо знала русский язык, а Хелипат, которая не знала его вовсе, сидела молча. А Николай Кузьмич, изо всех сил стараясь поднять их настроение, говорил безумолчно.

Пока они разговаривали, Мария Петровна накрыла стол и пригласила женщин. Взгляд их был прикован к тарелкам с супом, от которых поднимался густой пар, и кускам мягкого ржаного хлеба. Несколько картошек, видневшиеся в супе, казались им кусочками сушеного курдюка, а при виде тарелки с маринованной капустой у них опять потекли слюны. Но две женщины не сразу уселись за стол. Только некоторое время спустя, посмотрев друг на друга, они

оставили, придвинули свои стулья поближе, уселись, взяли ложки и медленно сделали по глотку. Боже мой, каким вкусным казался им сделанный из свежей капусты и двух-трех картофелин суп; казалось, что ничего подобного они никогда не ели! Хотя уже два-три дня у них во рту не было ни единой крошки, как бы из-за этого ни кружилась голова, ели они не спеша. Долго, с удовольствием жевали хлеб, отламывая маленькие кусочки, не давая упасть не единой крошке, боясь, что он закончится, маленькими беззвучными глотками ели суп, изо всех сил стараясь растянуть время, проводимое за столом.

— Накорми их досыта, если нам даже крошки не останется, — говорил Николай Кузьмич жене. — Эх, бедолаги, откуда у них могут быть силы, чтобы таскать дрова с гор? В этот ненастный день, из такой дали...

Мария Петровна с кастрюлей подошла к ним, вновь наполнила тарелки. Николай Кузьмич заметил, что Хелинат ела один лишь суп, а к лежащим перед ней двум кускам хлеба не прикасалась.

— Ешь и хлебом, — сказал он, дополняя слова жестами.

Виновато улыбувшись, та сказала несколько слов Зану.

— У нас дома трое детей. Уже несколько дней у них во рту не было ни единой крошки. Если вы разрешите, то она не будет есть этот хлеб, а заберет с собой, — с трудом подражая русские слова, перевела Зану свой разговор с Хелинат.

На широком, поверх густых рыжеватых бровей, лбу Николая Кузьмича образовался сгусток морщин, ресницы подрагивали. Глаза невольно наполнились слезами. Он встал, перешел в другую комнату и позвал Марию Петровну.

— Машенька, дорогая моя... — утирая платочком слезы, дрожащим голосом произнес он.

— Что случилось, Копя?

— Я прошу тебя... Отдай этой женщине весь хлеб, который у нас есть. Подумай, они такие же женщины,

как и ты. Как мы нашего Вову, они тоже любят своих детей. Им так трудно...

Расстроенная словами Николая Кузьмича, Мария Петровна выглянула в окно. Во дворе никого не было видно. Мрачное, свинцовое небо, морозящий холодный дождь со снегом, какая-то гнетущая тишина вокруг...

— Кто знает, может быть, Сталин и допустил ошибку, — тихо проговорил он. — Он ведь тоже человек. А человек не может не ошибаться! Ошибка! Разве такой бывает ошибка?! Уничтожены десятки тысяч коммунистов, деятелей партии и государства! Без объяснения причин, без суда! Пусть и это тоже ошибка! Но осуждать целые народы, выселяя их из родных краев? Это явно жестокий и преступный акт!

— Коля, — вскрикнула Мария Петровна, — прошу тебя, держи свои мысли при себе! Я ведь и сама все понимаю. Даже те, кто стоят повыше нас, не смогли предотвратить это зло. Действительно, тысячи людей уничтожено, как враги народа. Кто знает, может быть, как и ты, они тоже не были согласны с этим произволом, добивались правды, за что и поплатились. А мы с тобой, двое рядовых коммунистов, учителя сельской школы, не в силах утвердить справедливость в мире. Но если станет известно о наших взглядах, мы с тобой исчезнем бесследно...

Николай Кузьмич, который ходил по тесной комнате, слушая жену, вдруг остановился и обратился к ней.

— Нет, Маша, не смогут нас уничтожить, — выделяя последнее слово, сказал он. — Таких людей, как мы, миллионы. Будет и на нашей улице праздник. Время покажет, что было ошибкой, а что — злодеянием. А теперь сходи в ту комнату, утешь этих женщин.

V

Посреди гор, в долине, где проходит граница между двумя республиками, на ровной плоскости расположилось село, разделенное прямыми улицами. Оно осно-

иано недавно. Тополя, посаженные по улицам, еще не пошли в рост. Так же молоды и деревья в садах. Плодоносят лишь третий-четвертый год, не больше. Повсюду — разрастающиеся сады, благоустраивающиеся улицы и дома.

Это центр горного района. Чеченцы здесь не живут, но днем можно встретить чеченских женщин, мужчин, детей, медленно идущих сюда из окрестных сел пешком или на случайных попутных подводах.

Муса пришел в это село лишь во второй раз, но все же он легко нашел больницу. Чтобы спросить, где она находится, не обязательно хорошо владеть языком. Называешь больницу, каждый понимает, что нужно. Теперь он стоял, поочередно вглядываясь в два из многих окон длинной белой постройки на высоком каменном фундаменте. На железную кровлю здания с шумом падали капли дождя. По краям крыши стекала накопившаяся в желобах дождевая вода. Промокший, замерзший Муса дрожал, словно в ознобе. Но он не обращал внимания на мороз.

Еще один человек, который стоит у окна чуть подале, пригнувшись к стеклу, громко кричит, пытаясь говорить с большим, находящимся внутри. Муса знает его. Это Алха из Покровского. До войны он работал учителем. Муса был первым, кто встретился ему тогда, когда пришел в Покровское после домобилизации чеченцев из армии. Тогда он был одет в офицерскую форму, с орденем и двумя медалями на груди. Теперь на нем офицерская шинель, перетянутая широким ремнем. На голове ушанка, а на ногах хохлы. Но на плечах шинели все тот же, а на шапке — звездочки. Старший брат Алхи погиб в Сталинграде. Теперь их осталось трое. Все крепкие, здоровые, добрые. Из-за того, что не нашлось работы в Покровском, он устроился на колхозную ферму в горах, вместе с семьями своих братьев. Поэтому они еще держатся, живут нормально. Правда, отца, который недавно заболел, привозили сюда в больницу. Наверное, Алха пришел навестить его...

...Прошел уже целый месяц с тех пор, как Муса отправился далеко в горы, на заготовку леса для колхоза. У него, пятнадцатилетнего мальчика, конечно, нет сил для того, чтобы валить лес, перетаскивать бревна по склону горы к реке, сплавливать их, сбрасывая в быстрый поток, а затем вылавливать внизу и вытаскивать из воды. Но он не мог сидеть дома. Его отец – семидесятилетний старик. Так же стара и мачеха. У них здесь нет ни родственников, ни односельчан. Да и неизвестно, где они теперь находятся. Хорошо, что до последнего времени никто в семье не болел. Первые два-три месяца после выселения перебивались двумя мешками кукурузы, вывезенными из дома. После старались выжить, собирая пшеничные и ячменные колосья в поле, а также дикие плоды. Но когда наступила зима, остались без единого зернышка хлеба. В течение месяца они продали или обменяли все, что было возможно. Теперь о работе нечего было и думать. Ведь наступила зима. Единственное место, где можно работать зимой – животноводческая ферма. Но если и найти работу, как с ней справятся старики? Более того, мачеха есть мачеха. Даже тогда, когда жили хорошо, к пасынку она относилась очень плохо. А теперь, когда пришла нужда, вообще распоясалась. Как только отец отлучался, начинала требовать от Мусы, чтобы он начал просить подаяние. Когда она впервые сказала ему об этом, Муса ужаснулся. Просить подаяние! То, что чеченцы всегда считали позором! Ни он, ни семь его предков не видели, чтобы чеченец просил подаяние! Он воспротивился. С тех пор в этой маленькой семье начался раздор. Правда, о конфликте между своей женой и сыном отец не знал. Муса долго терпел неприятности, которые доставляла ему мачеха. Он сносил обиды, чтобы не расстраивать старого отца, чтобы из-за него между ними не возникло ссоры, но теперь она требовала от него невозможного. Пусть умрет с голода!

– Если кто-нибудь увидит, позор ляжет даже на потомков. Я не стану этого делать, нани, – решительно возразил Муса.

— Так мы должны умереть с голода? Или ты надеешься на то, что я, старуха, возьму хурджины и сама пойду побираться? Или твой старый отец будет ходить по чужим дворам, оставив тебя сидеть дома? — кричала на него матека. — Иди туда, где нет вайнахов. В райцентре не живет ни один чеченец. Не крутись по центру села, проси на окраинах. Походи по дворам, люди добрые, что-нибудь подадут.

Муса промолчал. Если подумать, то, с одной стороны, матека права. Нельзя лежать дома и умереть от голода, считал. Что просить подавание — это позор. Нельзя также допустить, чтобы отец пошел вместо него. Было бы хорошо, если кто-нибудь занялся этим за Мусу. Он не хотел, чтобы такое постыдное занятие в народе повалилось от него. Кто знает, может быть, кто-то тайком где-то уже занимается этим? Может быть, то, что одолевает он, тоже останется тайной? Но если нет? Об этом нельзя и думать. Лучше умереть с голода.

Несколько дней его одолевала буря сомнений. С каждым днем настроение склонилось к тому, что говорила матека. Правда, это было не ради самого себя или, тем более, не ради матеки. Сердце его таяло при виде старого отца, который день ото дня терял силы, здоровый цвет лица, становился беспомощным.

«Нет, надо найти способ оказать ему помощь, — решил он, наконец, — если отец умрет от голода, что я скажу его и своим братьям при встрече?»

На второй день после принятия такого решения, став рано утром, Муса пришел в это село с мешочком под мышкой. Прошелся по одной улице, несколько раз останавливаясь у домов. Но не решался переступить чей-то порог, протянуть руку хозяевам. Смелый! Почему он страшится ее? Что может быть выше своей чести, чести своей семьи, своего народа? Лучше умереть, чем жить без чести! Но зачем умирать? Что, если выходить по ночам, красть оттуда, где есть? Лучше заниматься воровством, чем просить подавание!

Муса, увлеченный этими мыслями, незаметно для самого себя очутился перед длинным, старым сараем, стоящим на окраине села. Возвращаться к мачехе с пустым мешочком нельзя. Тем более, они все трое голодали. Откуда угодно, но нужно что-нибудь достать на ужин. А кто знает, может быть, именно в этом сарае можно найти что-нибудь съестное. Чуть поодаль ходят куры. Из сарая, хрюкая, выскочили две свиньи. Они бы не совались туда, если там ничего нет. Как замечательно было бы, если там он нашел яйца!

Муса вошел в сарай. Еще две свиньи копошились в кучах мусора, валявшихся на полу. Когда глаза немного привыкли к темноте, Муса понял, что кучи состоят из ботвы, оставшейся осенью при заготовке свеклы, морковки и капусты. Свиньи знали, что делают.

Когда Муса вошел, свиньи, бросив свою «работу», утаивались на него. В клыках одной из них была большая белая свекла. У Мусы заблестели глаза. Если бы в клыках свиньи был жемчуг, он бы и не обратил на него внимания. Но то, что он видел, было целое состояние, способное утолить его голодную душу. Проглотив слюну, он закрыл двери сарая и, выдернув палку из стойла, направился к свиньям. Они отбежали, подняв свои короткие тонкие хвосты, хрюкая. После нескольких ударов палкой свинья уронила свеклу. Он поднял ее, очистил и, не теряя времени на разжевывание, съел всю. Затем открыл двери, выгнал свиней на улицу и занял их место на кучах ботвы.

Первая найденная маленькая свекла воодушевила его — это не бесполезная работа! Найти хотя бы столько, чтобы на сегодня успокоить мачеху. Завтра он что-нибудь придумает. Две морковки! Сердцевина капусты! Если дело и дальше пойдет так успешно, у них будет пропитание на ближайшие два-три дня!

За час-другой мешочек Мусы наполовину наполнился, но он продолжал перебирать мусор из-за жадности. Нет, если даже найдет еще, больше невозможно унести. Он вернется завтра. Но это место нужно дер-

жить в тайне. Если кто-то узнает, сюда потянутся люди. Тогда они за один день прошерстят эти кучи...

То, чего боялся Муса, случилось. Как он ни старался скрыть, люди узнали, где находится такое богатство. В то время трех дней люди раз девять перебрали кучи ботвы. Его семья опять осталась голодной. Чтобы выжить, нужно было воровать, ничего другого не оставалось.

— Дед, что мы так и будем постоянно голодать? — спросил он однажды вечером отца.

— А что нам делать? Все во власти Всевышнего, — ответил тот, продолжая перебирать четки.

— Другое же находит выход, пусть даже путем воровства. Ты же самовол буду делать и я.

— Что ты сказал? — до тех пор лежавший отец присел. — Воровство? Кого ты хочешь обворовывать! Ты не рехнулся?

Глаз отца быстро прошел, когда сын ничего не сказал ему в ответ.

— Ради Бога, сын, больше никогда не думай об этом. Воровство — позорное занятие. Оно запрещено по мусульманским законам, и по чеченским обычаям является недостойным делом. Да и у кого ты хочешь воровать? Местные жители сами с трудом сводят концы с концами, им ничего отдавать нам. Несмотря на это, они и так стараются делиться с нами тем, что у них есть. Позор нам, если дотронемся к имуществу этих замечательных людей.

— И буду красть не у людей, а у колхоза... — тихо проговорил Муса.

— Какая разница? И колхоз, и государство принадлежат народу. Все создано человеческим трудом. И колхоз, и государство помогают нам. Разве прошлым летом и осенью мы перебивались не тем, что нам выделил колхоз? Смотри, не делай этого. Как бы ни поступали биротлы из-за безысходности, не думай, что это прилично. Это позорное занятие. Нас всего трое, нет вдовыных детей, которые будут плакать от голода. Скоро наступит весна, появятся крапива и лук...

Он свернул четки, которые перебирал, засунул их в карман бешмета и опять обратился к сыну:

– Помнишь, сын, когда ты учился в школе, как рассказывал мне по ночам из книг о гнете, который испытывали простые люди, народы при царизме, о революции, установлении Советской власти в нашем крае? – спросил он у Мусы.

Конечно, он помнил. Ведь это было всего два-три года назад. Однажды, когда он читал книгу «Чрезвычайный комиссар», отец, увидев на ней фотографии чеченцев, попросил читать вслух. Он внимательно слушал, прикрыв глаза и перебирая четки, изредка довольно кивая головой.

Когда Муса закончил чтение, он сам рассказал о том, как они, чеченские бедняки, боролись за Советскую власть, как однажды видел Орджоникидзе, о многом и многом другом.

– Лет двенадцать назад из-за засухи на Украине начался голод и, спасаясь от голодной смерти, в поисках хлеба в наши края оттуда пришло много людей. Мужчины, женщины, дети. Целыми семьями. Голодные, раздетые. В Чечне не было голода. В горах сохранились хозяйства. Поэтому они стремились туда. Но и у чеченцев не было особого избытка. Тогда в Чечне сложилась такая же ситуация, как у нас, приехавших сюда, и у местных жителей. Правда, сюда нас привезли много. Их было не так много. К тому же, они пришли по своему желанию, а нас вывезли насильно. Я хочу сказать о том, что они, в каком бы трудном положении не находились, никогда не дотрагивались до чужого добра. Они ничего не крали и не просили – просто просили работы. Жалко было несчастных. При виде голодных, раздетых детей ныло сердце. Они работали только за то, что их кормили.

Но трудно было и им, и нам. Бедолаги, как теперь и мы, они думали только о том, как бы выжить. Матерям стали в тягость свои дети. У них не было возможности прокормить их, спасти от голодной смерти. А ведь дети

вдоль дороги родителям. Матери не хотели, чтобы на тропах у них они умирали с голода. Поэтому они искали тех, кто был способен приютить их. Бездетные семьи брали детей. Ох, Муса, тебе повезло, что не видел этих матерей! Мать с плачем покидала село, отдав своего ребенка знакомым людям из другого народа. Закапавшие в боях мужчины из нашего села плакали от боли при виде матери, не сумевшей пристроить своего ребенка и убивавшей, бросив его где-то в центре села или у дороги, горько рыдая, заткнув руками уши, чтобы не слышать плач.

Ты помнишь Петимат, Элижу и Мархет? Жабраила, сына Керима, дом которого стоял выше, на склоне? Родившегося, плохо говорившего на чеченском языке? Это были дети, оставленные тогда в нашем селе, и воспитанные чеченцами. Те, которые не знают всей правды, думают, что это их родные дети... Таких детей еще много. Но через два-три года, когда прошел голод, некоторые вернулись и забрали своих детей. Небольшое количество женщин вышли замуж за чеченцев, создали семьи, остались жить среди нас.

Старцы, раздумавшиеся, на некоторое время замолчали.

— Подишь, Муса, человек не всегда пребывает в одиночестве. Эта страна — наш дом, все живущие в нем народы являются одной семьей. Когда кто-то из племен попадает в беду, другие приходят на помощь, стариком оказать поддержку. Здешние народы тоже пытаются на все свои силы помочь нам, найти барана, который мог бы облегчить нашу боль. Разве будем справедливо относиться к ним бесчестно? Ты задумал сделать дело. Теперь все находится на фронте. Все, кто способен носить оружие. Старики, женщины, оставшиеся дома, трудятся для того, чтобы накормить, одеть, вооружить их. Если мы, находясь дома, не будем работать, жить дружно, если начнем воровать, то будем и голодать, и мерзнуть. Будем испытывать трудности и умирать.

Мы должны переносить все тяготы, быть терпеливыми. Тем, кто находится на войне, значительно труднее, чем нам. Если присмотреться, то здесь невозможно найти ни одной семьи, которую война не лишила бы отца, сына, брата. Нет ни одной семьи, в которой надеются досыта. Они терпят. И, несмотря на трудности, они по мере своих сил помогают нам. Нельзя обворовывать их. Стыдно. То, что ты задумал, нехорошо и перед Богом, и перед государством. Надо потерпеть, Муса, надо...

Муса стал терпеть. Спустя некоторое время он услышал, что в лесхоз направляют людей на заготовку леса. За месяц платили два пуда кукурузы, по килограмму меда и масла. Он решил пойти туда. Правда, председатель колхоза Сапар долго противился, говорил, что он еще слишком молод. Но откуда ему было взять взрослых? Их просто не было. То, что под силу женщинам, может сделать и он. Наконец, убедившись в том, что Муса не отступит, Сапар дал согласие. Оставив все полученные продукты дома, мальчик вместе со своими товарищами отправился в лесхоз. К счастью, у русских женщин и киргизских стариков, находившихся с ним, были какие-то припасы. Зная о том, что его семья находится в бедственном положении, они понемногу делились с ним тем, что у них есть, не оставляли голодным.

...Позавчера, спустя месяц, как он отправился на заготовку леса, соседи передали ему, чтобы срочно вернулся домой, так как отец и мачеха в тяжелом состоянии находятся в больнице.

Сейчас он находится под окнами больницы. То подходит к одному, где лежит мачеха, то к другому, где отец. Он протоптал дорожку между этими двумя окнами. У него нет возможности разговаривать с ними, он просто смотрит на них. Мачеха находится в крайне тяжелом состоянии. Она без сознания. Увидев Мусу у окна, Магомед с трудом присел и что-то сказал. Но Муса не слышал его. Магомед снова прилег. Муса долго смот-

ред на длинную седую бороду отца, с трудом отличающуюся от белой подушки, на заострившийся нос на вытопанной пице, угасшие глаза... В голове путаются мысли, одна страшнее другой. По щекам текут горькие слезы.

В горле давит ком, словно пытаюсь задушить его. Он утирает рукой щеки, но слезы продолжают литься. Эх, зачем! Они умирают... Ведь смерть настигает каждого. И родители не вечны. Когда-нибудь умирают. Умрет и сам Муса. Но это его гнетет. Другое заставляет лить слезы, тревожит душу. Ему жалко их, умирающих и тоже по родине, по своим родным и близким. Что ему делать, если они умрут? Нужно ведь увезти их домой из больницы, подготовить и похоронить... Кто станет рядом с ним? Кто утешит его маленькое сердце? Как он вернется в холодный, пустой, бедный дом? Что будет с ним после их смерти? Где же находятся его сестры? Чаян ли Шакид? Не ведают они, в какой тяжелой ситуации он сегодня оказался...

Муса яростно пытается не заплакать навзрыд. Было измучено и перед Алхан, рассказывающим под окном Чупе придира от него. Ведь он не маленький, ему уже пятнадцать лет. Неудобно, если его увидят плачущим. Но все равно сердце это горе на душу! Оно подступает к горлу, становится невозможным больше его удерживать...

Слезы скатываясь, никто не ведаёт, какое у него большое горе! Прежде чем громко зарыдать, он устремляется к выемному забору больницы, стараясь отойти подальше от Алхи. Но у него не хватает сил, чтобы удержаться эти несколько секунд.

На его груди вырывается глухой плач...

Он долго стоит, повернувшись спиной и прислонив голову к забору. Не замечает, как подходит к нему Алха, кладет руку на плечо...

— Не плачь, парень, — слышит он, словно во сне. — Не плачь. Хотя ты и маленький, но чеченцу не подобает плакать. Нельзя возноситься, когда тебе сопутствует

удача, и нельзя плакать, когда наваливается беда. Перед трудностями нельзя падать на колени, а нужно, собрав все силы, хоть качаясь, идти вперед! Подними-ка свою голову.

Алха, обхватив рукой, притягивает Мусу к себе. Потом он берет его под руку и вместе с ним направляется к больнице.

— Как тебя зовут?

— Муса.

— Так вот, Муса, я наблюдал, как ты ходил под окнами. Я видел, как ты, подавленный горем, отходил от меня подальше. Человек не всегда остается здоровым и не вечен. Но тот, кто заболел, даже тяжело, не всегда умирает. Я сегодня видел твоих родителей. Мать в тяжелом состоянии, но Магомеду лучше. Родители не вечны. Умерли их родители, и мои умрут, когда-нибудь умрем и мы. Такова жизнь. И ты это знаешь. Тебя гнетет другое. Ты переживаешь, что будет с тобой, если они оба умрут, как будешь жить без них. Даст Бог, они поправятся. Но если они даже умрут, прожив срок, отведенный им Богом, я похороню их, как это сделали бы их братья и сыновья, а за тобой, пока не найдутся твои близкие, я буду ухаживать, как за родным сыном. Мы, трое братьев, будем тебе вместо отца и братьев, когда понадобится. Не падай духом. Тем более, ты не один оказался в такой ситуации. Больному здесь оказывают помощь, вылечивают. Государство берет опеку над теми, кто остается без родителей. Не видел при въезде в село большой, длинный, белый дом, окруженный садом? Это интернат. Там живут и несколько чеченских детей. Их кормят и одевают, у них есть чистая, мягкая постель, учителя. Какие бы трудности ни испытывала страна, она не оставляет человека в беде. Пойдем, сейчас навестим Магомеда.

Когда вошли в длинный, чистый коридор, они встретились с медсестрой.

— Что вам нужно, товарищи?

— Мы хотели бы навестить больного.

— Кого это?

— Магомеда из Покровки.

— Фамилия?

— Я не знаю. Их привезли вместе — мужа и жену. Помню, старик находится в палате вон за той дверью.

Медсестра покачала головой.

— В нем нельзя. Он почти не может разговаривать.

— Но у нас возникла ситуация, при которой это необходимо.

— Нет, нельзя. Понимаете, он еще в тяжелом состоянии.

Алха, взяв под руку медсестру, отошел вместе с ней и начал тихо о чем-то говорить. Медсестра слушала Алху, иногда поглядывая на Мусу и понимающе кивала головой. Потом зашла в дежурку и быстро вернулась с халатами.

— Что, парень, переживаешь? — спросила она, помогая Мусе надеть халат. — Твои родители скоро поправятся и вернутся домой. Старик настоящий мужчина. Он перенес такой тяжелый недуг. Сегодня чуть-чуть и перекушает. Сам сидит в постели. Ты не переживай, мой хороший! Скоро они вернутся домой. Немного потерпи, и все будет хорошо.

Как бы ни было, слова Алхи и этой доброй русской девушки успокоили Мусу. Когда в лесхозе люди проявляли заботу о нем, он не сумел достаточно оценить их. Тогда он не был в таком тяжелом положении. А теперь, когда на него обрушилась беда, когда думал, что остался наедине с ней, Муса почувствовал, что не одинок, ощутил человеческую доброту. Когда они вошли в палату, Магомед попытался привстать, отвечая на приветствие. Но Алха, поймав его исхудавшую руку, остановил его нежным прикосновением к плечу и присел на стул рядом с ним.

В палате вместе с Магомедом лежали еще трое. Алха с первого взгляда определил национальность каждого из них. Старик с большими седыми усами, с длинноватым носом на худом лице был грузином. Лежащий на-

против него в тюбетейке был узбеком. А на кровати в углу лежал мальчик-чеченец.

Возле Магомеда стояла тумбочка, где находились скудные продукты – кусочек черного хлеба, узбекская лепешка, гроздь сушеного винограда и несколько яблок.

– Пришли навестить старика? – спросил грузин. – Очень хорошо. Хороший человек Магомед. Благородный. Когда привезли сюда, дела у моего земляка были плохи. Но мы, кавказские старики, твердые, как камень. Мы не умрем, будьте спокойны. Когда вы вернетесь к себе домой, я приеду в гости к Магомеду. А потом мы вместе с ним поедem на мою родину, в Кахетию. Там мои старые друзья поставят перед нами кувшин, наполненный вином. Будем есть хачапури, запивая вином, играть на чангуле и танцевать с грузинскими девушками. Но мой генацвале не согласен пить вино. Говорит, что оно запрещено Пророком Мухаммадом. Ничего, если выпить в такой день, греха не будет. Но танцевать будет. С самой красивой девушкой из нашего села. Да, генацвале?!

Магомед, улыбаясь, крутил головой.

– Если бы не эти трое, а также русская девушка, которая заходит сюда, мне было бы очень трудно, – сказал он, когда грузин замолчал. – Половину своих продуктов отдают мне. А эта девушка каждый раз, когда приходит на работу, приносит что-нибудь для меня. Не слушается, когда я говорю, что не нужно, что не стану есть. Отправляет в другую палату, жене. Постоянно шутят, пытаются сделать приятное мне... Веселый человек этот грузин. Он несколько раз бывал в Чечне... У узбека, который лежит вот там, нет жены. Тоже шутит, говорит, как только поправится, женится, пригласит меня на свадьбу. Хорошие люди. Очень переживают за чеченцев. Они вылечили меня.

Зная, что у зашедших в палату очень мало времени, товарищи Магомеда прекратили разговоры и утихли...

«Ох, Шахид, в какое тяжелое положение ты поставил меня! — думал Алха, положив свою холодную руку на горячий, изрезанный морщинами, высокий лоб Магомеда... — Кто думал, что я застану твою семью в таком положении? Они ждут твоего возвращения, верят в то, что ты еще жив. А тебя, лишенного какими-то безжалостными людьми родившей и взрастившей тебя матери чеченской земли, словно зная о том, что ты остался сиротой, приняла в свое лоно далекая белорусская земля».

Прошлым летом, в последние дни июня, кавалерийский механизированный корпус генерала И. А. Плиева, в котором служил Алха, вместе с наступающими по всему фронту войсками подошел к Бобруйску. Однажды вечером, во время короткой передышки на их участке фронта, когда появилась возможность чуть-чуть передышнуть, к Алхе, который со своим эскадроном остановился в небольшом кутуре, подошел незнакомого ему молодого сержанта.

— Товарищ капитан, вы чеченец? — спросил он, забыв о приветствии.

— Да. А что ты спрашиваешь?

После того, как чеченцев и ингушей выслали, над солдатами и офицерами этих народностей стали осуществлять особый контроль функционировавшие в войсках сотрудники органов государственной безопасности. Но при этом братство между боевыми товарищами — представителями разных народов сохранилось, не претерпев никаких изменений. Однако действия этих органов, которые осуществлялись тайно, потихоньку поколебали доверие в сердца некоторых военнослужащих.

Через некоторое время со всех фронтов рядовых солдат из чеченцев и ингушей отправили в тыл. Зная, что там же самое ожидает и офицеров, Алха переживал, ког-

да приходил кто-нибудь из штаба полка или его вызывали туда.

— В селе, расположенном неподалеку отсюда, находится мой друг, который тяжело ранен. Он чеченец. Ранено его сегодня... Есть опасность, что он умрет... Он попросил меня привести к себе кого-нибудь из чеченцев до того, как умрет или отправят в тыл. Ему стало известно, что вы служите в этом полку. Понимаете, товарищ капитан, без вас я не могу вернуться к нему, даже если придется применить силу... Если б вы знали, какими мы были друзьями! Он начальник разведки нашего дивизиона. Исключительно мужественный, отважный, добрый... Мы с ним вместе с самого начала войны. Если бы вы знали, какой он замечательный парень!..

— Он далеко отсюда? — спросил Алха.

— Пять-шесть километров.

Алха отправился к командиру полка и рассказал ему возникшем деле. Полковник, зная душевное состояние Алхи в последнее время, не стал возражать и отпустил его на всю ночь.

Менее чем за полчаса они доскакали на конях до сожженного дотла хутора, некогда располагавшегося посреди леса. В одной из комнат единственного, каким-то чудом уцелевшего дома лежало несколько солдат. Вокруг них, стонущих, бредящих, суетились медсестра и хирург в чине капитана. Сержант подвел его к лежащему в глубине комнаты на плащ-палатке раненому, грудь и голова которого были перебинтованы. Раненый, приоткрыв глаза, взглянул на Алху. Тот, стараясь подбодрить его, поздоровался.

— Ва алейкум салам! Извини, что не встаю, — когда раненый вдыхал воздух, его грудь напоминала дырявые меха.

— Лейтенант Магомадов, вам вредно разговаривать! — крикнул стоявший у окна капитан-хирург. — Побереги себя до отправки в тыл, набирайся сил. Я жду машину, она вот-вот должна подъехать.

Лейтенант улыбнулся.

— Алексей Иванович, зачем вы так говорите, зная, что я никогда не боялся смерти? Я ведь останусь здесь. Поэтому, давай лучше поговорим... — раненый посмотрел на сержанта. — Спасибо тебе, Вася... Беда, постигшая нас, которую вам трудно понять, заставила меня пригласить к себе моего земляка. Если бы ты знал, Вася, какую услугу ты оказал мне, какую большую радость принес... Мы, чеченцы, маленький народ. Поэтому в войсках служат мало чеченцев... На фронте, растянувшемся на тысячи километров, трудно найти моих земляков, разбросанных среди миллионов воинов по несколько человек... Но, как всегда, ты справился с поставленной перед тобой трудной задачей... Спасибо, Вася... А сейчас, если вы разрешите, я поговорю с земляком на родном языке... Назови свое имя... — сказал он, глядя на Алху.

— Меня зовут Алха

— Откуда ты родом?

— Из Ведено.

Раненый на некоторое время замолчал, переводя дыхание.

— Мне кажется, что время, отведенное мне, будет исчисляться лишь минутами... Поэтому я постараюсь очень быстро сказать то, что хотел... Если бы чеченцы жили у себя на родине, в своих селах, то товарищи, командование сообщили бы нашим семьям о наших судьбах. А теперь о моей или твоей гибели наши семьи и не узнают. Мы не знаем ни о том, где они сейчас находятся, ни о том, живы они или нет. Это и заставило меня пригласить тебя. Я прошу записать имена, которые я назову...

Когда с улицы донесся шум мотора, врач быстро выглянул в окно. Но машина, которую он ждал, все не подъезжала.

— Я из Беноя. Магомадов Шахид... У меня есть отец лет семидесяти, его зовут Магомед. Матери нет... Есть мачеха Бесира. Две старшие сестры — Элита и Белита,

а также брат Муса, которому лет четырнадцать-пятнадцать... Обе сестры замужем в Беное, их мужей зовут Ахмад и Адиз... Если ты останешься в живых и встретишься с нашими, найди этих людей, расскажи им о случившемся со мной...

Силы Шахида постепенно таяли, голос слабел, часто прерывался.

— А та беда, та трагедия, которую переживает наш народ... Когда начинаешь думать о них, приходишь до сумасшествия... Но наш народ когда-нибудь вернется в родной край. Когда-нибудь вернется домой... Время все рассудит... Партия это дело так не оставит... Мы верим в это... А виновные в нашей трагедии не уйдут от наказания... Алха, если ты когда-нибудь вернешься на землю предков, у ворот нашего сельского кладбища, на холмике, поставь мне маленький памятник из песчаника...

«Нет, Шахид, как и ты, я тоже приму безжалостную смерть. Я уверен в том, что ты сам лез в объятия смерти, доведенный до отчаяния той страшной бедой, в которой оказался наш народ. То же самое делаю и я в эти последние дни, но я оказался не таким счастливым, как ты...»

— Лейтенант, прекратите разговор, — вмешался врач. Но Шахид остановил его:

— Ничего, Алеша... Осталось всего несколько минут...

Чувствуя, что Шахид умирает, Алха осторожно приподнял его голову и положил ее на свои колени.

— Вася... друг мой!

Когда услышал свое имя, сержант присел перед Шахидом на колени.

— Что, Шахид?

— Тебе известно, Вася, что сделали над нашим народом... Мы наказаны не из-за того, что оказались предателями или трусами... Наш маленький народ... Если при тебе кто-то начнет плохо говорить о чеченцах... заступись за нас... Не позволяй говорить о нас, будто мы были предателями, трусами...

— О чем ты говоришь, Шахид! Кто станет говорить о нас неправду? Ведь с давних времен весь мир знает, что чеченцы — это мужественный, надежный и стойкий народ!

— Спасибо, Вася!.. Я верю тебе, как брату. Алха... я умираю... Похорони меня по нашим обычаям. Не забудь, когда вернешься в Чечню... Скажи чеченским парням, чтоб не падали духом... И наши предки не опускали рук, даже перед большими бедами... Пусть Всевышний покарает тех, кто учинил эту несправедливость над нашим народом...

Отвлёкшись от того, о чем говорил Шахид, Алха на минуту мысленно ушел далеко в чеченские горы, в родное село. Одно из самых древних чеченских сел. Столица грозного Шамиля. Место, где знаменитый абрек впервые поднял свою руку мести. Там родился и жил один из лучших наибов Шамиля Эдал, прадед Алхи. Во время восстания Анибека-хаджи погиб дед Алхи. В бою с денщиками под Грозным был убит дядя. Такова судьба почти каждой чеченской семьи. Прекрасные горы, которые чеченцы орошали своей кровью на протяжении веков, у них отняли. Боже мой, неужели он больше не увидит родные горы и леса, где играл в детстве...

От этих тугостных мыслей Алху отвлекло обмякшее тело Шахида.

— Шахид?! Шахид?! — раздался крик сержанта. — Умер! Шахид, друг мой, брат мой, гордый горный орел... Я чувствовал, что ты ищешь смерть... Я не сумел уберечь тебя... Будь проклят тот, кто отравил твоё благородное сердце!

И после выселения своего народа чеченцы продолжали яростно сражаться на всех фронтах, в партизанских отрядах. Это объяснялось несколькими причинами: и тем, что они хотели доказать — имя предателя чеченский народ получил незаслуженно; и той надеждой, что несправедливо наказанный народ будет реабилитирован, если на фронте чеченцы будут про-

являть героизм и преданность Родине; и попытками найти смерть, не имея сил переносить позор и оскорбление, нанесенные народу. Но, несмотря на все это, ни один не переходил на сторону врага, не позорил свой народ. После выселения чеченцев его представителей не награждали орденами, им не присваивали звания героев за боевые подвиги на фронте. Ни командования фронтами, ни Москва не пропускали наградные листы. Поэтому чеченские офицеры, отличившиеся в боях, по совету некоторых командующих армий и дивизий, указывали другие национальности – грузинский, кумыкский, азербайджанский, аварский и другие. Но до самого Дня Победы чеченцы оставались на фронте...

Алхе не понадобилось прибегать к каким-либо хитростям. Через месяц после того, как похоронил Шахида, он сам был тяжело ранен в бою, долго пролежал в госпитале, а после выписки был признан негодным для прохождения дальнейшей службы и отправлен домой.

Но где он, его дом, было неизвестно...

...Алха тяжело вздохнул.

Неделю назад Алза узнал, что семья Шахида проживает в Покровке. В то время Магомед и Бесират были уже тяжело больны, а Муса работал в лесхозе. Устроив больных в больницу, Алха позвал домой Мусу. Но о том, что произошло с Шахидом, нельзя было говорить Магомеду до его выздоровления и возвращения домой.

– Магомед, я хочу рассказать тебе, почему пришел сюда вместе с этим мальчиком, – начал Алха. – Ты старше, не мне давать тебе советы. Тебе нужны не мои советы, а помощь. Как и мы все, ты выслан, но то, что ты разлучен со своими близкими и односельчанами, сделало твое положение более тяжелым, чем наше. Смерть ступает за нами по пятам. Не знаешь, когда умрешь. Но не это пугает тебя. Ты стар, чтобы бояться. Ты мало думаешь о себе и о своей жене, находящейся здесь. Сердце говорит тебе, что лучше умереть, чем влачить это жалкое существование, быть обузой для других. Но совсем иное гнетет тебя, постоянно гло-

жет сердце, заставляет забыть о своей болезни, о смерти, которая постоянно кружит рядом. Ты думаешь о том дне, в который после смерти вас будут выносить отсюда. Нет односельчан, которые устроили бы тезет, близких, которые могли бы принимать соборезнования, сверстников, которые проводили бы в последний путь... Сердце говорит тебе, что некому будет провести омовение, завернуть в саван, прочитать молитву, раздать подаяние... Еще более тяготит тебя то, что сын остается один. То, что некому присмотреть за ним. Правда, Магомед?

— Да, Алхи. Ты точно передал все, что у меня на сердце.

— Но ты не должен переживать, Магомед. Переживания усиливают недуг. Приближают смерть. Чем спокойнее будет на душе, тем быстрее поправишься. Я даю тебе слово, что ради оставшейся вдалеке дорогой Отчизны, сиротливых могил предков, если что-нибудь случится, и ты, и твоя жена умрете раньше меня, похороню вас как своих родителей, а за вашим сыном, пока он не встретится со своими близкими, буду заботиться, как и собственном сыне или брате. Если я нарушу эту свою клятву, ступлюсь от слова, данного тебе, пусть Всевышний представит меня перед тобой осрамленным!

Медсестра, принеся обед, прервала разговор Алхи.

— Видишь, молодой человек, отцу уже хорошо, — сказала медсестра, хлопнув по плечу Мусу. — А ты растерялся. Теперь я прошу вас выйти, товарищи. Больному предно долго разговаривать. Тем более, ему нужно поесть.

Аллах-тага.

— Но о дави ничего не может случиться, Магомед. Вы, слава богу, поправитесь. Дай мне свою руку, — не отпуская руки Магомеда, он пригнулся и обнял его. — До свидания, Магомед. Пусть Всевышний поможет твоему выздоровлению. Смотри, ни о чем не беспокойся, пусть Аллах сведет нас вместе в добром деле.

Муса увидел, как дрогнули губы отца, хлопнули отяжелевшие веки, как хлынувшие из-под них слезы, медленно скользя по морщинистым щекам, докатились до белой бороды и скрылись в ней...

VI

Сегодня Анастасия Федоровна вышла из кабинета председателя райисполкома довольной.

Председатель исполкома Турсунбеков ознакомил ее с постановлениями правительства об оказании помощи спецпереселенцам. Им будут выделены деньги для постройки домов и обустройства хозяйств, да еще по одной корове на семью. Более того, увеличен паек, выделяемый на каждого человека. В таком случае есть надежда, что они доживут до нового урожая.

Она подошла к привязанному к изгороди коню, взялась было за уздечку, но передумала. Нельзя же возвращаться домой, не завершив все дела. У Анастасии Федоровны еще остались связанные с чеченцами вопросы, которые нужно обговорить в комендатуре. Среди переселенцев немного людей, которые еще не обессили. Это те, кому удалось в день выселения спасти дорогие вещи, других выручило то, что семьи оказались малочисленными или без маленьких детей. И вот один из таких привел вторую жену. В этом краю не особо удивлялись двоеженству. Однако с подобным пережитком прошлого среди местного населения власти с недавних пор покончили. Хотя и теперь встречаются киргизы или узбеки, которые тщательно скрывают наличие двух-трех жен. Но в последнее время не было случая, когда кто-то женился, уже имея жену. Теперь это начинается среди чеченцев. Женатый семидесятилетний старик взял второй женой молоденькую девушку. Та вышла за него, оставшись одинокой, не имея крова...

А старик скрывает от властей, что он взял ее в жены. Утверждает, что он просто приютил оставшуюся без

родителей родственницу. И девушка ему поддакивает. Но Насте очевидно, что дело обстоит не так.

В селе много чеченских детей, но в школу из них ходят только шестеро...

И это далеко не все! Анастасия Федоровна справляется с кругом обязанностей сельсовета. Но чеченцы — это спецпереселенцы. Все связанное с ними, будь то молочь или нет, нужно согласовывать с комендатурой. С прежним комендантом Чалым она быстро решала все проблемы. Как и она, он жалел чеченцев, болел за них душой, отдавал им все свои силы. Но месяц назад его переположи в другое место. А кто за человек новый комендант?

Когда Анастасия Федоровна вошла и поздоровалась, комендант что-то писал, склонившись над столом, и, не отрываясь от своего занятия, рукой указал на столешницу у входа стул.

Гражданочка, что случилось, тебя чеченцы избили или ограбили?

— Со мной чеченцы не сделали ни того, ни другого. Я работаю в Покровке председателем сельсовета. Как вам известно, там живут чеченцы. Я пришла поговорить с вами об их проблемах.

— Да, я слышал о вас, Васильева Анастасия Федоровна? Будем знакомы. Моя фамилия Кривошеев. Иван Евристович. Мне говорили, что мой предшественник Чалый и вы держали чеченцев под крылышком. Это наипачеший гуманизм... Рассказывай, я слушаю.

Анастасия Федоровна подробно, ничего не упуская, рассказала о положении чеченцев, о том, что нужда толкает их на преступления. Если комендатура оказала бы некоторую помощь, можно было бы предотвратить некоторые из них, а также несколько облегчить участь переселенцев. При этом голос ее дрожал, к горлу подкатывал ком. Даже камень мог бы разжалобить ее рассказ. Но на квадратном лице Кривошеева ничего не изменилось. Он продолжал работать, слушая, не

выражая никаких эмоций, словно в кабинете никого не было.

— У тебя все? — спросил он, когда Анастасия Федоровна замолчала.

— Да.

— Жена этого старика пожаловалась тебе, что муж привел вторую жену?

— Нет.

— Девушка, которую взял в жены старик, пожаловалась, что нелюбимый старик заставил ее выйти за него замуж?

— Нет.

— Родители тебе жалуются, что их дети не учатся?

— Не жалуются.

Кривошеев, широко раздвинув руки, пожал плечами.

— Так чего же ты от нас хочешь?

— Ой, да как они могут жаловаться? Все происходило в таких условиях, что нельзя было жаловаться. Но если мы не ликвидируем причины, а с происходящим будем мириться, что будет с ними, ведь они и так находятся в тяжелом положении...

— Если находятся, то по своей вине, — прервал ее Кривошеев. — Об этом они должны были подумать тогда, когда поднимались против Советской власти, с оружием в руках помогали Гитлеру. Никто не виноват в том, что с ними произошло, кроме них самих. Ведь это они, объявив газават, на протяжении всего прошлого века воевали против русских. Тогда они убили сотни тысяч русских. С первых дней революции, вплоть до своего выселения, с оружием в руках противостояли Советской власти. Когда началась эта война, никто не пошел на фронт, а, создав в лесах и горах бандитские группы, вероломно нанесли удар в спину советских войск. Короче говоря, уважаемая Анастасия Федоровна, тебе известно, что именно эти чеченцы в последние сто пятьдесят лет не давали жить в мире и согласии кавказским горцам и другим народам нашей страны, мешали их дружбе, сеяли вражду между ними?

Анастасия Федоровна промолчала. Она с трудом сдвинула ком, подступивший к горлу. Ей неизвестно, что было это, сто пятьдесят лет назад. И о том, были ли чеченцы против Советской власти или нет, помогали они Гитлеру или нет. Все свои сорок лет она прожила в Покровке. Она всего лишь простая труженица с четырехклассным образованием, которая умеет выращивать хлеб, ухаживать за скотиной, заниматься домашним хозяйством. Кто думал, что ей придется стать руководителем большого села? Сколько всего, о чем и не подозревала, совершила война. Но об одном ей точно известно...

— В чем виноваты эти женщины, дети? — спросила она, глядя прямо на Кривошеева. — Они тоже помогали Гитлеру?

— Это не нашего ума дело, товарищ Васильева. Я дам тебе один совет. Здесь до сих пор закрывали глаза на то, что ты вслэшью помогала чеченцам, ибо твои муж и двое сыновей погибли на фронте, и ты осталась одна. Но надо знать меру. Чеченцы наказаны решением правительства за предательство. Это решение, подписанное Сталиным, никто не имеет права ни менять, ни опровергать. Понятно? Их сюда привозили не откармливать и не воспитывать. Понятно тебе? Если тронут имуществом местных жителей или народное добро — сообщай нам. Если сделают что-нибудь, наносящее вред жителям или местным жителям — сообщай нам. Мы накажем. А если они даже полностью перебьют друг друга, нам до этого нет дела. Понятно?

— Нет, не понятно! Они такие же люди, женщины, старики, как и мы... — наконец не выдержала женщина.

— В таком случае, подумай дома, когда вернешься. И не забывай, где ты сегодня была.

Кривошеев, злобно усмехнувшись, встал, давая женщине понять, что ей можно идти.

В коридоре комендатуры стоял симпатичный, гладко выбритый, среднего роста чеченец. На щеке и подбородке у него были порезы. Он, видимо, побрился утром, прежде чем выйти из дома. Несколько раз он подходил к двери коменданта и прислушивался. Оттуда доносилась перебранка между мужчиной и женщиной.

Когда их разговор затянулся, чеченец вышел на улицу и достал из кармана пальто кисет. Свернув сигарету, стал зажигать огнем трут. Из-за того, что левая рука была искалечена, он провозился достаточно долго. Наконец, закулив сигарету и сделав глубокую затяжку, выпустил дым через широкие ноздри и рот. Переживавший из-за незнания причины вызова, он понемногу приходил в себя. Он стоял лицом к саду, прислонившись к ограде, когда услышал шум открывающейся двери и оглянулся. Из комендатуры, утирая слезы, вышла председатель Покровского сельского совета Васильева. Чеченец резко отвернулся. Он явно не хотел, чтобы женщина его здесь видела.

Мужчина несколько раз жадно затянулся сигаретой, а затем, перекинув окурочек через забор, зашел в комендатуру. Постояв несколько секунд у дверей, он постучался. Услышав сердитый голос из кабинета, медленно вошел, поздоровался и стал у дверей.

Не отвечая на приветствие чеченца, комендант еще долго возился с бумагами. Затем уставился на него красными глазами.

Комендант внимательно оглядел вошедшего, скользнув по нему опухшими глазами, на некоторое время задержав взгляд на его искалеченной руке.

— Ты из Покровки?

— Да.

— Наилов Асвад?

— Да.

Выдвинув ящик стола, он достал оттуда какую-то бумагу и показал ее чеченцу.

— Узнаешь эту бумагу?

— Узнаю. Меня заставил ее написать предыдущий ко-мандант.

— Я знаю. Это расписка, которой ты дал согласие со-трудничать с нами. Ты обещал доносить нам о том, что думают и делают чеченцы, проживающие в Покров-ке и других селах района. Дополнительно тебе поруча-ется еще одно дело — сообщать нам о каждом слове и поступке против власти со стороны местных русских, киргизов и узбеков. Тебе понятно?

— Да, понятно.

Затем он достал из сейфа какие-то бумаги и, надев очки, начал читать.

«Астамиров Абдул-Азим. Родился в 1887 году. Во вре-мя гражданской войны воевал за Советскую власть. Принимал активное участие в установлении Советской власти в Чечне. Но впоследствии был связан с контр-революционными элементами. Учился в мусульманс-кой школе. Владеет арабским языком. Занимался са-мообразованием, обладает обширными познаниями по мусульманской религии. В антисоветском восстании в Чечне в марте 1923 года участие не принимал, но имел родственные и дружеские отношения с его participa-ми. В феврале 1933 года арестован по обвинению по статье 58 УК РСФСР и провел в заключении восемь лет. В феврале 1941 года освобожден из лагеря...»

«Зоккарканов Алха. Родился в 1916 году. Образование среднее. До войны окончил офицерские курсы. При-нимал участие в финской и нынешней войнах. Мужествен-ный, стойкий, умный офицер. Проявил преданность партии и советскому государству. Награжден ордена-ми Красного Знамени и Красной Звезды, а также не-сколькими медалями. После выселения своего народа из родного и долгие не осуждал партию и Советскую власть. Но то, что он явно что-то скрывает, несомнен-но. В одном из боев летом 1944 года получил тяжелое ранение, долгое время пролежал в госпитале, а затем демобилизован...»

— В Покровке проживают двое мужчин, которых зовут Абдул-Азим и Алха?

- Да.
 - Что это за люди?
 - Не знаю. Они оба родом не из нашего села. Тем более, Алха вернулся с фронта совсем недавно. Комендант нахмурился.
 - Тебе нужно познакомиться с ними. Этот старик мулла?
 - Я не знаю. Он лишь хоронил в селе умерших.
 - С сегодняшнего дня забудь слово «не знаю». И не забывай о том, что я не Чалый. Наблюдай за каждым словом, каждым шагом этих мужчин. Ты изучал арабский язык?
 - Как и все мои сверстники, проучился год-другой.
 - А ты сам не мулла?
 - Нет. Чтобы стать муллой, надо учиться десять-пятнадцать лет.
 - А теперь у вас есть муллы, которые столько учились?
 - Нет. За редким исключением.
 - В этом районе есть такой человек?
 - Не знаю. Я не успел всех разузнать.
 - А те, которых ты уже узнал?
 - Не очень далеко ушли меня.
 - Ты исполняешь религиозные обряды?
 - Нет, уже давно..
 - Почему?
 - Потому что это запрещено, да и к тому же, я не являюсь особо верующим мусульманином.
- Неизвестно от чего – то ли поверив тому, что говорит чеченец, то ли презирая его за это, – губы коменданта скривились в улыбке.
- С сегодняшнего дня ты должен измениться. Со стороны властей ты свободен по религиозной части. Надо притвориться глубоко верующим человеком. Исполняй все обряды. Постарайся сблизиться с несколькими муллами из района, скажи им, что хочешь углубить и расширить свои знания о религии. В разговорах с ними, а также другими людьми, ругай власть, Сталина. Будь

обходителен. Постарайся войти ко всем в доверие. Государство выделило деньги в помощь чеченцам. Есть решение выделить каждой семье по одной корове. Немножко увеличен паек. Распределять все это в Покровке поручается тебе.

— Спасибо, Иван Харитонович...

— Ты за прошлый месяц получил деньги?

— Это необязательно....

Кривошеев, готовя ведомости, вспомнил об инциденте, который произошел в этом кабинете неделю назад. Лема Солтагериев, молодой человек из Покровки, написал письмо Сталину. В нем говорилось о том, что чеченцы высланы незаслуженно, что в день выселения, а также по дороге сюда над ними издевались, что здесь они терпят лишения. Письмо из района не вышло. Неделю назад Кривошеев вызвал парня к себе.

Кривошеев думал, что это видный молодой человек. Но он оказался сухощавым парнем шестнадцати-семнадцати лет с худым лицом.

— Это ты Солтагериев Лема?

— Да.

— Где ты научился русскому языку?

— Я два года проучился в городе в педагогическом техникуме.

— Ты написал эту жалобу? — показал он письмо, сложенное в треугольник.

— Да, я.

— Почему?

— Там указана причина.

— Ты что, против решения Сталина и правительства?

— Сталин не знает о том, что учинили над нашим народом.

— По-твоему, нас выслали тайно от него?

— Не тайно от него, а наговорив ему неправду, обманув его.

Кривошеев встал и, сложив руки за спину, стал расхаживать по кабинету.

— В твоей глупой башке, по-твоему, есть мозги, чтобы знать о том, что было, да еще и судить об этом?

Где ты был, когда ваши отцы и братья воевали в горах против Советской власти, помогали фашистам?

— Это неправда! — воскликнул Лема.

— Закрой свою пасть, фашистский ублюдок!

Тот замолчал.

— Будешь еще писать подобные жалобы?

— Если письмо не выпускают из этого района, то писать бесполезно.

— А если бы оно могло дойти?

— Тогда написал бы...

Проходя рядом, Кривошеев резко остановился и с размаху ударил его по лицу. Парень отскочил, но удержался на ногах, ухватившись за стену. Он стоял, прикусив зубами губу, устремив налитые злостью глаза на Кривошеева. Из его носа потекла кровь.

— Вас надо было уничтожить в ваших же горах, не тратя сил на перевозку сюда! Вместе с детьми из колыбелей! Стереть с лица земли! Бандиты! Фашистские прихвостни! Если тебе вздумается еще написать подобное или любое другое письмо, — он ткнул ему бумагу в лицо, — я тебя сгною в тюрьме! А теперь приведи в порядок свою фашистскую морду, и — вон с моих глаз!

— Это ты настоящий бандит и фашист! — раздался крик выведенного из себя юноши.

Кривошеев, не веря своим ушам, некоторое время стоял, ошарашенный. Затем схватил юношу обеими руками, изо всех сил принялся душить его. Когда тот начал задыхаться, отпустил, ударом ноги открыл двери и, схватив за шиворот, вышвырнул в коридор...

— В Покровке живет молодой человек по имени Солтагериев Лема? — спросил он Асвада, положив перед ним ведомость, чтобы тот расписался.

— Да.

— Уделяй особое внимание этому парню. Прислушайся, не ведет ли он антигосударственные разговоры. Начнет голодать, обязательно займется воровством. Если он сделает что-нибудь подобное, сообщи мне. Короче говоря, найди за ним какой-нибудь проступок.

Деньги, протянутые комендантом, чеченец засунул во внутренний карман пальто, не пересчитывая ...

VII

Два женщины, которых Мария Петровна проводила, хорошо накормив, дав по полбуханки хлеба и маринованные помидоры, оставив им свои вязанки дров, продали их киргизке-старушке за сусму и возвращались домой. Лица у обеих были просветлели. Они забыли об усталости. Им казалось, что возвращаются домой, неся с собой все богатство мира. Зану за себя не очень переживала, она радовалась сегодняшней удаче Хелипат, оставшейся с маленькими детьми.

Когда они отошли подальше от школы, Зану остановила Хелипат и протянула ей свои помидоры и сусму.

— Что ты? — удивилась Хелипат.

— Возьми. Я даю их тебе.

— Не возьму, ни в коем случае. У тебя ведь тоже нет в доме мешка кукурузы!

— И только одна. Этого хлеба мне хватит на два-три дня. Тем более, я каждый день зарабатываю достаточно, чтобы не умереть от голода. А у тебя дома трое детей. Возьми, я хочу отдать всё это им.

Глаза Хелипат наполнились слезами. Нет, для нее это была не мелочь. Если бы на одну сторону положили золото, равное этим продуктам по весу, и на другое — их, она отодвинула бы золото и выбрала бы эти соленные помидоры и пять комочков сусмы. Не из-за себя, а из-за троих детей, желтых от голода и ожидавших ее в западной комнате, завернувшись в старое одеяло. Но все равно Хелипат не решалась их взять. Ведь ради них Зану ходила далеко в горы, ради них месила холодную грязь.

— Ничего, возьми, — Зану сунула продукты ей в руки.

Хелипат взяла их дрожащими руками и положила в карман тулупа, где уже лежала ее доля.

— Пусть зачтется эта твоя милость Всевышним, про-

роками и святыми, за мужа твоего, за то, чтобы тышла своих родителей и родственников, за то, чтобы мы вернулись на родину, — утирая слезы краем платка, с трудом выговорила она. — Пусть Аллах продлит твои годы, пусть он дарует тебе счастье...

— Пусть оно пойдет тебе на благо. Это ведь мелочь. Слава Всевышнему, который даровал нам хлеб насущный. Спасибо и тем русским, которые с таким сочувствием отнеслись к нам. Если бы знала, что они поступят так, я не пошла бы к ним. Неудобно перед ними.

— Зану, ты была у них впервые. А я и до этого приходила дважды. Каждый раз они что-нибудь давали мне, не брали дрова. Думала, что хотя бы на этот раз возьмут, раз прежде не брали. Я и даром отдала бы. Наверное, они им не нужны...

— Конечно, дрова им нужны. Его жена тоже иногда собирает хворост. Им просто жалко нас. Берут у других.

В верху улицы показался худощавый, высокого роста старик, идущий со снопом тонких прутьев на плечах.

— Ой, боже мой! — воскликнула Хелипат, увидев его. — Странное дело — голодный желудок! Он заставил забыть обо всем.

— Что случилось? — не понимая, о чем говорит Хелипат, Зану оглянулась по сторонам.

— Что за вопрос? Я совсем забыла о мертвом Аюбе. Слава богу, вот как раз идет Абдул-Азим.

Женщины остановились и стали ждать, пока старик дойдет до них.

Абдул-Азим шел, глядя прямо перед собой, подвернув края овчины и засунув их за полотенце, которым был подпоясан, выбирая места, где мало грязи, оберегая галоши с низкими краями, надетые поверх чувяков.

* * *

В этом селе всего пятеро-шестеро знали, откуда и кто этот высокий, стройный, рыжий старик и его худощавый двенадцатилетний сын. Но всем было извест-

но, что их забрали на второй день после начала выселения из соседнего села, что они живут в разлуке не только со своими родственниками, но и односельчанами, ничего не зная об их судьбе. Но, тем не менее, с первого дня его пребывания здесь все прониклись уважением к старику.

Это был такой же дождливый день, но в начале весны. На подводках, запряженных волами и лошадьми, а также на верблюдах, двадцать семей привезли с железнодорожной станции, расположенной в сорока километрах отсюда, и разместили в сельском клубе. Долгая дорога, проделанная не по своей воле целый месяц в товарных вагонах, в каждом из которых находилось по несколько семей, истощила людей. Тогда все думали только о том, как бы вздохнуть свободно, выйти на свежий воздух — неважно, в каком краю и при каких условиях. Час, о котором мечтали, настал. Но сердца людей до сих пор не обрели покой. Они устали, утомились, пропитались грязью. Крики плачущих детей, стоны больных. Чужой край, незнание языка местного народа, его обычаев. У каждого из них были родные, близкие, односельчане. Но куда их забросили, что с ними стало? Неизвестно. А неизвестность угнетает...

В далеких горах Тянь-Шаня надвигалась темная, тихая, тоскливая ночь, укрывая весь мир от переселенцев.

В эту мрачную ночь здесь впервые зазвучала назма. Голос, вначале одинокий, подхватили сидевшие рядом двое-трое. Через несколько минут вокруг старика собрались уже все мужчины, находившиеся здесь. Прервались стоны больных, плач детей. Звуки грустной печальной мелодии вырывались за открытые двери и разносились по непроглядной мгле ночи.

Нет, старик не обращался к Богу, пророкам, святым, он не оплакивал беду, выпавшую на долю своего народа, не проклинал тех, по чьей вине это произошло. В только что спожженной назме он пел о тех трудностях, которые выпадали на долю предков, о том, как они их

преодолевали, о сотнях и тысячах героях, погибших в борьбе за честь и свободу родины и народа. Он пел о том, что несправедливость не может победить справедливость и правду, что ничто в мире не в силах разлучить народ со своей родиной, призывал к терпению...

Когда назма умолкла, люди приободрились. Стали слышны шутки, смех. Тогда старик, добродушно улыбаясь и глядя на людей, взобрался на маленькую сцену клуба и поднял руку.

— Так вот, мои братья и сестры, — когда шум утих, неожиданно для всех начал он. — Как бы то ни было, власти нас выселили, привезли и выгрузили здесь. Еще в пути люди говорили о разном. Одни — что сразу повернут обратно, другие — как только довезут до места, третьи — через три месяца, год. Об этом все вы слышали. Никто не знает, по какой причине, за что, на какое время нас выслали. Очевидно, не для того, чтобы через год, пять, десять лет вернуть обратно. Выслали, чтобы мы больше никогда не увидели нашу родину. Но так не может быть. Когда-нибудь мы обязательно вернемся домой. Может быть, мы, старики не увидим этот день и нашу родину, но наши дети — обязательно. Не может быть, чтобы народ навсегда был лишен своей родины. Большинство из присутствующих здесь — жители двух сел, а таких, как я, оторвавшихся от своих родных и односельчан, всего несколько человек. Мы не знаем, что с ними случилось. Поэтому в сердце каждого из нас печаль. Ради бога, не отчаивайтесь, будьте терпеливы. Мы узнаем о том, что случилось с родными и односельчанами, встретимся, воссоединимся с ними. Нет в мире народа, среди которого нет хороших людей. В своей жизни мне довелось узнать множество людей и народов. В семье не без урода, встречаются плохие люди. Но таких бывает мало. Мы — гости, пришедшие к тем, кто здесь живет. Гость должен вести себя благородно. Здесь живут люди других национальностей. Мы должны уживаться с ними. Более того, каждый должен помнить о том, что плохого человека никто не любит. Даже

добродетельные родители не любят недостойного отпрыска. Если мы будем хорошими, местные жители будут относиться к нам хорошо, а если плохими, соответственно, и они будут относиться к нам плохо. Поэтому мы должны сохранить наши обычаи, мужество, благородство, стойкость, терпение.

Люди, находившиеся в клубе, слушали старика, словно боясь пропустить хоть единое слово. Когда дети начинали плакать, слышалось, как матери, приласкав или прикрикнув, пытаются успокоить их.

— Более того, нам известно, что, как и во всей стране, здесь тоже есть власть и нужно ей подчиняться. По дороге я разговаривал с местными председателем колхоза и председателем сельсовета. Каждой из наших семей приготовлено жилье. Особо нуждающимся окажут помощь. В селе для детей есть школа, за больным присматривает врач. Для тяжелобольных в районе, недалеко от села, есть больница. Сегодня мы будем отдыхать, а завтра, прежде чем нас отправят на место жительства, руководители обо всем нам скажут. Я это говорю для того, чтобы вы до их приезда могли подготовиться. Местные жители и власти помогут нам по мере сил, но и мы сами не должны сидеть сложа руки, уповая на них. Определившись с жильем, надо выходить на работу. Смотрите, не расслабляйтесь, поверив слухам о том, что скоро вернемся домой. И Аллах говорит, что надо стараться. Наши помощники — труд, законопослушание, хорошие взаимоотношения с людьми, честность по отношению к ним. Более того, еще продолжается война. Она утомила людей, истощила их. Как и у нас дома, повсюду все силы направлены для оказания помощи поражающимся войскам. Отсюда все мужчины, которым позволяет здоровье, ушли на фронт, хозяйственные дела легли на плечи женщин, детей и стариков. Они не справляются, им тяжело. Как я слышал, на нас надвигается голод. Теперь вы должны знать, что у местных властей и жителей нет особых возможностей, чтобы помогать нам. Местным жителям, а также сра-

жающимся на фронте воинам нужна и наша помощь. Мы должны это понимать. Ещё раз прошу вас, сохраняйте наше благородство, мужество, традиции. Смотрите, как только устроитесь, приступайте к работе в колхозе. А теперь немного встряхнитесь, повеселитесь, посмейтесь! Пойте! Юноши и девушки, танцуйте! Когда приходили трудные времена, наваливалось горе, наши отцы тоже не плакали. Это и нам не к лицу. Да поможет нам Аллах!

* * *

С сердец людей, словно сдутая порывом нежного ветра, отошла печаль. Расслабившиеся на некоторое время, они вновь наполнились решительностью. На сцену поднялся Маил, достав из футляра гармошку Зану и барабан, пригласив с собой девушку. В клубе, в котором час назад слышались грустные звуки чеченской назмы, зазвучала искрометная лезгинка, воодушевляя людей, заставляя пожилых вспомнить о молодости. Клуб содрогался от барабанного боя и хлопанья в ладоши. Молодой человек, выскочивший на сцену, сделал медленный круг, а затем пустился в перепляс и обратился к Зану, приглашая ее на танец. Зану посмотрела на Маила, который изо всех сил бил по барабану. Муж, ласково улыбнувшись, кивком головы дал согласие. Проходя второй круг, Зану обратила внимание на печальное лицо мужа. О чем же он думает? Она вспомнила то счастливое время, которое они провели вместе до его ухода на фронт. Перед ее глазами промелькнули школа, клуб в родном селе, свой кружок, танцы с Маилом, республиканский конкурс, фотография в газете... А теперь? Неизвестный край, безрадостная ночь, и все равно они танцуют... Не от радости, конечно, но так надо. Зану до сих пор словно слышит слова старика: «Не к лицу нам плакать! Сохраним мужество, благородство, стойкость чеченцев!» Когда Зану, делая очередную круг, посмотрела на Маила, взгляды их встре-

тиниса. Увидев грустные, наполненные слезами глаза молодой жены, он понял свою ошибку. Когда Зану, наклонив голову, глядя прямо перед собой, продолжая танцевать, направилась к нему, он ускорил темп барабанных бий и воскликнул:

— Гордо подними голову! Смелее двигайся, чеченская девушка!

С тех пор прошел год. Но сколько изменений произошло за это время! Из тех, кто был тогда в клубе, в живых не осталось и половины. Умер молодой человек, который танцевал тогда с Зану. Не сбылось то, о чем говорили местные руководители и Абдул-Азим. Чисто не оказалось в силах заставить людей перестать думать о своей родине. Они мечтали о ней днем и ночью, она являлась им в снах. О ней были последние мысли умирающих. Надежда на то, что не сегодня, так завтра они вернутся домой, и также болезни не позволяли им серьезно заняться своим хозяйством, понаблюдающему вмешиваться в работу. Оставили без внимания земли, выделенные колхозом для постройки домов и разведения садов. Не заготовили дрова на зиму. Забыли домашний труд? Ведь скоро они вернутся на родину, на землю, где жили предки, орошенную их кровью, на которой родились и выросли...

С того самого дня все прониклось уважением к Абдул-Азиму, не только чеченцы, но и местные жители. Он угощал слабого, готов был помочь каждому. Незнаючи почему, но в этот год, когда ностальгия и голод довели людей до истощения, болезнь не тронула его, он остался здоровым. Трудно было найти более сердобольного, чистосердечного, благородного человека. Даже те, кто был неисправим, перед ним потуплял взор от стыда. Абдул-Азим рано утром выходил из дому, чтобы узнать, не умер ли кто за прошедшую ночь и не нужно ли его похоронить, заглядывал в каждый дом, находил доброе слово для каждой семьи. А потом уходил на работу. Возвращаясь, как и сегодня, приносил домой свои прутья, из которых ночами сплетал корзины.

Часть из них у него покупал колхоз в счет трудодней, другие обменивал на продукты, но в большинстве случаев он делал маленькие корзинки и дарил их ребятишкам. Старик принимал участие в общественной жизни. Через него руководство села и колхоза помогало особо нуждающимся, сиротам, одиноким старикам. Этот добрый семидесятилетний старик поспевал всюду, и никто не видел его уставшим или погруженным в печаль.

А горя и в его жизни было немало. Но об этом никто не знал, кроме каменных гор, темных ночей, голых стен дома и маленького Берсы. Он сражался за Советскую власть, став рядом со своим устазом. И эта власть, укрепившись, в 1933 году арестовала его и осудила на восемь лет, которые он провел в Сибири... После работы он уходил в горы, чтобы заготовить сноп прутьев. В это время эхом в горах раздавались звуки его грустных назмов, его своеобразный, чудный голос. Он просил у немых гор, чтобы они передали привет таким же каменным, как они, высоким горам Кавказа, чтобы те не забывали разлученных с ними его несчастную семью, весь чеченский народ. Там ему казалось, что горы поют вместе с ним, а светлые, звонко бегущие по камням родники облегчают душу.

Ночами он служил Богу до тех пор, пока Берса не засыпал, а затем давал волю своему сердцу. Закрыв глаза, подпирая голову одной рукой, покачиваясь в такт назма, он пел, прося Всевышнего о помощи оказавшемуся в беде маленькому народу. Но никогда не называл имена разлученных с ним и неизвестно где находившихся членов своей семьи, старых сестер и братьев. Смерти он не боялся, но боялся того, что умрет и будет похоронен вдалеке от родины.

А сколько мыслей он навевал несчастному Берсе. Мальчик, слушавший его, завернувшись под одеяло, вспоминал сестер, сверстников, родное село и места, где играл еще совсем недавно. Где же теперь все они, увидит ли он их когда-нибудь? Что с ним будет, если

умрет старый отец и он останется один среди чужих людей?..

Ступавший осторожно, обходя грязь и глядя прямо перед собой, старик не видел стоящих у дороги женщин. А они слышали звуки шага, которую тот напевал, он еще находилась в плену мысли, навеянных горными пейзажами. При виде женщины его синие глаза прояснились, он разгладил рыжие усы и приветливо улыбнулся им, обнажив при этом два ряда белых здоровых зубов.

— Ты и я, женщины, как дела? Дети здоровы? В домах не холодно? Не очень утомились? Будьте терпеливы. Скоро наступит весна. А весна — это радость. Тогда будет много красоты. Пока она закончится, подспеет еще что-нибудь. Прошлый год обманул нас, но теперь мы стали умнее. У меня есть новость для вас! Государство предоставит нам деньги для постройки домов. После того, каждой семье выделит по корове. Это, действительно, правда. Мне об этом только что рассказала председатель сельсовета, позировавшаяся из райцентра. А она всегда говорит правду. Мы можем быть спокойными, словно коровы уже стоят у нас в сараях. А как только наступит весна, начнем сажать деревья сада. Теперь мы уже знаем, как возделывать здесь землю! Будем работать в колхозе. Когда разведем сады, начнем строить дома. Да, чуть не забыл! Увеличен паек, выделяемый нам государством. Увидите, как через год-два будем жить в таком достатке, который нашим предкам даже не снился. Будьте счастливы, да продлит ваши годы Всевышний!

Решил, что женщины остановились, чтобы уступить ему дорогу, он двинулся дальше.

— Абдул Азим! — крикнула ему вслед Хелипат.

Старик остановился и оглянулся.

— Там недалеко, у выхода из ущелья, лежит мертвый Аюб из нашего села. Что же нам с ним делать?

Сноп прутьев медленно соскользнул с плеч Абдул-Азима на землю. Мгновенно помрачнело лицо. Что же пригнало тучу печали на лицо мужчины? Неужели его старое тело, уставшее от дневного труда, ленилось вновь подняться в горы за умершим? Или он задумался о своей смерти, узнав, что его сверстник свалился и умер прямо на ходу? Женщины так и подумали, но были далеки от истины.

Старик, ни о чем больше не расспрашивая, оглянулся вокруг. Казалось, что он ищет человека, который мог бы ему помочь. Но в этот дождливый день на улице никого не было видно. В то время, когда он стоял, не зная, как быть, из соседнего двора вышел старый Сарыбай. Абдул-Азим обрадовался, увидев его.

— Ассалам алейкум, Абдулла-аксакал! — поприветствовав его издалека, Сарыбай подошел и пожал ему обе руки. — Что ты стоишь под дождем? Ничего не случилось?

— Нет, все по-старому.

— Как поживает сын? Давно я его не видел. .

— Нормально. А как твоя старуха? Получил письмо от сына?

— Кампар здорова, и от сына письмо получил. Пока он жив. Говорит, что скоро вернется, завершив войну, — Сарыбай оглянулся вокруг и тяжело вздохнул. — Аксакал, если ты не очень торопишься, у меня есть к тебе дело.

— Рассказывай.

— Я не хотел бы говорить при женщинах.

Мужчины отошли.

— Абдулла-аксакал, у меня небольшая неприятность. Пропало три овцы. Как ты знаешь, ночами я редко бываю дома, а кампар побоится выйти, если даже увидит, что их похищают. Что же мне делать, аксакал? Меня оставили без последних овец...

— Ты подозреваешь чеченцев?

— Да, конечно, как не подозревать, если вора, укравшего последнего ягненка, видел собственными глазами.

У Абдул-Азима запылало лицо. «О, Аллах, какой позор! — мелькнула в голове мысль. — Как я старался, чтобы дело не дошло до этого. Люди пытаются выжить, а мне приходится краснеть!»

— Кто же вор?

— Вот этот мой сосед, мальчик по имени Решед.

— Не может быть! Ведь он совсем маленький.

Сарыбая обиделся.

— Тогда выходит, что я обманщик. Маленький! Если бы видел в ту минуту, когда я его застал при воровстве, ты бы так не утверждал... Да он готов был умереть сам и убить меня, чтобы не отдать ягненка. Мне так показалось. Я отпустил его вместе с ягненком, не смог ударить, потому что он и так еле стоял на ногах, решив, что позавтракаю поговорю с тобой, аксакал.

— Так давай, пойдем к нему, посмотрим.

Когда к нему неожиданно вошли два старика, Решед вскрикнул и метнулся словно ошпаренный, а в его правой руке блеснул огромный нож. Он отступил и стал в углу, уставив на вошедших горящие, как угольки, глаза. Абдул-Азим посмотрел на него и устало улыбнулся. Картина в его доме была смешной: черное от копоти лицо, горящие как у кошки в ночи глаза, заросшая копотью голова. У него не было сил даже на сопротивление маленькому ребенку, но при этом приготовился к драке с двумя стариками.

— Пусть к вам придет все доброе, Решед, — сказал Абдул-Азим.

Маленький видел только вошедшего вторым Сарыбая, и урчавший нож на пол, услышав знакомый голос Абдул-Азима. Но на приветствие не ответил.

Абдул-Азим оглянулся вокруг.

Темная комната, в которую через окно едва пробивается свет. Наспех замазанные, закопченные дымом неровные стены. На залосновевшей соломе раскинут ис-

танг, на нем под грязными одеялами, улегшись в ряд, спят дети. Куски мяса, покрытые золой, лежат на углях в печи.

— Дети не болеют? — спросил Абдул-Азим.

— Нет.

— Не мясо ли ты жарил? Откуда оно у тебя?

Голова Решеда поникла. Что же теперь делать? Если бы это был кто-то другой, то можно было солгать, даже оказать сопротивление насколько сил хватит, но Абдул-Азиму нельзя врать. Более того, ведь Сарыбай застал его, когда он свеживал ягненка. Что же делать? О, Всевышний, если бы старики знали, что он украл его не ради себя! Ему только четырнадцать лет. А три сестры и два брата, спящие в комнате, еще моложе него. Они были голодными, просили поесть. Их отец убит в день выселения, а мать умерла два месяца назад. Умирая, мать завещала ему заботиться о детях. Нельзя предстать перед матерью, не выполнив ее завещания, и ждать осталось недолго. Нет, вчера ночью он не отдал бы ягненка. Сарыбай почувствовал это. Поэтому и ушел. Но... Но почему же вместе с ним пришел Абдул-Азим? Он ведь умный человек, должен был знать, что неспроста пошел на воровство...

— Сарыбай говорит, что ты украл его овец. Это правда?

Что же ему ответить? Нет, нельзя признаваться! Ведь Абдул-Азим пришел вместе с Сарыбаем, чтобы обличить его. Если это так, то не грех обмануть и его. Решед, подняв голову, смело посмотрел на Абдул-Азима, но увидев его белую бороду на печальном лице и синие глаза, снова понурил взгляд.

В них Решед увидел сочувствие, боль и упрек. Не он ли провел ночь рядом с их умирающей матерью, закрыл в последний раз глаза, завязал платочком подбородок, а на следующий день похоронил ее? Разве не эти глаза, не эти худые руки, на которых виднеются синие жилы, не этот успокаивающий душу мягкий голос приласкали в ту ночь остающихся после смерти

матори сиротами шестерых детей, не дали им отча-
яться? Не он ли с тех пор, почти ежедневно, навевыва-
ется к ним во двор, расспрашивает о делах, старается
привлечь заботу? Нет, Решед не будет его обманывать.
У него нет и права на это...

— Я знаю, Решед, что ты своровал не ради удоволь-
ствия. Но это дает повод плохо говорить о нашем на-
роде. Или ты хочешь, чтобы о чеченцах плохо отзывали-
лись? Если бы ты обратился ко мне, я ведь что-нибудь
придумаю.

Глаза Решеда наполнились слезами, губы дрогнули.
Он приложил все силы, чтобы не заплакать, но их на
это не хватило...

— Что он говорит? — спросил Сарыбай, молчавший до
этих пор.

— Он не украл твоего ягненка, — ответил Абдул-Азим,
делая ему знаки глазами.

— Как не украл? Что же тогда за мясо жарится в печи?

— Сарыбай, не замечивший знаки, которые ему пода-
вал Абдул-Азим, подошел к детям, сунул руку под по-
душку у мальчика одного из них, вытащил сырую шку-
ру. — Что же это? А это?

Поднимая по очереди подушки, он вытащил из-под
них три шкуры и бросил их перед Абдул-Азимом. Дети
начали плакать.

— Что это? Разве это не шкуры моих овец? — говорил
Сарыбай. — Или у тебя была собственная отара? Я со-
ставляю акт, и сейчас же тебя заберут в комендатуру!

Когда назвали коменданта, один из мальчиков, на ко-
тором не было рубашки, поднялся и стал перед Реше-
дом, заволакая его собой, а старшая из сестер Зара по-
дошла и уцепилась за ноги Абдул-Азима.

— Дядя! — крикнула она. — Не позволяй ему отвести
нашего Решеда в самдату! Что мы будем без него де-
лать, у нас ведь нет ни отца, ни матери... Что тогда я
буду делать с детьми. Дядя-и, скажи ему, чтобы не
забирал Решеда...

Старик, растроганный детьми, гладил черные воло-
сы девочки и беззвучно плакал.

— Если даже будем умирать от голода, мы больше не позволим Решеду ничего украсть... Скажите Сарыбаю, что мы, когда повзрослеем, отработаем, возместим ущерб...

— Не плачь, Зара! Ничего не будет, — пытался успокоить девочку Абдул-Азим. Удивленный тем, что делает Сарыбай, он впервые в жизни пришел в ярость.

— Ты думаешь о том, что говоришь? Составишь акт? Не только коменданту, Сталину отправляй! Пусть он сожрет этих сирот! Если бы их оставили у себя дома, они бы не крали твоих овец. Не лежали бы желтые от голода в этом сыром доме, а учились, играли бы, как и ваши дети! Да, их привезли сюда за то, что они предали государство, нанесли ему вред. Отдай их еще раз под суд! Если ты даже не сделаешь этого, дня через три Всевышний и так заберет их к себе!

Сарыбай растерялся. Он покраснел от стыда, словно сам совершил кражу.

— Что здесь происходит? — проговорила жена Сарыбая Умсунай, которая пришла, услышав шум, поднятый ими в доме. — Почему Зара плачет, что с детьми?

— Сарыбай хочет отвести этих детей к коменданту!

— Абдулла-аксакал, неужели ты думаешь, что у меня в груди нет сердца? — воскликнул Сарыбай.

— Детей? Что за разговор? — уставилась на мужа старуха. — Сирот, которые и так едва живы. Ты не сошел с ума, чал? Такими ценными оказались твои паршивые ягненки...

— Не говори о том, чего не знаешь. Иди, возвращайся домой. Никто не пытается отводить детей коменданту!

— Иди, иди, ступай вперед. Пусть будет не три, а тринадцать овец. Или тринадцать верблюдов. Я сама заплачу за них. Оставь и шкуры. Их можно подстелить под детей.

— Отстаньте от меня! — рассердился Сарыбай. — Вы оба не понимаете меня. Не думаете ли вы, что я зверь, чтобы быть таким жестоким? Шкуры я заберу. Все равно сгниют, если оставить здесь.

— Хорошо. Забирай свои шкуры. Выходи быстро, — старуха вытолкнула мужа из дома, вручив ему шкуры.

Затем подошла к Заре и обняла ее.

А ты не плачь, моя маленькая соседка. Что без тебя делала бы старая кампар? Она каждый день носит мне воду, убирает двор. Завтра рано утром чал уйдет в горы, мы будем вместе. Хватит, не плачь больше.

Успокоив детей, Умсунай вместе с Абдул-Азимом вышла из дома.

— Я знала, что Решед крадет овец, — сказала она, когда они вышли на улицу, — но притворялась, будто мне ничего неизвестно: жалко было детей. Но было обидно, что сосед не чист на руку. А что было делать? Он ведь воровал не ради удовольствия. Я-то решила, что все скрою, скажу, что не знаю, кто крадет овец, если бы вчера ночью старик не поймал его. Ничего. Из-за этих трех овец мы не разбогатеем и не обеднеем.

— Спасибо тебе... и всем вам, Умсунай, — сказал Абдул-Азим, пожалев о том, что неожиданно сорвался и повернулся к Сарыбаю. — Я знаю, что ты заботаешься об этих детях. Несчастные они. Стараются выжить. Что и говорить, ты и сама видишь, в каком они положении...

— Перестань, не говори об этом! Лучше зайдем к нам, выпьем вместе чай. Хлеба у нас нет, но есть хороший чай с молоком. Пойдем.

Я не голоден, чтобы пить чай, но не извиниться перед Сарыбаем не могу... Обидел я его, бес попутал.

Да он давно уже забыл об этом.

Абдул-Азим шел за Умсунай, когда на том же месте, где остановился, он увидел стоявшую Хелипат и сидевшую на скамейке Зану. С первого взгляда ему стало понятно, что у них не так просто возникли разногласия.

— Что с вами случилось? — спросил он, приблизившись к ним.

— Она замерзла, дрожит, еле стоит на ногах, — кивнула головой Хелипат в сторону Зану, — я прошу ее вернуться домой, припечь, но она не слушается меня. Говорит, что пойдет вместе с нами.

— Если нездоровится, надо остаться дома, Зану. Мы найдем себе других помощников. Ты сможешь добраться до дома?

— Да...

Постояв, пока Зану, шатаясь, не скрылась за поворотом, и сказав Хелипат, что скоро вернется, Абдул-Азим вошел во двор Сарыбая. Он застал его за кормежкой привязанного к забору большого буланого вола, а Умсунай все продолжала ругать мужа.

— Не шуми, зайди в дом, кампар! Что же это такое, властям надо бы сдать тебя и Абдуллу-аксакала. Глупцы! Вы подумали, что пойду к коменданту с этим ребенком, который еле стоит на ногах? Не думаете ли вы, что я басмач? Но вы слишком рьяно заступились за него. А я хотел просто припугнуть его, чтобы он больше так не поступал. Что будет, если после моего прощения он залезет к какому-нибудь бессердечному человеку, думая, что снова простят? А тот возьмет и сдаст его властям, потом отправят в детскую колонию. Или избьют до полусмерти. Таких случаев было немало. Есть и бесследно пропавшие. Вы сами вредите ему, думая, что делаете доброе дело.

— Я виноват, Сарыбай. Мы не поняли друг друга.

— Виноват! Конечно, виноват. Еще и кампар доводит. Она же делится с этими детьми всем, что у нас есть. И даже когда Решед крадет, нисколько не обижается. Я жалею, что не прижал ему хвост, когда ночью застал за свежеванием овцы. Думал, что это сделаешь ты.

— Нехорошо бы это выглядело, Сарыбай. Как можно бить несчастного сироту?

— Мы с тобой являемся их родителями. Не мы ли должны присматривать за ними? Зайди в дом. Пока готовится чай, я сведу вола на водопой.

Увидев вола и сани, Абдул-Азим вспомнил, что ему не с кем привезти Аюба...

— Почему ты не заходишь в дом?

— Некогда мне, Сарыбай.

— Почему же? Тебе неудобно? Не обращай внимания!

Ты старше меня, поэтому тебе можно говорить. Я ведь тоже отец, у меня тоже есть в груди сердце. Одного сына немцы убили под Сталинградом. И неизвестно, что будет со вторым. Война — это война. Там человек постоянно подстерегает опасность. Только что ты жив, а через минуту пуля, прилетевшая неизвестно откуда, срижает наповал... В годы становления Советской власти я гонялся здесь за басмачами. Если бы ты знал, что за жестокие были люди! Но жестокость фашистов заставила забыть басмачей. Более того, эта война в тысячу раз страшнее, чем все прошедшие. Новое оружие, новая техника. А об овцах, которых съели эти дети, забудем. Пойдем, выпьем чаю. Вола я после еды в водопою. Если я вернусь без тебя, кампар опять начнет скандалить.

— Нет, Сарыбай, мне нужно идти. Говорят, что где-то у горы лежит мертвый старик. Его необходимо привезти домой. Мне еще нужно найти помощников. Но если бы ты дал мне вола и сани, то, не теряя времени на поиски чего-то, я быстро съездил бы. Помоги мне в этом, тогда будем считать, что тем самым ты сделал для меня все хорошее.

— Вола-то я тебе, без сомнения, дам. А самому тебе не справиться.

— На улице меня ждет женщина. Вдвоем справимся.

— Нет, так не пойдет. Эй, кампар! — крикнул Сарыбай.

— Иди, быстро сходи, позови Тургунбая. Скажи, что есть важное дело. Поспеши. А ты отправь женщину домой, Абдулла невакан. Нам будет достаточно.

После они запрягали вола, сгорбившись и опираясь на посохи, подошли к живший по соседству старик Тургунбай.

VIII

Промокшие и озябшие Лама, Берса, Юрка и Адашбай, которых непогода загнала в маленькую пещеру в горах, некоторое время просидели в ней, ожидая пре-

кращения дождя, а когда он затянулся, разожгли костер и основательно обосновались.

Дружба между ними завязалась недавно. Еще неделю назад Лема не ходил в школу, а Берса, Юрка и Адацбай учились в разных классах. Их сблизил дикий лук, недавно появившийся в горах. С тех пор, как встретились здесь впервые, они ежедневно вместе приходят в горы. Вечером возвращаются, наполнив маленькие мешочки только что проросшим зеленым луком, собрав небольшие вязанки дров. Помимо этого, в горах было просто весело. Особенно Леме и Берсе. Здешние скалистые горы напоминали оставшиеся вдалеке горы родины, хотя и казались голыми, чужими, словно мачеха, и холодными.

Пытаясь высушить промокшую под дождем одежду, сидя у костра, они поворачивались к нему то спиной, то боком. Разговаривать никто не хотел. И не из-за того, что замерзли. От горького зеленого лука, который они поели на голодный желудок, мутило. У каждого из них, хотя они были маленькими, на сердце была своя печаль. Положив голову на колени, уставившись на костер, сидел Юрка. Шустрый Лема, ни о чем не думая, снял свою рваную тужурку и сушил ее на костре. Адацбай чуть слышно напевал песню. А Берса, сняв развалившиеся чуваки, пытался высушить шерстяные носки.

— Что ты поник, Юрка? Сидишь, скорчившись, как несчастная сирота.

Юрка тяжело вздохнул.

— Сегодня же день Советской Армии. А мой отец и братья сражаются далеко отсюда на фронте. Кто знает, в каком состоянии в эту минуту мой отец, да и жив он или нет...

— Так ты грустишь об этом? Пустяки! На фронте все бывает — и раны, и смерть. Смерть настигает лишь однажды. Бог, когда сотворил людей, каждому определил свой срок. Никто и минутой больше не проживет. И не бывает так, что обязательно гибнет тот, кто нахо-

дится на фронте, а кто дома, остается в живых. Кому суждено погибнуть — погибнет, а кому не суждено — вернется живым и здоровым. Не надо переживать.

Юрка молчал. Леме же показалось, что он успокоил его.

— А что-нибудь еще об этом дне помните? — прервав свое занятие, вдруг спросил Берса. Юра и Адашбай вопросительно посмотрели на него.

— Да, помним, что сегодня первая годовщина нашего выселения, — прикусив нижнюю губу, несколько раз кивнул головой Лема.

В пещере снова установилась тишина. На улице шел дождь со снегом. Все нутро переворачивается от голода. И дома тоже тяжелое положение. Юра затосковал. Хотелось чем-нибудь скоротать время.

— Ребята, расскажите нам, за что вас выслали, — обратился он к Леме и Берсе.

Берса промолчал. Ему не хотелось опережать шустрого на язык Лему, который был старше него. Да и к тому же до выселения он где-то учился в городе. Тот, напавшую нагретую тужурку, от которой поднимался пар, снял английские ботинки с изогнувшимися вверх носками и начал зашивать портянки. Он вспомнил про конфликт, произошедший у него неделю назад с комендантом, о котором он никому не рассказывал, утаив в своем сердце.

— Действительно, расскажи, — поддержал Юрку Адашбай, — чего только люди не говорят о вас. Рассказывают, что вы были басмачами, помогали фашистам.

Лема сердито посмотрел на Адашбая.

— Осторожно, парень! Кто знает, может быть, этот ботинок, сорвавшись из моих рук, полетит в твою морду. Откуда мы знаем, за что нас сюда выслали? Если бы тебя однажды утром подняли с постели, выгнали, не давая натянуть штаны, загрузили в товарный вагон, закрыв на железный засов и поставив у дверей автоматчиков, везли целый месяц в этот далекий край и выбросили тут, ты бы знал? А?

— Не обижайся, Лема, — сказал Юрка, поворачиваясь к костру боком. — Мы просто так спрашиваем, а ты... Это ведь нечестно. Адаш прав. Мы хотим знать правду, потому что люди разное говорят.

— Пусть дураки говорят! Да, мы бандиты, воры, предатели, фашисты! Еще какое-нибудь определение для нас осталось?

— Опять выходишь из терпения!

— А что же еще? Нам же не верят, когда говорим правду. Мы ведь не люди, а людоеды!

— Ты не прав, Лема! Ты же сам знаешь, что у нас это и в мыслях нет. Мы не виноваты в том, что некоторые плохие люди так говорят...

— Пусть говорят, что им угодно. Мне не жарко и не холодно!

...Дождь и не думал затихать. Наоборот, на противоположной горе началась метель. Берса был недоволен язвительными ответами Лемы. Адашбай и Юрка — чистосердечные, хорошие парни. Они тянутся к Леме, хотят подружиться с ним, а он их отталкивает. Это не хорошо.

— Нужно было рассказать правду... — на чеченском языке упрекнул он Лему, смущаясь.

— Ждешь сочувствия? — язвительно оглянул его Лема.

— Ты не видишь, они ведь обиделись...

— А нам радостно, да?

— Они ведь не виноваты...

— И я знаю. Тоже мне, начал поучать. Лучше не ной, а утри рукавом свой нос.

Лема подошел к выходу из пещеры, оперся плечом об камень и выглянул. Ему самому очень хотелось рассказать начистоту о том, что у него спрашивали. До сих пор с такой просьбой к нему еще никто не обращался. Казалось, если он все расскажет, самому легче на душе станет. А она в смятении, вся кипит, переливаясь через край. Маленькому Берсе легче. Он еще мало понимает. Лема, может быть, и сам всего не знает, но известного ему и увиденного им оказалось дос-

таточно, чтобы поседеть раньше времени. Хватило бы одного дня выселения, чтобы разорвать его сердце. И этот день сложился для всех по-разному. Не все были готовы так неожиданно отправиться в дорогу. А в доме Лемы и это утро лежало остывшее тело матери. Еще две три недели назад Лема получил известие о болезни матери, приковавшей ее к постели, прервал учебу и вернулся домой. В последнюю ночь перед выселением, когда люди ложились спать, она умерла. Двоюродный брат Лемы, которого рано утром направили в соседнее село, чтобы сообщить родственникам о ее смерти, через час доставили домой с перебитой автоматной очередью рукой. Он был сверстником Лемы. Отнести на кладбище и похоронить мать не удалось. В саду вырыли неглубокую яму и уложили в нее покойницу. В этот страшный день у Лемы убили еще одного сверстника, Хамид, который шел с продуктами к отцу-чабану на ферму, при выходе из села наткнулся на стоящих в окружении солдат и был расстрелян ими. Его также не разрешили похоронить — семья выехавшая, оставив тело в доме, на глиняном надгробье, прикрыв одеялом. А несчастная мать Хамида до сих пор не пришла в себя, ходит, как помешанная. На окраине села с мешочком кукурузы за спиной осталась лежать и соседка Лемы Азиза. Она была расстреляна при выходе из села, когда шла на мельницу, чтобы перемолоть кукурузу для своих шестерых детей. Несчастные, в ту ночь они сладко спали, не ведая о том, что над ними совершен столь страшный суд. Не знали они и о том, что село окружено, что есть приказ расстреливать всех, кто попытается выйти за границу. А наткнувшиеся утром на солдат Азиза, Хамид просто не поняли приказы солдат, звучавшие на русском языке: «Стоять!», «Поворачивай обратно!» «Буду стрелять!»

К горлу Лемы подступил ком. К счастью, глаза не наполнились слезами. Кто мог подумать, что произойдет нечто подобное? Лема знал почти всех солдат, находившихся в селе — молодых людей, многие из которых

лишь на два-три года были старше него. Они очень подружились со своими сверстниками. Вместе с ними бывали на свадьбах и вечеринках. Делили друг с другом чеченский чурек и солдатский паек. Ведь и ботинки, которые теперь носит Лема, подарены ему другом, молоденьким лейтенантом. Этим добрым людям однажды утром пришлось выгонять своих друзей из собственных домов, выселять со своей родины...

Когда он вспоминает обо всем этом, Леме становится тяжело на душе. Эх, если б он только мог забыть не только прошлое, но и настоящее, забыть все. Нет покоя ни днем, ни ночью. Каждую ночь снится далекая родина. Но вместе с ней вспоминается и тот страшный день... А наяву... И сегодняшний день не легче выносить... Лишения... Сладостные мысли о родине, которые заставляют забыть и лишения, и голод...

«Не так следовало поступать с Берсой, — думал Лема. — Хотя он и маленький, но все-таки прав».

Когда Лема оглянулся, его лицо было уже другое. Не было на нем иногда проявляющейся дерзости и жестокости. Оно вытянулось, напряглось, сморщилось, как у мучимого тяжелым недугом больного. Он молча вернулся на свое место у костра, сел, придвинул к себе вязанку дров, прилег, облокотившись на нее, и устал в потолок пещеры.

— Юра, я не знаю, за что нас сюда выслали, — начал он наконец. — Поэтому мне нечего об этом сказать. Дождь прекратится не скоро. Нам здесь придется сидеть еще долго. Поэтому, чтобы скоротать время, я коротко расскажу о том дне нашего выселения.

Парни, придвинувшись поближе, приготовились слушать. Но Лема не знал, с чего начать. Заложив руки под голову, он глядел в потолок, словно искал начало для своего рассказа.

— О чем же вам рассказать? — Лема взглянул на Юру. — По правде сказать, у меня не хватит сил, чтобы поведать вам обо всем. Сначала постараюсь рассказать о главном. Короче говоря, мы жили, как вы, как другие

люди. На земле своих предков. Она щедро одаривала нас. Мы этим довольствовались. И благодарили Всевышнего. Как и повсюду в советской стране, и у нас была власть. Старшие работали, младшие учились. Тот, кто завершал учебу, начинал работать. Болели, умирали. Встречались радости, беды и огорчения. Мы любили свою родину. То есть, мы были обыкновенными людьми, не лучше и не хуже других. С такими же, как у них, надеждами и мечтами. Как и вы, мы тоже мечтали о том, чтобы скорее закончилась война, ждали с фронтов братьев и отцов. Поэтому работали, не жаловались. Именно поэтому с радостью приняли солдат, которых привезли в наши села в конце сорок третьего года. К середине зимы они наполнили все села. В каждой семье — по пять-шесть человек. Наш народ очень гостеприимен. Таков обычай, идущий от предков. А солдат нужно было принять особенно хорошо. Беды и у нас были на фронте братья, отцы. Мы с уважением относились к солдатам, старались во всем помогать им. Жили с ними дружно, они были наш чужок, мы — их люди. Нам было неизвестно, зачем их там держат. Когда у них спрашивали об этом, то одни отвечали, что не знают, другие — чтобы отдохнуть, третьи — чтобы учиться ведению боя в горных условиях. В Европе горы, и там нужно будет воевать с фашистами. Солдаты часто выходили за село, проводили учения. Иногда их поднимали ночью по тревоге...

Юра и Адашбай спускали, боясь пропустить слово. Рассказ Лема, который начал с шуток, упреков, теперь доходил до их сердец, обжигая болью. Лема и сам удивился. Он не заметил, как искра от горящего с потрескиванием костра упала на его стеганные штаны, как она, дымясь, углубилась в вату. Он не прекратил свой рассказ и тогда, когда Берек тушил этот огонь.

— Эта трагедия произошла ровно год назад, 23 февраля 1944 года. В такой же, как и сегодня, ненастный день, в среду. Солдаты, вышедшие рано утром, согнали всех мужчин из нашего села в школу. Говорили, что

будет сход, посвященный Дню Советской Армии. Одновременно то же самое сделали во всех чеченских и ингушских селах. Когда все мужчины собрались, у дверей стала охрана. Сидевшие у окон люди, выглянув, увидели, что против каждого окна стоят пулеметы, стволы которых направлены на них, а у каждого пулемета, держа пальцы на гашетках, лежат солдаты. Люди удивились: почему День Советской Армии празднуют в таких условиях? Кто им угрожает? Или какая угроза со стороны мирных людей? Еще не успев удивиться происходящему, они поняли, что офицеры хотят провести сход. Некто, кого они до сих пор не видели в селе, одетый в форму, отличающуюся от обычной для всех, прямую, без лишних слов приказал всем сложить оружие. Какое оружие? Не сошел ли он с ума? Но офицер запретил любые вопросы. Он указал на кинжалы, которыми были подпоясаны мужчины. Я вам говорю для сведения: чеченцам и ингушам было дано разрешение на ношение кинжалов. Считая, что это часть национального костюма. Мирные, простые колхозники вставляли, снимали кинжалы, которые носили с дедовских времен, и, словно капитулянты, бросали их к ногам офицера, перед которым вскоре образовалась целая куча. Когда люди вернулись на свои места, еще не понимая, что с ними вытворяют, офицер сделал короткое сообщение. По его словам, чеченцы и ингуши – вредители и предатели. Правительство приняло постановление об их наказании, навечно выселив в Среднюю Азию и Казахстан. На местах все подготовлено, чтобы обустроить переселенцев. Если хоть один человек окажет сопротивление, все село будет уничтожено. Со вчерашней ночи село окружено. Ни одному человеку не разрешается входить и выходить из села. Есть приказ расстреливать на месте тех, кто без разрешения попытается это сделать. Отсюда всех людей выведут ровно через два часа. За это время все жители – стар и млад, женщины и дети – все до единого, должны быть выведены из села и сосредоточены в определенном

месте. Затем под охраной всех отведут к своим семьям. Сначала отсюда выведут несколько человек из числа присутствующих. Они должны будут пойти вместе с офицерами и довести до других жителей села все то, о чем здесь говорилось. Они должны подготовить людей к отправке. На сборы в дорогу и явку в определенное место дается два часа. Тот, кто попытается бежать или останется в селе после этого срока, будет расстрелян на месте. Лишний груз в дорогу не брать. Только одежду, постель и продукты на месяц. Кроме этого, ничего грузить на машины не разрешается...

Среди людей разнесся шум. Одни говорили, что надо сразиться до конца, другие были против. Зачем зря погибать? Если окажут сопротивление, то уничтожат оставшихся дома стариков, женщин, детей. Все во власти Всевышнего. Надо смириться с тем, что совершил бог. Более того, может быть, военные действуют от себя, без ведома впасти и Сталина. Это не может не дойти до Сталина. Или, может быть, все делается просто для покаяния, чтобы напугать людей. Выведут за село, отпустят обратно... Короче говоря, люди успокоились, уповая на бога и Сталина.

Детей, которые утром шли в школу, вернули с дороги и со школьного двора. «Сегодня у вас занятий не будет», говорили им. — В школе будет собрание. А вы отдохните». Занятий не было день, второй, третий. И месяц. А многим уже никогда не довелось сесть за парту.

Менее чем через час в селе сложилась ситуация, подобная той, которая будет лишь в день Страшного суда, на который соберут всех людей... Женские вопли, плачущих маленьких детей. Сордитые окрики мужчин. Рев домашних животных, вой собак, словно узнавших о беде, пришедшей в родной край. Суестьющиеся, словно охваченные огнем, люди. Раздающиеся в разных местах выстрелы...

До этого дни были теплыми, солнечными. Заканчивался весенний сев. В этот день природа возмутилась,

неизвестно отчего — то ли не выдержав несправедливости, чинимой над народом, то ли из-за гнева Всевышнего. Неожиданно надвинулись тучи. Медленно падавший снег постепенно перешел в буран. Такого бурана я никогда не видел, даже в самую холодную зиму... В это время, оставляя свои теплые дома, люди выходили на улицу.

Юра, подумай о человеке, у которого дом полон детей. У него нет возможности купить для всех одежду, обувь. Или, даже имея возможность, не купил — просто не дошли руки. Или думал, на что они детям, им же некуда ходить. В теплое время они играют раздетыми. Когда наступают холода, остаются дома или ходят поиграть к соседям. Надевая по очереди одну пару обуви, накидывая изношенное пальто. Если начинают на улице мерзнуть, забегают погреться домой. Родители и не думают, что в зимние холода придется куда-то выходить с ними. Если бы знали, может быть, заранее подготовились бы. Не трудно представить себе, в каком положении оказались родители, когда им сказали выйти в такой буран... Считается позорным, если на виду у других людей чеченец-мужчина возьмет своего ребенка на плечи. Но в этот день даже у тех, кто раньше больше других кичился, на спине и руках было по ребенку. Несли детей и матери. Завернувшись в истанги, одеяла, шли рядом и другие дети. У каждого, кто мог что-либо поднять, в руках, на спине был груз, соразмерный с его силами. В окружении солдат, босые, они выходили из села, ступая по снегу, который доходил до колена... В тот день я видел, как выходил из села муж убитой накануне Айзан. «Если б я знал, что случится такое, я бы позаботился о том, как одеть и обуть вас, дети, — сказал он, выходя из дому вместе со своими шестью детьми. — Теперь делать нечего. Отправимся в путь, уповая на Бога».

На плечах и руках у него было двое детей. Рядом с узелками в руках шагали остальные четверо. В доме на кровати осталось тело их матери, которое привез-

ли домой на подводе. Плач этих детей болью отзывался в сердцах людей...

А некоторые солдаты со слезами на глазах помогали людям собирать в дорогу их нехитрые пожитки, выносить их из дому, тащить до места сбора. На их руках и плечах можно было увидеть маленьких детей и бедный скерб жителей. Они старались успокоить детей, поднять настроение взрослых. А сами при этом плакали. Их сердца тоже ныли... Но у них не было возможности остановить это дикое безобразие...

Но среди этих тысяч добрых солдат находились и жестокие. Такие не давали людям собраться в дорогу, взять с собой необходимое. «Предатели Родины!», «Бандиты!», «Фашистские прихвостни!», «Помогли фашистам уничтожить наши семьи!» – с такими словами они подгоняли людей. В ту ночь, когда нас грузили в машины, передо мной оказалась одна женщина с ребенком на руках. Женщина замешкалась, так как никогда не знала, с какой стороны и как взобраться на машину, да и тому же держала на руках ребенка. Солдат, стоявший рядом, схватил ребенка за ногу, вырвал из рук матери и отбросил в сторону, в глубокий снег. Женщина с криком подбежала к ребенку, взяла его, бросила на машину и сама быстро взобралась.

Я не виню того солдата. Кто знает, может быть, где-то фашистами была уничтожена его семья. Возможно, его сердце было переполнено желанием отомстить врагу. Может быть, ему внушили, что чеченцы помогали гитлеровцам, будто они предатели, что с их помощью уничтожили его семью. Возможно, поверив в это, в его сердце вспыхнула ненависть.

Ночь нас заставили провести на окраине села, под открытым небом. Соорудив из снопов кукурузных стеблей и истангов некоторое подобие палаток, шалашей, укрыли в них от ветра детей. До самого утра люди жгли костры и сидели вокруг них с раздраженными от дыма глазами. А вокруг стояли грозные охранники. Пулеметы, поставленные на буграх, угрожающе смотрели пря-

мо на нас. Вокруг ходил автоматчик. Даже по крайней нужде никому не давали отойти.

Плач детей, посиневших от холода. Стоны больных. Окрики охранников, сквозь которые доносились мелодии гармонии и звуки песен. Покружившись по мрачному небу, вместе с бураном падали на землю голоса грустных назмов, которые пели старики. Откуда-то доносились звуки илли, поднимая дух собравшихся. Кое-где изредка устраивали танцы.

Еще страшнее были вторая и третья ночи. Дороги в горах плохие. О том, что по ним могут ходить машины, и речи не могло быть. Мы должны были пешком добраться до них. Путь, который обычно человек проходил за день, у нас занял два. Днем мы медленно шли, а вечером нас останавливали на привал, поставив вокруг охранников. Наш путь пролегал вниз с высокого склона. А на склоне бывает особенно холодно. Ни на минуту не покидала надежда на то, что нас вернут обратно... Но на третью ночь подъехали к нам и остановились крытые брезентом американские студебекеры. Погрузив на них, вывезли на ближайшие станции и загнали в теплушки. Оказывается, они были подготовлены для нас. Полки были в два яруса. В каждый вагон набили по 20-25 семей. Вместе со своим скарбом. Потом начался этот мучительно долгий путь. Уже через сутки в вагонах установился смрадный запах. За день выпускали лишь один-два раза. Люди были доведены до отчаяния тем, что негде было оправиться. Двери, закрытые снаружи, не открывали, хоть умири. О горячей пище и нечего говорить. Везде грязь, вши... Стали распространяться болезни... Через каждый день, когда эшелон останавливался где-то в степи, тела умерших выгружали из вагонов...

Из-за многочисленных остановок в пути мы добирались сюда почти целый месяц. Приближаясь к какой-то станции, надеялись, что хоть оттуда нас вернут обратно. Но, как видите, не вернули. Вот уже исполнился год с тех пор, как говорят, что не сегодня так завтра

вернут домой. Исполнился год, как чечено-ингушский народ исчез с карты мира, как нет чеченской письменности и образования, как не слышится чеченский язык по радио, как о нас не пишут в печати. Но мы продолжаем верить в добро. Сегодня, через год, нас еще не вернули домой. Мечтая о будущем, о том, что оно принесет облегчение, утешая себя этим, люди умирают, тоскуя по родине, взывая к ней. Мы живем этой верой, она дает нам терпение и силы. Я верю, что этот день настанет, когда-нибудь да настанет. Мы все верим...

Рассказ Лемы завершился. Пока он говорил, Берса полулежал у костра, подперев голову рукой. Вначале он слышал весь его рассказ, слушал равнодушно. Поддерживая костер, изредка перемешивая хворостиной горящие уголья, он скользил взглядом по лицам товарищей, наблюдая за тем, какое впечатление вызывает у них сей печальный рассказ. Но через некоторое время он сам мысленно вернулся в родные края. Берса, угнетенными глазами смотревший на огонь, словно во сне слышал грустный рассказ Лемы. Он не видел прозрачные слезы в глазах Юры и Адашбая.

Когда Лема закончил свой рассказ, Берса неожиданно оторвался от своих мыслей. Как и прежде, на улице шел холодный дождь. Казалось, что глыба камня, нависшая над входом в пещеру, с которой стекали большие капли, тоже плакала...

IX

Только что начались занятия у второй смены. Доносились голоса учителей, объясняющих новые темы, ответы учащихся. Николай Кузьмич, не останавливаясь во дворе, прошел в свой кабинет и сел. Приближался конец третьей четверти. Нужно было посетить уроки учителей, оказать им помощь в работе. Но сегодня ему ничего не хотелось делать. Говоря по правде, вот уже два-три месяца, как у него все валилось из рук. Ему, парторгу, дела колхоза и села не давали возможность

основательно заняться школой. Он отвечает за все, что происходит в этом селе. Ему хорошо известно об ответственности, которую несет. Время ведь военное. Хотя война шла уже далеко на западе, здесь тоже своеобразный фронт. Трудовой. От работы тыла зависит победа. Конечно, Покровка – это всего лишь одно село, затерявшееся среди гор. Но в каждом селе, на каждом хуторе, в каждой бригаде, на каждой ферме, даже там, где находится всего один человек, нужно работать, поддерживать порядок. «Все для фронта, все для победы» – таков лозунг партии и народа.

...Но трудно. В этом году колхоз заготовил мало сена. Оно уже заканчивается. А зима, по-видимому, хочет продолжиться больше обычного. Нехватка кормов довела животных до истощения. Пытаясь спасти их, каждая семья в колхозе забрала и держит дома по одному волу или лошадь. Их нужно хорошо откормить. Скоро наступит весна, тогда они понадобятся, чтобы пахать и сеять. Колхозники знают об этом. К счастью, семян для посева достаточно. Озимых тоже засеяно в два раза больше, чем в прошлом году. Так что, дела здесь не так и плохи, но все-таки беспокойно на сердце... Ему так хочется, чтобы скорее победой закончилась война и как-нибудь облегчить судьбу здешних чеченцев.

Николай Кузьмич грустно оглянулся вокруг. Все как прежде. Его рабочий стол, диван с торчащими наружу пружинами, четыре стула, этажерка с книгами. С портрета, висящего на стене, на него смотрят умные глаза Ленина. Под портретом висит политическая карта мира.

Он подумал, что хорошо было бы пойти в сельсовет, а также в контору колхоза. Но поленился из-за дождя. В такие ненастные дни начинала ныть раненая нога. Она заставила его вспомнить Маила. Потом перед глазами предстали лица двух женщин, которых он только что проводил. А сколько их еще находится в таких же тяжелых условиях? Кто знает, как живут чеченцы, разбросанные в бескрайних степях Казахстана и горах Кир-

гизии?! Да, их положение его беспокоило. У местных жителей есть свои дома, сады, домашний скот. Ничего этого у чеченцев нет. Вместе с родиной у них отобрали все, что у них было накоплено за всю жизнь. Отобрали все – и прошлое, и будущее. Колхоз не в состоянии помочь им. Семена, оставленные на весенний сев, отдавать нельзя. А кроме этих семян, в колхозе осталось всего две тонны зерна, которое по решению общего собрания колхоза, припасено для чеченских семей. Но как мало этого для двадцати семей. А до урожая ячменя осталось еще четыре месяца. Вся надежда на помощь государства. Месяц назад появилось сообщение, что каждой семье чеченцев для восстановления своего хозяйства выдадут ссуду, а также по одной корове. Более того, по просьбе руководства района вышестоящие органы обещали увеличить размер пайка, выделяемого на каждого человека. Но пока ничего не сделано. Руководители села надеются на то, что Анастасию Федоровну вызвали по этому вопросу.

«Но если даже расселить их во всех концах света, отдать им весь мир, чеченцы не обратят внимания на эти богатства, не обрадуются хорошей жизни. У каждого из них страшная, жестокая рана на сердцах. Она на сердце у всего народа. Ни врачи, ни деньги, ни богатства не залечат ее. Сочувствие местных жителей несколько приглушает их боль. Но боль не пройдет, рана не зарубцуется, пока они не вернутся в родные горы. Их покарство находится там», – думал Николай Кузьмич.

«В чем их вина?» – в ушах у него уже целый год звенел этот вопрос, не давая покоя.

Он не знает. Не знает. Ох, сколько осталось всего, добути чего ему не удалось дойти!

Университетская аудитория. Он и сотни других студентов слушают лекцию известного профессора. Они любят, уважают его. Он хороший человек, все свои силы и знания отдает молодому поколению. Коммунист, верный сын партии. В том, что все именно так и есть, ник-

то не сомневается. Но однажды профессор не приходит на работу. Не приходит и на второй, и на третий день. Потом до них доходит известие о том, что он... был против партии, предателем родины, врагом народа.

Подумать только! Какими глупыми они оказались! Не догадались о том, что этот седой профессор, ежедневно читавший им лекции, разговаривавший с ними, был врагом народа! Однако как умел скрывать он свои предательские намерения, каким хитрым оказался! Был обучен империалистической агентурой!

И еще. Партийный и государственный деятель, которого хорошо знают все жители города. Старый большевик. Сидел в царской тюрьме, прошел через ссылки. Не было силы, которая сломила бы его, заставила бы отказаться от идеи. Участвовал в трех революциях. Все силы отдал укреплению Советского государства. Бывший слесарь, ставший теперь видным деятелем партии и государства. Никто не сомневается, что вся его жизнь чиста, без единого черного пятнышка.

Но однажды, когда рано утром выходят на улицу, они узнают, что этот старый большевик был врагом народа.

За этот один год «изобличают» тысячи «врагов народа», «убийц», «агентов империалистических разведок».

Арестованы, закончено следствие, расстреляны... Те, кто их не знал, верят, что наказание справедливое. Но товарищи, которые близко знали их, прошли вместе с ними долгий, трудный путь, знают, что они уничтожены без всякой вины. Да, товарищ, друг, близкий каждого. Верят в то, что те, которых они не знают, наказаны справедливо. А при осуждении невиновных – его товарища, друга, близкого – органы государственной безопасности допустили ошибку. А что делать? Он всегда был готов отдать свою жизнь за дело революции. Готов был умереть за партию, революцию, народ, родину. Он погиб. Ничего, это просто случилось при очистке партии и родины от тысяч врагов народа. Поэтому

теперь партия и советское государство находятся в безопасности...

Так думали товарищи, друзья, родственники «врагов народа».

То же самое думал тогда и Николай Кузьмич. Он разговаривал в людях, в ученых, в руководителях партии и государства, военачальниках. «Кто знает, может быть, в этот момент врагом народа, агентом империализма», — мелькала мысль при виде кого-нибудь. Так было иначе. Но то, что этих «шпионов», «убийц», «врагов народа» становилось все больше и больше, заставило его призадуматься. Но задавать вопросы, пытаться разобраться в происходящем было опасно.

«Если бы не были виновны, пресса не писала бы об этом. Сталину видно. Он ошибаться не может, — успокаивал он сам себя.

Тогда Николай Кузьмич был молод. Он не был в состоянии докопаться до сути этих дел. С тех прошло немало лет. За это время он вырос во всех отношениях. Теперь он член ленинской коммунистической партии. Ему заветно сохранить в чистоте ее честь перед народом, перед все миром. Это считал обязанностью коммуниста. Поэтому он так много думает об этих делах. Но, сколько бы он не думал, он не может понять, за что наказаны кавказские народы. Если восемь лет назад уничтожали сотни тысяч разных людей, то теперь начали наказывать целые народы. В один день — миллионы. Среди них есть женщины, дети, старики. И те, кто имеют большие заслуги перед партией, народом, страной. Герои гражданской и нынешней войн. Работники НКВД распространяют дикивные слухи о том, что эти народы целиком являются предателями родины. Но об их вине, о наказании, которому они подвергнуты, ни слова не сказала пресса, не написано в литературе.

«Что же происходит? — спрашивал он сам себя. — Теперь я уверен в том, что не все уничтоженные в тридцать седьмом году люди были виновными. О том, что виновны выселенные народы, и речи не может быть. Не-

ужели все это дело рук империалистической агентуры? Ведь враги постоянно скрипят зубами, готовятся к войне против советской страны. Неужели они, прежде чем развязать войну, с помощью своей разведки уничтожили партийных, государственных, особенно военных деятелей? Блюхера, Тухачевского, Якира, Уборевича, Корха, Эйдемана, Фельдмана, Примакова, Дыбенко... Сколько их еще... Но как? Наверное, удалось внедриться в высшее руководство партии, вооруженных сил, НКВД. А Сталин не знал, что они невиновны. Наверное, жалобы о творящихся несправедливостях до него не доходили. Они, видимо, попадали прямо в руки настоящих врагов народа, а те представляли Сталину ложные материалы. А он должен им верить. Ведь он один не может успеть везде и за всеми...»

Глубоко вздохнув, Николай Кузьмич встал и подошел к окну. Дождь немного затих. Было видно, что восток начинал проясняться. Со склона, по тропинке со стороны кладбища медленно шел старик. Это Абдул-Азим. Николай Кузьмич знал и о том, почему он, возвращаясь с работы, несет с собой прутья. Мария Петровна очень бережно относится к корзине, сделанной им. И ему он подарил чеченскую ложку. У этого старика умелые руки, умная голова, полное мужества сердце и благородный вид. Но...

«Но за что этого старика выслали? — спросил он самого себя, глядя на него. — Допустим, партийных, советских, военных деятелей империалисты, может быть, дали уничтожить в своих целях. А кому выгодно то, что выслали эти народы? Выгода, выгода... Кто знает, может быть, это тоже происки империалистов. Разве несокрушимость советского государства основывается не на дружбе народов СССР, на единстве и равноправии, на общности идей и целей? Разве империалисты явно и тайно не пытаются подорвать его основу, мечтая о разрушении единства, дружбы и общности? Разрушив своими руками несколько автономий, выслав народы, не хотят ли они обвинить в этом советское государ-

ство и коммунистическую партию, чтобы опозорить их перед миром? Или все сделано для того, чтобы посеять вражду между советскими народами? Или для того, чтобы в трудное для фашизма времена, начав их выселение, вызвать восстание в тылу советских войск? Выбраны такие народы, историческое прошлое которых дает основание обвинить их, и этим обвинениям легко поверят другие народы. Чеченцы, которые десятки лет боролись с Россией. Балкарцы, карачаевцы, калмыки, которые являются потомками монголов и татар, некогда господствовавших над русскими... Нет, сколько ни думай, не дойдешь до сути... Можно сойти с ума. Но кто бы ни был виноват в этой несправедливости, цели своей он не достигнет. Не найдется в мире силы, которой удастся разрушить дружбу советских народов, их единство, общность, опорочить партию, поколебать веру народа в нее, разъединить их. Партия на своем съезде, на Пленуме ЦК не ставила и не утвердила вопрос об их выселении. Но когда-нибудь этот вопрос вынесут на съезд, чтобы исправить ошибку. Ох, как серьезно обдумают его, как проклянут виновного. Это будет день торжества ленинской национальной политики. Я верю в это, как и миллионы подобных мне советских людей!»

Николай Кузьмич не знал, что операцией по выселению чеченцев и ингушей руководил самый доверенный друг Сталина, его близкий товарищ, «славный сын народа» Бория.

Позирающий из больницы Алха встретил Абдул-Азима и двух киргизов, которые на саях, запряженных одним волком, везли покойника.

Абдул-Азим обрадовался встрече с Алхой.

— Ох, как хорошо, Алха, что ты встретился. Мы везем бедного Аюба. Его нашли мертвым под горой, у дороги. Я шел, думая о том, кто мог бы помочь мне похоронить его. К счастью, и Муса с тобой. Беги, где бы не

были, найди и приведи Межеда и Али. Кроме них, в селе нет никого из мужчин, которые сохранили бы силы. Не знаю, что буду делать, если они свалятся. Найди Лему и Берсу. Вместе выройте могилу.

У Аюба было два сына и две дочери. Сыновья были женаты и жили отдельно, а дочери вышли замуж и жили в соседних селах. Попав в разные эшелоны при погрузке на станции в Гудермесе, они оказались в различных районах Ошской области, а о местонахождении дочерей ему ничего не было известно. Аюб, похоронив два месяца назад жену, остался один.

В этом селе дома киргизов отличались от остальных. Сложенные из глины стены, пологие односкатные земляные крыши. В некоторых домах были широкие печи, сложенные у стены, но многие просто рыли неглубокую яму в центре комнаты, разжигали в ней костер, а когда он догорал, стелили постель и ложились спать ногами к яме. Дым, поднимавшийся от костра, разожженного посреди комнаты, кружил по всей комнате и выходил через широкое отверстие, оставленное в крыше.

Дом снаружи и изнутри мазали глиной, но побелку не делали.

До создания колхозов многие киргизы, проживающие теперь в Покровке, жили не в селах, а в горах, кочуя со своими отарами из одного места в другое, разбивая юрты, поэтому и были у них такие дома, словно поставленные на время.

Прежде чем внести Аюба, Абдул-Азим и Алха зашли в дом, чтобы посмотреть, в каком он состоянии. В доме было чисто, стены замазаны ровным слоем глины, покрашены желтым песком. Глиняный пол тоже был ровным. Печь в эти два-три дня не топилась — наверное, не было дров. Пол устлан тонким слоем соломы, на которой разостлан чистый разноцветный истанг, на нем подушка, два одеяла из бязи, аккуратно сложенные в изголовье; напротив стоят медные кувшин, тазик и кумган. В тазике было немного воды. По-видимому, она ос-

танась после утреннего намаза. На полке лежали две-три керамические тарелки и деревянные ложки. Из домашней утвари больше ничего не видно.

— Когда умерла хозяйка, у них еще оставался хороший ханер, — задумчиво сказал Абдул-Азим. — Наверное, бедный, обменял его на продукты.

— Сарыбай, вам я поручаю работу, — обратился он к старшему, молча стоявшим напротив него. — Нужен большой казан, чтобы нагреть воду. Вот кувшин, чтобы принести воду. Полаботьтесь о дровах. Во дворе нет хвороста. А ты иди со мной, Алха.

У Абдул-Азима дома было все, что нужно для омовения умершего. Аккуратно приготовленная им самим доска, на которой укладывают тело, неизвестно откуда добытое им мыло, сшитые им рукавицы и киргизская расческа, сделанная из рога...

Вернувшись со всем этим, они начали раздевать Аюба. Но это не потребовало большого труда. Стеганые ватные тулжурка и брюки, старые чуваки на ногах — вот и вся одежда умершего.

— А теперь, во имя Всевышнего, мы искупаем Аюба, — сказал Абдул-Азим, уложив его исхудалое тело на доску.

Алха знал, почему Абдул-Азим носит эту расческу. Алха, который делал подобную работу почти ежедневно, видел много грязных тел, покрытых вшами. Они были на голове, на бровях, в усах и на бороде, везде, где растут волосы. Щей убирали расческой, а если это не удавалось, некоторые места приходилось брить.

К счастью, тело Аюба было не таким безобразным. Как бы не страдал от голода, тело он держал чистым для намаза.

— То, что в своей жизни людям труднее всего сохранить — это благородство. Благородство души и тела. Как бы не угнетал его голод, он предстал перед Всевышним, сохранив благородство души и тела. Никому не жаловался на свои трудности, ни у кого ничего не попросил, не дотронулся до чужого добра. Всегда был

опрятным, не бросил намаз и уразу. Бедолага, умер в пути, возвращаясь домой, продав что-то из своего домашнего скарба и купив миску кукурузы. Пусть Всевышний простит его...

— А что делать с оставшимися вещами? — спросил Алха. — Ведь здесь нет его родственников.

— Раздадим тем, кто нуждается, пусть это будет пожертвованием за него и его близких.

Завернув тело в истанг, Абдул-Азим приготовил большую иглу с толстой ниткой и сшил края.

— Ну вот, Аюб теперь готов. Счастлив он, ведь закончились его мучения... Сарыбай, подведи сани!

Тезет, оплакивание умершего в эти последние месяцы не устраивали. Не приходилось думать и о том, чтобы читать по умершему аяты из Корана, устраивать зикр, приносить пожертвования. Искупав и завернув умершего в истанг или одеяло, как сейчас Аюба, два-три человека относили его на кладбище и хоронили. В окрестных селах часто были случаи, когда и это некому было делать. Тогда жена, мать или сестра с помощью детей на спине или на лестнице, волоком, уносили на кладбище тело умершего и, выкопав могилу глубиной в полметра, хоронили его, не читая при этом ясин и заам.

Когда не станет Абдул-Азима, с живущими в Покровке чеченцами будет то же самое.

Али, Межед и Муса, которые заранее пришли сюда, вырыли глубокую могилу.

На деревянный столб, поставленный у изголовья, написали имя Аюба. Фамилию его никто не знал.

После этого Абдул-Азим, прочитав про себя ясин и заам, совершил молитву.

В Покровку привезли двадцать чеченских семей. Здесь уже более сорока могил...

Х

На окраине села виднеется домик, который стоит отдельно от других, словно сирота. Потрескавшиеся сте-

ны из самана, не мазанные глиной, не защищают от ветра. Они стали пестрыми от прибитых к ним навозных попашек. На одной из стен до сих пор несколько из них еще не высохли. С покато́й земляной крыши вода стекает плохо. Края крыши размыты, словно загрохотавшей то дверью.

Когда стирываешь старые двери с щелями между досками, входишь в мрачную комнату. На одном окне не остается двух стекол. Вместо них проемы закрыты тряпками. В комнате не видно ни постели, ни посуды. Сырая стена не разгорается, а по широкому дымоходу каплет дождь. От сквозняков дым кружит по комнате. Закопченные стены и потолок блестят, как смола.

Комната, в которую ведет следующая дверь, несколько спиритнее, она более или менее обставлена. Хотя в ней всего одно окно, оно полностью застеклено. На глиняной полке стоит посуда, на кровати лежит свернутая постель, и печи горит огонь.

В первой комнате на истанге, свернувшись в клубок, под тонким одеялом лежит женщина с тужуркой на изгибание. Этот человеческий комок трясется. Слышно, как стучат ее зубы. Задувающий в окно и двери ветер прожидит сквозь дырявое одеяло. Она натягивает его на мерзнувшие места, но тогда оголяется что-то другое. Женщина учащенно дышит. Тело трясется. Она вся покрыта потом, но ей кажется, что внутри нее лед.

— Марану, умираю... Всевышний, на все Твоя воля... Эх, жизнь... Был бы хоть кто-нибудь рядом, чтобы прикрыть одеялом спину...

Нет, прийти ей на помощь некому. Троюродный брат, Маале Асвад куда-то ушел, а его жена ушла на ферму. На вечернюю дойку. До женщины доносятся голоса двух людей, разговаривающих за домом.

Затанув дыхание, стиснув стучащие зубы, Зану прислушивается. Она узнает грубый голос Асвада, который с кем-то переговаривается, с трудом подбирая известные ему русские и киргизские слова.

«Не позвать ли его, — думает Зану. — Попросила бы

подправить одеяло. Кто знает, может быть, из жалости они принесут одеяло из своей комнаты и накроют меня...»

Откинув край одеяла, Зану высовывает голову. Мокрое от пота лицо. Прилипшие к нему черные волосы. В покрасневших глазах блестят подступившие слезы. Свистящий через печку ветер обдаёт лицо холодом. Голоса на улице затихают.

Зану опять засовывает голову под одеяло. Снова ее маленькое скорчившееся тело трясется, вновь застучали зубы, учащается дыхание. В голове роются странные мысли, перед глазами мелькают разноцветные картины...

...Село, оставшееся далеко-далеко. Прекрасная природа родного края. Семь счастливых лет, проведенных в школе. Любовь, вспыхнувшая у нее и Маила еще в детстве. Неожиданно нагрянувшая война. Уход Маила, которому едва исполнилось девятнадцать лет, добровольцем в армию. Звено под руководством Зану, созданное в колхозе. Мечта о том, чтобы война завершилась с победой и Маил вернулся домой, после чего они создадут семью. Письмо от Маила, в котором он написал, что ранен под Курском. Его возвращение в родное село спустя несколько месяцев без одной ноги, с орденом и медалями на груди. Ночь, когда они впервые встретились...

Это произошло у подружки Зану Асет. Маил вошел в комнату, опираясь на костыли, приставил их к стене и сел на стул, стоявший напротив, улыбнулся и посмотрел на Зану. Она видела сидящего перед собой черноволосого с проседью молодого человека с худым, чернявым лицом. Маил изменился. И глаза не такие веселые, как раньше. Зану видела в них печаль, как бы Маил ни пытался ее скрыть.

Зану смутилась и продолжала стоять.

— Ну, Зану, как у тебя дела? — услышала она изменившийся голос Маила. В глазах Зану, подернутых облаком слез, образ Маила расплывался.

— Что ты молчишь? — говорил Маил. — Не стой же, садись.

Зану радовалась тому, что в комнате нет никого, кроме них. Припадая все силы, чтобы не заплакать, она сдерживала подступивший к горлу ком. Но силы иссякали. Она видела своего любимого, некогда веселого, здорового и ловкого Маила, который стал калекой и даже как-то ослеп. А каким ему еще быть? Кто прильнет к его разбитое сердце? У него ведь нет ни родителей, ни близких... Зану присела на месте, обхватила голову руками и дала волю своим чувствам.

— Почему ты плачешь, Зану? — растерялся Маил.

— Что ты не рада тому, что я вернулся живым?

— Маил, лучше бы я умерла, чем с тобой произошло это... Чем мне тебе помочь?..

Зану плакала. Ей стало легче. Маил некоторое время сидел молча и спускал ве.

— Не говори об этом, Зану, — сказал он, наконец. — Война есть война. Там и ранения получают, и погибают. Не мне одному причинена боль. Миллионы погибли, продолжают погибать. Миллионы, как и я, стали калеками, будут становиться дальше. Что такое моя нога, моя жизнь? Только бы эта война закончилась, даже ценой моей жизни.

Долгая осенняя ночь прошла незаметно быстро...

Через две недели после этого Зану вышла замуж за Маила. Его старательные руки привели в порядок долгое время оставшиеся заброшенными дом и двор.

Устроиться заново им помогали друзья Маила и родители Зану. Они ни в чем не нуждались. Весь мир им создали своим, лишь бы были вместе.

Казалось, что они безмерно счастливы и никогда не будет горя и бед. Но, оказалось, что они приходят сами, даже если человек не ищет, не ждет, не зовет их. Беда пришла, и не только к ним, но и ко всему народу.

Ненастный, холодный день 23 февраля 1944 года. Эта трагическая среда. Долгий, растянувшийся на целый месяц путь, проделанный в нелепости. Оставшаяся вдале-

ке родина. Раскиданные в разные стороны родственники и односельчане, о которых ничего неизвестно... Преждевременная смерть Маила...

Зану начала задыхаться и откинула с лица одеяло.

— Маил... Больше я не увижу тебя... Больше не увижу... Не знаю, что с родителями, братьями и сестрами... Осталась я одинокой, оторванной от всех...

От своих мыслей Зану прервал Асвад, который вошел в комнату, сильно хлопнув дверью. В присутствии деверя Зану напряглась, пытаясь утаить от него свое учащенное дыхание и дрожь в теле. Но Асвад молча прошел в свою комнату. Зану казалось, что было бы кому ей соболезновать, то болезнь бы отступила. Недуг впервые поразила ее молодое, здоровое тело. А что будет, если он затянется? Если в первый же день они начали так избегать ее, что будет дальше?

Дверь между комнатами открылась. Вошел Асвад, несколько раз прошелся по комнате и присел рядом с Зану. Она почувствовала, как он поправил одеяло за ее спиной.

— Зану,— тихо, словно боясь, что кто-нибудь может услышать, окликнул ее Асвад.

— Что, кант? — ответила Зану, не высовываясь из-под одеяла.

— Перейди в другую комнату, мне нужно с тобой поговорить.

Асвад ничего больше не сказал и ушел в свою комнату.

Асвад был на пятнадцать лет старше Маила. Когда сын его двоюродного дяди вернулся с фронта, он принял участие и в его женитьбе на Зану, и в их обустройстве. Здесь он тоже опекал Маила до тех пор, пока не настали трудные времена. Но, постепенно отдаляясь, в конце концов бросил его. На войне даже перед смертью человек не теряет самообладания и воли, но редко встречается мужчина, который устоял бы перед бедностью. Асвада же трудно было причислить к настоящим мужчинам.

Искалеченное тело Маила не выдержало ностальгию и голод. Он тихо умер под солдатской шинелью в такой же

мрачной, сырой комнате, ни единым стоном, ни единой жалобой не выдавая своих чувств. Зану, расставшись с единственным близким человеком, осталась одна, как сирота. Асвад то ли из-за неприличия оставлять молодую девушку одну, то ли с намерением использовать ее силу в своем хозяйстве, но забрал ее в свой дом. С того дня девчонка, прежде неприветливый, стал с ней подчеркнуто общительным. Когда Себила не было дома, бывало, давал прищипку кукурузной муки, кукурузы, ячменя или овсяницы и после них жидкий суп...

«На стало ли ему жалко меня, лежащую в этой холодной комнате, на сыром полу, словно чурбан, — думала она. Не упрямит ли в постель, переведа в другую, теплую комнату, напоит горячим супом?..»

Взвешивая за этим в голову приходили другие мысли: «Что, если я стала для них пищей? Если боятся, что я буду долго болеть? Если Себила ушла на работу, сказав мужу, чтобы тот меня выгнал? Если девчонка разведет меня, вызвав в свою комнату? О, Аллах, куда мне тогда податься? На что опереться? Кому я буду нужна? Ведь все и так в отчаянии, суетятся, не зная, как самим выжить. Лишь бы меня оставили здесь до тех пор, пока не найду своих родственников, не встречу с ними...»

Ряд этих мыслей, крутившихся в сознании, вызвал у Зану новый приступ лихорадки. По щокам дождем полились горячие слезы, а горло застряли вырывающиеся наружу стоны. Но, но не нужно давать волю сердцу, которое хочет выплеснуться. Надо заглушить в груди боль, которая лопит, пытается порваться через край...

Убедившись в том, что Зану не придет в соседнюю комнату, Асвад вернулся, влипнул два-три раза и присел около нее.

— Зану...

— Что, сын?

— Что же ты не зашла в соседнюю комнату? — Асвад тихонько откинул с ее головы одеяло и положил свою холодную руку на ее горячий, запотевший лоб. — Ты не плакала?

– Нет, это пот...

– Зайди на часок в соседнюю комнату.

– А что мне там делать?

– У меня к тебе разговор, – поправив прилипшие ко лбу волосы, он несколько раз погладил ее по шее.

Зану попыталась встать. Но обессиленное лихорадкой и утомленное болью тело не слушалось ее.

– У меня нет сил передвигаться, кант. Меня до сих пор лихорадит. Говори здесь, что хотел, я слушаю...

– Что, голова сильно болит? – опять положил он руку на ее голову, – было бы хорошо, если бы ты смогла перейти в ту комнату.

– Не смогу я подняться...

– Если не сможешь, что поделаешь. Тогда я здесь скажу, – изменил тон Асвад. – Видишь, Зану, по воле Всевышнего Маил умер, несмотря на то, что мне нужен был брат, а тебе – муж. Если даже самый дорогой для него человек умрет, оставшийся должен жить. Со временем умерший забывается. Мужчина женится, женщина выходит замуж. А ты молода и красива. С мужем ты прожила всего год. Ты еще в таком возрасте, когда нужен муж.

«Так, сейчас произойдет то, чего я боялась, – подумала Зану, – он хочет дать развод и выгнать меня из дому...»

– Но времена теперь трудные, чтобы жениться или выйти замуж. Я позволил бы тебе пожить у нас месяц, год, но потом можешь надоесть. Тебе некуда податься, если мы тебя выгоним. Ты не знаешь, где находятся твои родственники, живы они или нет. Нет уверенности в том, что кто-то даже из жалости приютит тебя. Все пытаются сами как-то выжить.

Зану не слышала деверя, как бы ни прислушивалась. Она уже представляла себе, как со своим старым одеялом лежит где-то под открытым небом, не имея уголка.

– Что мне делать, куда податься?! – невольно вырвалось у нее.

– Чтобы спастись, у тебя есть один путь, Зану. Ты должна стать моей...

Зану, словно ошпаренная кипятком, откинула руку Ас-

пада со своего лба и присела. Лихорадку как рукой сняло, будто ее никогда и не было. Утомленное голодом пепельное лицо вмиг покраснело, словно незажившая рана. Она видела, как Асвад, обнажив свои желтые зубы, улыбаясь, словно шелудивый пес, смотрит на нее своими бесстыжими и хитрыми глазами. Ему показалось, что Зану набросится на него, и он, скользя, отодвинулся. Но женщина думала о другом. За короткое время перед ее глазами промелькнули события со школьных лет до смерти любимого. Вспомнила и о том внимании, которое уделял ей Асвад после смерти Маила, когда жена отлучалась...

— Асвад! — дрожащим голосом в первый раз произнесла она его имя. — До сегодняшнего дня я ночевала под крышей этого дома, не зная, каков ты на самом деле. Лучше бы я умерла в тот день, в который решила поселиться здесь. Тебе не стыдно смотреть мне в лицо? Ведь мой муж был сыном твоего двоюродного дяди, твоим братом. Еще не засохла вода, вылитая на его могилу. Как ты мог так подумать обо мне?

Асвад вскочил.

— Заврой свою пасть! — прикрикнул он на Зану.

— Нет, Асвад, я закрою не свою, а твою пасть. Если ты и забыл своего троюродного брата Маила, я не забыла. И не забуду, пока не сойду в могилу. — Зану ударила кулаком в свою грудь. — Он ведь находится здесь, Асвад. Что ты себе возомнил? Не думаешь ли ты, что я думаю о замужестве, если молода и с мужем прожила лишь год? Ты думал, что я продам честь и достоинство, раз умер муж, осталась одна, заболела и лежу в сенях твоего дома? Глупо ошибся ты в своих ожиданиях! Ведь в моей груди стучит благородное сердце чеченки, в венах течет чистая чеченская кровь. А твои сердце и кровь очень сомнительны!

— Замолчи, ведьма! А то кто-нибудь услышит!

— Пусть слышат! Эх, была бы высокая гора, с которой мог бы слышать весь мир, и бы поднялась на нее и объявила всем, кто ты на самом деле! Тогда тебе стало бы стыдно? Нет, клянусь Кораном! Ведь у тебя нет ни стыда, ни совести!

Зану, надев тужурку, дрожащими руками стала сворачивать свой истанг и одеяло. Затем она крепко обвязала их ремнем, взвалила на плечи, взяла в руки лежавший в углу маленький топорик, который носила с собой по дрова, и пошла к выходу.

Асвад испугался. Если уйдет, то она опозорит его перед людьми. Если об их разговоре кто-нибудь узнает, то его невзлюбят до самой смерти. Ведь у чеченцев нет большего позора, чем нечестность по отношению к женщине, особенно к родственнице. Раньше такого человека жестоко убивали, избивая камнями, или выселяли из села, края. А быть нечестным по отношению к снохе, так это вообще неслыханное дело. Ее надо испугать или обмануть.

– Ты куда? – преградил он дорогу Зану.

– Что за вопрос? Ухожу. Не думаешь ли ты, что я дальше останусь в твоём доме?

– А куда ты денешься, если уйдешь? Не думаешь ли ты, что люди тебя ждут, не дождутся?

– Мир большой. Для своей смерти место я найду где угодно. Я считаю недостойным даже умереть в этом доме. А за других людей ты не ответчик. Люди не такие подлые, как ты...

– Я ведь с тобой просто пошутил...

– Да, нечего сказать, приличная шутка!

Убедившись, что добиться задуманного уже не удастся, Асвад попытался представить все с иной стороны.

– Я слышал, что ты увлекаешься другими. Поэтому попытался испытать тебя...

– Ну и как, испытал?

– Я убедился в том, что люди говорят неправду. Положи свои вещи и о нашем разговоре ни слова никому не говори. Если узнаю, что ты с кем-нибудь хоть словом обмолвилась, я тайком от людей прибью тебя. Сними с плеч и положи свои вещи!

– Не трогай меня, а то я топором раскрою твою голову! Я перестала быть твоей снохой, ты мне теперь чужой! Уйди с моего пути!

Пиди и наполненных ненавистью, огнем горящих глазах Зану непоколебимую решимость, Асвад трусливо отступил и ушел в свою комнату.

Когда Зану, открыв ударом ноги двери, вышла на улицу, в ее лицо ударил холодный, влажный ветер последних дней зимы.

Зану долго простояла на улице, не зная, куда же ей податься. Вспомнила про Хелипат. Но она жила далеко, в противоположном краю села. Не было сил, чтобы дойти туда. Она вспомнила о детях, живших через два-три дома и подвале. Решеда, старшего из них, они с Хелипат часто встречали, когда ходили за дровами.

Решив, что проведет ночь с детьми, а на следующий день рано утром переберется к Хелипат, Зану с трудом поплелась со своей ношей. Она и не заметила, как оказалась на окраине села. С каждым новым шагом тело слабело. Хотя ноша на плечах была и не тяжелой, но горе, которое переполняло грудь, согнуло ее прямую спину. Она не чувствовала ни неожиданно начавшийся холодный дождь, бьющий в лицо, ни пронизывающий насквозь ветер. Туман от обильно стекающих по ее щекам слез, смешивающихся с дождем, делал еще более мрачным и без того ненастный день.

На улице было пустынно. Дождь загнал всех в дома. С голых веток деревьев тихо стекали капли дождя. Казалось, что они плачут вместе с ней, обливаясь горькими слезами.

А Зану все шло вперед. Она уже не обращала внимания на грязь, на бороздки хвоялы, оставшиеся от Маила, к которым до сих пор относилась очень бережно.

Она шла вперед, хотя и сама не знала, куда именно.

Куда же она могла пойти? Как говорил Асвад, никто ее не ждал. Нет ни родственников, ни односельчан. Асвад — единственный односельчанин, деверь, и тот оказался

вероломным. Где же остальные? Неизвестно. Кому выплакать накопившуюся в груди жгучую боль? Некому.

«Нет никого. А если пойти, куда глаза глядят, в поисках своих родственников? Нет, так она далеко не уйдет. Коммендант приходит два раза в месяц, чтобы чеченцы дали расписку. До его очередного прихода осталось два дня. Если она не пойдет к нему, чтобы дать расписку, то он узнает, что сбежала. Потом начнут искать. Или, не дожидаясь этого, первый же встречный милиционер вернет обратно. А потом осудят и отправят в Сибирь...»

Зану вышла за околицу села и поднялась на одиноко стоящий холм. Здесь находилось чеченское кладбище. У изголовья захороненных вначале двух-трех человек стоят памятники из грубого песчаника, на которых с трудом различаются имена и даты. У изголовья умерших чуть позже — тополиные столбы. Надписи на них давно стерлись. А у изголовья третьих нет ничего. Лежащих по этим холмикам забыли еще до того, как на них успела вырасти трава. Их близких уже нет или они лежат, изнуренные голодом. Оставшимся в живых не до умерших...

Она идет среди могильных холмов. Ее взгляд останавливается на одном из них, с любовью ухоженном заботливыми руками, у изголовья которого стоит невысокий надмогильный камень из песчаника. Там похоронен ее любимый Маил. К нему она приходит всегда, когда наваливается горе. Здесь она выплакивает ему свое сердце. Куст полыни на этом могильном холме орошен ее слезами.

Женщина то присаживается у изголовья могилы, то вдруг, как через плотину вода, у нее прорывается плач, и она падает на могильный холм, обнимая его. Нет, это был не просто громкий плач женщины. После первого крика доносился долгий стон. Начиная задыхаться, она хваталась за горло, открывала рот, словно выброшенная на берег рыба. Лицо ее посинело, дышала она с трудом. То ли из-за усталости, то ли от того, что рыдания несколько облегчили сердце, плач женщины становился все тише и, наконец, затих...

Дождь тихо капал на высокую траву. В школе, в метрах двухстах отсюда, продолжительно зазвенел звонок. Он еще не утих, как из школы со звонкими криками выбежали дети. Но Зану ничего этого не слышала и не видела. Она не знала и того, что выглянувший в окно Николай Кузьмич увидел ее, что он вышел из дому и долго стоял, глядя ей вслед, а теперь, опираясь на костыли, под дождем, поднимается к кладбищу.

«Маил, дорогой мой Маил, как мне быть? — спрашивала она тихо у самой себя, — почему Бог не дал нам умереть в один день? Ты видишь меня, оказавшуюся на улице из-за вероломства твоего единственного троюродного брата, оставшуюся одинокой, пришедшую к тебе в этот трудный день? Маил, выпроси меня у Бога, заberi меня из этого жестокого мира...»

Неожиданно она вспомнила старого Абдул-Азима. Ей показалось, что кто-то назвал его имя, как будто хочет направить ее к нему. Она медленно встала, не обращая внимания на прилипшую на руки грязь, утерла ими свои опухшие глаза, измазав при этом лицо. Вспомнив старика, она почувствовала облегчение, словно с плеч свалился тяжелый груз. Она сама удивлялась тому, что до сих пор не подумала о нем. Ведь он помогает каждому, кто оказался в безвыходном положении. Именно в его бедный дом приходит и оставшаяся одинокой женщина, и вдова. Он помогает женщинам, оставшимся без родственников, а детей, обратившись к властям, устраивает в детский дом. Зану знает о многих его добрых делах. Она была уверена, что путь к Абдул-Азиму подсказал ей именно Маил.

На плечо женщины, увлеченной этими мыслями, кто-то положил руку.

— Зану, что ты делаешь в этот ненастный день среди могил? — начал он добродушно упрекать ее. — Опухшие глаза, лицо, намазанное грязью, промокшая одежда! Нет, здесь себя в порядок не приведешь. Сходи вон к тому ручью, помой свои руки и лицо.

Зану молча направилась к ручью.

Николай Кузьмич внимательно осмотрел могилу перед собой. Он узнал могилу Маила. Два фронтовика, два инвалида — они очень сдружились с первых дней после поселения здесь чеченцев. Но Николай Кузьмич не знал о том, что Маил заболел, что он умирал, истощенный голодом. В день, когда его хоронили, вместе с другими он приходил на кладбище. Но, почувствовав, что старики не хотят его присутствия на территории кладбища, он остался за забором.

— Да, друг, смерть не обошла тебя, — сказал он, тяжело вздохнув. — Может быть, ты не раз ходил в атаку с автоматом наперевес, с возгласами «За Родину, за Сталина!» Как и тысячи других чеченских парней. Кто же он такой, кто, назло тебе и твоему маленькому народу, сказал неправду! Ты много раз задавал мне этот вопрос. А я не знал, что тебе ответить. И теперь не знаю. Но узнаю. Время все расставит на свои места. С виновного строго спросят. Верь в это... А теперь лежи спокойно...

Расстроенный Николай Кузьмич, опираясь на костыль, подошел к Зану. Умыв лицо и руки, она вытиралась краем одеяла.

— Смотри, ты уже в порядке. Расскажи, что случилось.

— Ничего не случилось...

Глаза Зану опять наполнились слезами.

— Это неправда. Не знаю, что именно, но что-то случилось. Я никогда не видел тебя такой подавленной и расстроенной.

— Ничего не случилось, Николай. Просто соскучилась и пришла на могилу Маила.

— А тогда зачем ты пришла с постелью?

Скрывая вдруг нахлынувшие слезы, она уронила топорик и нагнулась, чтобы поднять его.

Зану думала о том, что никому не станет рассказывать о случившемся. Но навалившееся на нее горе было слишком тяжелым, чтобы удерживать в груди. Казалось, станет легче на душе, если выплачет кому-то. А кто после нее еще уважал Маила, кроме Николая? Никто. И решила рассказать ему обо всем. Но она слабо владеет русским

няком. А для того, чтобы поведать о своем горе, ей мало будет и родного языка.

— Мне нигде жить... — сказала она, пальцами утирая слезы.

— Что? Ты же вчера говорила, что живешь у деверя. Он тебя не выгнал?

— Нет! У чоченцев нет такого обычая, который позволил бы выгонять гостя или нуждающегося. Просто я сама ушла. Они сами с трудом перебивались.

— А у тебя самой нет родственников?

— Есть, но я не знаю, где они.

— Да, ведь ты разлучилась с ними. Я забыл об этом. Если даже станет известно, где они находятся, ты же не сможешь поехать к ним, — сказал Николай Кузьмич, словно разговаривая с самим собой. Потом, неожиданно мягко улыбувшись, он подошел к Зану и взял ее за руку. — Ничего, Зану! Мы не оставим тебя без жилья и пищи. Пойдем, не стесняйся. До лучших дней проживешь у нас. На днях у нас уволилась одна уборщица. Я устрою тебя на ее место. А со временем найдутся родственники. Я обещаю, что когда-нибудь вместе с тобой приду к ним в гости. Кто знает, может быть, вы вернетесь на родину. Не может быть, чтобы целый народ долго находился на чужбине. Увидишь, как только закончится война, когда появится возможность разобраться во всем, партия вернет вас...

Лицо Зану неожиданно просветлело, словно она уже встретилась с родственниками:

— Маил говорил то же самое... А Маил всегда говорил правду...

— Да, Маил был хорошим человеком. Какую бы страшную несправедливость к нему ни проявили, он верил, что это ошибка, которая будет исправлена. Ну, не будем говорить об этом, пойдом домой. Маша увидела, как ты провалилась под нашими окнами, и прислала меня за тобой.

Зану оглядела себя. Промокшая, покрытая грязью одежда. На спине — старая постель. Давно уже не купалась. Как только окажется в теплой комнате, опять начнется зуд...

Когда они подошли к воротам школы, Зану остановилась.

— Николай, ты меня очень успокоил. Дал мне почувствовать, что я не одинока. Я никогда не забуду о том, что ты сегодня сделал для меня. Спасибо.

— Рано еще меня благодарить. Если когда-нибудь все устроится так, как мы желаем, тогда будем благодарить друг друга.

— Нет, Николай, не рано. Целый год мы испытывали вас. А этот трудный год подобен веку. Несмотря на то, что сами перебиваются с трудом, некоторые русские и киргизы оказывают нам большую помощь. Об этом нельзя забывать. Ты сегодня поступил по-братски. Спасибо тебе. А теперь я пойду, пристроюсь где-нибудь.

— Как? Разве мы не договорились о том, что ты будешь жить у нас?

— Ничего из этого не выйдет. Но если устроишь меня на работу, можешь считать, что сделал для меня доброе дело.

— Ой, если ты не хочешь жить с нами, я для тебя выделю какую-нибудь маленькую комнату при школе.

Зану грустно покачала головой.

— Нет, Николай. Я бы с радостью осталась жить у вас. Мне и самой было бы легче. Но не всегда можно поступать так, как хочется.

— Почему?

— Мне мешают два обстоятельства, — Зану тяжело вздохнула. — Во-первых, если я, молодая женщина, не имеющая никого из родственников, отделюсь от чеченцев и поселюсь на стороне, боюсь, что дам людям повод для сплетен. Во-вторых, не хочется отделяться от своих из-за того, что мне будет легче, чем им. Пусть со мной случится то же самое, что и с другими.

Николай Кузьмич призадумался. Причины, которые назвала Зану, показались ему разумными.

— А где ты собираешься жить?

— Пойду к Абдул-Азиму, посоветуюсь с ним. Может быть, буду жить у Хелипат.

— Абдула удивительно хороший человек. С ним можно посоветоваться. Не знаю отчего, но когда я вижу его, мне кажется, будто я встретился с отцом. Тем более, он, бедный, как и ты, разлучен со своими близкими. Но одному я хочу обязать тебя — вечерами приходить к нам ужинать. Сейчас я как-нибудь выкручусь перед Машей, чтобы она не разругалась. А теперь иди. До встречи!

Зану отошла и вновь остановилась.

— Николай... — проговорила она еле слышно. — А когда мне выходить на работу?

— Завтра утром, дорогая... Будь в этом спокойна. Вечером мы обо всем поговорим. Ой, чуть не забыл! Приведи с собой Абдул-Азима и Берсу. Скажи, что мы с Машей очень просим. У нас ничего такого особенного нет, но тем, что имеем, с радостью поделимся.

А с неба, не прекращаясь, лил дождь. По обочине улицы, крутясь, образуя водовороты, бешено текли мутные потоки воды. Но Зану теперь уже не чувствовала ни холодного дождя, ни ветра. Ноги, которые еще час назад были стуженными и дрожали, опять обрели силу. Походка стала легкой, дышалось свободно.

— Зану! Приходи обязательно! И приводи с собой Абдул-Азима и Берсу! — донеслось ей вслед.

Снова хлынувшие из глаз Зану слезы смешались с дождем. Но это были уже не те слезы, которыми обливалась еще час назад. Теперь она плакала от радости. Как же не плакать? Она теперь не одинока. Может быть, как говорил Маил и как только что утверждал Николай, она в какой-то прекрасный день встретится со своими родными и близкими и вернется вместе с ними на родину...

XI

Когда Мансур, ступая босыми ногами по сырой земле, с мешочком за спиной и перекинутыми через плечо хурджинами прошел через расщелину высокого холма и поднялся на его противоположную сторону, то его взору предстало утопающее в зелени деревьев узбек-

ское село. Второй день они идут пешком из Намангана. Солнце спустилось к горам, идет к закату. Всего же прошло восемь дней, как они вышли в путь из соседней области. От Карасу до Намангана добрались на поезде, а весь остальной путь проделали пешком. Правда, в Намангане они потеряли целых два дня из-за того, что не знали, как выбраться из города, а когда выбрались — как выйти на дорогу, ведущую в Караташ. Тем более, где бы ни оказался, везде спрашивают разрешение. Кавказца здесь узнают легко. Если кавказец, то должен быть чеченцем или ингушом, карачаевцем или балкарцем. А если ты один из них, значит — спецпереселенец. А спецпереселенцу запрещено отлучаться из района, где проживает. Если отлучиться без разрешения спецкомендатуры, получишь двадцать пять лет. Таков закон, подписанный Молотовым. Поэтому любой встречный может потребовать у тебя документы, может не впустить в село или выгнать из него. Но у Мати и Мансура есть разрешение. Они идут в Покровку. Там живут брат Мати Халид и их немногочисленные родственники.

Но очень трудно дается Мати этот долгий путь. К старости добавились еще голод и болезнь. У него большие легкие. Он начинает сдавать. Хоть бы кто-нибудь остановил машину, чтобы подвезти их? Но кому нужны эти два оборванца? Ничего! Как-нибудь они дойдут. Когда встретятся с родственниками и односельчанами, забудутся перенесенные тяготы.

И это село подобно тем десяткам других, через которые они проходили. Кривые улицы. Саманные дома с плоскими крышами. Густые сады, окруженные заборами. Особенно много винограда. Правда, это село очень большое. Наверное, районный центр.

Оглядывая низину Мансур увидел Мати, медленными шагами спускающегося к селу с противоположного склона. Хотя и стар, на костыли он не опирается. Идет, заложив руки за спину и тихо напевая. Изредка останавливается, смотрит вперед, держа ладонь козырь-

ком. И снова идет вперед. Их с Мансуром разделяют примерно два километра. Мати преодолел это расстояние за час. Дождавшись, пока он скроется из виду, Мансур идет за ним, взяв свою ношу. Она легкая. Это все, что осталось у Мати, прожившего семьдесят лет и работавшего пятьдесят пять из них. В Намангане воры похитили одежду, которую он так берег: украшенную серебряными газырями черную черкеску, отделанный серебром ремень, белый башлык с бахромой, папаху из коричневого бухарского каракуля и мягкие чупаки. Год назад с этой одеждой был и отделанный серебром кинжал. Но в день выселения один майор взял его, чтобы посмотреть, но не вернул, а повесил на свой пояс. Теперь же у старого Мати нет даже одежды. Лишь разорванный бешмет, стеганные штаны, шерстяные носки и тапоши. И полотенце, обвязанное вокруг пояса... К счастью, природа смиростивилась, эти дни оказались солнечными и теплыми. Если бы не это, неизвестно, что бы они делали. Ведь большую часть пути они находились под открытым небом. Милиционеры не оставили на ночь в залах вокзала. Чайханщики тоже не баловали поизносившихся путников. К тому же у Мати была чахотка. При частых приступах кашля он выхаркивал мокроту с прожилками крови. У него была с собой жестяная коробочка. Из-за этого кашля люди сторонились их на вокзале, в чайхане, в вагоне поезда. Но не все ведь такие, встречаются и сердобольные. Они предоставляли крышу, размещали под навесом. Но, боясь, что они что-нибудь украдут и сбегут, забирали документы.

Последней ночью они чуть не остались на улице. К счастью, оказались у кузницы в центре села, и кузнец оставил их ночевать у себя. А сегодня? Неизвестно, где заночуют, что будут есть. Толокно, которое взяли на дорогу, сегодня заканчивалось. Нет ничего, что можно было бы продать или обменять. Только хурджины. Но кому они нужны?

Откуда-то снизу доносилась мелодия узбекской пес-

ни. Когда приблизился, Мансур по голосу догадался, что поет ребенок. Так и оказалось. На повороте он напоролся на подростка-узбекска, чуть постарше себя, сидевшего верхом на осле. Одет в полосатый бело-синий халат, обвязанный красным платком, за пазухой — книги. Увидел мальчика, стоящего на дороге, он перестал петь, а осел встал, наклонив голову.

— Что это за село? — спросил Мансур.

— Янги-Курган.

— А Караташский район далеко?

— Там, в горах, — указал пальцем мальчик

Так со вчерашнего дня отвечал каждый, у кого спрашивали. Вчера Мансур думал, что видневшиеся черные горы, окутанные облаками и тучами, находятся не очень далеко, что до вечера дойдут до них. А они еще были далеки, как будто отодвигались по мере продвижения к ним.

— А сколько километров еще идти?

— Тридцать-сорок.

«Если ничего не произойдет, то это расстояние можно преодолеть за два дня, — думал Мансур, глядя на книги, которые были за пазухой мальчика. — Видимо, он идет из школы. А что, если спросить у него, есть ли здесь милиция?.. Нет. Тогда он испугается».

— Район в этом селе?

— Какой район? — не понял мальчик.

— Ну, в этом селе находятся все районные начальники?

— Да, здесь.

«Тогда здесь есть милиция. Каждый встречный, думая, что он единственный их задерживает, до выхода из села остановит раз десять».

— Наверное, ты учишься?

— Да.

— В каком классе?

— В девятом.

«Если бы нас не выслали, то я тоже учился бы в педагогическом техникуме в Михайловском...»

— А какое сегодня число?
— Двадцать третье февраля.
— Спасибо тебе, иди... — Мансур отошел в сторону и освободил дорогу. А мальчик, надавив на бока осла пятками, двинулся дальше. Осел мелкой рысью скрылся среди холмов.

«Двадцать третье февраля... Сегодня исполняется ровно год, как нас выслали. Исполнился год с тех пор, как без указания вины, без суда нас выслали и бесчестят. А мы, глупые дети, мечтали окончить семь классов и пойти учиться дальше. Мы с Решедом решили, что окончим педагогический техникум и будем работать в школе. Что же с ним случилось? Жив ли он? Может быть, как и я, бредет где-то с ношей за спиной...»

Они сели отдохнуть под серебристым тополем в заброшенном саду, вокруг которого не было ограды. Редкий человек не проходил мимо, не спросив у них, куда и откуда идут. Один год на чужбине научил чеченцев ко всему относиться с подозрением, быть начеку. И когда начались подобные вопросы, они быстро собрались и ушли оттуда.

Мансуру не хотелось идти через районный центр. Хотя у них и были соответствующие документы, их часто задерживали, чинили препятствия. Поэтому по окраине, сторонясь, они вышли за село и остановились под мостом через маленькую речушку. Двигаться дальше не было смысла. Хоть как-то нужно было утолить голод и, так как надвигалась ночь, позаботиться о ночлеге.

Рядом, где они присели, бил небольшой холодный родник. Мата совершил намаз, взял в руки четки и затая, углубившись в мысли. Молчал и Мансур. Оба они думали о голоде и предстоящей ночи. Мансура от грустных мыслей отвлекли молодая русская женщина и мужчина, которые шли под руки, весело разговаривая и громко смеясь. Заметив под мостом Мату и Мансура, они остановились прямо над ними, прекратили шутить и смеяться, стали о чем-то тихо перешептываться. Стояв минут десять, подошли к ним.

– Добрый вечер! – присел на корточки спутник женщины. – Что вы здесь делаете?

– Отдыхаем, – неохотно ответил Мансур.

– Здесь нельзя отдыхать. Не видишь, сыро, – ткнул пальцем в землю молодой человек. – Ведь недалеко отсюда есть чайхана. Метрах в двадцати отсюда. Там можно отдохнуть в теплой комнате и выпить горячий чай...

– У нас нет денег...

Те переглянулись. Мансур увидел, как помрачнело лицо мужчины. Некоторое время он молчал, а затем спросил, откуда и куда они идут. Дальнейшие вопросы прекратил приступ кашля у старика. Мати, зная о причинаемых для окружающих неудобствах, изо всех сил старался сдерживаться. Но приступ усиливался, лицо его напряглось, синие вены вздулись. Он выхаркнул мокроту в коробочку, которую подал Мансур.

– Ой, ведь старик болен! – воскликнул мужчина. – У него туберкулез. Покажи коробочку. – Он протянул руку к коробке, которую держал Мансур. Но тот спрятал ее за спину.

– Зачем? Ведь это опасно...

– Ничего, покажи!

Почти силой отобрав коробочку у Мансура, надев очки, он внимательно посмотрел на его содержимое, но, не разобравшись, выплеснул мокроту на бумагу и хворостинкой помешал ее.

– Посмотри, Галя, я плохо вижу.

Девушка, присев рядом, исполнила его просьбу.

– Да, у него туберкулез. Заболел совсем недавно. Покажи язык. Так, открой рот, высунь язык. У него неважные дела, Вася. Дай руку. Пульс не очень плохой. Но температура есть. А не положить ли его в больницу?

Спутник женщины повернулся к Мансуру.

– Старик в опасности. Он заболел туберкулезом. Мы – врачи. Ему нужно лечь в больницу. Твой отец поправится, если побудет там месяц. Идем.

— Что он говорит? — спросил Мати.

Мансур обо всем рассказал.

— Нет, ничего не выйдет. Я сам знаю, что болен туберкулезом, что это опасная болезнь. У нас разрешение на десять дней. Из них восемь уже прошло. Осталось всего два дня.

— Что говорит отец?

— Ничего не выйдет. У нас нет права остаться здесь.

— Почему?

— Мы чеченцы. Все дело в этом.

Молодой человек рассмеялся.

— То, что вы чеченцы, мы поняли с первого взгляда. Пошли. Караташ отсюда недалеко. Километров тридцать, не больше. Ты уедешь, а отец пусть останется. Когда вернешься обратно, через месяц найдешь его здоровым. Потом вместе уедете.

— Нет, откуда там! Кто нам позволит играть в такие игры! — грустно улыбнулся Мансур.

— Если не положить его сейчас же в больницу и не начать лечение, болезнь запустится, — вмешалась девушка.

Мансур подумал. Посоветовался с отцом.

— Нет, ничего не выйдет. Отец знает, что его болезнь опасна. Он говорит, что если останется здесь, то его через два дня посадят, если даже не сразу, то после выздоровления. В таком случае он умрет в тюрьме. Мы должны дойти за два дня. В Караташе он ляжет в больницу. Говорит, что во всем уповает на Бога.

— Я обещаю не допустить его ареста после выздоровления. Поднимайтесь, — попросил молодой человек.

Теперь улыбнулся Мансур.

— Это не в вашей власти. Спасибо вам. Вы-то хотите нам помочь. Но, несмотря на это, через два дня вы не сможете ответить за нас.

Когда поняли, что ничего не выходит, мужчина и женщина отошли и долго о чем-то спорили. Потом опять вернулись.

— Где вы остановитесь на ночь? — спросил мужчина.
— Не знаем. Если пустят, останемся в чайхане, а если нет, то придется заночевать здесь.

— Вася, у них же нет денег, — сказала ему девушка на ухо.

Тот, осмотрев свои карманы, разочарованно покачал головой. После этого, еще немного поговорив, чтобы утешить их, незнакомцы ушли.

* * *

Нужно было что-то решать с едой, найти место для ночлега. Мансур направился в центр села с хурджинами под мышкой, чтобы кому-нибудь продать их. Наконец-то, после долгого торга, сапожник, работавший в маленькой конурке около чайханы, купил у него хурджины за пятьдесят рублей.

Пятьдесят рублей. За них можно купить две узбекские лепешки, тонкие, величиной с ладонь. Их-то они съедят, а как быть с ночлегом? Хорошо, что будет хоть что-то из еды. У Мансур неожиданно для себя совершил удачную сделку. Хурджины были неплохие. Из чистой шерсти, с красными, желтыми и черными полосами, большие, новые. Не стало последней вещи, напоминавшей о матери...

На плечо Мансура, пересчитывавшего мелкие деньги от сапожника, кто-то грубо положил руку. Оглянувшись, он увидел одетого в синюю фуражку, с майорскими погонами на плечах, чернявого, худощавого, высокого роста узбека, сердито уставившегося на него.

— Документы! — проговорил он, сжимая плечо Мансура.

Мансур вытащил из-за пазухи отцовский бумажник, достал оттуда сложенное вдвое разрешение и отдал майору... А тот, не глядя, положил его в передний карман своего кителя.

— Подожди здесь, пока не вернусь, — приказал он Мансуру и направился в чайхану.

Мансур долго простоял в ожидании майора и, потеряв надежду, последовал за ним. Он вошел в чайхану и, не решившись идти дальше, остановился у дверей. Майор спокойно пил чай, полулежа на мягких подушках. Внимание присутствующих сосредоточилось на бедно одетом Мансуре. Сидевшие в одном кругу человек десять подозвали его к себе и стали задавать вопросы. Потом все скинули по два-три рубля и протянули деньги Мансуре, но он отказался их взять.

— Возьми, возьми, — сказал старый узбек. — У нас стыдно отказываться бт пожертвования. Приведи сюда своего отца, покушайте горячей пищи и переночуйте здесь.

Когда Мансур взял деньги, поблагодарил и собрался выйти, к нему подошел майор.

— Алимжанов, подойди ко мне. Там, под мостом, находится еще один старый чечен, отец этого мальчика. Отведи всех троих ко мне и сдай дежурному, — майор толкнул вперед Мансура и узбека. — Я скоро подойду.

Алимжанов направился к мосту, ведя впереди себя Мансура и узбека.

«Вот, опять началось, — расстроился Мансур. — Узнали о том, что отец под мостом. Кто-то донес. Опять ругань, оскорбления. Жаль, что нет сил бороться с вами, хотя бы умереть достойно...»

Вечер был прохладным. Более того, по долине реки дул холодный ветер. Мати сидел, подобрав ноги, перебирая четки. На газете, разостланной рядом, лежали целая буханка белого хлеба, почти полкилограмма масла, литровая бутылка молока и сушеный изюм.

У удивленного Мансура глаза на лоб полезли. То, что он видел, было целое состояние.

— Откуда у тебя все это, отец?

— Те двое русских вернулись и принесли все это. И еще дали нам сто рублей. Я попытался отказаться, но они настояли. Сказали, чтобы пошли в чайхану, поели и переночевали.

— Кажется, мы уже переночевали, — тяжело вздохнул Мансур.

Мати взглянул на двух незнакомцев и все понял, дочитал молитву, положил четки в карман, оперся рукой об землю и встал.

...Алимжанов провел их через узкие двери в саманном ограждении и, оставив у входа огромного старого дома, зашел туда, быстро вернулся с милиционером и, передав их тому, ушел. А милиционер завел их и усадил. К счастью, не очень задерживаясь, пришел майор. По тому, как приветствовал его милиционер, как тот небрежно ответил, Мансур понял, что майор здесь главный. Не заходя к себе в кабинет, тут же, в дежурке, он начал разбираться в деле. Допрос начался с их товарища. Когда майор задал вопрос, узбек не сразу встал, но громкий, визгливый окрик заставил его вскочить и вытянуться, как тетива. Мансур, который за этот год начал немного понимать местные языки, понял, что доставленный с ними узбек не из этого района и что у него с собой нет никаких документов. Майор ругал его, говорил оскорбительные слова, тот молчал. Когда майор о чем-то громко сказал, узбек опустил руки с полотенцем, которым был перепоясан, и как-то обмяк. Потом майор поднялся и бросился на него, грубо схватил за грудки, потрянул и откинул, а тот, ударившись головой об стену, упал в углу навзничь. Из-за его пазухи выпал нож, который обычно носит каждый узбек. По-видимому, майор приказал ему выложить все содержимое из карманов. Вzbесившись еще больше при виде ножа, майор схватил его за ворот халата, поставил на ноги, притянул к себе и, бешено крича, ударил несколько раз.

— Заприте его! Без моего разрешения не давайте есть!
— наконец-то по-русски приказал он стоявшему у входа дежурному.

Когда дежурный милиционер вернулся, он послал его за каким-то лейтенантом.

Майор положил перед собой на стол и развернул решение, отобранное у них.

— Откуда идете?

— Из Узгенского района Ошской области, — ответил Мансур.

— Куда направляетесь?

— В Карташский район Джалал-Абадской области.

— Зачем?

— К родственникам.

— А что делать у родственников старику? Он ведь скоро умрет. Старый осел. Встать! — крикнул майор.

Мати с трудом поднялся с места.

— Долго занимался бандитизмом? Какую помощь оказал фрицам? А? На одной руке нет пальцев! Кто их тебе отрубил?

— Во время гражданской войны... — вмешался Мансур.

— Так, так! Значит, был басмачом! И морда у тебя похожа на бандитскую!

— Нет, отец и его брат были за Советскую власть. Они получили ранения во время стодневных боев в Грозном...

— Замолчи, сукин сын! С тобой я разберусь отдельно! Разрешение комендатурой дано лишь старику, а ты по какому праву находишься с ним?

«Боже мой, если он начнет избивать нас, как этого узбека, что же нам делать? Если даже нет сил, я же не пытерплю. А потом, обвинив в оказании сопротивления, нас обоих посадят...»

— Я тоже указан в этом разрешении. Посмотрите на обратной стороне...

Взяв бумажку, брошенную майором на стол, лейтенант осмотрел ее с обеих сторон. Потом тихо сказал майору:

— Здесь все в порядке, товарищ майор. Разрешение выписано на имя отца, а сын дописан на обороте.

— Для чего вы здесь остановились? — не слушая лейтенанта, продолжал кричать майор. — Вам неизвестно, что не имеете права находиться на территории Узбекистана?

— Ведь дорога в Караташ проходит здесь...

— Дорого, дорога! Если проходит дорога, то, не останавливаясь, проходите. Если через час не покинете районный центр, я вас посажу. Слышишь, осленок! У меня есть право без всякого суда посадить на двадцать пять лет. Вон отсюда!

Мати закашлял.

— Уже наступила ночь. Мой старый отец болен. Куда нам идти? — наполовину сердито, наполовину с мольбой, спросил Мансур. — У нас еще осталось два дня.

— Но если я еще раз увижу вас здесь!.. Даю вам полчаса, чтобы покинуть село!

Лейтенант, который недовольно слушал весь этот разговор, переживая за старого Мати, задержался, когда майор ушел. Потом, нагнувшись к Мансуру, сказал:

— Вы не сможете далеко уйти. Старик очень слаб. Недалеко от моста есть маленькая чайхана. Переночуйте там. Но постарайтесь не показываться на глаза начальнику. Он очень злой человек.

Мати и Мансур поспешили из села, пока не стемнело.

XII

Возвращавшийся с кладбища Алха, проходя мимо школы, вспомнил, что не заплатил партийные взносы за прошлый месяц. Он завернул в школу, решив, что заплатит этот долг, а заодно, хотя и поздно уже, увидится со своими другом Бороденко.

Не застав Николая Кузьмича в своем кабинете, Алха направился в их дом, расположенный на территории школы. Вышедшая хозяйка настояла, чтобы он вошел:

— Заходи же. Мы сидим вдвоем, как раз не было товарища, чтобы отметить этот день.

В маленьком стеклянном кувшинчике, стоявшем на столе, был букет из ранних цветов, начавших цвести на солнечных склонах у подножия гор. В тарелках — борщ, соленые огурцы и капуста. Поставив третий стул, они усадили Алху. Открыв дверцу буфета, Николай Кузь-

мани достал оттуда и принес бутылку, закупоренную бу-
мажной пробкой, и три стакана.

— Алха, это самогон, приготовленный нами самими, —
оказал он, наливая его в стаканы. — Вот, возьми!

Николай Кузьмич некоторое время молчал, глядя в
стакан.

— Дорогие товарищи! — начал он торжественным го-
лосом. — Сегодня двадцать седьмая годовщина Совет-
ской Армии и Военно-Морского Флота. Рабоче-кресть-
янская Красная Армия, созданная в самый трудный для
нашей родины год, прошла за эти двадцать семь лет
оправный путь. Во время гражданской войны она раз-
громила полчища контрреволюционеров и интервен-
тов. Разгромила польских, японских, финских агрессо-
ров. В эти дни она уничтожает, гонит в свое логово фа-
шистского зверя, который подмял под себя всю Евро-
пу, вероломно напал на нашу родину, разрушил мир-
ные города и села, уничтожил сотни тысяч советских
людей, угнал их в рабство. Скоро мы будем отмечать
день победы. Выпьем этот бокал за тех, кто погиб, кто
сегодня еще сражается за свободу и честь нашей Ро-
дины!

Николай Кузьмич залпом осушил свой стакан. Мария
Петровна, сделав маленький глоток, отложила. А Алха
к своему не притронулся.

— Алха, ты что? — удивился Николай Кузьмич, закусы-
вая огурцом. — Ведь раньше ты пил.

— Сегодня не буду.

— Что такое? Если не сегодня, когда и за кого ты хо-
чешь выпить?

— Не спрашивай, Николай. Лучше дай мне покушать.
Сегодня у меня во рту не было ни единой крошки.

Мария Петровна, налив горячий борщ, поставила пе-
ред ним тарелку. Николай Кузьмич не произнес ни еди-
ного слова, пока Алха не доел.

— Извини меня, Алха. Я забыл, что ровно год назад,
23 февраля, нас выслали... Ведь в вашей трагедии не
виновны советские солдаты, как мы с тобой.

Алха молча размешивал вилкой капусту в тарелке.

— Не мне тебе рассказывать о том, что мы с тобой и наши товарищи испытали и продолжают испытывать на фронте. О том, что творилось на оккупированных Украине, Белоруссии, областях России.

Наконец-то, положив вилку на стол, Алха встал и тяжело вздохнул.

— Все это так, Николай. На Украине, в Белоруссии, в восточных областях России разрушены города и села, сотни тысяч людей убиты, угнаны в рабство. Мертвых не воскресить, но попавшие в плен, угнанные в рабство вернутся на свою родину. Украинцы, белорусы, русские восстановят свои города, свои дома. Будет развиваться культура. Будут написаны новые страницы истории. О подвигах, совершенных в эту войну народами. Это относится ко всем народам нашей страны. Потому что у них есть своя родина, есть крепкие корни, вросшие в свою землю. Срубленное дерево, у которого остались корни, опять покрывается листвой, зацветает, а из плодов его вырастает новый лес. Но дерево, которое вырвали с корнями и выбросили, засыхает, гниет, исчезает. А чеченцев и ингушей, несколько других народов, вырвав с корнями, выселили с родной земли, разбросали по казахским степям, киргизским и алтайским горам. Они мрут, как мухи, от холода и голода. Не в силах пережить выпавшую на их долю беду. А что будет с теми, кто выживет, кого не настигнет смерть?! Лет через пятьдесят, сто они смешаются с коренными народами, исчезнут бесследно. Забыв свой родной язык, историю, культуру, обычаи, традиции. В мире лишь несколько ученых будут знать, что были чеченцы, ингуши, калмыки, балкарцы, карачаевцы, крымские татары... Их будут называть среди «мертвых народов». Тогда ты представляешь, Николай, в какой беде мы находимся?

Николай Кузьмич, вынув из кармана табакерку из орехового дерева, начал скручивать сигарету.

— Я говорю о том, что будет через сто лет, — продол-

жал Алха. Исполнился уже год, как нас выслали, но только очевидцы, те, кто видел нас в пути, кто живет здесь, знает обо всем этом, о наших лишениях. А большинство людей думают, что нас наказали справедливо. Они верят слухам о том, что чеченцы помогали Гитлеру, были изменниками и предателями, что они на протяжении всей своей истории нападали на Россию, были кровожадными бандитами. Им неизвестно о том, что чеченцы не захватывали ни пяди чужой земли, не пролили крови ни одного человека, вторгшись на чужую территорию, не поднимали руку против свободы ни одного народа. На протяжении нескольких столетий чеченский народ боролся против царских колонизаторов. А как чеченцы могли помогать Гитлеру, если ни один фашистский солдат не ступал на нашу землю?

Мария Петровна, догадавшись, что увлекшиеся беседой мужчины забыли про еду, принялась готовить чай. Николай Кузьмич курил, дожидаясь момента, чтобы задать постоянно мучивший его вопрос.

— А говорили, что среди вас было много бандитов... — начал было он, но Алха сердито прервал его.

— А ты назови народ, среди которых не было предателей и негодяев. Разве на Украине, в Белоруссии, в России мало сегодня бандитов, дезертиров, изменников Родины? Тех, кто перешел на сторону фашистов, сражаются против своей родины? Полицаев? А власовская армия? Казачьи корпуса? Национальные легионы из Средней Азии, Закавказья, Прибалтики? Их сотни тысяч, перешедших на сторону фашистов врагов своего народа, своей родины и воюющих против советских войск, проливающих братскую кровь. Да?

— Да... — кивнул головой Николай Кузьмич.

— В первые два года войны на фронт ушло более сотен тысяч чеченцев и ингушей. Многие из них — добровольно. Из них ни один не сдался в плен добровольно. Из тех, кто все-таки попал в плен, фашисты не смогли сформировать даже один взвод. Потому что мы никогда не предавали родину, народ, друзей — никого. А

если говорить о бандитах, то их у нас не было. Никогда. Когда царские войска захватывали наши земли, чеченцы целые двести лет боролись против них. А когда в той войне погибла половина народа, когда лучшие земли были захвачены, когда не осталось сил для дальнейшего сопротивления, наши отцы заключили мирный договор с царским правительством, прекратили войну. Но после утверждения российской власти в Чечне царское правительство вероломно нарушило договор. После этого народ несколько раз поднимал восстания. Каждое восстание заканчивалось сожжением чеченских сел, уничтожением людей, ссылкой в Сибирь. Разуверившись в массовом восстании, люди, не смирившись с жестокостью, эксплуатацией, не желая оставаться рабами, начали партизанскую войну, скрываясь в горах и лесах, в одиночку или объединяясь в маленькие партизанские отряды. Их называли обаргами, а в русской печати – абреками.

А во время революции чеченцы и ингуши, все как один перешли на ее сторону. Потому что большевики им обещали свободу и землю, о которых мечтали столетиями, за которые героически сражались и погибали сотни тысяч их предков. В борьбе за Советскую власть погибли десятки тысяч человек, уничтожены десятки сел. Но и эта власть, которую мы трудом и кровью завоевали в боях, не выполнила своих обещаний. Не дали ни земли, ни свободы. В период коллективизации у людей забрали скот, волов, плуги, подводы. Многих сослали, объявив кулаками. Стариков-алимов, религиозных деятелей уничтожили. Мечети разрушили, Кораны и религиозные книги сожгли. Нашу веру, наши обычаи обесчестили...

– То же самое было везде, Алха. Не только у вас...

– Я знаю. Другие народы, не оказывая сопротивления, как овечек, отдали себя на закланье. Мы никогда не смирялись с несправедливостью, с чуждым господством. Мы изо всех своих сил боролись с палачами Ежова и Берии. Поэтому наш народ не любили ни царские

власти, ни ныншние. В нынешней войне представители нашего народа приняли активное участие, проявили героизм. В начале войны пятерым чеченцам присвоено звание героя. Чеченцев не смогли покорить даже татаро-монгольские ханы, которые захватили всю Азию и половину Европы и держали более двухсот лет местные народы под своей властью. Отступив в горы, ведя настоящие бои, наши предки двести лет не давали им покоя. Они вынуждены были постоянно держать в нашем крае более тысяч воинов и лучших своих полководцев. Ты думаешь, что мы покорились бы немцам, если бы они дошли до нас? Думаешь, что чеченцы спокойно наблюдали бы, когда позорят женщин, убивают людей? Мы бы заставили их узнать вкус нашей земли! Нам выслали из-за того, что мы не были изменниками, трусами, что мы любили свободу. За то, что боролись против изменников, против тех, кто чинил несправедливость и произвол, за то, что мы любим свободу и справедливость!

На некоторое время в комнате установилась тишина. Алик, который в последние два месяца курил редко, только в случае, когда на душе становилось тяжело, закурил сигарету, закурил, делая глубокие затяжки. Он вспомнил в том, как пять месяцев назад, выписавшись из госпиталя, посетил родные горы. Из Грозного шел дождь. В пути начали напоминать о себе еще не зажившие раны. Особенно переломанная нога. Нигде не было видно чеченцев. В плоскостные села только начали переселить русских, а в горах были дагестанцы. Запущенные после выселения хозяев дома и дворы. Разбитые дороги, сломанные мосты... Печально стоящие кладбища. Сидевшие собаки и кошки... Многие дома еще стояли пустые, ожидая приезда новых хозяев.

На родине Алик царил ужас. Три дня он провел в родном селе, уходя днем в леса и горы, чтобы в последний раз взглянуть на те места, где жили предки, где сам родился, играл в детстве. На третий день, когда он в

последний раз пошел в горы и сидел на высоком склоне, оглядываясь по сторонам, к нему подошли вооруженные люди — отец и двое сыновей.

Они рассказали Алхе о том, как выслали чеченцев. Их троих в тот день не было дома. Пасли овец в горах. О случившем узнали через неделю. Сейчас они ходят, скрываясь, по своей Родине. Боясь заходить с село, показаться людям на глаза. Сторонясь людей, словно звери.

— Ты упрекаешь меня в том, что я не поднимаю бокал за сегодняшний праздничный день, — отогнав воспоминания, заговорил Алха. Ты не знаешь о «подвигах», которые совершили советские солдаты и офицеры в Чечне в день выселения. Обманным путем, сказав, что на митинг по поводу этого праздника, собрали всех мужчин старше шестнадцати лет в школах и клубах, направили на них пулеметы, предупредив, что в случае сопротивления хоть со стороны одного расстреляют оставшихся дома женщин и детей. В зимнюю стужу в течение двух часов вывели из села всех жителей, многих из них — босиком. Мужчин, женщин или детей, которые, ни о чем не ведая, в это утро по своим делам отлучались из сел, убили. Жителей горных сел, куда нельзя было добраться на машинах или подводах, собирали в отдельных домах и, облив бензином, сжигали. Больных и стариков, которые не могли сами передвигаться, отводили в сторону и расстреливали. Чеченцам, лежащим в больницах, делали уколы и убивали. По длинному пути от Кавказа до этих мест лежат кости умерших и убитых чеченцев. Раз-два в сутки эшелон останавливали где-то в пустынной степи. Чтобы люди справили нужду. Того, кто отходил от эшелона на десять метров, расстреливали. Благородные чеченцы, которые чтит женщин, в их присутствии не произносили ни одного бранного слова, уставив взгляд в землю, присаживались делать свое дело. Женщины, мужчины! Не желая позориться, много женщин и девушек умерло от разрыва мочевого пузыря. И таких фактов

пиано много. А ты говоришь, чтобы я выпил за эту армию! Ох, если бы мой народ узнал за день, что власти пичкают такое вероломство! Тогда здесь нас бы не было. Или с нашей земли не ушел бы ни один солдат, или мы все бы погибли!

Мария Петровна налила чай. Поставила в пиале мед.

— Ты же самое сотворили и с миллионами других людей. Давали, объявив кулаками, арестовывали без всякой вины, расстреливали.

— Нет, Николай, такой несправедливости, как к нашему народу, не прибавили ни к кому другому. Со дня сотворения мира. Я еще раз повторяю тебе, что у объявленных кулаками, арестованных, пропавших без вести остались родина, семья на этой родине, близкие. Остающийся в живых после отбытия своего срока или уже вернувшись к ним, или еще вернется. У нас же отняли родину, а то, что создано нашим народом тысячелетиями, уничтожено. Для того, чтобы мы забыли свою историю, язык, культуру, чтобы лишить нас самосознания, памяти, нас разбавили по всему свету!

Николай Вуземич, пододвинув к себе чай, начал намазывать мед на хлеб.

— Все может быть не так, Алха. В нашей стране имели место несправедливости. Это несомненно. Но когда закончится война, во всем разберутся, исправят. И вы вернетесь к себе на родину. Пока что времена трудные и сложные. кое-что я знал об истории вашего народа, о некоей героической борьбе за свою свободу, за Советскую власть. Эти последние наветы ввели меня в заблуждение. Я много думал о том, почему этот народ выпал из? Как и я, народы нашей страны тоже все поймут. Поним, что вы наказаны без всякой вины, и они поднимут свой голос в вашу защиту...

Алха недоверчиво махнул рукой.

— У народов России голоса вообще нет и никогда не было. Постоянно находились под гнетом, в вечном страхе. Не решаясь оказать сопротивление какой бы то ни было несправедливости, жестокости, чинимой над со-

бой. Не будучи свободными сами, топили народы, желающие обрести свободу, в крови. Народы России безучастно наблюдали, как на протяжении двухсот лет до революции царские войска сжигали наши села, убивали женщин, детей, стариков, как, разлучая с родиной, отправляли в Сибирь, Турцию. За то, что чеченцы хотели защитить свою свободу, что у них было мужество, которого не имели сами, — эти народы никогда не любили чеченцев. Поэтому чеченцы никогда и ни от кого не получали поддержки!

Только когда Мария Петровна зажгла лампу, Алха понял, что провел здесь уже довольно много времени. Теперь, в эту ненастную ночь, до дома нужно было идти пешком километров шесть. Когда он вышел, допив остывший чай и простившись с хозяевами, ему в лицо ударили холодный ветер и мокрый снег...

XIII

Дом Абдул-Азима, как и у других чеченцев, был старым. Но отец и сын приложили все усилия, чтобы привести его в порядок. Поставили сделанную самими оконную раму, застеклили, собрав осколки стекла. Щели дверей и окон заделали ватой и тряпками. Изготовили топчан из самана. Сложили из глины чеченскую печку, поставили на него чугунную кастрюлю, которая у киргизов называется казаном.

В печи тлели сырые дрова. На настенной полке горела не то что лампа, скорее коптилка, с фитилем из закрученной ваты, готовая погаснуть при любом движении воздуха. Берсы дома не было, он куда-то ушел, чтобы скоротать тоскливую ночь. Одетый в чеченскую черкеску из грубой шерсти, накинув сверху овечью шубу, перебирая четки, тихо исполняя зикр, на топчане сидел Абдул-Азим. На улице шел дождь со снегом, кружил буран. Слушая его, мысленно он вернулся к своим истокам.

Предки Абдул-Азима были очень религиозными, богобоязненными людьми. Его отец, дядя, тесть по два раза совершали хадж. В семье их было шестеро – четыре брата и две сестры, старшим из которых был он, Абдул-Азим. Проучившись в разных медресе пятнадцать лет, он женился, когда ему было уже за тридцать. Хозяйство отца не было ни большим, ни скудным, скорее всего, оно было средним. Земли было мало, как и во всей Ичкерии. Люди арендовали землю у казаков, живших на левом берегу Терека. Некоторые объединялись и сдавали там хутора. После женитьбы он с одним своим односельчанином построил на Аксае мельницу с тремя жерновами для кукурузы и одним – для пшеницы, а также песопилку, почти все части которой были сделаны из твердых пород дерева. Ежедневно работая, в воде, в мельничной пыли, они добывали на хлеб, но больше ничего не нажили. Собранного со своей маленькой земли зерна им не хватало даже на зиму. Так было, надо было платить налоги государству. Они перерабатывали, работая по найму, а также возили и продавали дрова в Хакас-Юрте, Ташкичу, казачьих станицах.

За последние два столетия русские цари уничтожили половину чеченского народа. Не оставили ни одного села, которое бы ни разрушили, ни сожгли по меньшей мере раз. Тысячи людей, целые семьи выселяли с родного края, угоняли в Сибирь. Народ жестоко угнетали, унижали. Самые лучшие земли были отданы князьям, князьям соседних народов, чеченским офицерам и еунцам. Эти два столетия чеченцы героически сражались за свою родину, за свободу, но могущественные русские цари топили в крови их каждое восстание. Чеченцы с радостью приняли известия о том, что в России произошла революция, царя свергли, а власть перешла в руки рабочих и крестьян. Прибывшие в Чеч-

ню большевики от имени своего вождя провозгласили, что они дадут свободу, передадут власть в руки народа, вернут отобранные у чеченцев земли, уравниют богатых и бедных. Большевики обещали именно то, за что двести лет чеченцы боролись, за что отдали свои жизни тысячи людей.

В то время, когда в Чечне начались бои против Деникина, Абдул-Азиму было сорок лет, у него было уже трое детей: дочь и два сына. Оставив на мельнице и лесопилке своих братьев, чтобы они помогали остающемуся там товарищу, Абдул-Азим с несколькими односельчанами ушел воевать. Сначала он пошел за Узун-Хаджи, но через месяц отошел от него. Вокруг имама он не увидел ни одного понимающего человека. Более того, ему было непонятно, почему дагестанцы выгоняют своих имамов, почему те после этого приходят в Чечню, а здесь чеченцы сажают их на свои шеи.

В Чечне не было единовластия, на власть претендовали различные группы. Они обосновались в Грозном, Гойтах, Урус-Мартане, Шали, Ведено. Одни утверждали, что создают независимое чеченское государство, вторые — что они с большевиками, третьи сами не знали, что творят. Из руководителей этих групп умными, благородными, мужественными, думающими о благе народа ему показались Таштемир Эльдарханов, Асланбек Шерипов и их товарищи, поэтому он пошел за ними. Абдул-Азим принимал участие в стодневных боях в Грозном, а также в боях в Цоцан-Юрте, Гойтах, Бердыкеле, Гихах. Он был рядом с Асланбеком, когда тот погиб в Воздвиженской.

В эти годы происходило много того, чего не мог понять Абдул-Азим, удивляло его. В отрядах Узун-Хаджи и других чеченских предводителей он видел турков, грузин, армян, арабов, китайцев, персов, евреев, представителей других народов, о которых раньше вообще не слышал. Чечня уподобилась Ноеву Ковчегу. Они все утверждали, что пришли завоевать свободу для чеченского народа. Но не было ни одного чеченца, который

мал бы, задумывался над тем, для чего и откуда они пришли, что здесь делают...

Во время войны некоторые чеченцы занялись бандитизмом. Им было безразлично, красный ты или белый. Чеченец, русский, еврей. Нападали на всех, грабили. У них были своеобразные отряды. Убивали солдат, забирали оружие, обмундирование, а тела оставляли. В таких бандитских группах было несколько одиознейших Абдул-Азима. Однажды из Хасав-Юрта они привезли богатую добычу. Ковры, ткани, одежду, шкафы, двери, окна, черепицу, кровати – все, что могли вынести. Были случаи, когда убивали невинных стариков, женщин, детей.

С сестрой и братом, односельчанами Абдул-Азима, отправившимися на подобный грабеж в Хасав-Юрт, произошел анекдотический случай. У сестры была арба и вол, у брата – один вол. Они договорились, что поделит добычу поровну. После того, как бандитская группа закончила центр города и стрельба прекратилась, они выехали в город. Установили арбу у большого, красивого дома, вошли туда и нашли длинный ящик с заколоченными досками крышки, стоявший на столе. Решили, что хозяева положили в него свои ценные вещи, но сбежали, не успев прихватить с собой, они с трудом вывели его из дома и погрузили его на арбу, набросили сверху то, что еще попало под руку, и выехали из города. Но дороге брат и сестра рассорились. Сестра дала знать, что на прежних условиях, по которому они договорились разделить все пополам, она не согласна. Она сказала брату, что ей принадлежит арба и вол, а ему – только один вол, поэтому все надо разделить на три части: оставив две из них ей, а одну – ему. Спор продолжался до самого дома. Собрались соседи, чтобы посмотреть на их добычу. Когда топором открыли и сняли крышку с ящика, то собравшиеся увидели в нем мертвого мужика с длинной, широкой, рыжей бородой. Видимо, семья сбежала, оставив его, подготовленного к захоронению.

– Итак, сестра, и свою часть этой добычи я оставляю тебе, – сказал брат.

Во время войны и после нее между Гудермесом и станцией Герзель орудовали банды. Грабить поезда ходили и жители Ичкерии. Разобрав метров двадцать железнодорожного полотна, они устраивали засаду. Когда поезд останавливался у разобранного участка, устремлялись вперед, стреляя в воздух, заскакивали в вагоны, забирали все, что было у пассажиров с собой и на себе, возвращались в села. А пассажиры поезда, люди разных народов, везде распространяли разговоры о том, что чеченцы – грабители и воры.

Разбой, воровство, которым занимались эти немногочисленные группы, позорили чеченский народ, внушали к нему недоверие и неприязнь. А у новой власти не хватало сил бороться с этим злом, а находившимся здесь в руководстве представителям других народов было все равно, что будут думать о чеченцах. Они думали только о сохранении своей власти над людьми. Одни пытались сохранить свои должности, другие, устранив одних, занять их более высокие кресла. Более того, многие из тех, кто был в руководстве, кто стремился туда, не были ни известными, ни уважаемыми в народе, не обладали ни знаниями, ни умом, ни благородством, им не было дела до судьбы народа. Это были люди, которые оказались у власти случайно, воспользовавшись царившим в годы гражданской войны хаосом, заботившиеся только о личной выгоде.

Сын шейха Бамат-Гири-Хаджи из Автуров Али Митав, узнав, что власть не имеет силы и даже заинтересована прекратить воровство и грабежи, позорящие чеченский народ и обессиливающие его, сеющие раздор между людьми, создал шариатские полки, чтобы пресечь злодеяния и сохранить честь народа, достичь согласия, спасти его от новых бед. Абдул-Азим служил в одном из этих полков, охранявшем перегон между Гудермесом и станцией Герзель.

Позже он узнал, что между новыми руководителями имеются большие разногласия, идет борьба за власть.

С одной стороны – большевики, с другой – меньшевики, эсеры, кадеты, многие и многие другие группировки и идущие за ними крестьяне, казаки. Будь между собой и ненависти или вражде, но они всегда объединялись против чеченцев. Самых чеченцев к руководству не допускали. В милиции работало всего лишь несколько чеченцев. В органы ЧК, ГПУ и НКВД их даже близко не подпускали.

Но у чеченцев даже при этом не было согласия между собой. Настраивались против того, которого с трудом допустили к власти, чтобы лишить его должности. Доносили на него находящимся у власти русским, евреям, армянам, грузинам, представителям других народов. В последнее время все усилия таких людей были направлены против Таштемира Эльдарханова, Али Митавая и нескольких других. Сначала они способствовали аресту Али и известного алима Соип-муллу, затем был переведен на работу в Ростов Таштемир, снятый со своей должности из-за доносов и сплетен.

Абдул-Азим имел обширные знания по исламу. Сам он был действительно благородным, мужественным и добрым человеком. Его часто приглашали на роль посредника при разрешении конфликтных ситуаций не только в селам, но и в соседних селах. Он помогал людям, его уважали, считались с ним. Абдул-Азим не знал светской нау, не разбирался в политике, но для того, чтобы понять ситуацию, сложившуюся в то время в Чечне, много ума не нужно было. То, что большевистская власть не является народной, что она не старается делать добро людям, он понял, когда арестовали и выслали в Сибирь Соип-муллу, Али и еще несколько известных в Чечне религиозных деятелей, когда начали арестовывать и уничтожать более или менее образованных, умных, сознательных, думающих о судьбе народа людей, таких как Таштемир. Сомнения Абдул-Ази-

ма стали еще сильнее, когда большевики выступили против бога и религии, начали закрывать мечети и медресе. Когда в селах, районах и выше стали назначать в руководство людей, не имеющих ни религиозных, ни светских знаний, не обладающих ни умом, ни благородством.

К тому же он удивлялся характеру чеченцев. Они безропотно подчинялись, когда во главе их стояли черкесские, кабардинские, аварские, кумыкские князья или аварские имамы Шамиль, Узун-хаджи, Нажмуддин Гочинский, а теперь стали русские, грузины, евреи, армяне, осетины, персы, представители других народов. Недовольны были только чеченцем. Таштемир в должности председателя ЦИК Чеченской области стал чеченцам негоден. А назначенный вместо него балкарец Магомед Энеев им подошел. Поэтому Абдул-Азим разуверился в том, что среди чеченцев когда-нибудь будет достигнуто согласие.

Умных, благородных, думающих о судьбе народа людей, которых Абдул-Азим уважал и ценил, в руководстве не было. Асланбек погиб, Соип-муллу, Али и других известных в крае религиозных деятелей арестовали и сослали в Сибирь, Таштемира тоже отослали в другое место. Подумав обо всем этом, Абдул-Азим вернулся в свое село, разуверившись в большевиках, в их власти, в тех чеченцах, которые служили им. Тем более, он уже был немолод. Ему было сорок пять лет. Дома ждали жена и трое детей.

* * *

В 1930 году, во время коллективизации, произошли выступления против власти в Гойтах, Шали, Беное и в нескольких других селах. В марте 1932 года, провозгласив имамом Моцу из Шуани, началось восстание и в Ичкерии.

Восставшие сжигали помещения правлений колхозов, сельских советов, школ, возвращали людям имущество,

отданное в собственность колхозов. Были случаи задержания и убийства сотрудников НКВД и ЧК. Эти выступления были жестоко подавлены властью с помощью введенных в Чечню многочисленных войск. Участники выступлений, а также невинные, не имевшие к ним никакого отношения, — тысячами были арестованы и сосланы в Сибирь. Особенно тяжелый удар нанесли по элимам и старикам. Они были хранителями религии среди народа, они сохраняли историю и традиции для потомков. Такой же жестокий удар нанесли по тем немногим людям, которые получили высшее светское образование еще при царизме, пытались распространять знания, формировать самосознание народа, дать сведения о его прошлом, сохранить лучшие традиции. Таким образом, в эти годы народу отрубили голову.

Абдул-Азим оставался в стороне от тех событий, которые тогда происходили в Чечне. Но не из-за трусости. То, что не трус, он доказал в годы гражданской войны. Простой человек, что чеченцам теперь бессмысленно оказывать сопротивление властям — это закончится подавлением. Подниму, нанесет вред. Нельзя надеяться на мирное браво большевиков, твою власть, которая выступает против Аллаха, мусульманской религии, против любой религии вообще. Подъ сказано Аллахом и Пророком (да благословит его Аллах), что нужно отступить перед силой, которую ты не сможешь победить, что не нужно бороться с ней, и, если ты сохранишь терпение, он дарует тебе победу.

Абдул-Азим не только впадал знаниями по мусульманству, он также писал наказы на чеченском и арабском языках, и сам исполнял их своим чудным голосом. Поэтому люди приглашали его на похороны, жертвоприношения, на мейид, при других случаях.

Во время восстания в Инкерии Абдул-Азим, работая на мельнице и пилорамке, остался неприметно в стороне. В период коллективизации одним из первых записался в колхоз. Ни одним словом не высказался против, когда в собственность колхоза забрали его мель-

ницу и лесопилку. Более того, отдал еще двух волов, подвод, плуг, буйвола и теленка. Он хорошо знал, что возражать, оказывать сопротивление бесполезно. Но, как бы ни остерегался, уйти от чекистских когтей ему не удалось. После подавления восстания, когда арестовывали людей, к ним в аул приехал в гости родственник шейха из одного плоскостного села. В его честь принявший гостя хозяин устроил мовлид. Там были Абдул-Азим и еще человек двадцать. Всех их на третий день арестовали НКВД, обвинив в политическом бандитизме по ст. 58, и без всякого суда на восемь лет выслали в Сибирь. Сначала они работали на строительстве «Беломор-канала». Остальное время провели на лесоповале в местечке под названием Медвежья гора в Мурманской области. Абдул-Азим немного был знаком с новой письменностью на основе латинской графики, умел читать и писать. Общаясь с русскими и представителями других народов в гражданскую войну, а также в лагерях, он освоил русский язык. А те старики-чеченцы, которые были с ним в лагере, не знали ни одной буквы нового алфавита, ни одного русского слова. До конца восьмилетнего срока от болезней и перенесенных тягот умерли все его товарищи по заключению. Он отбыл свой срок до последнего часа. Привез домой и передал семьям деньги, если даже это был всего лишь рубль, одежду, некоторые другие вещи, принадлежавшие умершим товарищам...

* * *

5 марта 1941 года Абдул-Азим добрался до родного села. Во время ареста у него было шестеро детей – три дочери и три сына. Самому младшему из них – Берсе – исполнилось четыре года. Жена тогда была беременной. Она родила двойню – девочку и мальчика, они оба умерли. Спустя месяц после замужества умерла и вторая дочь.

Скорбными были его дом и двор, когда он вернулся. Он застал жену в предсмертных судорогах, окруженную родственниками. Второй из сыновей находился в заключении в Сибири, осужденный на два года. У него была выявлена недостача на колхозном складе кукурузы, где он работал. Жена Абдул-Азима умерла на третий день после его возвращения. Тесть, старик, дважды совершивший хадж в Мекку, уходя после поминок, подозвал к себе зятя и его братьев и сказал им:

— Ваш брат не имел возможности насладиться женой, детьми. Дожил до шестидесяти лет, пройдя через лишения и трудности. Я хорошо знаю положение старика, в доме которого нет жены. У меня ее нет. К нему не бывает даже того уважения, которое оказывают старой дворовой собаке. Когда люди перестанут приходить, чтобы выразить соболезнование, не откладывая ни на один день, жените его.

Через год после смерти жены братья и сын вновь женили его. Но в новой семье не стало былой любви и нежности. Страд солдат, прибывший в их село осенью 1943 года, обосновался в доме соседа Абдул-Азима. Незнакомно для него, но несколько раз офицер из отряда вызывал его в себе и допрашивал. Спрашивал обо всем, начиная с детства. Когда, где изучал ислам, что делал после революции, за что был осужден, где отбывал срок, чем занимается в настоящее время. Ответы Абдул-Азима офицер даже не записывал. Казалось, ему был известен каждый шаг его жизни.

Братья, испугавшись, что его снова арестуют, пожелали, чтобы Абдул-Азим на некоторое время куда-нибудь уехал, так как уже стар — ему ведь было за семьдесят. Но еще раз он не выносит Сибири, не вернется оттуда живым.

Возвращаясь в тридцати от их села, в небольшом хуторе жили двоюродные братья Абдул-Азима. Он вместе с женой и Борсой перебрался туда на зиму, взяв с собой два мешка кукурузной муки, буйвола, телку, а также посуду и постель. Через два месяца, как и во все

другие села, туда также прислали солдат. В день выселения чеченцев Абдул-Азим лежал в постели, тяжело больной. Утром всех мужчин из хутора старше шестидесяти лет солдаты собрали в здании школы, якобы на митинг. Через час вернулся один из сыновей двоюродного брата Абдул-Азима. Он сказал, что весь народ выселяют, отправляют в ссылку, что на приготовление дано два часа, поднял женщин, детей, начал готовиться в дорогу. По улицам расхаживали солдаты, потопливая людей.

Через два часа хутор стал безлюдным. Не было слышно ничего, кроме мычания коров, лая собак и кудахтанья кур. Они втроем остались, забытые всеми. Берса испугался, что они останутся одни, выбежал навстречу офицеру с посеребряным кинжалом и саблей на поясе, скачущего на сером коне. На ломаном русском языке он сказал офицеру о том, что они не из этого хутора, что у них нет подводы и волов, что они всеми забыты, что его старый отец болен и лежит в постели, и попросил прислать за ними сани. Вскоре на санях, запряженных волами, подъехал один из племянников Абдул-Азима. Он, жена и Берса подняли и уложили на них Абдул-Азима и выехали на окраину хутора находились другие, окруженные солдатами. Трое суток провели под открытым небом, в стуже, обдуваемые ветрами, а на четвертый день их погрузили в американские «студебекеры» и вывезли на железнодорожную станцию в Гудермес.

Жителей хутора и нескольких окрестных сел погрузили в эшелоны на станции Гудермес. А из села Абдул-Азима там никого не было видно. Он узнал позже, что его односельчан и жителей нескольких окрестных сел отправили со станции в Хасав-Юрте.

Абдул-Азиму было неизвестно, где находятся его братья, сестры, члены семьи. В этот район чеченцев из других мест не допускали, отсюда тоже никуда не выпускали. Через три месяца после прибытия сюда, неожиданно заболев и пролежав в постели месяц, умерла

его жена. Теперь он и Берса проживали в доме вдвоем. Абдул-Азим, наученный лагерной жизнью, умел готовить пищу, поддерживать чистоту, заштопать или зашить одежду. Берса во всем ему помогал.

Уже позже Абдул-Азим узнал, что в первый год ссылки в соседней области умерли четыре его брата, сестра, старший сын и младшая сестра.

Не проходило ни дня, чтобы кто-то, истощенный голодом и болезнью, не умирал. Переселенцев находили умершими или убитыми в жилищах, на окраинах дорог, где они рыскали в поисках пищи, в лесах, горах, соседних киргизских селах. В надежде не умереть с голода, они ели все: падших и выброшенных животных, гнилые фрукты, сорную траву, клевер, люцерну. Это ускорило гибель людей.

Главной заботой Абдул-Азима стало похороны. Каждый вечер и утро он обходил все чеченские семьи в селе, чтобы узнать, не умер ли кто-нибудь. Если находил покойника, то собирал несколько более-менее дееспособных и предавал тело земле. Обмывал и чистил каждое тело, прежде чем похоронить.

Этой зимой, в морозный день, когда разгулялся буран, из больницы сообщили, что там кто-то умер, его надо вывезти и похоронить. Врачи запретили везти его в село, так как его охватила какая-то заразная болезнь. Абдул-Азим похоронил умершего рядом с кладбищем, вывезя его на санях прямо на улице, в бурю. Никто не знал, кто этот человек и откуда он. Наверное, как и Абдул-Азим, он попал сюда, разлучившись со своими близкими.

Начали, когда еще не распространились болезни и люди не обессилены, Абдул-Азим находил помощников. С прошлого лета больных и слабых стало больше, а значит — и смертей. Особенно распространились дизентерия, лихорадка и тиф. Даже здоровые, истощенные голодом, ходили как призраки. У них не было сил ни за больным ухаживать, ни похоронить умершего. В этом селе, слава Всевышнему, у Абдул-Азима было не-

сколько товарищей, чтобы достойно проводить покойника в последний путь. Тяжелое положение было у чеченцев в соседних селах. Не имея сил выкопать могилу, они укладывали тела умерших в небольшое углубление, образованное потоками дождевой воды, и забрасывали землей. Затем их откапывали собаки или, вскрытые потоками, они сами после дождя оказывались наверху. Если одновременно умирала вся семья, то на них сваливали крышу или стены дома и оставляли под руинами. О саване, в который нужно заворачивать тело покойника, и говорить не приходилось; заворачивали в старый истанг, одеяло или хоронили в своей одежде.

В тех селах чаще всего хоронили без омовения. А здесь Абдул-Азим не похоронил ни одного, не совершив мусульманский обряд. Видя больного, голодного, отчаявшегося или умершего, Абдул-Азим, переживая всем сердцем за них, каждый раз молил Аллаха об одном и том же: «О, всемогущий и справедливый Аллах, виновного в бедах и горе этих людей и всего народа осуди Своим праведным судом, взыщи с него в этом и загробном мирах, не освобождай его от мук при жизни и в аду...»

XIV

Огонь в печи не разгорался, сырые дрова тлели, потрескивая искрами. В доме было холодновато. Берса тоже задерживался. Наверное, коротает ночь с одним из киргизских или русских мальчиков, которые учатся с ним. Здесь, кроме Берсы, никто из чеченцев в школе не учился. Было не до учебы. Но он, с детства тянувшийся к знаниям, пошел в школу.

...От грустных мыслей Абдул-Азима отвлек донесшийся с улицы шум. Кто-то подошел к дверям, топнул два-три раза и громко крикнул.

— Абдул-Азим! Ты дома, гостя принимаешь?

Абдул-Азим по голосу узнал Алху.

— Да, конечно. Заходи.

Алха вошел, постоял, пока глаза не привыкли к темноте, затем снял свою старую солдатскую шинель и серую шапку-ушанку и, уложив их на край кровати, присел на кровать и стал снимать кирзовые сапоги.

— Завернул к Бороденко, задержался там за разговором. Ночь темная и ненастная. Пришел к тебе, решив, что лучше покоротать ночь в разговорах с тобой и уйти утром, чем по колено в грязи тащиться шесть километров до дома...

— Как хорошо, что ты пришел. Я скучал один, сидел здесь, как упырь. Сколько бы ни перебирал прошлое, не нахожу ни одного счастливого дня за все прожитые на земле семьдесят лет. Каждый день трагичен, наполнен бедами, грустью... Есть похлебка из кукурузной муки, оставшаяся после нас. Подогрей ее для себя, Алха.

— Не нужно. Жена Бороденко накрыла обильный стол. Но я не смог поесть. Сегодня исполнился ровно год нашего выселения. И сегодня день Советской Армии...

Алха рассказал о разговоре с Бороденко, о том, как в последние два столетия сначала русские цари, а затем Советская власть проявляли жестокую несправедливость по отношению к чеченцам. Абдул-Азим, перебирая четки, внимательно выслушал его. Когда Алха закончил, он свернул и отложил четки, тяжело вздохнул и тихо заговорил.

— Алха, все это правда. Прежде чем сотворить людей, Аллах создал природу, хлеб насущный. Затем создал людей, которые имеют различный цвет кожи, характеры, обычаи. Разделил их на народы. Он сказал людям, что создал природу, дал им хлеб насущный, а также ум, чтобы думать, различать хорошее и плохое; глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, язык, чтобы разговаривать; дал все остальное, чтобы они могли жить в согласии и мире друг с другом, воздавая Ему хвалу. Он сказал, чтобы не враждовали, а дружили, чтобы не старались отнять друг у друга землю и имущество, унижить одного и возвысить другого, господствовать друг над другом. Что все равны перед Ним, являются Его рабами. Аллах сказал, что Он один

лишь вправе сделать вас рабами, лишит вас достатка, лишит вас жизни. Аллах сотворил чеченский народ, чтобы он жил на своей земле, имел свой хлеб насущный. Сделал чеченцев мусульманами, чтобы они были счастливыми в этом и загробном мирах. Но на нашу землю пришли христиане, чтобы отнять дарованные нам Всевышним землю, мусульманскую религию и свободу. Всевышний сказал мусульманам: если какой-нибудь враг придет к вам, чтобы отнять вашу землю, выгнать вас из своих домов, заставить изменить веру или отказаться от нее, закабалить вас, то окажите ему сопротивление, насколько у вас хватит сил, защищайтесь. Двести лет чеченцы героически сражались, выполняя волю Всевышнего, охраняя дарованные им права, защищая свою религию, родину, дома, семьи, свободу, потеряв при этом половину народа. Как ты сказал, народ, который сначала замучили русские цари, а затем – большевики, в конце концов полностью выслали с родины.

Я немного изучал ислам, хотя и не дошел до глубин. Плохо знаю светские науки и политику. Но за семьдесят прожитых лет многое повидал. Видел войну, воевал и сам, видел Сибирь, трудности и лишения. Видел множество разных людей, узнал их нравы и обычаи. За те восемь лет, которые провел в Сибири, а также за год, прошедший после выселения, много размышлял о трагической судьбе нашего народа. Почему же христиане постоянно рвутся в наш край, почему они постоянно вредят нам, почему наш народ постоянно терпит лишения? Пытался понять причины всего этого, найти источники.

Аллах милостив к тем людям, народам, которые идут по указанному Им правильному пути и боятся Его. Всевышний дает терпение и ум, чтобы оберегаться от зла, вреда, бед, охраняет от них. Примиряет таких людей и народы, поддерживает любовь и согласие среди них, обеспечивает им достаток. Но Аллах карает тех людей и те народы, которые не веруют в Него, не боятся Его, отступают от веры, становятся безбожниками. Войной,

землетрясением, эпидемией, пожаром, наводнением - различными чудесами. О каре, которой Он подверг таких людей и народы, Аллах сказал в Коране. А наш народ отошел от веры — умножилось число людей, не выполняющих те обязанности, которые возложены на них Всевышним. Особенно за два десятилетия после установления власти большевиков, которая выступает против Бога, против всех религий. Люди занимаются грабежом, воровством, пьянствуют, прелюбодействуют, убивают друг друга, делают наветы на безвинных, наущничают, несправедливы и вероломны, за мирские блага готовы служить самому черту, предают братьев по вере, сеют вражду между мусульманами. Распространилась зависть, которую Всевышний считает одним из самых больших грехов. Все меньше остается тех, кто честно зарабатывает свой хлеб, кто служит Богу, боится Его и Судного дня. Множится число тех, кто не служит Богу, пользуется нечестно добытым. Когда думаешь об этом, начинает казаться — не отступил ли чеченский народ от веры, не карает ли его Всевышний через христианскую власть, насылая беды и лишения?

— Абдул Азиз, такие люди, о которых ты говоришь, среди нас были. Но, в большинстве своем, чеченцы — настоящие мусульмане. Из-за немногих подобных преступников, преступниц, Аллах не наказал бы женщин, детей, стариков, весь народ...

— В Коране есть много примеров, которые дают ответ на твой вопрос. Когда из-за безбожия, преступлений наибольших групп Аллахом были наказаны целые города, народы. Всевышний предписывает мусульманам исправлять тех, кто стал на преступный путь, укреплять в нем веру, удерживать его от несправедных дел. А если он не слушается вас, не исправляется, предписывает наказание, как предусмотрено шариатом. А чеченцы не считаются с достойными из своей среды, не останавливают преступников. Из-за этой несчастной черты своего характера и страдают постоянно.

Алха замечал, что Абдул-Азим часто подтягивает шубу на коленях, и стал разжигать огонь в печи.

– Таким же образом, как и нас, наказали ингушей, балкарцев, карачаевцев и крымских татар. Они тоже, как и мы, мусульмане. Наказали и немцев – христиан, а также калмыков, которые не являются ни христианами, ни мусульманами, а проповедуют свою особую религию. Более того, объявив кулаками, врагами народа, уничтожили миллионы людей, не разбираясь в том, какой они религии или нации. Во всем виновата эта власть.

– Я не оправдываю власть, Алха. Но ведь Бог един для всех народов. Наверное, эти народы тоже прогневили Бога. Всевышний может наказать своих рабов, но он милостив, может и простить им грехи. Этого нам не дано понять.

– По-твоему, именно эти пять-шесть высланных народов прогневили Бога? Ведь и другие народы не благочестивее нас...

– Я не знаю таинств Аллаха. Рассказываю о том, что сам видел и слышал. Как я говорил раньше, в бедах, выпавших на долю нашего народа, виновата Россия, власть христиан. Бог дал им силу и жестокость. Но и наш народ всегда давал повод для того, чтобы навлечь на себя беды, ведая или не ведая о том, что русские и их царь сильны и жестоки. Из-за того, что были несознательными. Чеченцы не сумели умом, терпением сохранить свою свободу, уберечься от бед и потрясений. Они дошли до сегодняшнего дня, пытаясь защитить себя мужеством, оружием, войной, неся огромные потери. Но мужество, рядом с которым нет ума, терпения, чести, благородства, милосердия, – это безрассудство. Такое мужество оборачивается против отдельного человека, против всего народа. Чеченцы – это народ, отставший по уровню своего сознания. От того, что он не выполняет предписаний Аллаха и Пророка

(до благословит его Аллах). Например, Всевышний в Коране говорит о том, чтобы изучали науки. Наш Пророк (да благословит его Аллах) сказал, чтобы учились от колыбели до самой могилы. Потому что знания дают человеку понимание, множат ум. Человек, обладающий знанием, умом, оберегает себя от потрясений, бед, бесчестия, утверждается в вере. Он способен использовать дарованные ему природу и ум для того, чтобы праведным путем добывать себе хлеб насущный. Обладает верой, терпением, милосердием, благородством. Я не говорю о том, что все образованные люди именно такие. Знания бывают двух типов: от Бога и от дьявола. Тот, кто получил ум и знания от Бога, направляет их на благо людей, а тот, кто от дьявола – на зло, на беду. Например, Сталин, Гитлер, а также расставленные ими руководители являются людьми умными и образованными. Но свой ум и знания они используют для того, чтобы творить зло, беды, преступления. За время этой войны, уничтожили миллионы людей, разрушили города и села. С одной стороны, чеченцы – умный, благородный народ, старающийся выполнять то, что предписано Аллахом. Ни у одного народа, который я знаю, нет таких хороших обычаев, как у нас. Но чеченцы никогда не хотели приумножать свой ум знаниями, повышать сознание. Поэтому, из-за нежелания овладеть знаниями, наш народ отстал в интеллектуальном развитии. Отчего часто и страдает. Верит слухам, тому, что говорят инородцы, обманывается, идет у них на поводу. В последние два столетия у чеченцев не было возможности учиться. По своей же вине. Поэтому воевали. Дети два-три года учились в медресе, а достигнув пятнадцатилетнего возраста, брали оружие и уходили на войну. Не было у нас и образованных алимов, чтобы преподавать в медресе. Их Шамиль приводил из Дагестана. Тех, кто никому не был нужен. Как говорят, оценивая малограмотного муллу, дагестанцы говорили, что он годится для чеченцев. Мы тя-

немся к мусульманской религии, но глубоко ее не знаем, потому что очень мало было образованных чеченцев, которые могли бы довести ее глубинную суть до других. Насколько мне известно, такими глубокими познаниями обладал лишь Саип-мулла. Из чеченцев вышло всего лишь несколько человек, обладающих светскими знаниями. Это Таштемир Эльдарханов, Али Митаев, братья Мутушевы, братья Шериповы и несколько других. Поэтому чеченцы не знали мир. Были люди, дожившие до ста лет, которые не знали, где находится город Грозный, не видевшие поезд, считавшие сумасшедшим того, кто утверждал, что разговаривают и зажигают лампы с помощью проводов, уверенные в том, что только у русских, турок, арабов, грузин, персов, немцев и англичан есть свои государства. Только побывавшие в заключении в Сибири чеченцы знали, как многочислен русский народ, как огромна их страна. Потому что чеченцы были необразованны, отстали в своем интеллектуальном развитии.

Алха никогда не задумывался раньше обо всем этом. Действительно, не только старики, но и сверстники Алхи не имели образования или были малообразованными. Не владели ни религиозными, ни светскими знаниями. Когда утвердилась Советская власть, закрыли медресе и открыли школы. Сначала создали чеченскую письменность на основе арабской графики. Люди только начали осваивать ее, как заменили на новую, основанную на латинице, так как предыдущая была связана с мусульманской религией. Едва научились читать и писать, и эту письменность заменили на новую, основанную на кириллице. Когда выселяли, еще не успели освоить ее. Сверстники Алхи, а также подрастающее поколение было необразованным. В настоящее время дети не учатся, да и не до учебы им. И нынешние дети вырастут несознательными, темными, будут повторять те же ошибки, допущенные отцами и дедами...

Совершив вечерний намаз, вирд, прочитав молитву, Абдул-Азим продолжал.

— Да, Алха, из-за того, что не овладел религиозными и светскими науками, наш народ отстал в интеллектуальном развитии, отчего начинаются все наши ошибки, беды, несчастья. Самая плохая черта чеченцев в том, что они не умеют или не хотят распознавать умных, сознательных, благородных, мужественных людей из своей среды, ставить их во главе, быть верными им, уважать и оберегать их. У нашего народа чрезвычайно развита зависть, которую Всевышний считает одним из самых тяжелых грехов. Каждый чеченец себя считает самым умным, смелым, мужественным. Нё любит того, кто умнее, смелее его. Не любит того, кто живет лучше, чем он. С тех пор, как Шамиль пришел в Чечню, до его ухода в Дагестан мой дядя воевал в рядах его армии. Два раза совершал хадж. Он умер в возрасте ста тридцати лет за два года до моего ареста. Отец и его двоюродные братья принимали участие в восстании под руководством Апибека-хаджи. Одни из них погибли в бою, другие, посланные в Сибирь, бесследно пропали. Я помню многих из того, что рассказывал дядя. Он говорил, что двести лет назад чеченцы, чтобы не выдвигать людей из своей среды, приглашали для руководства над собой дагестанских, кумыкских, черкесских, абардинских князей, платя им дань, выделяя лучшие земли. Эти князья и их потомки сидели у нас на шее вплоть до прихода этой власти. У их потомков власти не было. Но остались земли, выделенные чеченцами отцам. Чтобы не избрать знаменитого Бойбулата Таймиева имамом, чеченцы привели и поставили над собой аварца. Они приняли Шамиля, которого аварцы выгнали из Дагестана, сделали его имамом и двадцать лет позволяли уничтожать себя. Когда утверждалась Советская власть, Узун-Хаджи, Нажмуддин, внук Шамиля Саид-Бек, перебравшись из Дагестана в Чечню, обо-

сновались в Ведено, и чеченцы пошли за ними. В шамилевский период война почти все время шла в Чечне. Дядя говорил, что не осталось ни одного села, которое не сжигали бы по несколько раз. Именно чеченцы, чеченские наибы вели эту войну, сделавшую Шамиля знаменитым. Позднее, когда утвердился, он начал смещать чеченцев и назначать наибами аварцев. Он не допускал в свой диван чеченцев.

В годы революции и гражданской войны в Чечню стекались большевики, представители кавказских народов – русские, грузины, армяне, евреи, татары, дагестанцы, абхазцы и многие другие. Киров, Орджоникидзе, Бутырин, Буачидзе, Эшба, Энеев, многие, многие другие. По Чечне бродили турки, арабы. Они все хвалили удаль и мужество чеченцев. Я своими ушами слышал выступление Орджоникидзе. Мужественные чеченцы, гордые чеченцы, утверждал он, вы являетесь оплотом Советской власти на Тереке. А чеченец даже в огонь бросится, если его похвалить. Соседние народы легко установили у себя новую власть, для вида иногда делая выстрел-другой, а чеченцы, выступив за большевиками, позволили сжечь десятки сел, уничтожить тысячи людей. А благодарность чеченцам от большевиков, Советской власти за верность ты видишь теперь налицо. Больше, чем представителей других народов, арестовали и уничтожили чеченцев, и, наконец, выслали весь народ. Подумай над тем, почему чеченцы старались быть первыми в борьбе против царизма, а также за большевистскую власть? Почему в Чечню приходили имамы из других народов, большевики, турки и многие другие? Почему они сражались не у себя на родине?

Алха долго молчал, не отвечая на вопросы Абдул-Азима.

– Абдул-Азим, тому причин много, – сказал он, наконец. – Чеченский народ был самым многочисленным на Северном Кавказе. Другие народы, проживавшие по берегам двух морей и русской границе, постоянно на-

ходились под внешней угрозой, а расположенные посреди них чеченские земли от такой угрозы были далеки. Поэтому эти малочисленные народы опирались на чеченцев, когда приходила беда, появлялась опасность, обращались к ним за помощью, искали себе пристанище в Чечне. Это одно. Второе. Народы, живущие там, были зависимыми, находились под властью своих князей и богатеев, а чеченцы не были ни под чьим гнетом, были свободными. Поэтому они всегда стремились сохранить свою свободу. Что чеченцы не выдвигали своих лидеров, тому тоже была причина. Они боялись, что получив власть, те укрепятся, станут князьями, как у соседних народов, станут господствовать над ними, обращая их в рабство, и тем самым они лишатся своей независимости. А князья соседних народов за золото, подарки, чины продавались туркам, иранцам, русским. Продавались сами и продавали свои народы. Чеченцы боялись, что с появлением князей с ними произойдет то же самое. А то, что в годы революции и гражданской войны большевики устремились в Чечню, также объяснения не сто. Грозный был вторым по численности городом на Северном Кавказе после Ростова. По добыче нефти он занимал второе место после Баку. В Грозном был многочисленный пролетариат. А большевики утверждали Советскую власть и укрепляли ее, опираясь на рабочих, которые были их основной силой.

Тускло горящая лампа, в которой иссяк керосин, погасла. Они остались в темноте, лишь свет горящих дров в печи освещал комнату.

«Аллах, приведенным тобой примерам, аргументам поверит лишь тот, кто не стремится к сути, довольствуется поверхностным взглядом. Но если хорошо подумать, сопоставить их с жизнью людей, традициями, обычаями, а также историей ислама, некоторые приобретают прямо противоположный характер. Например, то, что чеченцы не хотели выдвигать своих лидеров из-за боязни их превращения в князей, а народ окажется под их господством, вынужден будет всегда терпеть их

– Берса, уже поздно, постели себе там, где всегда, и ложись спать, – сказал ему Алха. – Я устроюсь на полу, накинув шинель.

– Красиво это выглядело бы: я сплю в кровати, а ты – на полу, – рассмеялся Берса. – Мы оба поместимся на кровати.

Абдул-Азим заставил Алху призадуматься. Он был не так глуп, чтобы и раньше не думать обо всем этом. Он закончил педагогический техникум в станице Михайловской. До ухода на фронт два года проработал учителем. Тогда было мало исследований по истории чеченского народа. Но он прочитал все работы, вышедшие в печати. Абдурахмана Авторханова, Халида Ошаева, Денилбека Шерипова, Бека Саракаева, Магомета Мамакаева. За четыре года войны узнал много краев, людей, народы, немного начал разбираться в политике. Но глубокий анализ старого Абдул-Азима стал для него открытием. Особенно то, что касалось характера чеченского народа. То, что чеченцы только на словах уважают друг друга, не почитают своих мудрых, благородных и мужественных представителей, не заботятся о них, не выдвигают их в лидеры, а если кто оказался в руководстве, не желают подчиняться им. В то же время безропотно принимают людей со стороны, и не просто подчиняются им, но носят на шее.

У чеченцев была благородная традиция принимать в Чечне беглых представителей других народов, давать им прибежище. Они приходили сюда, доведенные до отчаяния у себя на родине гнетом князей и царских наместников, обнищавшие. Были и приглашенные самими чеченцами. Например, князья соседних народов. Им отдавали в пользование тысячи десятин земли, хотя сами испытывали в ней недостаток. До прихода советской власти эти земли находились в собственности их потомков. Многие богатеи были потомками тех инородцев, которые некогда пришли в Чечню. При царизме офицеры, государственные служащие, купцы, землевладельцы тоже были из их числа. Из них же были и те,

его имел религиозное и светское образование. Когда пришла новая власть, из оказавшихся в руководстве чеченцев большинство тоже было из них. Их отцы жили среди чеченцев, потомки называли себя чеченцами. Выслан вместе с чеченцами, их привезли сюда. Они не просили не выселять их, так как происходят от аварцев, кумыков, персов, лакцев, осетин, черкесов, кабардинцев, других народов. Кто рассказал о своем происхождении и остался дома при выселении народа, было немного. Многие из них вместе с чеченцами переносят беды, трудности и лишения. Но все равно их кровь продолжала тянуться к народам, из которых они происходили. Они не переживали за чеченский народ и его судьбу, как сами чеченцы. В этом, считал Алха, Абдул-Азим был прав.

Когда Шамиль, которого дагестанцы прогнали, вместе с семьей пришел в Чечню, чеченцы приняли его, избрали своим имамом. Оставаясь ему верными, двадцать лет воювали против русских. Прославили на весь мир Шамиля своими победами над русскими войсками. Но имам, утвердившись в Чечне и Дагестане, прогнал дагестанцев, которые предали его. Приблизил даже Хаджи Мурада, который был его злейшим врагом. А аварцев, которые страдали в горах от малоземелья, привел в Чечню и расселил по аулам. Кое-где основал их хутора. Кого он сажал рядом с собой в диване, с кем беседовал, тоже были дагестанцы. Позднее недовольные им чеченских наилов менял также на дагестанцев. Когда истуренные войной некоторые чеченские аулы отказывались ему подчиняться, он посылал сформированные из дагестанцев карательные части и жестоким наказывал жителей.

Когда Чечня пала, охваченная пламенем двадцатилетней войны и лишавшаяся сил для продолжения борьбы, Шамиль бежал в Дагестан, бросив ее на произвол судьбы и спасая себя, многочисленную семью и нажитые богатства. Но как только вступил на родную землю, ограбленный своими же дагестанцами, он

остался голым. Но даже после этого, будучи окружен царскими войсками в Гунибе, он, чтобы не допустить напрасной гибели своей семьи и своего народа, вместе с семьей и родственниками добровольно сдался в руки царских генералов, заручившись обещанием, что ему разрешено уехать в Мекку. Несмотря на то, что представители его народа не раз проявляли по отношению к нему коварство и вероломство, он не захотел, чтобы его народ страдал. Кровь не смогла не заступиться за свой народ. А чеченцев Шамиль заставлял воевать двадцать лет, пока они не потеряли половину народа и не превратились в пепел их аулы...

Через шестнадцать лет в Чечне вспыхнуло новое восстание против царской власти. Когда войска жестоко подавили его, стали подвергать невиданному наказанию села, молодой имам Алибек-Хаджи добровольно сдался в плен и позволил повесить себя. Чтобы из-за него не подвергали наказанию народ, не разрушали села. Он тоже пожалел чеченцев, которые были одной крови с ним...

Но между поступками Шамиля и Алибека-Хаджи была большая разница. Шамиль спас свой народ от войны, от уничтожения, сбежав к нему после того, как чеченский народ наполовину был истреблен. Попросив пощады у врага для себя, своей семьи и родственников.

По вине молодого имама Алибек-Хаджи на чужой территории, из другого народа не был убит ни один человек, не было разрушено жилище ни одной семьи. Сдавшись в плен, не просил пощады ни для себя, ни для своих братьев. Ударом ноги выбив зубы офицеру, приблизившемуся к нему, чтобы подвести к виселице, он поднялся на стул, надел петлю на шею, отшвырнул ногой стул и повесился сам. Чтобы по его вине не убили ни одного человека из его народа...

Между ними было еще одно различие.

Шамиль в это время был человеком, которого знали во всем мире. Мудрый государственный и политический деятель, полководец, религиозный вождь Чечни и Дагестана, почтенного возраста старик.

А имени Алибек-Хаджи за пределами Чечни никто и не слышал. Ему было всего двадцать шесть лет.

На самом деле мужество и стойкость, проявленные Алибеком-Хаджи, должен был совершить Шамиль.

Было уже за полночь. Они утомились, сидя в темноте. Абдуп-Азим, поправив подушку, накрылся шубой и лег. Алха тоже прилег на кровать, рядом с Берсой, нагнув на себя шинель. Но сон не шел к обоим.

— Алха, ты говоришь, что чеченцам хотелось сохранить свою свободу, поэтому они сражались сотни лет. Ни один человек, ни один народ не хочет жить в рабстве. Каждый человек, каждый народ имеет право отстаивать свободу, дарованную ему Всевышним, сражаться за нее. Но ведь нигде не сказано, что нужно сражаться за нее именно с оружием в руках и погибать. Мертвому не нужна свобода...

— Но, Абдуп-Азим, мне кажется, что лучше умереть свободным, чем стать рабом, жить в рабстве.

— Это тоже верно. Но Всевышний говорит, что не нужно спорить с силой, которую ты не сможешь сломить, а надо отступить перед ней, не нужно обрекать себя на вечную гибель. Служно, война — это последняя черта. Проще можно победить хитростью, обманом. Если сказать коротко, Аллах говорит, что не стоит погибать, вступив в поединок с силой, которую ты явно не можешь победить. Примером этого является мирное соглашение, заключенное нашим Пророком (да благословит его Аллах) в местечке Худайбия с христианами из Мекки. Через шесть лет после своего ухода в Медину со своими асхабами Пророк (да благословит его Аллах) вместе с ними и ансарами направился в Каабу. Ежегодно на три дня там же собирались арабы-христиане. Даже если между родами шла война, на эти дни заключалось перемирие. Поэтому, чтобы не чинили препятствия на пути в Каабу, Пророк (да благословит его Аллах) послал туда для переговоров Усмана, а сам с шестью семью сотнями ансаров и асхабов отправился в Мекку. По пути они получили известие, что христиане

из Мекки решили не впускать их туда, что Усмана задержали в качестве заложника, а многочисленное войско во главе с Хамидом ибн-Валидом двинулось против них. Пророк (да благословит его Аллах) и его ансары и асхабы, обогнув дорогу, по которой шло войско, прошли по горам и остановились в местечке под названием Худайбия. Оттуда до Мекки был день пути. Пророк (да благословит его Аллах), рассердившись на арабов-христиан из Мекки, отступившихся от адатов своих отцов, поклялся, что войдет со своими войсками в Мекку и освободит Каабу. Такую же клятву он заставил принести своих ансаров и асхабов. После этого Аллах посеял испуг в сердца христиан из Мекки, и они прислали послов для заключения мирного соглашения во главе с Сухайлем ибн-Амри, одним из князей Мекки. С собой они привели и Усмана. Сухайл сказал Пророку (да благословит его Аллах), что старейшины Мекки заключили с его послом Усманом соглашение на десять лет, начиная с этого дня: если сейчас не входите в Мекку, прекращаем войну друг с другом, вы ежегодно на три дня можете входить в Мекку для посещения Каабы, а они на эти три дня будут уходить оттуда. Сухайл отметил, что их направили утвердить этот договор, если Он согласен с ним. Пророк (да благословит его Аллах) остался доволен договором, но некоторые асхабы и ансары, прежде всего Умар, стали возражать.

– Я слуга Аллаха, Его пророк, обязанный выполнять Его волю, – сказал Пророк (да благословит его Аллах). Запиши, Али. Бисмиллахир рохманир рахийм, именем Аллаха заключается этот договор...

– Не пишите так, – крикнул Сухайл. – Уберите имя Аллаха, нет бога по имени Аллах. Пишите «Бог», он один, общий!

– Хорошо, – согласился Пророк (да благословит его Аллах), – именем Бога, Мохаммад, ниспосланный Им слуга и Пророк...

– Не пишите, что Пророк ниспослан Богом, – возразил Сухайл. – Ты не Пророк, ниспосланный Богом! Если

бы это было так, мы бы признали тебя и не пошли бы против тебя! Напиши, что этот договор заключили сын Абдуллаха Мухаммад и сын Амри Сухайл!

— Убери слово «Пророк» и напиши так, как говорит Сухайл, — приказал Пророк (да благословит его Аллах)

Анн.

Когда христиане ушли, Умар и некоторые асхабы и ансары начали упрекать Пророка (да благословит его Аллах):

— Ты же говорил нам, что между христианами и мусульманами никогда не может быть мира, родства, дружбы. А сейчас сам заключил с ними мир! Поклявшись войти в Мекку и освободить Каабу, заставив принять такую же клятву и нас, почему ты отступил, столпившись с ними? Почему согласился убрать с договора имя Аллаха и что ты являешься его Пророком? Почему ты отступил перед христианами?

Пророк (да благословит его Аллах), говорят, внимательно выслушал их и сказал:

— Я слуга Аллаха, Пророк, ниспосланный Им, который должен выполнять Его волю. Все, что я делаю, каждая речь, которое произношу, зависит не от меня, а от Аллаха. Если бы Аллах не хотел, то он не позволил бы мне заключить мирный договор с христианами. Сегодня у нас мало силы, христиане сильнее. Если мы теперь вторглись бы в Мекку, все завершилось бы нашим поражением, победой христиан, поражением мусульманской религии, торжеством христиан. Поэтому, по воле Всевышнего, я на время заключил с ними мир. По воле Всевышнего, с его помощью наши силы окрепнут, тогда мы войдем в Мекку, освободим Каабу. А от того, что на договоре не написано имя Аллаха, ничего не изменится, потому что Аллах есть и всегда будет. И, независимо от того, что в договоре не указано, что я Пророк, ниспосланный им, я остаюсь Его слугой, Его Пророком.

В тот день, когда Пророк (да благословит его Аллах) со своими асхабами и ансарами вернулся в Медину,

Аллах через ангела Джабраила сообщил Ему: за то, что ты, не имея сил одержать победу над христианами, проявил терпение и отступил, Аллах простил тебе все грехи, которые совершил в жизни, простит и те, которые совершишь в дальнейшем, а в будущем дарует тебе большую победу. Когда под деревом товарищи дали клятву быть верными тебе, Аллах, видящий и знающий то, о чем они думают, благословил их. Тот, кто предан тебе, предан Аллаху, кто против тебя, тот против Аллаха. Те из твоих товарищей, которые были против мирного договора с христианами, обиделись и возмутились. Они не знали того, что сделанное тобой сделано по воле Аллаха. Они не подумали о том, что в Мекке есть много людей, тайно исповедующих ислам, считающих, что Аллах один, а ты Его Пророк. Если вы в этот день вошли бы в Мекку, погибли бы и некоторые из вас, и скрывающиеся мусульмане, а также невинные женщины и дети и оставшиеся в Мекке ваши родственники, и вина за это легла бы на вас. Поэтому Аллах дал терпение и твоим товарищам, заставил их согласиться с мирным договором, который ты заключил. Аллах говорит тебе, что не проливая крови жителей Мекки и вашей, без ущерба обеим сторонам, без разорения скоро вы войдете в Каабу, что Он дарует вам большую победу, принесет большую радость.

По договоренности, достигнутой с христианами, ровно через год Пророк (да благословит его Аллах) вошел в Мекку с двумя тысячами мусульман. Князя Мекки, напуганные его силой, сказали, чтобы Он через три дня вышел из Мекки вместе с мусульманами. Пророк (да благословит его Аллах) имел достаточно сил оказать сопротивление и одержать над ними победу. Но Он не мог первым нарушить договор, подписанный в Худайбие год назад, если не будет от Аллаха какого-нибудь знака. Ведь Он был слугой Аллаха, Пророком (да благословит его Аллах), ниспосланным им. Поэтому Он со своими двумя тысячами асхабами и ансарами вышел из Мекки и вернулся в Медину. Увидевшие за эти три

дня Пророка (да благословит его Аллах), его силу, благодетельство, милосердие, верность слову, многие из христиан Мекки пришли к Пророку (да благословит его Аллах). Приняли ислам и поклялись быть ему верными кандидатами Халид ибн-Валид, Амри аль-Ас, Талх ибн Сувайд и многие другие известные князья Мекки. Минимизировав время, год после этого число последователей и верных Пророка (да благословит его Аллах) увеличилось. А силы христиан из Мекки с каждым днем таяли, между ними возникли противоречия. Договор, заключенный с Пророком (да благословит его Аллах), нарушили они сами, убив нескольких мусульман. После этого Пророк (да благословит его Аллах) вместе с десятком тысячами своих воинов вошел в Мекку. Князья не оказали ему сопротивления. Некоторые из них бежали из Мекки, оставшиеся приняли ислам, признав Аллаха единственным и Мохаммада — Его Пророком (да благословит его Аллах).

Перед, лежащий рядом с Алхой, что-то говорил во сне на таджикском, русском, киргизском языках. В соседних коридорах дверей началось разноголосое кукареканье петухов. Но Алха не спалось.

XV

Алха не знал, как долго проспал. Когда он проснулся, Абдул Азим, совершив утренний намаз, сидел, завернувшись в свою шубу и перебирая четки. Берса, присев на корточки, пытался разжечь огонь в печи. Старик перебрал четки, положил их рядом с собой, прочитал молитву и он обратился к Алхе:

— Как переживал? Не холодно было?

— Нет. Ничего не спал.

— Я не дал тебе отдохнуть, выговаривая все, что наболело на душе, наболело.

— Абдул Азим, многое из сказанного тобой для меня ново. Это заставило меня многое переосмыслить, прояснилось то, что до сих пор оставалось тайной.

— Тогда, пока Берса подогревает суп, я договорю, что не успел высказать вчера.

Когда огонь начал разгораться, Берса поставил на печку алюминиевую кастрюлю с супом, а также чайник, налив в него воду.

— Если подвести короткий итог всего сказанного, то суть такова: если есть другой выход, избегай ссору, войну, пролития крови, убийства человека, стремись к миру; будь терпелив, если даже тебе это в некоторой степени ущербно; не ищи смерти, так как Всевышний требует от мусульманина, чтобы он своими руками не приближал ее. Умом, сознанием, терпением стремись к миру, даже ущербному, и если из этого ничего не получается, только тогда бери в руки оружие. Чтобы защитить себя, свою семью, религию, родину, свободу. Ислам говорит: если враг с оружием придет в твой край с намерением заставить тебя отказаться от религии и принять другую, если он силой выгоняет тебя из дома и родины, тогда возьми в руки такое же оружие, какое есть у него, поднимись на газават, защищай свою религию, дом, родину. Но ислам утверждает еще и следующее: если враг не требует, чтобы ты отказался от своей и принял его веру, если не выгоняет из своего дома и родины, если он предлагает тебе мир, то надо согласиться, жить с ним в мире. А наш маленький и бессильный чеченский народ старался сохранить свою веру, родину и свободу не умом, не сознанием, не терпением, не хитростью или обманом, а только одним мужеством, с помощью оружия, войной. Нес жертвы, оказывая военное сопротивление самому могущественному из могущественных русскому, христианскому царю.

— А если враги придут в мой край, захватят его, если они скажут, чтобы я отказался от своей и принял их веру, но у меня нет такого оружия и силы, как у них, если я бессилён перед ними? Тогда я должен отказаться от своей и принять их веру, отдать им свою родину, жить в рабстве?

По этому поводу Аллах сказал: если на твоей родине у тебя нет возможности соблюдать свою веру, уходи туда, где эта возможность есть. Когда христиане из Мекки не дали его веру свободу, Пророк (да благословит его Аллах) вместе с мусульманами покинул Мекку и ушел в Медину.

Пророк (да благословит его Аллах) был послан Всевышним для распространения мусульманской веры и помыслил ему. А те, кто изгнал его из Мекки, были не только арабами, как и он, но и из его тейпа Курейш. Принявшие его в Медине и признавшие в нем Пророка тоже были арабами. Русские же пришли, чтобы захватить чеченские земли, утвердить свое господство над чеченцами, обратить их в рабство, в свою христианскую веру. Они прямо не говорили чеченцам, чтобы они отказались от мусульманства и приняли христианство. Но были случаи, когда раньше они захватывали территории некоторых малых народов и насильно обращали их в христианство. Например, часть мусульман из числа татар русские заставили принять христианство. Многие народы Сибири, которые не были мусульманами или христианами, а имели свою религию, насильно обратили в христианство. Во времена Мансура отдельные представители мусульманских народов Северного Кавказа принудили или, поднося дорогие подарки, обманчивым путем обратили в христианство. Тогда и позднее, в шамилевский период, среди чеченцев ходили слухи о том, что и их насильно обратят в христианство, заставят есть свинину, когда они подпадут под власть русских; что женщины, как и русские, будут ходить без шаровар, станут общими женами христиан; что чеченцев все отгонят с их родины, разбросают по России среди русских, христиан и таким образом уничтожат. Куда должен был падать чеченский народ со своей землей, когда войска могущественных русских царей пришли в Чечню с войной, когда там начали поселять русских, а у чеченцев не было такого же оружия, как у них, и та же же силы? Поэтому он сражался за свою религию, родину, свободу, хотя был маленьким и слабым!

Абдул-Азим задумался.

— Алха, с одной стороны, твои мысли верны. Я приветствую то, что чеченцы во времена Шамиля и до него сражались с русскими, хотя были слабыми. Тогда были другие времена, другие люди. Они не знали, как велика Россия, как многочислен русский народ, как много у него сил. Чеченцы думали, что русские — это только живущие за Тереком казаки. Думали, что русский народ иссякнет, если уничтожить солдат, воюющих в Чечне. Второе. Тогда не одни чеченцы воевали против русских, защищая свою веру, родину и свободу. Воевали народы Дагестана, кабардинцы, черкесы, абазины и другие. Эти народы были сплоченными, глубоко верующими, соблюдали иман, сумели сохранить благородство, честь, традиции. Позднее длившаяся десятилетиями война, интриги царской власти разобщили народы, подорвали связи, подточили веру, иман, честь, благородство. Поэтому они не могли объединиться, собрать силы в единый кулак, чтобы вместе и дружно оказать сопротивление русским. Как и в Чечне, на землях всех этих народов расселили русских. Установили там свою власть. Чтобы охранять эту власть и русское население, держали многочисленную армию. Особенно в Чечне. Если поначалу эти народы надеялись на то, что не допустят русских на свою родину, верили в свои силы, позднее этой надежды не осталось. Во время длительной войны народы понесли огромные потери. Были разрушены селения, наступили голод и нищета. Доведенные русскими до отчаяния, многие горцы с запада, покинув родину, переселились в Турцию. Оставшиеся смирились и прекратили сопротивление, кроме чеченцев. Менее чем через год после того, как Шамиль сдался в плен, появился имам Байсангур, через четыре года — Тхоза, а через двенадцать — Алибек-Хаджи. Число тех, кто пошел за первыми двумя, не доходило до тысячи, а сподвижников Алибека то становилось около десяти тысяч, то оставалось человек двести-триста. В то время в Чечне было около двадцати

павших отаиц, в различных районах находились крепости, в которых было несколько тысяч солдат. Почему чеченцы не знали, что не смогут одержать над ними победу и выдворить их из Чечни? А в России таких солдат было еще сотни тысяч...

— Тогда чеченцы восставали не из-за того, что хотели воювать или радовались ей, — с грустью произнес Алха. — Чеченцы отобрали лучшие земли, их загнали в каменистые горы. Они нищенствовали, голодали. Находились в рабстве, под гнетом. У них не было никаких прав. Восставали от отчаяния, безнадёжности...

— Хорошо. Но, подняв восстание, они добивались свободы? Вернули отобранные у них земли? Выгнали из Чечни казаков и солдат? Свергли власть царя? Ни того, ни другого, ни третьего — ничего не получилось. Восстание под руководством Алибека-Хаджи было подавлено царскими войсками с особой жестокостью. Десятки аулов разрушили, сожгли. Были убиты тысячи людей. Женщины, дети, старики. Тысячи людей, разлучив с родными, сослали в Сибирь. Земли чеченцам не вернули, солдат, казаков, мужиков не вывели. В Чечне еще сильнее утвердилась власть русских, усилился гнет. Народ еще больше обнищал и изголодался. Из-за восставшего народ оказался еще в большей беде.

— Ты говоришь, что надо было оставаться в рабстве, терпеть гнет, голод и нищету?

— Нет, я говорю, почему чеченцы постоянно опережали свободные народы, не думая о последствиях, почему всегда первыми бросались в препасть, в огонь? Не моей памяти, во время первой русской революции свободные народы спокойно отсиделись в стороне, а чеченцы, не имея возмущения в горах, позволили разрушить свой дом. А то, что во время прихода этой власти чеченцы перешли на сторону большевиков, имеет свою причину. Ленин и большевики заявляли, что они передадут власть в руки бедноты, дадут свободу народам, а чеченцам вернут отобранную у них царской властью землю. Чеченцы, как и другие народы, поверили

этому. Но ни один малый народ, подобно чеченцам, полностью не перешел на сторону большевиков, не принял такого широкомасштабного участия в гражданской войне. В ней погибли тысячи лучших сыновей чеченского народа, были сожжены десятки сел. Оказав большевикам помощь в борьбе за власть, через десять лет чеченцы подняли восстание. В Шали, Ведено, Гойтах и других местах. Это восстание было жестоко подавлено большевиками. Прекрасно зная об этом, через год, в марте 1932 года поднялась Ичкерия, провозгласив имамом шоноевского Моцу. Кем был этот Моца? Бедный пахарь, необразованный, не знающий ни одной буквы, который ни разу не был на плоскости дальше Военной дороги. Ичкерийцы, поддержавшие его, не сделали ни одного выстрела в сторону солдат. Они разогнали районных начальников и милицию, сожгли конторы сельских советов и колхозов, школы. Какие последствия имело это безрассудство? Те, кто был и не был с Моцой – тысячи ни в чем неповинных людей, – были арестованы и без суда, без вынесения приговора, на восемь-десять лет были отправлены в Сибирь. И я тоже вместе с ними. Из арестованных тогда людей одни умерли в тюрьмах, другие – в лагерях, лишь немногие вернулись домой. Если не были сумасшедшими, то они ведь должны были понимать, что не смогут разрушить советское государство, занимающее шестую часть мира!

– Эти восстания тоже имели свои причины. Во время коллективизации у людей начали отбирать их имущество, вплоть до кур. Людей, имевших хоть небольшой достаток, начали объявлять кулаками и выселять. Тогда против власти выступили не только чеченцы. Против коллективизации, раскулачивания выступали русские, украинцы, представители других народов...

– Я знаю. Выступления против коллективизации, раскулачивания имели повсеместный характер. Но подобно чеченцам, с имамами во главе, с оружием в руках, заявлениями о намерении свергнуть Советскую власть

ни поднимался никто. А разве из-за их сопротивления прекратили создание колхозов, раскулачивание? Нет. Они приценились пред и себе, и народу. О том, что происходило за последние восемь лет — от восстания под руководством Моцы до начала войны с Германией — я знаю только понаслышке. Эти годы я провел в Сибири. А в начале войны, когда немцы приблизились к Тереку, в Терек и верховьях Аргуни, снова началось восстание против власти. Им руководили не такие темные люди, как Моца. Говорят, что это были образованные, разбавившиеся и политиком, некогда занимавшие высокие посты люди. Но в умах, которых называют умными и образованными, не хватило ума, чтобы понять, что Германия не сможет одержать победу над советской страной, а их действия нанесут вред чеченскому народу. Именно они, а также люди, называвшие себя абреками и совершавшие грабежи, дали повод власти создать ложное представление о нашем народе, будто чеченцы предавали родину, поднимали восстание в тылу, помогали немцам. Это первое из причин, придуманных властью для высылки. А что чеченцы не были предателями, что они вместе выполняли свой долг перед страной, изжили не только нам. На фронте героически сражались с врагами тысячи чеченцев. И млад, и старшим и полным, не покладая рук работали в тылу, отдавали заработанное фронту. Из-за той небольшой группы людей стали плохо отзываться обо всем народе. Наши педагоги и здесь упрекают нас за то, что они не творили. Но вот еще что заставляет задуматься: на войне против немцев героически сражались десятки тысяч чеченцев, а в самой Чечне с оружием в руках против власти поднималась небольшая горстка других чеченцев. Кто из них прав и кто герой, защитивший честь народа?

Алая задумалась над этим сложным вопросом, поставленным Абдул-Азимом. Найти на него ответ было трудно. Чеченцы сражались не из-за любви к Сталину, к его сподручным, к Советской власти. И не только чечен-

цы. Например, отправленные на фронт из лагерей бывшие заключенные. У многих из солдат были разрушены родные города и села, убиты или угнаны в Германию родители, дети. Солдаты, с которыми произошла подобная трагедия, яростно сражались, мстя врагу. Другие стремились остановить врага, отбросить назад, уничтожить его, зная о том, что, если фашисты доберутся до их городов, сел и семей, с ними случится то же самое. Поэтому солдаты всех национальностей сражались с врагом прежде всего для того, чтобы защитить свои города и села, а, во-вторых, свои дома и семьи. Алха и другие чеченцы знали, что если фашисты доберутся до Чечни, там они будут совершать те же злодеяния. Поэтому понимали, что защищают Чечню, чеченский народ, где бы ни сражались.

Более того, на войне между народами было некоторое соревнование. Если из какого-то народа выделялся трус, раньше всего называли его народ; таким же образом, если кто-то совершал геройский поступок, тоже называли его народ. Алха, десятки тысяч других чеченцев героически сражались на войне. Старались, чтобы никто не мог обвинить их в трусости, вероломстве, предательстве, чтобы не опозорить чеченский народ, защитить его честь и достоинство. Они начали сражаться еще яростнее, когда узнали о выселении чеченцев. Тем самым доказывая, что выдвинутые против народа обвинения лживые, что он предан родине и верен, что вероломство, предательство и трусость никогда не были у него в чести.

На фронте солдаты не обращали внимания на национальность. Там все были братьями, которые вместе переносят трудности. Делили хлеб и воду, одну сигарету курили несколько человек. Под пулями, бомбами, на спине, волоком выносили раненного, не различая по национальности. Погибали, спасая товарища. Но все равно чеченцев выслали, обвинив в том, что предали родину.

— А если сказать об абреках, то они встали на этот путь из-за несправедливости властей, — продолжал Абдул-Азим. — И тогда, в царские времена, и после. Когда власти доводили невинного человека до отчаяния, то он становился абреком. Мстил представителям власти, которые разлучили его со своим домом, семьей, с людьми, и как зверя принудили рыскать по лесам и горам, в холоде и голоде. А что за люди были наши районные руководители, ты и сам знаешь. Многие из них даже умели читать и писать, были необразованными, безкультурными, безжалостными, вероломными, трусливыми. Они не боялись Бога, а чтобы стыдиться людей, у них не было человечности. Не разбирались в том, что дозволено, а что нет. Несправедливость, вероломство, жадность проникли в их кровь, кость, мозг. Они открыто брали взятки, пьянствовали, не знали простейших предписаний Бога. В годы коллективизации у некоторых крестьян забирали все подчистую, а кто давал взятку для видимости, показухи забирали какую-нибудь мелочь. При раскулачивании делали то же самое. Тех, кто был богат, оставляли, получив от них взятку, а бедняков выселяли. Когда началась война и молодых людей начали призывать в армию, то оставляли дома своих родственников и тех, кто давал взятку, а тех кто такой возможности не имел, отправляли на фронт.

Да, Ахха тоже знал таких руководителей, о которых говорил Абдул-Азим. Образованные, человечные, культурные, милосердные люди были среди них редкостью. Таких не назначали на руководящие должности, а кто случайно попадал туда, держали недолго. Или снимали с должности, или по ложным обвинениям арестовывали и уничтожали. Когда руководители района приглашались в село, местные начальники устраивали застолья, пачериния, угощая самых красивых девушек. И на свадьбах стол с лучшей едой и выпивкой накрывали для них. Они с жадностью ели, пили водку на виду у всех

присутствующих. Когда они танцевали, то в знак уважения вставали и стар и млад, женщины и девушки. За того, кто не был женат, отдавали самую красивую девушку. Причем, с радостью, что он берет ее в жены, гордясь этим.

— Я расскажу тебе о том, на основании чего высшее руководство в Москве оклеветало наш народ, будто во время войны в Чечне было несколько тысяч бандитов, объединившихся в группы, что у них было столько-то тысяч винтовок, автоматов и пулеметов, что внутренние войска уничтожили столько-то бандгрупп, столько-то убили, взяли в плен.

В нашем районе начальником милиции был некто Саид Мажаев. Он был не из местных, а выходцем из одного района с верховьев Аргуна. Через своих осведомителей из аулов он вызывал к себе отдельных жителей. Вызванному говорил, что получена информация о наличии у того винтовки или автомата, что есть свидетели, и если тот не сдаст оружие, то он уничтожит его. Затем отпускал, назначая пять-шесть дней срока для сдачи оружия. Кто приходил без оружия, прямо в своем кабинете избивал до полусмерти. В углу кабинета стоял специальный тазик. Перед избиением Мажаев заставлял человека наклониться над тазиком, чтобы кровь из носа или рта не проливалась на пол. Когда человек, доведенный до отчаяния избиением, давал слово, что принесет оружие, его отпускали. Его на улице поджидал посредник Мажаева.

Он подходил к избитому с видом глубоко сочувствующего и начинал разговор:

— Я вижу тебя здесь уже третий раз. Ты постоянно выходишь оттуда с каким-то озабоченным видом. Что они от тебя хотят?

— Кто-то донес, будто у меня есть пятазарядная винтовка. Требуют, чтобы я сдал ее, иначе уничтожат. У меня ведь нет винтовки, да и откуда ей взяться. Откуда я могу сдать то, чего у меня нет? Я в отчаянии...

— Купи где-нибудь и сдай.

— А на что я ее куплю? Даже если будет на что, где я найду винтовку, чтобы купить?

— Если не отдашь винтовку, они осудят тебя и отправят в Сибирь. Или убьют в городской тюрьме ЧК. Лучшим будет, если ты отдашь винтовку, даже если придется продать дом и все имущество, чем пропадать из-за нее.

— А можно ее купить?

— Приходи ко мне с деньгами, мы найдем.

Продав скот, тот человек с деньгами приходил к посреднику. Они совершали торг. Человек сдавал винтовку в милицию, а посредник отдавал деньги Мажаеву. Таким образом, продавали и покупали милицейскую винтовку. Говорят, что проделали это раз двадцать.

В нашем селе жил мужчина лет сорока по имени Усман, — рассказывал Абдул-Азим. — У него была жена и несколько маленьких детей. Он жил спокойно, зимой и летом — круглый год — ухаживал за колхозным скотом, частично зарабатывая хлеб для семьи, совершая богоугодные, принимая участие в бедах и радостях односельчан, ни с кем не враждуя. Мажаев вызвал его к себе и потребовал сдать имеющийся у него автомат. Усман ответил, что он простой колхозный скотник, что у него нет ни автомата, ни и не видел его в глаза даже в туземных руках. Когда его вызвали во второй раз, он повторил то же самое. Когда и в третий раз пришел без автомата, Мажаев приказал ему наклониться над танком. Слышавший, что Мажаев в своем кабинете издает приказы, Усман возмолвился:

Мажаев, не бей меня, я этого не выдержу...

Наклонив голову над танком! — прикрикнул на него Мажаев.

Наклон его до земли, Мажаев спросил:

Ты сдашь автомат?

— Сдам. Отпусти меня, я принесу автомат.

Продав весь свой скот, Усман купил автомат. Но в милицию не сдал. Он вышел с ним, чтобы отомстить Мажаеву. Однажды, когда тот с отрядом милиции воз-

вращался из Беноя, Усман с автоматом в руках преградил ему путь, став посреди дороги.

— Мажаев, я принес тебе автомат, возьми его! — сказал он и изрешетил его автоматными выстрелами.

После этого он не приходил в село, стал абреком, но кто-то указал место, где он скрывается, и там бедолагу убили.

Когда кастрюля с супом, стоявшая на печи, начала закипать, Абдул-Азим высыпал в тарелку чуть больше пригоршни кукурузной муки, налил горячую воду из чайника, помыл руки и начал готовить галушки. Мука была припасена отцом и сыном для супа, но отправить гостя, накормив одним супом, было неудобно.

— Четыре года до выселения первым секретарем нашего райкома был сын моего двоюродного брата. Он рассказал мне, каким образом распространилась клевета о наличии в Чечне множества абреков и оружия. Начальники отделов милиции через каждые пять дней представляли отчет секретарю райкома и своему вышестоящему начальству в Грозном о том, что за эти пять дней ими уничтожено и задержано столько-то абреков, у населения изъято столько-то оружия. Когда до него несколько раз дошла подобная информация, он пошел в милицию, надеясь найти целый склад оружия, но обнаружил там лишь одну старую винтовку. Это была та самая винтовка, которой торговал Мажаев. Начальника милиции, который не уничтожил или не арестовал абрека, не изъял у населения оружия, снимали с должности за бездеятельность или, обвинив в связях с абреками, заключали в тюрьму. Поэтому все начальники милиции давали в райкомы и своему вышестоящему начальнику в Грозном ложные сведения, будто они за эти пять дней уничтожили, задержали столько-то абреков, изъяли у населения столько-то оружия...

А начальство из Грозного, увеличив эти цифры десятикратно, отсыпало отчет в Москву. Так рождалось утверждение, будто в Чечне несколько бандгрупп, тысячи бандитов, а у населения — тысячи единиц оружия. И тем, что народ таким образом оклеветали и опорозорили, виноваты были в первую очередь наши, чеченские руководители, которые сами представляли заведомо ложную информацию. Они и не думали о народе, извешиваясь при этом, как обогатиться и сохранить должность. Во время войны в Чечне действовал отряд саратовцев, которым командовал генерал Колесников. Направлялись на дорогах, в полях и в лесах на невинных людей, они задерживали их и уводили, получая указания из сельского совета о том, что они являются абреками или имеют с ними связи. Сельские руководители не смели отказаться от выдачи подобных справок. А в результате многие невинные люди, увезенные подобным образом, были уничтожены; их расстреливали в пути или отправляли в Сибирь.

Наверное, этот генерал сообщал в Москву, что задержал столько-то абреков.

— Да, конечно. Ему же надо было отличиться перед вышестоящим начальством. А те, кого мы называем абреками, тоже были двух типов: абреки и бандиты. В царские времена абреками называли поднимающихся против несправедливости, гнета и жестокости, чтобы мстить властям от имени народа. Последним из них был Зелимхан Харачоевский. Народ уважал их, оберегал и до сих пор хранит о них добрую память. Появившиеся после были другими абреками: представители власти чинили над ними несправедливость, как с тем Усманом, и они скрывались в горах и лесах, спасая свою жизнь. Некоторые из них мстили тем, кто был виноват в их бедах, но не трогали ни колхозное, ни государственное имущество. Остерегались того, чтобы из-за них страдали другие люди. В то же время были и такие, которые называли себя абреками, а занимались воровством и разбоем. Они угоняли колхозный скот, грабили

магазины, крали чужое имущество. Выходили навстречу женщинам, возвращающимся с базара, отбирали у них покупки. Даже обыскивали женщин в поисках укрытых денег. У председателя сельсовета из соседнего аула увели жену, затем — молодую незамужнюю женщину. Этих женщин отпустили домой, протаскав с собой около двух месяцев... Русских девушек, работавших учительницей и врачом в нашем селе, которых они умыкнули, нашли мертвыми в лесу.

— Почему люди не останавливали этих бандитов?

— Люди тоже боялись их. Между Мини-долиной и нами есть местечко под названием Длинная балка. В этой балке бандиты выходили навстречу людям, возвращающимся с базара. Несколько человек у них все отбирали, отводили подальше от дороги и держали в лесу. Боялись, что сообщат в милицию, если отпустят. Были случаи, когда таким образом пленяли сто, двести человек. А эти сто, двести человек не решались оказать сопротивление десяти бандитам. Когда они уводили колхозный скот, уносили чужое имущество, ни соседи, ни другие односельчане не выходили из дому. Бандиты не боялись власти — ни начальства, ни милиции. Рассказывали, что иной раз бандиты и милиционеры сходились вместе на свадьбах и вечеринках. Как по договоренности, не мешая друг другу, веселились и расходились...

— В таком случае получается, что они и не виноваты в творимом ими, когда люди и милиция давали им такую свободу.

— Вот что еще удивительно. Среди этих бандитами были и люди из других национальностей. Особенно много — аварцев, перебравшихся в Чечню, когда власти Дагестана стали препятствовать их бесчинствам. Среди тех, кто однажды ночью пришли к нам на мельницу, помимо чеченцев и аварцев, были и люди других национальностей. С чернявыми лицами, узкими глазами, с широкими плоскими носами. Не знаю, то ли ногойцы или калмыки, то ли из каких-то народов севера.

Изначально это были дезертиры, сбежавшие с фронта. И они нашли пристанище в Чечне. Удивляться тут нечему. Ведь у чеченцев есть обычай, передающийся из поколения в поколение: принимать людей любых национальностей, кем бы они ни были, не разбираясь, плохи или хороши. Не только принимать, но и сажать себе на шею. Иными словами, руководители, милиция и карательные отряды издевались над бедным народом.

Приготовили для троих по две маленькие галушки из кукурузной муки, Абдул-Азим бросил их в кастрюлю и стал умывать руки.

Власти напугали, довели до шока людей. Однажды днем проходившие через наше село работники райотдела милиции убили старика и молодого человека. Родственники знали, кто именно и них стрелял. Не стали жаловаться властям, не попытались отомстить. Боялись. Когда закрывали мечети, устраивали в них склады, арестовывали людей, имеющих или даже не имеющих мушкетерское образование, никто не смел отвести рот. Когда сжигали в этих складах, сделанных из кирпича, образы святых зарили. Боялись держать в своих домах Коран, религиозную литературу. Были и такие, которые боялись скрыть, что изучали арабскую грамотность. И то не ввиду этих людей. Они были покорными властям. Чеченец ведь сильно пугается, если хорошо напугать. Представители власти забирали и без суда и вынесения приговора уничтожали любого, на которого кто-то тайком указывал пальцем. Ведь после установления Советской власти среди чеченцев особенно было распространено доноительство. На него-то всегда охотились или односельчане доносили, будто на против власти, и того немедленно и с удовольствием уничтожали. А родственники уничтоженного в стамбуле сдавали властям того, кто донес на него или его родственников. Таким образом, доносил друг на друга, чеченцы стали соучастниками уничтожения тысяч и в чем не повинных людей. Из нашего села, где про-

живало две тысячи человек, было арестовано свыше ста. Эти доносчики и так называемые осведомители были не русские или представители других национальностей. Они были чеченцами. И не только чеченцами, но и односельчанами. Кто арестовывал их и судил — тоже были чеченцами. Аллах ведь не требует от мусульман, чтобы они чинили подобную несправедливость и вероломство над своими единомерцами. Мы ведь не выполняем Его предписаний...

Во дворе уже рассвело. По улице начали ходить люди. Присев на край кровати у окна, Берса размельчил чесночные зубцы и принялся толочь их катком в тарелке. Теперь и Алха почувствовал, что проголодался. Вчера его насытили разговоры, которые велись у Бороденко и в этом доме...

* * *

Алха, готовясь к намазу, как бы ни старался, не переставал думать о том, что несколько раз повторял Абдул-Азим, будто во главе у чеченцев никогда не было мудрых и мужественных людей. Алха слышал в народных преданиях, героических песнях имена бяччи, героев, мужественных и отважных наибов Шамиля. Но об их жизни и делах он знал только то, что было написано в книге «О тех, кого называли абреками»: о Шейхе Мансуре и Байбулате Таймиеве; а также в изданном до войны на русском языке в Москве чеченском фольклоре. А в них говорилось, что эти люди были умными, благородными, мужественными. Или они тоже не думали о народе, не имели мудрости и силы, чтобы защитить народ?

Закончив намаз, Алха подвел Абдул-Азима к этому разговору.

— Алха, ты неправильно понял то, что я сказал, — сказал Абдул-Азим. — Байбулат Таймиев, Жаммирза Мадиев, Темарха Аххоевский, другие чеченские бяччи, а также наобы Шамиля, которых ты назвал, были исключительно смелыми, благородными, мужественными

людьми, и они отдали свои жизни за свободу родины, народа. Они были воинами, военачальниками. Но из самого талантливого, отважного воина, говоря сегодняшним языком, не получается мудрого государственного деятеля, политика, дипломата, а из политиков, дипломатов не выходят полководцы. Генерал, командир обучает воинскому искусству, хитрости, коварству. Выбрать удачное для боя место, устроить засаду, напасть, держать оборону, отступить. Он отвечает лишь за тех воинов, которые находятся под его командованием. А руководитель государства должен оберегать страну, народ от опасности, потрясений, бед; обеспечить население всем необходимым, установить справедливость в отношениях между людьми, создать условия для мирной, обеспеченной жизни. Много тут разного. Вместе со всем этим, он должен обладать знаниями, быть внимательным, терпеливым, милосердным, ему нужно иметь своеобразное умение, мастерство. Прежде всего — он должен знать множество наук. Сердце, разум и память должны быть чисты. Воины, политики, дипломаты, люди других профессий нужны каждому народу. Но есть люди, которым для этих двух дел Алмаз для уз, сознание, умение, мастерство. Когда они начинают делать что-то без умения и мастерства, то судьба страны и народа складывается трагически. Я видел Буденного и Ворошилова, когда они в январе 1923 года приезжали в Урус-Мартан. Это были легендарные генералы, командиры. Во время гражданской войны командовали крупными соединениями. Подумай, что бы получилось, если Ленина и Буденного переставить местами? Власть, свергнутая большевиками, давно была бы восстановлена!

Но я знаю еще случаи, когда из полководцев выходили хорошие, милосердные, полезные цари...

— Алмаз, убедить меня в этом трудно. Но мир велик, и мир живет множество народов, несколько миллиардов человек, может быть, из них и вышло несколько таких за сотни лет. Война — это жестокость. Война

не рождает, она убивает. Война не строит дома, не возводит села и города – она их разрушает. Не растит хлеб, скот – уничтожает. Безжалостно уничтожает то, что люди сотни, тысячи лет создавали своим умом, терпением, потом. Война делает сиротами детей, убивая отцов, увеличивает молодых вдов, убивая мужей, оставляет родителей без детей, калечит... Война толкает людей к вероломству, несправедливости, жестокости. Человек, который никогда не помышлял об убийстве, который остерегался даже того, чтобы случайно наступить на насекомое, помимо своей воли обучается убивать. Чтобы враг, наступающий на него с оружием в руках, не убил его, он убивает сам. Ему бывает трудно убить человека в первый раз, но, убив одного, двух, нескольких человек, его сердце черствеет, становится жестким, привыкает к жестокости. Тот, кто остерегался чужого, учится грабить. Чтобы не умереть от голода самому и не дать умереть своей семье. Другие, пользуясь бедой, постигшей народ, умножают свое богатство. Война убивает во многих людях порядочность, честь, милосердие, выводит их из терпения, рождает у них звериные инстинкты. А для некоторых война становится ремеслом, профессией, единственной целью жизни. Они отдаляются от плуга, косы, других орудий мирного труда, не желают расставаться с оружием, с помощью которого добывают свой хлеб насущный. Гордятся тем, что на войне убивали людей, орденами и медалями, полученными за это. Генералы и старшие офицеры, оказавшись в руководстве страны и народа, стараются действовать силой оружия, угрозами, чтобы удержать народ под своей властью, сделать его преданным себе. Они не думают о судьбе народа, приносят ему беды, зло, лишения.

Алха, слушавший Абдул-Азима, тяжело вздохнул.

– Жестокости, о которых ты говорил, я видел своими глазами. Их творили немцы на нашей территории, а наши солдаты – в Германии...

– Мы отвлеклись от нашего разговора. Как я говорил

раньше, мой родной дядя прожил сто тридцать лет. До самой смерти сохранил хорошую память. Он помнил обо всем, что видел и слышал. С того дня, когда Шамиль пришел в Чечню и был провозглашен имамом, вплоть до его возвращения в Дагестан, все эти двадцать лет он воевал в его войсках, хорошо, близко знал всех наибов Шамиля. Он рассказывал, что за первые десять-двенадцать лет после прихода Шамиля чеченские наибы, имевшие глубокие познания в исламе, либо умерли, либо были убиты или высланы. Шоип-мулла и Удди-мулла убили чеченцы. Мохамеда-Хаджи и Мохамеда Гери Шамиль отправил к черкесам, чтобы они не мешали ему. Одного из них убили там. Юсуп-Хаджи, который тайком перешел к русским, когда Шамиль попытался уничтожить его, спустя некоторое время умер от болезни. Оставшийся в живых после войны Атаби-Мулла во время имама Байсангура стал его помощником, а после подавления восстания, когда сдался русским, чтобы из-за него не пострадал народ, был отпущен в лагерь. Был еще один наиб, мужественный, отважный, добрый, но и очень удачливый, обладавший глубокими знаниями по исламу и военным наукам, которыми он владел — офицер царской армии Бота Шамур-хан. Но он тоже, когда у него появились разногласия с Шамилем, из-за боязни быть казненным им, перешел к русским. И считая, что Юсуп-Хаджи и Бота были именно теми людьми, которые в то время были достойны стать во главе народа, Юсуп-Хаджи изучал религиозные и военные науки, а Бота — светские. Они оба владели языками нескольких народов. С детских лет Юсуп-Хаджи был в Турции, а Бота — в России. Они знали, что такое государство, власть, политика.

Когда выросли, порохом служил турецкому султану, второму — русскому царю. А после, вернувшись в Чечню, они помогли Шамилю создавать имамат в Чечне и Дагестане. Уже после этого, когда у них возникли разногласия в мыслях, целях и имамом, они перешли к русским, пока Шамиль не отрубил им головы. В послед-

ствии хорошим знатоком мусульманской религии был Алибек-Хаджи. Но он был молод, не успел узнать мир и жизнь. А другие, за исключением тех наибов, о которых я говорил, не знали ни единой буквы ни религиозных, ни светских наук, были темными, но мужественными и отважными людьми. Шамилю не были нужны чеченские наибы, которые обладали умом, сознательностью, знаниями. Умом, знаниями и всевозможными способностями обладали сам Шамиль и заседавшие в диване дагестанцы, с которыми он совещался. Шамилю нужны были руки, которые осуществили бы планы, разработанные им с помощью своего ума и знаний.

Этими руками были чеченские наибы. Буденные и Чапаевы Шамиля. А эти чеченские наибы не все были такими ангелами, каким ты их себе представляешь. Не все были умными, благородными, милосердными. Для жестокой войны, продолжавшейся в Чечне двадцать лет, нужны были воины, а воинам — оружие, кони, одежда и продовольствие. Все это неоткуда было взять, если не брать у населения. Наибы забирали у жителей — по их согласию или силой. Вплоть до последней коровы или козы, обеспечивающих детей молоком. Единственного сына родителей, многодетного отца насильно отправляли на войну. Кто оказывал сопротивление, подвергали наказанию. Были и такие наибы, которые большую часть собранного у населения добра присваивали себе. Короче говоря, во все времена, во всех странах больше всех страдали именно бедные, обездоленные, слабые...

Алха размышлял о том, что ему сейчас рассказал Абдул-Азим. Что ныне творилось в стране, было наглядным примером происходящего, когда к власти приходят люди, не обладающие умом, сознательностью, честью, благородством, милосердием и, прежде всего, образованием, подтверждением того, какими бедами,

продом, трагедией для народа это оборачивается. Кто оказался у власти после свержения царизма, когда создавалось государство рабочих и крестьян? Рабочие, батраки, слесари, токари, механики, матросы. Образование Сталина и Микояна ограничивалось учебой в духовной семинарии. За пятнадцать лет унтер-офицер Буденный и механик Ворошилов стали маршалами. Если докопаться, то такие же корни можно найти и у многих других руководителей, которые находятся во главе государства и правительства.

Когда пришли к власти, они в первую очередь уничтожили умных, благородных и образованных людей. Они даже и не были явно настроены против них, они мстили им. Темные, забитые рабочие и крестьяне не видели слепоту, чванливость, жестокость, дикость, несправедливость, вероломство, преступления своих вождей. У них не было сознания, чтобы увидеть это, разобратся во всем. А умные, образованные люди видели и разбирались. Некоторые из них разоблачали вождей. Но пришедшие к власти невидели даже тех, кто явно не выступил против них. Знали, что те презирают их, не считаясь с ними. Поэтому всех вместе, без различия, с первым или вторым они относятся, уничтожили.

То, что сделали эти руководители за те двадцать пять лет властвования, очевидно. Миллионы людей уничтожены в лагерях и тюрьмах. Высланы целые народы. Из-за их чванливости и жестокости началась война. Из-за них погибли миллионы солдат, разрушены тысячи городов, разорены хозяйства. В стране наступил голод. Всего и не перечислить...

Абдул-Азим накрыл стол. Каждому досталось по две тарелки, чесночный суп и густой кукурузный суп в большой тарелке. Чай из шиповника тоже был готов, кипел на печке.

— Алха, мой монолог со вчерашнего вечера очень затянулся. Я высказываю то, что накопилось на душе за этот год, так как некому было поведать, не с кем было поделиться. После того, как поедим, я отпущу тебя домой. Надо обойти село, посмотреть, не умер ли кто... Да, чеченцы не выполняют предписаний Аллаха, его Пророка (да благословит его Аллах). Чтобы рассказать обо всем, нужно много времени. Но об одном деле, имеющем отношение к нашему разговору, я тебе напоследок расскажу. О том, из-за чего чеченцы страдают в этой жизни, за что им придется держать ответ перед Всевышним в Судный день, из-за чего у них нет пути избавления от адских мук. Среди чеченцев широкое распространение получили воровство и разбой. Аллах запрещает похищать чужое добро, хлеб, личное имущество, присваивать их себе, использовать для себя. Аллах говорит, что простит мусульманину невыполнение религиозных обрядов, но простить присвоение чужого добра он не может. Например, мусульманину запрещено питаться свининой, мясом животных и птиц, которых не зарезали и умерли своей смертью. Но если больше есть нечего, Аллах разрешил питаться и этим. Но чужое добро, чужой хлеб запретил, даже если умираешь с голода. Человеку, оказавшемуся в таком положении, обязаны помочь родственники. Если нет родственников и близких людей, или у них нет возможности оказать ему помощь, то предписано просить милостыню. Поэтому у известных мне мусульманских и христианских народов воровство, разбой считаются большим грехом, позором, а просить милостыню таковым не считается. Чеченец, когда он начинает голодать, не выходит просить подаяние, а идет воровать. Аллах сказал в Коране, что вора, будь он мужчиной или женщиной, надо наказывать, отрубая ему ногу, руку или другую часть тела. А чеченцы воров, разбойников не наказывают. Более того, у нашего народа есть песни, в которых восхваляются их мужество, удадь, отвага. Восхваляющие тех, кто пригнал стада скота, табуны лоша-

дей из-за Терека, Сальских степей, казачьих станиц, а также тех, кто ограбил городские банки.

— Абдул-Азим, ведь те, кого они грабили, были христианами, нашими врагами. Военным путем отнявшие наши земли, заселившие их, потеснив нас. Я не думаю, что Аллах запрещает воровать у врагов. Как рассказывают алимы, во времена Пророка (да благословит его Аллах) его асхабы и ансары отнимали у врагов добычу, пользовались ею. Свою добычу они раздавали бедным, обездоленным, сиротам. Таким же образом, в прежние времена чеченцы отдавали часть добычи бедным и обездоленным...

Абдул-Азим грустно улыбнулся.

— Аллах, Пророк (да благословит его Аллах) и его асхабы и ансары проповедовали, распространяли и утверждали истинную мусульманскую веру, ниспосланную Аллахом, вели священную войну во имя Аллаха и мусульманской веры. Нельзя чеченских воров и разбойников ставить с ними в один ряд. Аллах разрешил убивать и грабить христианина, который воюет против мусульманской веры. Но христианина, который не воюет против мусульманской веры, убивать и грабить запрещено. Ансары и асхабы не убивали христиан после войны. Воров и разбойников, убийц мирных жителей жестоко наказывали. А чеченцы не прекращали воровство и разбой даже после окончания войны, в мирное время. Сначала грабили только христиан, потом начали грабить соседние мусульманские народы, в конце концов стали воровать и грабить друг у друга. Со временем воровство и грабеж стали чертой характера чеченцев. Не буду говорить о том, что этим занимается весь народ. Но черта не устанавливает воров и разбойников, ее определяет Аллах по шариату. Поэтому соседние христианские и мусульманские народы перестали доверять нам, вместо откровенности о нас. Из-за этих людей нас избивают бедняками, ворами и разбойниками. Среди причин, которые были надуманы с целью наказать нас и запугать, власти в первую очередь называли именно эти...

Алха, поев и выпив чай, решил отправиться домой. Его сапоги Берса, поднявшись на рассвете, очистил от грязи, помыл, высушил на полках печки.

— Абдул-Азим, даже не знаю, что и думать; по-твоему, все беды нашего народа, выселение происходили по его собственной вине. Ведь другие народы тоже не ангелы. Нет ни одного народа, среди которого нет бандитов, воров и разбойников, о которых ты говоришь. Сколько их было на оккупированных немцами территориях Украины, Белоруссии, областей России. Даже тех, кто преданно служил немцам. Занимавшихся доносами, из-за чего погибали местные жители. Да что это, армия Власова, состоявшая из нескольких дивизий, перешла на сторону немцев! Против нас воевали целые полки, сформированные из числа пленных, а также добровольцев — грузинские, армянские, азербайджанские, из представителей народов вот этой Средней Азии. А у казаков был целый корпус. Ведь на этой войне ни один чеченец добровольно не сдался в плен, а кто из-за ранения, не имея возможности оказать сопротивление, все-таки оказался в плену, не сражался против наших. Но все равно другие народы не выслали, хотя и из них вышли бандиты, воры и грабители, а десятки тысяч предавших родину людей воевали против наших. Среди нашего народа было, наверное, тысяча бандитов, грабителей, а его выслали. Власти выслали нас, имея какую-то отдаленную цель. Но сегодня это тайна, о которой никто не знает...

Да, Абдул-Азим и Алха высказывали друг другу сокровенные думы, но, как сказал Алха, причины высылки целых народов или то, что власти придумали для этого, скрыто в архивной горе, хранящейся в кремлевских сейфах. Нечего и думать, что правду об этом расскажут. Но некоторые тайны выселения народов появились в публикациях немецких военных специалистов и исто-

рисов, в которых анализируется вторая мировая война

В этой войне мир разделился на два лагеря: с одной стороны – ряд государств во главе с Германией, Италией, Японией, с другой – США, Англией, Францией и СССР. Оба блока были уверены, что война закончится их победой. У них были планы и соглашения о том, каким образом разделить между победителями страны и народы мира. Союзники согласились на захват Советским Союзом территории некоторых пограничных государств, а также северо-восточных областей Турции. Турция была союзником Германии по блоку, но никакого участия в войне не принимала. Но Советскому Союзу было достаточно, что она была союзником Германии по блоку, чтобы оккупировать ее. Теперь СССР был уверен в том, что наконец-то удастся осуществить то, о чем Россия мечтала последние два столетия. Германия, имея информацию об этих планах Советского Союза, при отступлении своих войск распространила слухи о том, что оставляют на Северном Кавказе свою «пятую колонну» для борьбы с Советами или, говоря иначе, хорошо вооруженные отряды диверсантов, разведчиков, шпионов, что при их помощи эти народы в любое время готовы подняться для оказания помощи Германии. А Кремль, поверивший этим слухам, выселил народы, которые, по его мнению, в случае начала войны с турками вызвали наибольшие опасения в надежности в своем тылу.

К каким же народам Кремль потерял доверие? Известно, что в XVIII-XIX веках каждый раз, когда начиналась русско-турецкая война, некоторые из народов Северного Кавказа поднимали восстания против России, чтобы помочь туркам.

А начинали эти восстания, собирали под своими знаменами другие горские народы, становились во главе, были их ударной силой именно непокорные чеченцы. Поэтому Кремль в первую очередь не доверял им. Не верили и их братьям ингушам, которые имели с ними

общие язык, религию и обычаи. А у татар, балкарцев и карачаевцев были схожие язык, религия, обычаи с турками. Кремль и их посчитал неверными себе. Более того, эти три народа, а также калмыки были потомками монголо-татар, которые триста лет господствовали над русскими. Чтобы обосновать акты репрессий, опорочить эти народы перед другими, очернить их и их историю, для Кремля стало достаточно указанных причин. Советские люди поверили бы этим лживым выводам, не посмели бы не поверить. А перед мировым сообществом Кремль не стеснялся, не обращал на него никакого внимания.

Удалив эти пять народов с Северного Кавказа, оставшихся там Кремль не считал опасными для себя. Самый крупный из оставшихся — осетинский народ — исторически был предан России, а со стороны остальных ему ничего не угрожало.

После капитуляции Германии СССР направил выводимые оттуда войска на границу с Турцией. А Турция, которая заранее была информирована о планах Советского Союза, спешно попросила помощи у США. Американцы, стремившиеся к мировому господству, не хотели допустить, чтобы СССР после войны усилился, хотя во время войны они были союзниками. Американцы, которые с помощью политической и экономической блокады хотели отодвинуть СССР на задворки при решении мировых проблем, с радостью выполнили просьбу турок. Они спешно ввели свои войска на турецкую территорию, основали там военные базы. Эти действия до основания разрушили планы СССР на захват северо-восточных областей Турции. Если советские войска перешли бы границу Турции, то это означало бы войну против американцев и их союзников.

Когда начинаешь думать о том, что сказали о причинах выселения этих шести народов немецкие военные специалисты и историки, начинает казаться, что оно имеет под собой определенную почву. Но независимо от того, правда ли это или нет, Кремль держит все в

глубокой тайно, Мир знал и видел одно: как высланные в родных краях шесть малочисленных народов, разброшенные как зерна сои по Казахстану, Киргизии, Средней Азии и Сибири, погибали от морозов, жары, голода, болезней, тоски по родине, доведенные до отчаяния несправедливостью и унижениями, чинимыми над ними...

Алха присел на край кровати и натянул свои сапоги.

— Алха, ты неправильно понял меня, — узнав, что гость собирается уходить, сказал в заключение Абдул-Азим.

— И ни пытаюсь ни обвинить это безбожное государство, ни оправдать отдельных чеченцев, совершавших некоторые проступки, допустивших ошибки, из-за которых наш народ страшно пострадал. Но чеченцы сами создали повод для подобных трагедий, как во времена царизма, так и после прихода новой власти. Если бы ты наблюдал над жизнью и поведением животных, птиц, насекомых, ты бы увидел, как маленькие и слабые, чтобы не попасть в рот более сильным и жестоким, не скрываются в когтях или под ногами более крупных, убегают в кусты, прячутся в норы, взбираются на деревья. Мы не умеем остерегаться от опасностей, бед, неприятностей. Или, иначе говоря, нам не хватает ума, чтобы оберегать себя. Во время пребывания в лагерях я много раз беседовал с людьми различных национальностей, имевшими религиозное и светское образование. Как тебе известно, татары, башкиры, казахи, узбеки, киргизы, туркмены, азербайджанцы, одни в десять, другие еще больше раз многочисленнее нас. Они одной мусульманской веры, у них близкие языки, схожие многие обычаи. Территория каждого из этих народов во много раз больше чеченской. Эти народы имели возможность в случае необходимости оказывать друг другу поддержку, совместно выступить против русских. Когда русские вторглись на их земли, вначале они все

оказали им сопротивление, но когда убедились в том, что у них нет сил, чтобы одержать над ними победу, остановились, признав власть русского царя. Таким же образом поступили бывшие христианами грузины, армяне и другие народы. Ты как-то сказал, что у других народов были цари, князья, что они за деньги, подарки, чины продавались русским царям и продавали свои народы. Может быть, они получали от русского царя деньги, подарки, чины. Но они спасли от уничтожения свои народы, не ведя войн, в которых не могли одержать победу. Они оказались мудрыми. К слову сказать, у этих народов были князья, которые управляли ими, оберегали от опасностей, бед, потрясений, и теперь у них есть свои руководители. А во главе чеченцев и раньше не было чеченцев, не стало их и после установления Советской власти. Еще ты говорил о том, что русские забрали у чеченцев лучшие земли и поселились на них, а чеченцы сражались, чтобы отвоевать свои земли и свободу. Но у других народов, как и у чеченцев, тоже отобрали лучшие земли, на них тоже поселились русские. Говорят, там больше русских, чем коренных народов. А в городах, говорят, проживают все русские, за редким исключением. Эти народы не любят русских. Но все равно они терпят, сохраняют спокойствие. Наверное, есть день, обозначенный Аллахом, в который христиан выгонят, а земли вернутся своим хозяевам. Уповая на Всевышнего, набравшись терпения, они ждут. А Всевышний обладает силой, щедр, терпелив и утверждает справедливость.

Одевшись и обувшись, они вышли на улицу, не прерывая разговор.

— Сколько ни старался отогнать, Алха, мысли о прошлом не дают мне покоя. Чеченский народ малочислен. Территория маленькая. Если в погожий день выйти в путь рано утром, то до вечера можно дойти от одного его края до другого. Нет в мире ни одного народа, который имел бы родственный язык, схожие традиции, который переживал бы, если он попадет в беду.

пришел бы на помощь. Иногда кажется: неужели чеченцам нельзя прекратить сопротивление, как это сделали большие и малые народы, зная, что русских в сотни раз больше, что сил у них больше в тысячу раз, зная, что христиане и их цари жестоки. За эти двести лет, вместо того чтобы по численности стать больше, чеченцев становилось все меньше и меньше, так как они, восстанавливая разрушенные в войне села, как только вместо погибших подрастало новое поколение, с оружием в руках снова и снова поднимались на борьбу. В конце концов выпали с родного края. Несмотря на то, что так мужественно, героически сражались, не смогли выдворить их из нашего края, вернуть обратно захваченные земли, более того, в их руки попали еще и те земли, которые у нас оставались. Чеченцы, разлученные друг с другом, рассеяны по всему миру. Если по милости Аллаха нас не вернут на родину, то лет через сорок, сто, забыв свой язык, обычаи и растворившись с другими народами, наш народ исчезнет с лица земли. А те, кто оказался среди христианских народов, забудут свою веру. В своих молитвах я постоянно прошу у Аллаха не допустить этого.

Понять земли примерзали. По краям дороги, около огряд можно было идти, обходя грязь. На улицах показались киргизы и русские, отгоняющие домашний скот на водопой, овец и коз — на пастбище за селом.

— Не знаю, Алха, иногда приходит мысль о том, что не разгневался ли Аллах, не является ли это Его наказанием за то, что наш народ отошел от веры. Как я говорил, ведь в Коране сказано Аллахом, что впавшие в безбожие народы в отместку Он наказывал и будет наказывать. Подой, огнем, ветром, молнией, градом, землетрясением, эпидемией, войной, жестокими правителями. Кажется, что источник бед нашего народа находится в том, что у него отсталое сознание, что он отстал в изучении светских и религиозных наук. Аллах сказал в Коране людям, чтобы они изучали науки. И Пророк (да благословит его Аллах) говорил, чтобы с пер-

вых шагов, когда встаешь из колыбели, и до самой смерти изучали науки, учились. Человек, не имеющий знания, невежественен, слеп, он не знает, каким путем следует идти в жизни. В Коране, в хадисах Пророка (да благословит его Аллах), в шариате и тарикате людям указано два пути. С одной стороны – полезный для людей, правильный, благородный, честный, милосердный, по которому они будут приближаться к Аллаху, к раю; дела и обычаи, которые осчастливят их при жизни и после смерти. С другой стороны – плохой, неверный, вредный для людей, грязный, нечестный, жестокий, по которому они будут отдаляться от Аллаха, поведет их в ад; дела и обычаи, которые сделают их несчастными при жизни и после смерти...

В общем, если взять всех вместе, чеченцы – неплохой народ. Благородны, милосердны. Веруют в Аллаха, боятся Его, насколько умеют и могут, совершают богослужение, пытаются утвердиться в вере. Но на этих двух путях они не умеют соблюдать первый и остерегаться второго. А людей умных, имеющих глубокие знания в исламе, которые могли бы дать народу глубокие знания об этих двух путях, в своей жизни я встречал очень мало. Во-первых, мы отстали в изучении жизни, нужных людям светских наук, специальностей. Поэтому допустили много ошибок, а они обернулись бедой, трагедиями, лишениями для народа. Сознательного, образованного человека нельзя обмануть красивыми словами, или это трудно сделать. Зная о том, что наш народ отстает в своем сознании, необразован, невежественен, доверчив, способен обмануться, к нам приходили имамы из других народов, большевики, агенты, дезертиры, различные преступники, которых прогнали из своих краев. Из-за них страдали чеченцы. От того, что не владем науками, мы не можем избавиться от противоречий, достичь согласия в народе. Чеченцы не смогли или не захотели распознать мудрых и образованных, благородных и терпеливых, преданных народу и родине лидеров, быть им верны

на уважать и оберегать их. Мне кажется, если бы в президиум и парламентские времена люди, способные заботиться о народе, оберегать его от опасностей, бед и несправедливости, были у нас в руководстве, то многое из того, что обрушилось на народ, можно было бы избежать. Но, что бы я ни говорил, как бы ни думал, все видит и знает лишь Аллах, Его тайны нам не подвластны...

На маргашевом майдане в центре сепарации они остановились, чтобы распрощаться друг с другом.

— Не будем верить в добро, милосердие и щедрость Аллаха, — сказал Абдул-Азим. — Во власти Всевышнего наказать провинков, вынужденный Им из-за безбожия и безжалостности тех немногочисленных людей, о которых я говорил, а также ошибок, допущенных всеми нами по недомыслию, и вернуть нас на родину. Вручим свою судьбу в руки Всевышнего, проси у Него помощи и милосердия, будем терпеливо переносить определенные Им лишения. Ну, Аллах, в добрый путь. Если предписано Аллахом, еще встретимся.

Они обнялись и расстались. Аллах пошел по дороге, ведущей в горы, а Абдул-Азим — предать земле тело «маришита». Если это и в чине окончилось.

Абду и Абдуллах направлялись в горы за дровами для продажи, чтобы обеспечить себе пропитание на сегодняшний день.

На третий вечеряя день второго года выселения чеченцев на родного край.

Третий день — холодный, ненастный, дождливый, тоскливый, серо-серый.

1960-1962, 1992 гг.

Перевод Ольгуса МИНКАИЛОВА

КАЛУЖСКИЙ ПЛЕННИК (повесть)

На низкой деревянной тахте, опустив голову и устремив глаза на дощатый пол, держа в руке янтарные четки, в глубоком раздумье сидит сгорбленный старик. Его длинная, широкая, белоснежная борода согнулась на груди вдвое.

Это Шамиль. Бывший владыка гор, имя которого в последние двадцать лет гремело на весь мир. Несколько лет тому назад - грозный имам Чечни и Дагестана, сегодня же - почетный и покорный пленник русского царя.

За его спиной, закрыв собой всю стену, висит огромный ковер великолепной работы, а на противоположной стене - дагестанский войлочный ковер с чудесным красно-бело-зеленым орнаментом. Поверх них красуется дорогое кавказское оружие, инкрустированное серебром и золотом. У входной двери на длинной скамье уставлены медные и глиняные горские кувшины - кудалы и кумганы с узкими горлышками и приплюснутыми боками. В центре комнаты стоит огромный стол с гнутыми ножками, полированный черным лаком. Вокруг него расставлены мягкие кресла с высокими спинками такой же работы.

В этой комнате, ставшей на некоторое время обителью имама, смешались Европа и Азия. Рядом со шкафом с жейнами на арабском языке стоит орган. Шамиль в своем имаматстве строго запрещал всякую музыку и песни, кроме религиозных. Игра на зурне, свирели, пандуре и прочих музыкальных инструментах, которой горские народы забавлялись с незапамятных времен, жестоко преследовалась. Имам объяснял это тем, что в военное время, когда почти в каждом доме траур, увеселительные мероприятия не уместны и не допустимы. Кроме того, музыка, песни и танцы никак не укладывались в каноны шариата. Нарушителей запрета избивали палками, камнями, изгоняли из аулов. Правда, эти буйные чеченцы с веселым нравом никогда не соблюдали запреты имама, и он никак не мог повлиять на них никакими угрозами... А

теории, в каминате Шамиля рядом с жейнами, на самом почетном месте стоит самый что ни на есть христианский музыкальный инструмент!

Сказавшему из своих приближенных, толмачу Мустафе, он приказал свистеть этот инструмент. Мустафа выполнил и эту волю имама, и теперь, когда на Шамиля накатывает печаль, верный Мустафа молча садится за орган и наигрывает горючие мелодии. Родные мотивы немного развешивают печальную мысль и горькие думы имама.

Уставая, имам понимает, что зря запрещал горцам петь, танцевать и веселиться, наслаждаться жизнью, дарованной им Аллахом. Печаль Псовышний создал людей не для того, чтобы они проводили свой век в горести и печали, а именно для одних лишь страдания. Человек создан для счастливой жизни. А однообразие и монотонность притупляет ум, лишают человека смелости и отваги, убивают в нем робость в жизни, в людях, ко всему сущему. Песни же, танцы, веселье и грусть, наоборот, рождают в сердце человека понимание жизни. Они помогают, пусть на короткое время, забыть невзгоды.

Давно в Россию, Шамиль уже сам нарушает законы, издаваемые им самим. И это бывшему имаму уже не кажется преступлением.

Скоро Шамиль останется один никогда. Мысленно он уходит из Гуниба. Утром его посетил ашийтинец Магома. Он пришел к своему брату Хасину Хаджи. Магома давно уже не знает ими, данное ему родителями. Теперь он атаба капитан Парамонен. Он давным-давно забыл родной аварский язык. Еще ребенком русские, захватившие Ашхельсу, увезли его с собой в Россию. И жена у него тоже русская. Дети не знают родной язык отца. Разумеется, он отец не знает ни законов с горскими обычаями.

Шамиль давно не видел с Магомой. Гость рассказал много вещей и событий, происходящих на далеком Кавказе. Главновластный, чеченский пайб Байсангур, прорвав крепкие укрепления, вышел из Гуниба, вернулся в Моздок и поднял новое восстание против неверных. Его сторонниками стали бывшие пайбы Шамиля Атаби Атаев

и Умма Дуев. После подавления восстания последние добровольно явились к русским генералам, Байсангура же взяли в плен. Его сыновья и несколько товарищей сражались до последнего заряда. Об их дальнейшей судьбе Магоме ничего не было известно.

Рассказал гость и о том, что изгнанный Шамилем из Чечни в 1859 году святой шейх Кунта-Хаджи вернулся на родину. Два года он провел в арабских и турецких краях, в Мекке, Медине и Стамбуле. После возвращения шейх создал в Чечне мощный вирд кадаритов, который уже насчитывает несколько тысяч верных мюридов.

Да, Шамиль помнит этого чеченца из Иласхан-юрта. Шейх Кунта-Хаджи выступал против войны. Призывал чеченский народ к миру с Россией. Говорил, что в вековой войне с Россией погибла половина мужского населения Чечни. Что нет в Чечне аула, которого русские не сожгли бы несколько раз. Что десятки аулов стерты с лица земли. Народ в нищете, говорил шейх. Люди ходят голодными, полураздетыми. Если чеченцы не заключат мир с русским царем, этот древний народ перестанет существовать. Этого допустить нельзя. Чеченцам нужен мир, говорил шейх, на любых условиях.

Такие проповеди шейха шли вразрез с политикой и целями Шамиля и его окружения. Имам не желал выпускать власть из своих рук. Мало того, он собирался передать его сыну, чтобы тот вручил его уже своему сыну. И так на века. Имам понимал, что мир между Чечней и Россией означает конец его имамства, а значит, конец и его мечтам, ради которых он сражался 25 лет. Поэтому Шамиль восстановил против Кунта-Хаджи все чеченское духовенство, которое объявило шейха отступником от заповедей Корана и шариата. И Кунта-Хаджи пришлось покинуть Чечню. На родину он вернулся только после пленения Шамиля...

Гость давно ушел. Выпроводив всех домочадцев и слуг, бывший имам остался один в пустой комнате.

Наедине со своими тяжелыми мыслями...

Меня лично порадовал сам с собой.

Иногда жизнь человека. Но ему кажется, что смерть
наступит в его двори, и он будет жить вечно.
Иде вперед, иде вперед, а где ползком стремится он вперед,
иде вперед, иде вперед, жизни. На самом же деле - к
смерти. Упорно не видя маячащей впереди
смерти, когда она уносит родных и близких,
иногда человек оставляет его
родных и близких людей оставляет его
одного. Иногда человек оставляет его
одного. Иногда человек оставляет его

Душа моя, ты не жди, что покоем ни в коем случае и никогда не сможешь добиться. Даже если жизнь его безрадостна. Все-таки во времена твоих самых трудных периодов жизни, он надеется на лучшее. В этот момент выходит предвидя, то завтра непременно будет хорошее за чередой. Ищет мечтами. Но замечая ничего хорошего, ощущая, что все идет не так, как хотелось бы.

Тогда же, в 1990-е, он дружил с одним из лидеров «Лица» — лицом к лицу со своей женой. Но впоследствии прощается. Тогда он вдруг понимает, что он не один. Он видит, что есть невидимые, но родные, родом, с родными, с родными людьми, которые до тех пор не были. Но тогда же, в 1990-е, он понимает, что ему дороги даже те, с кем он никогда не конфликтовал, ссорился, которых унижал и мучил. Так же ему дороги и те, кто подобным образом обращался с ним.

Видя садовника уже стоящим на пороге и показывающим ему всю красоту сада, человек, почувствовав себя, человек начинает переживать. Он переживает свою жизнь. Пытается понять, когда он был неправ. Был прав или не прав. В последние моменты своей жизни он видит около себя родных, близких. Других людей. Теперь он не желает, чтобы они покинули его. Он хочет видеть и слышать их. Даже тех, которых он до сих пор не хотел видеть. Как приятно видеть и слышать человека, который широким, перепрыгивая с ветки на ветку, так саркастично. Как приятно видеть ветку, ко-

тую он раньше просто не замечал. И солнечные лучи, которые, просочившись сквозь мутные стекла, легли на его старое, латаное одеяло. Да, теперь он хочет видеть всех. Даже старого, облезлого пса, который лежит у плетеной изгороди.

Перед глазами проходят образы людей, которые давным-давно покинули этот мир. Родителей, братьев, сестер, друзей, ровесников. И из затуманенных глаз начинают вытекать скудные слезы, которые медленно стекают по глубоким морщинам на исхудавшем лице.

Точно в таком же состоянии находится и человек, разлученный с отчим краем, своим народом. Его сердце непрестанно гложет какая-то неведомая, жестокая болезнь. Он стареет не по дням и годам, а по часам и минутам. Безвременно седеют волосы, морщится лицо, глаза тускнеют, он весь съеживается под этим тяжелым бременем. Но мысли... Они всегда витают над далекой родной землей, пребывают вместе с родными людьми.

* * *

Властителя без врагов не бывает. Даже если это самый справедливый и гуманный правитель. Его врагами становятся те, кому чужды законы, справедливость и гуманность. Таким людям выгодно жить в стране беззакония, разрухи и хаоса, в которой господствуют анархия и безвластие. Шамиль же стремился установить в имамате жесткий порядок. И потому у него было не мало врагов. Теперь у имама нет ни одного врага. Он рад был бы встретиться здесь с любым человеком из Аваристана, даже с самым лютым своим врагом. Он принял бы его с распростертыми объятиями, как самого дорогого гостя. На гортанном аварском языке поговорил бы о далекой родине, вспомнил бы жизнь в родных горах.

Долгие северные ночи имам проводит без сна, совершая многочисленные молитвы, мысли же его витают далеко. Шамиль медленно, одну за другой, перелистывает страницы своей бурной жизни. Ищет причины своих неудач, поражений и, в конечном счете, падения. Он давно

уже намет голову над этим. Но Шамиль не находит в своих действиях ошибок. Он шел по истинному пути, предписанному Аллахом. Он боролся за справедливость, за мир, счастье и спокойствие горских народов. Защищал праведную веру от его врагов — гяуров и мунафиков. Стремился наставить заблудших людей на истинный путь. Таким считал, что иначе среди горских народов никогда не будет единства, мира и счастья. Иначе они никогда не смогут защитить свою свободу, изгнать со своих земель бесчинителей, врагов ислама. Иначе горские народы потеряют уверенность народов мира, и в стране гор никогда не царит благодать. Но горцы не понимали его, на радость врагам ислама и его личным врагам. Ведь и так было не мало. Вот по отношению к ним Шамиль действительно был суров. Жестоко расправлялся с ними во имя Аллаха и ислама. Именно потому, по воле Аллаха, он выступил в Чечню и Дагестан.

Да, Аллах возмездил своего раба. А потом низверг с этой возмездием целую нацию. Почему Аллах поступил с ним так? Почему наградил победу врагов ислама? Когда и где совершил Шамиль ошибку, за которую Всевышний так жестоко наказал его? Или он подвергнут испытанию своим верным рабом? Ведь подвергал же Он тяжким испытаниям правых горцев и мусульман? Или он, Шамиль, не всегда был благодушным, добрым, справедливым, милосердным? Или свои действия и поступки он совершал не ради Аллаха и истинной религии, а ради себя, ради карьеры или? Когда и где он попал в лапы Иблиса? Если он был несправедлив к единоверцам, то и все мусульманские кадыки тоже не следовали заповедям Аллаха и заветам пророка. Все мусульманские правители, исключая Шамиля, за исключением четырех правителей кадыков, управляли подвластными им народами, пытаясь установить шариат. Притесняли, угнетали, грабили людей, называя себя неслепыми божествами. Более того, многие из этих правителей приходило к власти, преступая через трупы своих родственников, родных братьев или сестер. Власть их

держалась на поте и крови мусульман. Конечно, и сам Шамиль не всегда был бескорыстен, он тоже не ангел. После поражения в Ахульго он пришел в Чечне голым, как выражались близкие ему люди и очевидцы тех событий - без черкески. А через двадцать пять лет вернулся в Дагестан с награбленным в Чечне добром, навьюченном на сотню лошадей. Золотом, серебром, русскими деньгами, драгоценностями, дорогим оружием и т.д. Правда, Шамиль не успел воспользоваться всем этим богатством, нажитым на крови народов. Как только богатый караван пересек чеченско-дагестанскую границу, братья-аварцы, соплеменники Шамиля, разграбили его.

Может быть, так угодно было Аллаху. Ведь богатство это было нажито несправедливым, преступным путем. Но не мог же Шамиль, в конце концов, голыми руками управлять своенравными горцами, тем более воевать против несметных полчищ гяуров. Вдобавок, надо было обеспечить безбедное существование семье, содержать многочисленную прислугу. Но к власти-то он пришел не через кровь и трупы родственников, подобно многим мусульманским правителям. Тем не менее, его руки тоже в крови, на нем смерть членов семей аварских ханов. Но разве это были люди? Они угнетали собственный народ, попирая законы шариата. Поэтому, сколько ни думал, старый Шамиль не находил причины своего падения. Да, он сражался за свободу и независимость горцев, во имя ислама, не щадя своей жизни и жизней тысяч других. Сначала рядом со своим другом и учителем Гази-Муллой, а после смерти наставника продолжал его дело.

Сколько изменений произошло на глазах Шамиля. Будто кто-то взял и перевернул мир. Еще мальчиком он мечтал о власти, но даже в самых смелых своих мечтаниях не мог допустить, что в зрелые годы он будет вершать судьбы сотен тысяч людей, что его имя, имя бедного аварца из затерявшегося в горах аула Гимры, прославится не только в этих краях, но и во всем мире.

Да, он мечтал вырасти сильным и смелым. Мечтал о подвигах и славе. Но Шамиль появился на свет в очень

Бедной семье, он был сыном беспробудного пьяницы Дагера Магомы. Зато этот сын пьяницы обладал светлым, острым умом, храбрым сердцем и... жаждой власти. Власть Шамиль стремился к ней всегда. Сначала среди равесников, позже в медресе, среди муталимов. Разве не об этом во мечтает любое Божье создание? Никто не хочет быть под властью другого. Даже у родного отца и кровного брата. Рассказывают, что какой-то бедолага во время молитвы просил у Создателя: «О, Всемогущий! Сделай моего брата лучше всех и меня не хуже него!» Шамиль смело шел вперед по жизни. Конечно, было трудно. Жизнь пахнущая давалась не легко. Приходилось трудиться в поте лица. Но в медресе он был лучшим муталимом. Выступал только своему другу Гази-Мулле, которого тогда называли просто - Кази. О, какая это была мудрая, светлая голова! Какое это было смелое, благородное сердце! Гази Мулла в этих горах был единственным человеком, перед которым Шамиль преклонялся.

Всю свою жизнь Шамиль мечтал и стремился вырваться из рабства проклятой нищеты. Поэтому он с детства почувствовал таким же бедным и обездоленным, как и он сам. Именно поэтому он чувствовал лютую ненависть к явкам, бекам и прочим богатеям, ко всем тем, кто жил лучше и богаче его семьи. Разумеется, будущий имам мечтал освободить бедняков от ханского гнета. Но совсем не думал, что его мечта когда-нибудь осуществится.

* * *

С приходом русских в Дагестанских горах все изменилось, совершенно изрядом. До тех пор ханы управляли народом крепко-сладко, все было в их руках, все подчинялось им бесспорно. Даже законы адата и шариата работали на ханов, беков и их приспешников. Хань деревни под своим крылышком алимов, щедро оплачивая их труд, то же в свою очередь рьяно защищали своих вассалов. Вместо они беспощадно эксплуатировали трудящихся. Таких, как Кази и Шамиль, было десятки ты-

сяч, но никто из них не смел поднять голос против богатых, ибо алимы вещали с мимбаров о том, что все падишахи, ханы и хакимы управляют народами по воле Аллаха, и что тот, кто поднимает руку на них и их имущество, выступает против Аллаха и Его воли. И их ждет страшная кара на этом или том свете. Именно Аллах создал одних людей богатыми, других - бедными. Никто не имеет права, возвещали алимы, нарушать установленные Всевышним порядки. Восставать против ханов, беков и алимов - значит восставать против Всесильного Аллаха. Темным, невежественным горцам не оставалось ничего иного, кроме как покорно терпеть жестокий гнет ханов и их приспешников. И они терпели. Терпели, когда ханские палачи и их подручные выкалывали им глаза, шилом протыкали языки, обливали кипящим маслом обритые наголо головы. Терпели, когда им раздирали ноздри, отрезали носы и уши, когда их гноили в темных, сырых зинданах. Терпели даже тогда, когда, упоенные властью ханы и беки, заводили в свои спальни их жен, сестер, дочерей.

Терпели все, ибо с самого детства в их невежественные головы вбивали мысль о том, что все эти ханы, беки и алимы - Божьи избранники, все поступки которых освящены святой волей Аллаха.

* * *

Они начали ущемлять права ханов и алимов, вследствие чего одни стали оказывать сопротивление неверным, другие же перешли на сторону пришельцев. Гяуры повели хитрую игру. Одних они запугивали, других же подкупали золотом, всевозможными подарками. В результате и те, и другие выказывали захватчикам рабскую угодность. Вскоре ханы принесли присягу на верность падишаху гяуров, получив взамен богатые подарки. Но не только ханы и беки прислуживали чужеземцам. Тот, кто еще вчера ходил в лохмотьях, в замасленной овечьей шубе, теперь одевался в суконную чоху и бешмет, щеголял золотыми погонями, выпачивал грудь, увешанную орденами. Тот, кто вче-

ра был никем, чудесным образом превращался в большого хакима. Но кто же они на самом деле? Да все те же ханы, беки, алимы и их приспешники, которые еще вчера на всех перекрестках кричали во все горло о том, что все гяуры, а так же те, кто им прислуживают - заклятые враги ислама и аварского народа. Таких надо уничтожать, вопиали они, даже если среди них окажутся твой отец, брат или сын! Больше того, тот, кто носит одежду гяуров, автоматически заставляли сии радетели ислама еще вчера, кто принимает от них деньги, подарки, кто хотя бы раз сидел с ними за одним столом, спал под одной крышей, такой человек будет вечно гореть в адском пламени! Сегодня эти религиозные мусульмане, эти святые проповедники без зазрения совести сами совершают все то, что еще вчера под страхом гнева Аллаха запрещали своим соплеменникам, простым мусульманам.

Да, все изменилось, смешалось, перевернулось вверх дном. Ханья приглашали генералов и хакимов гяуров в свои дворцы, принимали от них подарки, чины и медали, бессовестно нарушая, топая грязными ногами все заповеди Аллаха и шариата. Постепенно вытеснялись горские адаты и шариат, несовместимые с законами гяуров. Из политической жизни стали вытеснять алимов, обладавших ранее огромной властью. Мало стало людей, советующих с ханами, ищущих истинный путь, по которому следует идти правоверному мусульманину.

Через некоторое время аварский народ стал проявлять недовольство порядками гяуров. Горцы подпали под двойной гнет - своих ханов и власти русского царя. Духовенство не могло мириться с утерей своего влияния на народ. Ханья не устраивало то, что им приходилось делить власть с чужеземцами, тогда как раньше они были безраздельными хозяевами этих гор и населяющего их народа. И эти угнетенная часть феодалов и духовенства поддерживала народ, поднимающийся против гяуров, при этом, естественно, преследуя свои политические цели. Среди духовенства все чаще стали слышаться имена шейха Магоммеда Урагского, Джемал-Эдина, Гази-Муллы. Эти трое

во всех бедах народа обвиняли ханов и беков. Они утверждали, что гяуры пришли в горы и укрепились здесь именно по вине ханов и беков и призывали народ к священной войне против гяуров и их местных приспешников. Кто убьет гяура или мунафика, заявляли они в один голос, кто словом или делом поможет народу в его священной борьбе, или погибнет от рук гяуров или мунафиков, тот прямой дорогой попадет в рай. Причем, все его грехи будут прощены и шахид не увидит страшных лиц Мункира и Некира. « Братья, мусульмане!- призывали они. - Поднимайтесь на священную войну! Всё мы равны перед Аллахом! Никто не имеет права угнетать другого! Уничтожим угнетателей!»

И Дагестан забурлил. На гребне борьбы народа за свободу оказался дотоле никому неизвестный бедняк Шамиль. Мужественный горец, беспредельно преданный исламу и своему другу и учителю Гази - Мулле.

Гази - Мулла был ярким противником гяуров, аварских ханов, беков и прочих угнетателей народа. Он решительно выступал против любого, кто не следовал заповедям Корана и Сунны. Равенство, мир и благодать в горах он видел только в торжестве правоверного ислама.

Шамиль вспомнил день, когда ему впервые пришлось мобилизовать все свое мужество, отвагу, и веру. Истребив огнем и мечом десятки чеченских аулов, генерал Розен вторгся в Дагестан. Хотя до этого Гази-Мулле удавалось одерживать победы над русскими войсками, размещенными в Дагестане, у имама не было сил противостоять огромной армии гяуров. Он так и не успел объединить в один кулак десятки малочисленных, разноязычных народов Дагестана. Когда враг вплотную приблизился к родному аулу Гимри, Гази-Мулла собрал своих единомышленников и обратился к ним с речью:

- Моя смерть близка, - сказал имам. - Я умру здесь, в родном ауле, где жили и похоронены мои предки, где жил до сих пор и я. Я отдаю свою жизнь во имя ислама и свободы моего угнетенного народа. Пусть останутся со мной те, кто готов принять смерть за веру и народ. Кто не готов к этому, пусть уходит.

Но ушел никто. Все шестьсот человек остались с Гази-Муллой, готовые умереть, защищая Гимры. Яростный бой, начавшийся с восходом солнца, не прекращался весь день. Враг беспрерывно обстреливал позиции горцев из пушек, чередуя обстрелы частыми атаками. К вечеру из обороняющихся в живых осталось только половина. Аул превратился в руины. Повсюду лежали трупы женщин, детей и стариков. Убедившись, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, часть защитников аула отступила в горы. Лишь в полдень Гази-Мулла отправил гонца к Шамилю просить за подмогой. Тот прибыл во главе своего отряда, остановился на высоте в двух верстах от Гимры и оттуда равнодушно взирает на то, как разрушается аул, гибнут его защитники, как убивают женщин, детей и стариков. Гази-Мулла и Шамиль с оставшимися в живых тридцатью мюридами засели в башне, которую обороняющиеся позволили накануне.

МУХАМЕД-ТАХИР аль-КАРАХИ: «В раджаб месяца 1249 года (10-го) Гази-Мулла получил известие, что русские идут в Гимру, и поспешил туда. Мюриды построили башню в самом узком месте Гимринского ущелья и укрепились здесь. В субботу пришли русские. Мусульмане были разбиты. Гази-Мулла с Шамилем и 13 мюридами засели в башню. Русские со всех сторон окружили их, залезли на крышу и из пушек пробивали её. Защитники встретили нападающих ураганным огнём. Гази-Мулла вызывал нападающих сделать вылазку. Охотников, однако, не находилось. Гази-Мулла обратился с вопросом к Шамилю:

«Что же ты ждёшь ещё?»

Шамиль молчал. Тогда богоугодник горячо помолился и по особенной молитве сильным ударом поломал ружьё, погнул саблю, вынул и погнул шашку, подоткнул рубашку за шаровары, засунув рукава до самых локтей и крепко заткнул пояс. Потом, схватив шашку, окинул своих сподвижников последним прощальным взглядом и со словами

« - Ну, друзья, до свидания там, перед судом Всевышнего!» - ринулся из башни в самую гущу неверных.

Богоугодник был поднят на штыки, и на штыках погасла его святая жизнь под торжественный вой осаждавших и душераздирающие рыдания осаждённых. За Гази-Муллой и родной его племянник Муххамед-Султан. С ним гяуры расправились точно так же.

Шамиль предложил оставшимся последовать за ним. Но охотников на этот раз тоже не нашлось. Потом, засучив рукава и схватив шашку, он выбросился из башни, с обнажённой головой и с шашкой в левой руке, врезался в густой неприятельский строй, ударом шашки свалил двух солдат, вырвал ружьё у одного и побежал вперёд. Но один солдат, преградив дорогу, всадил штык в бок Шамилю. Схватившись за дуло ружья, он вырвал штык из своей раны и прикладом по голове уложил врага Аллаха на месте. Но тяжёлый камень, брошенный сзади гяурами вдогонку, попал ему в плечо. Сделав последнее мучительное усилие, он вырвался из среды смертельных опасностей и, сопровождаемый со стороны неприятеля ружейным залпом, выбрался на свободу.

На рассвете утром следующего дня, без шапки, в окровавленной одежде, со сквозной раной в боку, мучимый голодом и томимый жаждой, прибыл в Унцукуль. Но унцукульцы не приняли Шамиля. По требованию аульной власти, кунак вынужден был перевести его из своего дома в домики за аулом, где около 20 дней Шамиль провёл здесь в сидячем положении, так как рана не позволяла ему лечь.

Наконец был приглашён врач. Раны его зажили через два месяца, и тогда он отправился в аул Ирганай, к временно проживавшему там шейху Мухамеду из Яраглы...

С помощью гимринских нечестивцев русские опознали труп Гази-Муллы. По совету Саид-Араканца они увезли его и похоронили в Тарках, предварительно высушив на солнце. Но праху избранника Аллаха не суждено было остаться на чужбине. В дни могущества Шамиля он был привезён обратно и похоронен в родном ауле...»

ГАДЖИ-АЛИ: « - В 1249 (1832) году барон Розен предпринял экспедицию в Гимры против Гази-Муллы. Он осадил Гимру, после упорного сражения, Гази-Мулла был убит, а Шамиль, бывший в то время его мюридом, раненный пушечным выстрелом в левую сторону груди, бежал. Русские, взяв большое число пленных и добычу, возвратились в Шуру. В 1249 (1832) году 3-го раджаба, тело Гази-Муллы отдано было русскими Шамхдану Тарковскому, который предал его земле в г. Тарки, что близ Петровска. Гази-Мулла кончил жизнь своим на 75 году. Он не имел детей, кроме одной дочери, которая умерла десяти лет...»

* * *

Когда ранней весной Шамиль лежал в Унцукле, в Дагестане произошли значительные события.

Узнав о гибели Гази-Муллы в Гимри, Гамзатбек быстро вернулся в Гюцути, срочно собрал известных в Дагестане алимов и почётных старейшины в Карадахской Соборной мечети. Он заявил им, что перед смертью Гази-Муллы объявил его своим наследником, то есть имамом Дагестана. Но народ знал, что в час смерти Гази-Муллы он со своим отрядом прятался на горе за две версты от Гимры, в то время, как Шамиль находился рядом с Гази-Муллой. Все единодушно дружно и высказались за кандидатуру Шамиля. Приводили факты. Шамиль был близким верным мюридом Гази-Муллы. В день смерти имама до последней минуты сражался рядом с ним. Он уважаемый в народе алим. Узнав об этих распрях, Шамиль написал письмо алимам и почётным старейшинам, собравшимся в Карадахской Соборной мечети:

«Русские празднуют свою победу. Гимры пал, имам погиб. Чтобы сохранить ислам, нам нужно единство. Кто бы ни был нашим вождём, народ должен быть ему верным и покорным. Борясь за власть, мы не должны уподобляться собакам, которые дерутся за кость. Пока мы будем драться за кость, гяуры утащат её, и мы останемся ни с чем. Будем молиться Аллаху, чтобы он наставил нас на

истинный путь, объединил нас против гяуров. Так поступали наши предки. Салам всем!»

Это письмо распространили по всем аулам. Гамзат-бека избрали имамом. Шамиль хорошо знал Гамзат-бека. Его отец Искандер-бек верой и правдой служил аварскому хану Алисултан-Ахмеду. Потому ханша Паху-бике, после смерти своего мужа, привезла двенадцатилетнего Гамзат-бека в Хунзах, приняла его в свою семью, содержала до тех пор, пока он не возмужал. Здесь Гамзат-бек учился у главного кадия Аваристана Нур-Магомеда, однако не мог похвастаться глубокими знаниями. Ну, а мужество свое он показал в день падения Гимры. Выросший в ханской семье Гамзат-бек был честолюбивым и жестоким. Шамиль, хотя и знал прекрасно характер Гамзат-бека, после выздоровления отправился к нему, поздравил его с избранием на должность имама и предложил свои услуги. Гамзат-бек добивался владычества в Аваристане. Достижению этой его цели мешали ханы, которые находились под покровительством русских. Шамиль боялся, что Гамзат-бек вероломно перебьет их, поэтому взялся за примирение обеих сторон. Но случилось то, чего боялся Шамиль. Гамзат-бек зверски уничтожил аварских ханов и их семьи. Не пощадил даже ханшу Паху-бике, которая заменила ему родную мать. Отрубил ей голову. В момент смерти ханша читала Коран.

В связи с этим возникла оппозиционная группа против Гамзат-бека, которую возглавил Осмон-Хаджи, брат известного Хаджи-Мурата. Вскоре противники встретились на пятничном намазе в соборной мечети в Хунзахе. Осмон-Хаджи ударом кинжала убил Гамзат-бека, но и Гамзат-бек успел заколоть Осмон-Хаджи, от чего тот умер.

В этой драке Шамиль чудом спасся от верной смерти. В толпе дерущихся один закричал: «Убейте Шамиля! Он в белой папахе!» Услышав этот крик, Шамиль моментально снял со своей головы белую папаху, выхватил чёрную папаху с головы человека, находящегося рядом, надел её на свою голову, а белую папаху нахлобучил на голову обладателя чёрной папахы.

Жители Хунзах были крайне недовольны Гамзат-беком. Они не позволили похоронить его на своей земле. Труп имама четыре дня лежал на площади в центре аула, перед мечетью. Хунзахцы уничтожили часть мюридов Гамзат-бека, других разогнали. Власть в Аваристане временно сосредоточилась в руках Хаджи-Мурата. Вскоре русские привели в Хунзах сына Казикумухского хана Магомед-Мирау и объявили его ханом Аваристана. Но и он ханствовал недолго. На его место русские поставили Ахмед-хана Мокшутинского.

После убийства Гамзат-бека Шамиль вернулся в Гимри. Рядом с родного аула он нашел руины и пепел. Русские сожгли Гимри, предварительно разграбив его. Шамиль узнал, что его дом был сожжён по указке односельчанкино Уллунаш. Первым делом будущий имам нашёл его и отрубил ему голову, как изменнику и вероотступнику.

Варшава по свободному горцам и в защиту ислама, начатая Гази-Муратом, на некоторое время остановилось. По сей день в горах Северного Кавказа кровавые следы войны, и сегодня в горах, глумясь над исламской верой, горскими обычаями и традициями, победным маршем рыцарей армии глумится. Разумеется, аварские ханы, беки и часть дворянства, ради сохранения своей власти и за подачки горцев, по-прежнему прислуживали им.

Шамиль созвал в Ашильте съезд алимов и почетных старейшин Аваристана, чтобы они избрали имама. Все единодушно назвали имя Шамиля. Он отказался принять на себя эту великую обязанность и назвал имя известного во всем Дагестане алима Саида Ибрагима. Тот тоже отказался от этой тяжелой бремени, сославшись на свой мягкий, добродушный характер. Съезд вторично обратился к Шамилю, чтобы он согласился быть имамом. Но Шамиль решительно отказался и назвал имя Гази-ява из Карати, заявив, что если съезд выберет Гази-ява имамом, он будет его помощником. Но Гази-ява тоже отказался. Возникла опасность, что работа съезда может закончиться безрезультатно.

татно и в конце концов люди разойдутся, так и не придя ни к какому решению. Собрать их повторно вряд ли кто смог бы. Этого нельзя было допустить. Ведь кругом были враги. И Шамиль согласился стать имамом Дагестана.

* * *

Спустя пятнадцать дней после своего избрания имамом Шамиль перевёз в Ашильту всё имущество ханши Паху-бике и её сына - маленького Булач-хана. Сторонники имама требовали смерть Булач-хана, утверждая, что когда тот вырастет, то с помощью русских сядет на шею народа. Имам разделял такие взгляды. Имамство свое Шамиль начал с пролития крови. При этом крови невинной мальчишки. Он приказал сбросить маленького Булача с высокого моста между Гимри и Унцуклой в бурлящую Койсу. Впоследствии имам не раз задумывался над этим своим поступком. А как бы поступил Гази-Мулла? Гази жил в другое время. Да и сам Гази-Мулла был человеком неповторимым. Великий гуманист. Храбрый и смелый. Благородный и великодушный. Бедный и в то же время высокообразованный. Он не искал ни славы, ни мирских благ. Он поднялся с оружием в руках ради народа, за его свободу, во имя Аллаха и Его истинной религии. Поэтому и пошёл за ним народ, угнетённый ханами и беками, озлобленный жестокостью Ярмол-генерала.

Гяуры как будто навечно поселились в горах. Зато в Аваристане уже нет ханов, которые всегда были опорой гяуров. Однако остались ханские приспешники. Беки и часть мусульманского духовенства. Именно они подняли многие аулы против Шамиля. Да и народ в это смутное время стал самовольным. Особенно за девять месяцев имамства Гамзат-бека. Ныне народ разделился на три части: на сторонников ханского дома, на сторонников Шамиля и нейтральные. На самом же деле третьей группе была безразлична судьба народа и веры. Появилось множество авантюристов, которые, пользуясь смутой, стремились захватить власть, хотя бы в своих общинах. Расплодились изменники, предатели, преступники всех мастей.

Только сейчас осознал Шамиль всю тяжесть груза, который он взвалил на свои плечи. Имам понял, что для обуздания разиращенного, своевольного народа и наведения порядка в стране проповедей и призывов к добру отнюдь не достаточно. В первую очередь требуются сила и железный низам. А повелителю - стальная воля, жестокое сердце, твердая рука. Всё этого у Шамиля всегда было предостаточно. С самого детства. Он доказал это всем буквально за один последний год. Возвращаясь после изгнания в Гимри, он наткнулся на группу женщин с открытыми лицами и обнаженными ногами. Они грелись на солнце и чесали шерсть, а рядом сидел старик с открытым пахом и без шаровар. Шамиль побил и старика, и женщин. В тот же день он отрубил голову однополой женщине Уппунаю. Особую жестокость он проявил по отношению к маленькому Булачу. А его поступок в Хунзаевской мечети? Ведь Шамиль, чтобы спасти свою жизнь, сознательно, хладнокровно подвел под кинжал совершенного безжалостного человека! Да, жестокое сердце и твердая рука у него есть. Он будет жестоко карать тех, кто нарушит шариат. Будет безжалостен по отношению к предателям, изменникам, врагам, рабителям и прочим преступникам.

Его главная задача - неуклонно продолжать дело своего друга и учителя Гази Мушты, распространять и утверждать шариат. С его помощью объединить в один кулак многочисленные, разноязычные, разнохарактерные горские народы и поднять их против гяуров. Только лишь шариат, основанный на чистом исламе, может решить эту трудную задачу.

Адаты - это неписанные законы горцев, которых народ создавал, развивал, дополнял, испытывал тысячелетиями. Адаты были демократичнее многих шариатских законов. Больше того, адаты запустили в народе глубокие корни, которых не могли вырвать никакие силы. Потому, когда Шамиль начал заменять адаты шариатом, он встре-

тил в народе сильное сопротивление. Первыми выступили унцуклинцы. Ашильтинцы решили изгнать имама из своего аула. Их примеру последовали и жители других аулов. Шамиль предпринял против них карательные меры. Но не смог справиться. Очутившись в критическом положении, Шамиль обратился за помощью к чеченским предводителям - Шоиб-Мулле, Жоватхану и Ахвердил-Магоме. Те откликнулись на просьбу имама и помогли ему покорить ряд аварских аулов. Затем Шамиль призвал известных в Чечне предводителей Ташав-Хаджи и Удди-Муллу. Они прибыли в Гумбет с двумястами верными мюридами. С их помощью Шамиль покорил Унцукул, Игали, Урата, Аракани, Ирганой, Кодух, Харадар, Балахни и другие мятежные аварские аулы.

В первые годы своего имамства Шамиль не имел успеха, но он надеялся достичь своей цели с помощью чеченских предводителей. Однако, к его несчастью, русские генералы усилили военные действия в Чечне, и чеченским предводителям пришлось срочно возвращаться домой, чтобы защитить свои аулы. Шамиль не забыл помощь и поддержку чеченцев во главе своих мюридов при был в Чечню. Но генерал Фези разгромил объединённые войска Шамиля и Ташав-Хаджи у селения Автуры. Шамиль вернулся в Дагестан. Теперь он был один против русских генералов и их союзников Ахмед-хана Мехтулинского и Магомед-Мирзы Казикумухского.

Обессилев в ежедневных стычках с противниками, Шамиль решил заключить с русскими мир. Да и русские, которые вели войну уже на два фронта - в Чечне и Дагестане, не прочь были хотя бы время заключить с ним мир, чтобы потом расправиться с каждым по отдельности. При посредничестве Магомед-Мирзы Казикумухского Шамиль, сопровождаемый двумястами мюридами, встретился в Чиркее с генералом Клюке фон-Клюгенау. Генерал предложил Шамилю поехать в Тифлис, куда приехал император, раскаться перед ним в содеянном и принести присягу на верность императору и России. Шамиль, чтобы выиграть время, согласился на это предложение. Имам

ответил генералу, что он с радостью принимает это условие, но что ему требуется согласие своих соратников Тациев-Хаджи, Кибит-Магомы и Абдурахман-кадия, так как они поклялись на Коране не иметь тайны друг от друга, не совершать действия, не одобренные другими, не согласованные хотя бы с одним из четырёх.

Позавтракавши из Чиркея, Шамиль рассказал юридам в своём разговоре с русским генералом. Имам заявил, что если народ даст на это согласие, он поедет в Тифлис. Сообщение Шамиля быстро распространилось в горах. Нареев, его распространили противники имама. По их словам выходило, что Шамиль, нарушив клятву верности народу и шариату, встретился с русским генералом, решил отправиться в Тифлис к падишаху гяуров, чтобы признать на верность ему и России. Шамиль, говорили они, почти иной, как изменник и предатель, прислужник гяуров, если он поедет в Тифлис, народ разорвёт его на куски. В сражении при Телетли Шамиль одержал победу над войсками Ахмед-хана Мехтулинского и тот обратился за помощью к генералу Фези. Вскоре генерал Фези вернулся в Дагестан с 8 батальонами пехоты, 300 казаками, 22 орудиями и занял Хунзах. Возмущённый действиями Ахмед-хана, Шамиль собрал пятитысячное войско и истребил несколько аварских аулов, присоединившихся к Ахмед-хану. Но силы были слишком уж неравны. Шамиль оказался между двух огней. Противники разогнали войско имама, захватили Ахту, Самур, Рутул. Наступавший со стороны Чечни генерал Граббе занял Черкет, Гумбет и занял Шамиля в высокогорный аул Ахульго.

* * *

Осада Ахульго русскими войсками длилась уже около двух месяцев. В осаде принимали участие 13500 солдат и около 4000 аварских добровольцев, усиленные 30 орудиями. Расставив орудия на противоположной горе, русские стали обстреливать аул. Почти все сакли аульчан были разрушены до основания. Промеинами обстрел преграждённых, и противник шёл на штурм, после чего артоб-

стрел возобновлялся. Несмотря на серьезные потери, Граббе не собирался снимать осаду и отступить. Но и защитники аула не думали сдаваться. Сам Шамиль все это время сражался рядом со своими мюридами в самых первых рядах. Имам дрался как обреченный лев.

Это был последний день Ахульго. Шамиль раздал оружие женщинам. Имам приказал им драться до последнего вздоха, а при риске пленения - покончить собой. В этот день многие женщины выполнили приказ имама.

В перерывах между штурмами и обстрелами генерал Граббе присылал парламентариев с предложением прекратить сопротивление и сдаться. В начале Шамиль не принимал парламентариев генерала. Он ждал помощи от чеченских предводителей Ташав-Хаджи, Шоиб-Муллы и Удди-Муллы. Но время шло, а помощи все не было. Имам уже потерял всякую надежду дождаться ее. Шамиль не знал, что русское командование предусмотрело такой вариант и, чтобы сковать чеченцев и лишить их возможности выступить в помощь имаму, предприняло несколько карательных экспедиций в восточную часть Чечни.

ГЕНЕРАЛ РОЗЕН: - «В отношении моем от 5 числа марта 1836 г. за №149-ш, я между прочим уведомил в.с., что беглец Андреевской деревни Ташев-Хаджи, возмущавший в прошедшем году чеченцев, посылал воззвания к гимринцам и другим горцам в Дагестане, в котором укорял их в отступлении от правил религии и шариата, он угрожал нашествием с собранным им скопищем, если они к нему не присоединятся. После того получил я известия, что сей мятежник по предварительному сношению с муллою Шамилем, одним из главнейших сообщников Кази-Муллы и Гамзат-бека, проживающим в койсубулинской дер. Ашильта, собрав партию из чеченцев до 100 человек, прибыл с оною 16 февраля в ауховскую деревню Зандак; присоединив к себе до 100 человек ичкеринцев и других горцев, он перешел через Салатавский хребет и отправился через деревню Цатаних в главное сел. гумбетовское Чиркат, где соединился с муллою Шамилем, ко-

торый также привел с собою партию из мюридов и других последователей шариата».

Шамиль попал в трудное положение. Он не хотел сдаться вероломным гяурам. Ведь еще в прошлом году генерал Головин объявил за его голову 1000 рублей золотом. Шамиль не боялся смерти... в бою. Он боялся позорного плена. Тогда над ним будут издеваться. Потом доведут или отрубят голову. Самое мягкое наказание - ссылка в Сибирь, вместе с семьей, в далекую, холодную страну суров. А тогда, если не дети, то внуки и правнуки забудут родной язык, истинную религию, горские обычаи. Одним словом, его потомки станут гяурами. Это было страшнее самой жестокой смерти. А если честно, то и умирать Шамилю еще рано. Конечно же, не жаждут бесмысленной смерти и его мюриды.

МУЗАММИД ТАХИР АЛЬ-КАРАХИ: «- Русские заняли скалистый утес Шунатпугоха, высоко взметнувшийся над Ахульго и его окрестностями, сосредоточили там все свои силы и непрестанным огнем из орудий не давали расслабиться защитникам дала. Результаты обстрела были ужасными, грохот разрывающихся ядер, многократно усиливаемый вздох, заглушал вопли и стоны раненых. Пороховой дым, смешанный со злойным летним воздухом, буквально душил обороняющихся. Ураган из пуль, осколков и камней произвел страшное опустошение. Земля дрожала, как при сильном землетрясении. Везде валялись нечеловечески уже разлитые трупы павших в праведном бою. Оставшиеся в живых защитники бродили как тени, истуревшие бессонницей, мучимые голодом и жаждой.

Шамиль не предполагал, что осада Ахульго будет продолжаться так долго, он рассчитывал на помощь единоверцев и соплеменников. Он надеялся на их сочувствие и сострадание, на их помощь и поддержку. Но его правоверные сородичи оставались глухи и слепы к страданиям мучеников за веру...»

Потеряв все надежды взять Ахульго штурмом, русский сардар и главнокомандующий предложили Шамилю мир

на условиях выдачи им в аманаты его сына. Имам хорошо знал, что неверные не оставят его в покое и не выполнят свои обещания, и потому хотел отклонить их требования. Но изнуренные защитники, всюду и везде искавшие спасения, стали усиленно просить Шамиля пожертвовать своим сыном ради спасения осажденных. Имам не мог отказать им в этой просьбе. Предложение было принято, и Джамалэддина выдали в руки врага. В русский лагерь его сопровождал Юнус Чиркеевский.

После этого сардар выразил желание вступить в переговоры с Шамилем через генерала Пулло. Имам долго не соглашался, зная заранее, что переговоры ни к чему не приведут, но мюриды, жаждавшие конца этих мук и страданий и надеявшиеся на мирный исход, просили Шамиля принять предложение. Имам, в конце концов, согласился, но лично на переговоры не явился, а прислал Юнуса.

Сардар, в свою очередь, отказался говорить с кем бы то ни было, кроме имама и отправил Юнуса обратно:

- Упроси, уговори Шамиля явиться ко мне лично. Эта встреча принесет ему большое счастье на всю жизнь.

Но Шамиль отказался. Возвратившись в русский лагерь, Юнус передал сардару ответ имама:

- Имам решил бороться с вами не на жизнь, а на смерть. Он больше вам не верит. Вы обещали заключить мир, если он выдаст вам в аманаты своего сына. Требование ваше исполнено, но мира нет. Вам, русским, имам больше не верит, он считает вас народом лицемерным, не заслуживающим доверия.

Генерал пришел в сильное волнение:

- Мне нет дела до мнения Шамиля! Приказано взять его в плен, и я это сделаю! Но пусть тогда имам не ждет пощады: он будет казнен или сослан в Сибирь!

* * *

Положение осажденных было отчаянным. Большинство защитников погибло, остальные были доведены до последней степени изнеможения жаждой и голодом. От смер-

ти уже никто не бежал, все ждали её, как желанную гостью. Шамиль не был исключением. Он уже более не руководил, не поучал, не воодушевлял своих сподвижников на дальнейшее сопротивление. По временам его охватывала мысль броситься в единоборство с врагами и умереть славной смертью, но всякий раз приближённые с большим трудом удерживали его от этого безумства.

Его вместе с семейством почти силой увели вниз, в пещеру. Но мысли о славной кончине и тут не покидали его: имам перешёл броситься со скалистого обрыва в бушующую реку, но друзья, следившие за каждым его движением, всё время удерживали его от этого сумасбродного поступка. Эти припадки, которые преследовали его с раннего детства, особенно участились в последние дни.

* * *

Наверху, над пещерой, гремят орудия, трещат ружейная и пушечная стрельба, а внизу, под пещерой, бурлит строптивая река Койсу.

То же самое происходит в душе и мыслях Шамиля.

Вероятно, не случалось сбыться мечтам Гази-Муллы и его, Шамиля, мечтам. Гази-Мулла тот хоть несколько побед одержал над гяурами и их приспешниками. Ему удалось захватить несколько русских крепостей, даже Кизляр. Иногда и туркам успевал помогать. Да и пал Гази-Мулла смертью героя и праведника, хотя и был намного старше Шамиля. Шамиль помнит слова, сказанные им в башне в день своей смерти: «Лучше принять смерть в схватке с проклятыми гяурами, чем скрываться в этой башне, как трусливая баба».

Наверху кипит война, а внизу бурлит бешеная Койсу. Шамиль ищет выход из этого тяжелого положения.

Против него выступают многие дулы. Действуют самостоятельно и вместе с генералами гяуров. Да ещё за Шамилем и его повстанцами со своими сворами собак сонится проклятым Аллахом мунафики Магомед-Мирза Казикумухский, Ахмед-хан Махтулинский и аварский бек Хаджи-Мурат. Все два месяца эти псы помогают гяурам,

осаждающим Ахульго. На их совести жизни погибших здесь сотен людей. Женщин, детей, стариков.

А друзей и верных товарищей с каждым днём становится все меньше и меньше. Одни погибли в боях с гяурами, другие просто оставили его и разошлись по домам. Трупы многих лежат там, наверху.

Шамиль посылал мюридам приказ прекратить бесполезное сопротивление и с белым флагом выйти к гяурам. Чтобы спасти женщин и детей. Но мюриды не слушают его. Если они сдадутся в плен, гяуры всё равно перебьют их. Они погибнут позорной смертью. Лучше умереть свободными, смертью героев. С одной стороны они, конечно, правы – если и умирать, то только так! Но мюриды требуют, чтобы и Шамиль встал рядом с ними. Руководил обороной, а не сидел в пещере...

* * *

Ночью с помощью веревки в пещеру к Шамилю спустился его верный мюрид Юнус Чиркеевский.

- Имам! Проси у Аллаха для себя терпения и воли!

- Что случилось, мой верный брат? Я уже знаю, что мой любимый сын в руках гяуров. Что моя любимая сестра погибла смертью шахида. Гибнут наверху мои верные товарищи. Может ли быть еще более страшный удар для меня?

- Не будем терять надежды на помощь Милостивого, Милосердного и Всемогущего Аллаха! Сегодня в твой дом пришли новые беды!

- Разве у меня есть дом, Юнус? У моей семьи давно нет своей крыши. Как и у тысяч аварских семей. Но всё это ничто. Дома можно построить. Я понёс более страшные, невозполнимые потери. Меня предали мои же аварцы...

- Предопределения Аллаха не миновать ни кому и ничему. О, имам, имам! Погиб твой дядя Борти-хан...

По всему телу Шамиля пробежал холодный пот.

- О Аллах! Рухнула моя последняя опора, последняя надежда!

Шамиль воздел руки, прочитал короткую молитву.

«О имам! Все радости и горести, добро и зло на земле совершаются по воле Всевышнего Аллаха! Погибла твоя жена Жовдарат...

Шамиль, сидевший на подогнутых под себя ногах, закрыл глаза и на минуту притих. У него осталась одна жена

Патимат, теперь единственное его утешение. Он опять воздел руки для молитвы.

«Как она умерла? - спросил он Юнуса, приняв очередное обострение от товарищей.

Пуля попала ей в голову, когда она стояла на утесе над Коису. Она упала в реку. У нас не было возможности извлечь ее тело.

«Да будет милостив к ней Аллах. Что ты принес мне еще, Юнус?

«Убит твой сын Саид...

Шамиль воздел руки:

«О Аллах! Мне мнилось, что Ты дал мне жизнь для возмещения и прославления святой веры. Ты не раз спасал меня, и это еще более укрепляло во мне веру в мое предназначение. Теперь же, о Аллах, я вижу, что Твой ничтожный раб Шамиль - всего лишь жалкое, беспомощное существо, недостойное такой высокой миссии. Избавь, о Всевышний, мою душу от этого никчемного тлена, от этой земной гнили и плесени, в плену которого она гниет и разлагается. Святое же дело газавата возложи на плечи более сильного, достойного Твоего благословения...

* * *

МУХАММЕД-ТАХИР АЛЬ-КАРАХИ: « - Когда Шамиль с некоторыми членами своей семьи спустился в пещеру, Жовдарат вместе с сыном Саидом осталась наверху в ауле. За три дня, проведенных в ауле, который подвергался непрерывному обстрелу со стороны гяуров, она истощилась от голода и жажды. Она несколько раз умоляла Тахира аль-Унцукли достать ей немного воды, чтобы хотя бы промочить горло. Наконец он принес воду в маленьком бурдюке. Но она не выпила ни глотка - берег-

ла ее для двухлетнего Саида. Так же она берегла для сына горсточку жаренных кукурузных зерен, завернутых в уголок платка. Жоврадат разжевывала их и клала это мясо в рот сына. Когда она погибла, Саид долго плакал, зовя ее и отца. Труп Жоврадат нашли, занесенный песком и илом, год спустя в реке Койсу.»

Сердце Шамиля обливалось кровью, словно его пронзили острым кинжалом. Несколько дней назад у него было три сына: Джемалэддин, Гази-Магома и Саид. Теперь остался только один. Гази-Магома. Голос Юнуса доходил до имама как будто издали:

- Силы защитников аула на исходе, имам. Большинство погибло. Оставшиеся в живых требуют тебя наверх.

Шамиль молчал несколько минут.

- Я не могу нарушить мир, заключенный мною с гяурами.

- Гяуры сами нарушили мирный договор. Ведь они дали тебе слово снять осаду и отвести войска, как только ты отдашь в заложники сына. Имам, русские и не думают отводить войска. Слышишь, наверху идет бой? И он не стихает.

- Если я нарушу слово, данное генералу, они убьют моего сына.

Юнус немного помолчал, а потом решительно произнес:

- Имам! Многие отцы потеряли сыновей, и многие женщины стали вдовами за эти два месяца!

Имам посмотрел на своих товарищей. Мюриды молчали. Шамиль понял - они тоже не хотят умирать. Мохнатые брови имама вздулись. Перед глазами возникли образы погибших близких. Жоврадат с пробитой головой. Маленький Саид... и сестричка. Высокая, статная красавица. Чтобы не попасть в руки карабкающихся наверх гяуров, она обмотала лицо платком и бросилась с высокой скалы в бушующую Койсу. Тела всех троих даже не похоронены...

- Ты прав, Юнус. Эти собаки еще не ушли оттуда?

Юнус не понял.

«Какие собаки?»
«Наши соплеменники, помогающие гяурам?»
«Нет, имам. Число их растет с каждым днем. Видят, что дело идет к концу. Надеются, что за услуги получат подаяния от генерала.

«Сколько их?»

«Не менее пяти тысяч.

Шамиль встал.

«Иди, Юнус. Я собирался принять праведную смерть здесь, в пещере. Теперь я изменил свое решение. Скажи народу, что я иду к нему, чтобы сразаться и умереть вместе с ним.

* * *

22 августа 1839 года, после трехмесячной героической обороны пал Ахульго.

В тот день вместе с ним пало и имамство Шамиля в Дагестане.

Шамиль не был ни религиозным фанатиком, ни трусом. Он был мужественным, отважным человеком. А еще - мудрым и честолюбивым. Он вовсе не собирался становиться напрасной жертвой. Поэтому Шамиль не бросил он очертя голову в пасть смерти, как поступил его друг и учитель Гази-Мулла. Он жаждал жить, чтобы сразаться против своих врагов, врагов народа и ислама. Во имя свободы! Когда гяуры и их пособники ворвались в аул, Шамиль вместе с кучкой смельчаков, через трупы врагов, проложил себе дорогу к свободе. Он бился с ожесточением обреченного, держа саблю в левой руке, не обращая никакого внимания на раны.

Во время этого прорыва получил ранение и маленький Гази-Магома. Его нес на спине Салих, верный мюрид имам. Предназначенный Салиху штык солдата пронзил крошечную ножку Гази-Магомы.

«Салих! Бросай меня в реку!» - кричал ребенок, не в силах терпеть боль.

Шамиль с семью товарищами вернулся в пещеру, в которой скрывался ранее. В пещере было темно. У малы-

ша болела рана, но он боялся плакать. Его мать Патимат сидела молча, глотая горькие слезы. Усталые мюриды заснули только поздно ночью.

Двое суток провели они в пещере, не решаясь выходить наверх. В ауле, в долине Койсу - везде рыскали солдаты. Беглецов отделяло от свободы узенькое ущелье шириной в двадцать локтей. Койсу, протекающая по дну ущелья, с этой головокружительной высоты казалось тоненькой серебристой веревочкой. Беглецам, во что бы то ни стало, нужно было перебраться на левый берег реки, на правом их ждала неминуемая смерть. Но без моста это казалось почти невозможным.

С Шамилем остались семеро мюридов. Юнус аль-Чиркави, Мохаммад аль-Худакитил, Билад аль-Гоцатли, Химатил аль-Гоцатли, Нур-Али аль-Хирадири, Муса аль-Балагани, Муртадил аль-Хараидри и Салих. Все они ждали приказа имама. Но Шамиль молчал. Он сидел на большом камне, обхватив голову обеими руками.

Снизу доносился рев буйной Койсу, как будто река пыталась отвлечь имама от горьких дум. Но имам не слышал этот бешеный рев. Не слышал тихих стонов раненого Гази-Магомы... В груди имама бушует пламя. Пламя обиды и злости. Рев Койсу ничто, по сравнению с тем, что происходит в душе имама.

О чём же думал имам? Что возмутило и расстроило его мужественное сердце?

Сегодня пало его имамство, которое ему доверил народ. О котором он мечтал давно. Хотя семь лет тому назад и отказывался принять на свою спину эту тяжёлую, ответственную ношу, он твёрдо знал, что рано или поздно имамство ему достанется. Ещё тогда, 17 октября 1832 года, в день смерти Гази-Муллы, когда он лежал тяжело раненый. Ведь Шамиль был самым близким и верным другом и мюридом Гази-Муллы. После Гази-Муллы в Дагестане только один он был достоин занимать эту высокую должность. Конечно, после досточтимого алима Джамал-Эддина, его будущего тестя. Но тот был стариком. Значит, думал тогда Шамиль, рано или поздно има

мом Дагестана станет он. Самый образованный, после Джамал-Эддина, алим в Дагестане. При том, самый мужественный и смелый. Только он один достоин этой высокой чести. Он мечтал о этом, стремился к этому. Чтобы отомстить за смерть своего друга и учителя Гази-Муллы. Чтобы защитить правоверный ислам.

На этом пути ему пришлось преодолеть неисчислимые трудности и преграды, сперва в борьбе за имамство, а затем, чтобы закрепить его за собой. Некоторые Дагестанские общины не хотели его признавать. Особенно свои же соплеменники аварцы. Решительнее же всех выступали против него его же аульчане гимринцы. Как это верно сказано - нет пророка в своем отечестве! Только благодаря чеченским предводителям он смог стать на ноги в Дагестане. Особенно помог ему Ташав-Хаджи аль-Саясани. По существу имамом Дагестана его сделали сорок чеченцев и тридцать ашильтинцев, которые все время находились рядом с ним. Сам Ташав-Хаджи тоже выходец из Кумыкии, из Эндерей-аула. По какой-то причине он не ужился там с властями гяуров. Бежал в Чечню, там стал знаменитым человеком. Чеченцы провозгласили его святым шейхом, сделали своим предводителем, и теперь за ним стоят тысячи верных мюридов. В Чечне Ташав-Хаджи выдавал себя за турка. Знай чеченцы, что он их соплеменник, ни за что не сделали бы его даже аульским муппой. Ведь, повторимся, нет пророка в своем отечестве...

Сверху, сквозь рев Койсу, доносятся победные возгласы пьяных гяуров и плач несчастных женщин.

* * *

В груди Шамиля бушует огонь, пожирающий его изнутри. Он потерпел поражение. Погибли его близкие. Вдобавок, он купился на обещания гяуров и отдал им в аманаты своего сына. Чашу его возмущения переполнили мунафики, которые перешли на сторону врага, вернее, продались гяурам. И воюют против своих соплеменников, братьев по вере. В подавляющем большинстве своем это

его родные аварцы. Вдобавок ко всему они, самым бесстыдным образом, пытаются как-то оправдать свои действия. Ходят по аулам, крича во все горло о том, что он, Шамиль, вовсе не имам, а наглый самозванец. Пугают всех, заявляя, что если сами горцы не остановят зарвавшегося гимринца, русские истребят их аулы, уведут в плен женщин и детей. Лучше сейчас уничтожить или изгнать Шамиля и его единомышленников, чем потом страдать от великих бед!

Перед глазами Шамиля проходит вереница лиц. Друзья и враги... Первые годы имамства. Его же гимринцы изгнали его из родного аула. Иди, сказали ему аульчане, ищи себе берлогу в другом месте. Тогда его приютили ашильтинцы. Но ненадолго. Дальнейшие неприятности исходили от унцуклинцев. Затем волна народных выступлений против него прокатилась по всему Аваристану. Убежденный в том, что милосердие и борьба за свободу - вещи несовместимые, Шамиль уничтожил телетлинских беков. Поступил с ними точно так же, как Гамзат-бек поступил с хунзахскими ханами. Поняв, что такая же участь ждет и их, аварский хан Ахмед-хан и Казикумухский владетель Магомед-Мирза поспешили за помощью к генералу Фези. После этого Шамиль вынужден был встретиться в Телетли с Фези и поклясться, что он, Шамиль, не будет более возмущать народ. При этом рядом с генералом стояли богоотступники - аварские и казикумухские ханы и беки.

Шамиль вспомнил свои первоначальные крупные неудачи. В Гимри, Гергебиле, Самуре, Ахтахе, Зиуре, Урхале, Хунзахе, Рутуле, Аргуане... После этих неудач он никак не мог встать на ноги в Дагестане. Ахульго же - вершина его несчастья.

Куда же ему податься теперь? Остаться в Дагестане - об этом и мечтать не приходится. Первый же аул, куда он сунется, выдаст его в руки гяуров. В этом Шамиль твердо уверен. Ибо таков приказ генерала гяуров. Да ханы и беки выдадут его без всякого приказа! Но не вечно же ему скрываться в горных пещерах. Он должен мстить тем, кто убил

жену, сестру, сына, дядю и других близких ему людей. Мстить изменникам, предателям, вероотступникам. Но где же ему взять силы, чтобы осуществить эти цели? В Дагестане? Нет, здесь их не собрать. Но и соседние народы повиновались властям гяуров. На них тоже нет никаких надежд. Они сами молят Аллаха, чтобы Он освободил их от гнета ненавистных врагов. Но только лишь молитвы не помогут. Здесь нужен острый меч. В руках свободных храбрых.

Нет, не Дагестан, где народы рабски терпят унижительный гнет и жестокость ханов и беков, а теперь и проклятых гяуров, страна его мечты. Оружие и опору он должен искать в стране, где свободу и независимость ценят превыше всего. Где их берегут как зеницу ока. На сегодняшнюю день единственная такая страна в этих горах - это Чечня. Где нет ни ханов, ни князей. Ни угнетателей, ни угнетенных. Где люди свободны и независимы ни от кого. Где каждый человек сам себе и князь, и хан, сам защищает свою честь и достоинство.

Шамиль несколько не сомневался в том, что чеченцы его примут, дадут ему приют и убежище. Так они поступали со всеми гонимыми и обездоленными. Они принимали в себя даже беглых русских солдат. А Шамилю они, может быть, даже будут рады. Потому что в Чечне у него знатные друзья - Ташав Хаджи аль-Саясани, Шоиб-Мулла аль-Центари, Удди-Мулла аль-Гордали, Жоватхан аль-Дарго, Амардин-Магома аль-Шуати и многие другие.

* * *

Разумеется, в Чечне тоже имеются богатые и бедные. Там свой порядок, установленный Всевышним. Но там нет угнетения одних другими. Богатые не имеют права угнетать, оскорблять, унижать, наказывать, покупать и продавать человека. Чеченские богачи не имеют титулов. Нет у них и нумеров, охраняющих их. Там каждый сам себя охраняет. Чеченцы никогда не вели захватнических войн, никогда не посягали на свободу другого народа, никогда не захватывали ни одного вершка чужой земли, но свою

защищали от чужеземных захватчиков самоотверженно. На их землю приходили татаромонголы, тимуровские орды, но чеченцы не покорились им. На их земли совершали набеги дагестанские, кабардинские, черкесские, кумыкские, ногайские, калмыцкие феодалы, но чеченцы изгоняли их.

Когда началось завоевание Кавказа Россией, чеченцам пришлось нелегко. Грузия, раздираемая феодальной междоусобицей, разорённая турецкими и персидскими набегами, добровольно присоединилась к единой России. Азербайджанские ханы, оказав русским войскам короткое, слабое сопротивление, покорились русскому царю. Царские генералы, используя метод кнута и пряника, покорили кабардинских, черкесских, осетинских, кумыкских, дагестанских, ногайских, калмыцких феодалов. Разумеется, вместе с подвластными им народами.

Такой метод не подходил к вольным, воинственным чеченцам. Россия вынуждена была применить по отношению к ним вооружённую силу. Первые военные походы в Чечню русские совершили в июле 1721 году. Затем последовали систематические карательные экспедиции: в 1722, 1732, 1747, 1757, 1758, 1760, 1770, 1774, 1783 годах, которые сопровождались уничтожением десятков аулов.

В начале 80-х годов XVIII века Россия приступила к последовательной колонизации Чечни. В 1785 году чеченский народ во главе с шейхом Мансуром поднялся на борьбу против завоевателей, которая продолжалась 80 лет. После пленения и смерти шейха Мансура борьбу эту возглавили известные на Кавказе и за его пределами Бейбулат Таймиев, Абдул-Кадыр и Магомед аль-Майртуп. В 1831 году Бейбулат погиб от руки наёмного убийцы, посланного русским командованием.

Шамиль прекрасно знал, что после убийства Бейбулата Чечня осталась обезглавленной. Знал, что тот, кто сумеет объединить этот многочисленный и воинственный народ в один кулак, будет управлять мощной силой. В глубине души он лелеял мечту объединить вокруг чечен-

всего народа всех горцев, создать могущественное исламское государство, которое могло бы дать отпор любому завоевателю, будь то с севера или с юга.

* * *

ГРМОЛОВ А.П.: - Эти чеченцы - сильнейший и опаснейший народ. Живет в состоянии совершенного равенства, не признает никаких между собою властей, а потому и независимость. Сверх того, ему вспомоществуют и соседние народы. И не потому, что они любят чеченцев и не ненавидят нас, а из боязни, что чеченцы, попав под власть русских, повлекут и их за собой под тяжелую русскую коммандитуру. Что там Кабарда? Конечно, кабардинцы своими носными шалостями вызывают на бой, но я должен пока их терпеть, ибо занят гораздо опасными злодеями - чеченцами. При укусе змеи жало комара не так уж и чувствительно. Спокойствие и безопасность в крае могут быть тогда, когда будут заняты земли по правому берегу нижнего течения Терека. Это они, чеченцы возмущают весь Кавказ. Проклятое племя! Общество у них не так многолюдно, но чрезвычайно умножилось в последние несколько лет, ибо принимает к себе дружественных злодеев всех прочих народов, оставляющих землю свою после совершения каких-либо преступлений. И не только. Даже наши солдаты бегут именно в Чечню. Их привлекают туда совершенное равноправие и равенство чеченцев, не признающих в своей среде никакой власти. Эти разбойники принимают наших солдат с распростёртыми объятиями! Так что Чечню можно назвать гнездом всех разбойников и притоном наших беглых солдат. Я этим мошенникам предъявил ультиматум: выдать беглых солдат, или мщение будет ужасным. Нет, не выдали ни одного солдата! Приходилось истреблять их аулы. Сего народа, конечно, нет под солнцем ни гнуснее, ни коварнее. У них даже чумы не бывает! Я не успокоюсь до тех пор, пока своими глазами не увижу скелет последнего чеченца в Ставропольском музее!»

ПАСКЕВИЧ И. Ф.: - Нет сомнения, что мелкие владельцы скорее могут быть покорены обещанным им врагами. Но покорение вольных племён, ни от какой власти не зависящих, представляется большой трудностью. Одна лишь мысль - лишиться дикой вольности и быть под властью русского коменданта - приводит их в иступлённое бешенство.»

ДУБРОВИЧ Н. Ф. «- В мирных чеченских аулах находили радушный приём все преступники, и нигде не было так много беглых наших солдат, как в чеченских аулах. Приняв магометанство, многие из них женились, обзавелись хозяйством и при всех хищнических набегах на линию бывали лучшими проводниками чеченцев. Все чеченцы пользуются одинаковыми правами и составляют класс узденей, без всякого подразделения на сословия.»

БЕРЖЕ А. П. : «- У чеченцев нет тех сословных подразделений, которые составляют характер обществ, европейски организованных. Чеченцы в своём замкнутом кругу образуют собою один класс - людей вольных между ними. Мы все уздени, говорят чеченцы, и это выражение должны понимать в смысле людей, зависящих от самих себя. В образе жизни между зажиточным и бедным чеченцем почти нет никакой разницы: преимущество одного перед другим выражается в одеянии, более же всего в оружии и лошади.

До Шамиля духовенство в Чечне далеко не пользовалось тем значением, каким оно вообще пользуется на мусульманском Востоке. Стоя по образованию выше народа и имея в своих руках всю судебную власть, оно там имело всегда сильное влияние на общественное управление. В Чечне же, жители которой всегда были плохими мусульманами и где обычай и самоуправство решали почти все дела, духовенство не имело подобного влияния. Ничем особенным не отличаясь от толпы, оно пришло в упадок, и до появления Шамиля было бедно и невежественно. В знании грамоты заключалось единствен-

ное преимущество, какое имели чеченские муллы над остальными прихожанами... Особыми же правами они не пользовались и находились в полной зависимости от мирлы. Кадиев в Чечне было немного, потому что избрание их требовало от жителей единства, которое трудно было установить между ними...»

ОБЪЕДИНЕНСКИЙ М. Я.:— В образе внутреннего управления между чеченцами существует тот же порядок, как они управлялись при своих праотцах. Как тогда, так и теперь, у них не существовало никаких сословных подразделений. Не было ни князей, ни старшин или почётных людей, пользующихся особыми правами и преимуществами, или ограниченными властью. Между чеченцами все были равны.

По образованию чеченца заключается в изустном затверждении текстов Корана, однако и таких людей между чеченцами немного, даже муллы не твёрдо знают Коран и толкуют его тексты вкривь и вкось, чаще же всего по своему усмотрению, или в свою пользу... Чеченцы не любят нововведений, а придерживаются старины. Так Шамиль, несмотря на своё старание, не мог укрепить в них любовь к шариату, как учению, основанном на Коране, потому что они до сего времени придерживаются адата — закона, основанного на правах и обычаях.»

* * *

С одним словом, у чеченцев нет власти, правления, правительства, организованности, единства. Даже грамотных религиозных деятелей. Темнота, невежество, анархия. Каждый чеченец считает себя князем, не хочет подчиняться другому чеченцу, не хочет повиноваться другому чеченцу. Вследствие этому такому вредному принципу, они приглашали к себе праситеров из абардинских, черкесских, кубанских, аварских феодалов. Щедро оплачивая их «труд» выдавая им на вечное владение до 5000 десятин самых лучших, самых плодородных равнинных земель. По тому же принципу не пошли за шейхом Мансуром, который разгромил русские войска под чеченским аулом Алды.

Шейх вынужден был уехать из Чечни к закубанским горцам. Именно в силу этой черты своего характера в мае 1825 года чеченцы избрали своим имамом не знаменитого чеченца Бейбулата Таймиева, а неизвестного аварца Магому Кудатлинского. Главным образом потому, что чеченские муллы были тёмными, малограмотными в Чечню приезжали чужеродные религиозные авантюристы и шарлатаны, которых здесь почитали и возвеличивали как святых. На самом же деле они были такими же невежественными и безграмотными, как и их чеченские коллеги. Чечня всегда была раем для всяких чужеродных преступников, авантюристов, шарлатанов, за которыми слепо следовал чеченский народ-анархист и которые вели его на смерть.

Потом, ближе узнав характер чеченцев, мудрый Шамиль скажет: «У чеченцев нет возвышения, на которое они поднимают своих героев и мудрецов, и нет ямы, куда бросают своих преступников».

МУХАМЕД-ТАХИР аль-КАРАХИ: « - Ночью на третий день они подготовились к бегству. Дольше скрываться в пещере просто не было возможности. Кончились припасённые продукты питания. Кроме того, им надоело без дела сидеть здесь в темноте, в сырой каменной пещере.

Для перехода на ту сторону Койсу у них был единственный путь - соорудить мостик, перекинув брёвна над ущельем. Бревна они заготовили заранее. Но этот переход в двадцать локтей был очень опасен. Малейшая неосторожности человек мог упасть в бездну ущелья Койсу. Между тем ночь была светлая, ярко светила луна.»

Завязали верёвку к одному концу бревна и осторожно приподняли его. Стараясь не шуметь, положили на край левого берега. Проверили бревно на прочность, оно шаталось. При переходе человека бревно следовало придерживать.

Шамиля не на шутку беспокоил переход по шатающемуся бревну. При малейшем движении рана отдавалась болью по всему телу. Вдобавок, надо было перенести и

раненного сына. Это было крайне опасно. Шамиль боялся не за себя. Имам боялся лишиться последнего сына. Когда кончилась подготовка к переправе, он обратился к товарищам:

«И не смогу перейти с сыном на руках. Кто перенесёт моего сына?»

Никто не ответил. Ни просьбы, ни угрозы не подействовали. Даже обещание круглой суммы денег не помогло. Шамиль взял Гази-Магому на спину, осторожно ступил на бревно. В молодости он был отличным бегуном, плясуном и канатоходцем. Эти навыки, все еще не утраченные, помогли беглецу-имаму.

Поступок товарищей был равносителен предательству. А ведь они были его самыми верными мюридами, которые помогли ему вырваться из окружения. Значит, они тоже люди ненадежные. Шамиль наивно думал, что когда три дня назад они с боем выходили из окружения, товарищи бились за него, чтобы спасти своего имама. ОказываетсЯ, они спасали только себя. Теперь Шамиль потерял веру в них. Если нагрянет беда, они, не моргнув глазом, оставят его...

Хорошенько подумав, имам все-таки немного смягчился. Ведь никто не хочет умирать. Тем более принести себя в жертву другому. Когда в Хунзахской мечети Шамиль оказался под угрозой смерти, сам он, недолго думая, поставил под нож товарища, чтобы спасти свою жизнь.

Беглецы незаметно перешли на ту сторону ущелья Койбу и к восходу солнца очутились напротив Гимри. Шамиль с грустью смотрел на аул, где он родился, где прожил его детство и молодость. На аул, который теперь был стал врагом. По правде говоря, и Шамиль не оставил у себя никаких приятных воспоминаний о себе. Кем он был для них? Сыном беспобудного пьяницы Донага-Магомы, который зарабатывал кусок хлеба пляской на свадьбах. Достаточно было одним его издевательств над гимринскими женщинами и убийства своего аульчанина Улдуна.

Вдруг Шамиль увидел на том берегу Койсу большую группу вооруженных людей. Нет, они не были похожи на воинов Ахмат-хана аль-Сахали и Хаджи-Мурата аль-Хунзахи, которые преследуют его от самого Ахульго. Нет, это точно не они. Шамиль оставил их далеко позади. Ну и ну! Да это же его гимринцы!

Заметив беглецов, гимринцы зашевелились. Они стали размахивать саблями, кинжалами, всадники гарцевали на конях. Несколько человек сняли из-за спины ружья и выстрелили в их сторону. Пули ударились о камни над головами беглецов и падали к их ногам.

- Да подохнут у вас ишаки, бессовестные собаки! - громко выругался Шамиль. Вскочив на каменный выступ, он левой рукой выхватил саблю из ножен и стал размахивать ею. - Эй, вы, гимринские шлюхи! Я не буду называть себя сыном Донага-Магомы, если в скором времени вот этой левой рукой, вот этой саблей с Божьей помощью не отрублю ваши вшивые головы! Передайте то же самое этим сукам, Ахмет-хану и Хаджи-Мурату!

* * *

Шамиль стремился в Чечню. Он сторонился больших дорог, обходил аулы и шел все больше горными тропами. Без воды и пищи. Вот уже двое суток во рту у беглецов не было ни капли воды. На их пути не было ни родников, ни ручейков. А приближаться к воде они боялись. Более того, было опасно идти одной группой, всем вместе. Беглецы разбились на три группы, Шамиль шел в третьей, а Гази-Магома в первой, на спине у Салиха. Когда стало совсем невмоготу, Шамиль отправил за водой двух повстречавшихся им аварцев, предварительно заплатив им крупную сумму денег. Кувшин с водой передавался от последней группы к первой, при этом каждый делал всего несколько глотков. Хотя утолить жажду так и не удалось, но эти несколько глотков прибавили им сил.

Когда первая группа остановилась на отдых, подоспел и Шамиль. После выпитой воды настроение беглецов

несколько улучшилось. Один только семилетний Гази-Магома уныло сидел на камне в стороне от всех.

— Нога сильно болит? — Спросил у него Шамиль.

— Нет.

— Тогда почему ты такой унылый? Или вода не утолила твою жажду?

— Я ее вовсе не пил...

— Как не пил? Почему?

— Они не дали мне ни капли. Сами все выпили, а пустой кружкой выбросили в пропасть.

Имам окинул мюридов свирепым взглядом. Каждый был занят своим делом. И разговор имама с сыном, и его свирепый взгляд их совсем не беспокоили. Юнус лежал на спине и сподил за орлом, парящим высоко в небе. Нур-Али и Муртаза ковырялись в своих лохмотьях, уничтожая вшей. Худикатил чинил разорванную черкеску. Муса чистил ружье, а Салих и Химат отдыхали, прикрыв глаза.

Сначала у Шамиля возникла мысль изрубить их всех на куски. Но ее пришлось отогнать — он не смог бы в одиночку одолеть их. Они тоже горцы, сил и смелости у них ни чуть не меньше.

«Ни во мною, с имамом, не посчитались, ни друг друга не постеснились. Беззащитного ребенка оставили без воды», — думал имам. — Собаки! Однажды я напомню вам этот день! — поклялся он в душе. А в том, что Шамиль исполнит свою клятву, сомневаться не приходилось. Но лицо имама оставалось спокойным. Он был вежлив с каждым, умел скрывать за маской непроницаемости гнев, радость или звериную жестокость.

Шамиль взял сына и посадил себе на плечи. Голова обессиленного Гази-Магомы клонилась набок.

— Моей головой отжалелся... — произнес он слабым голосом.

— Наоборот, ты еще потерпи еще немного. Скоро мы доберемся до места. Тогда я накормлю тебя чуреком и водочки напьюсь тобой.

Имам уверенным шагом пошел вперед.

ства не вывезены, все имущество и скот оставались дома. Когда солдаты врывались в дома за убежавшими чеченцами, женщины встречали их с кинжалами в руках, яростно бросались на них и погибали на штыках. Я слышал от солдат и офицеров, что в начале боя много солдат получали раны от женщин, ибо не решались колоть их: но когда увидели, что они «за правду дерутся», то уже не разбирали пола врагов. Я видел вне дома лежащую молодую чеченку, с окровавленным кинжалом в руках.»

Первым чеченцем, с которым встретились беглецы, был старик лет семидесяти. Он вырубал могучие чинары на склоне горы, расчищая поляну под посевы.

- Ассаламу алейкум! - приветствовали старика беглецы.

- Ва алейкум ассалам! - ответил старик и поздоровался с каждым за руку, внимательно заглядывая им в глаза.

Узнать аварцев не трудно. Они отличались не только своеобразной одеждой, но и обликом. Но больше всего их выдавал характерный акцент.

- Вы аварцы? - спросил старик.

- Да, мы аварцы, маарло, - ответил Муса на ломанном чеченском языке.

- Куда вы путь держите? Что заставило вас прийти в Чечню?

- У нас война, голод. Идём к вам за кукурузой.

- У нас существует поговорка: «кто бежал от воды, попал подводную мельницу». У нас тоже война. Мы тоже живём не сладко.

- Расскажите мне, что стало шейхом Шамилём? У нас здесь ходят слухи, что он погиб на войне, знамя ислама и газавата пало...

- Имам Шамиль на погиб, он жив и здоров, - сказал Муса.

- Ты видел его своими глазами? - голос старика дрогнул. Муса понял, что старик им не враг.

- И ты его видишь, нохчо.

Старик вытаращил глаза и удивленно посмотрел на Мусу. Рыжее, обросшее лицо, обвислые усы, кустистые густые брови, красные маленькие глаза - всё это не похо-

дило на образ шейха, который старик создал в своём воображении.

Нет, Шамиль не я, - засмеялся Мусса. - Вон тот, который идёт впереди. Старый чеченец прибодрился, спина его выпрямилась, лицо засветилось.

Шейх Шамиль! - вырвался у него дрожащий крик, из глаз хлынули слёзы.

Шамиль понял всё. Именно здесь и сейчас решается его судьба, его будущее в Чечне - счастье и несчастье, победа или поражение. Шамиль приостановился и обернулся. Лицо его приняло совершенно другой облик. Теперь это был облик святого. Печальный, благочестивый.

Что тебе, раб Божий? - спросил он старика.

Старик бросился к нему, заплакал, крепко обняв Шамиля.

Да хранит тебя Всемогущий, Милостивый, Милосердный Аллах! - говорил он сквозь слёзы. - Когда пришла весть о твоей гибели, о том, что знамя газавата попало в руки неверных, печаль объяла наши леса и горы...

Муса переводил слова старика.

Если бы я действовал не по воле Всевышнего Аллаха, так и случилось бы, старик. - Шамиль похлопал его по плечу. - Когда Аллах отвернётся от своего покорного раба, только тогда и наступит моя смерть. А теперь будь нашим проводником.

И старый чеченец, словно пятнадцатилетний мальчик, шустро побежал вперёд

* * *

Чеченцы приветствовали Шамиля, прибывшего в Чечню под их защиту. Первым был Датах. Здесь беглому имаму оказали тёплый приём, забили в его честь быка. В Дат-Тахе Шамиль провёл три дня. В Беное задержался несколько дольше. Здесь произошло радостное событие: молодая жена Патимат родила ему сына. Беноевцы преподнесли своих соседей даттаховцев. В день нарекания мальчика именем, они забили несколько голов крупного рогатого скота, совершили религиозные обряды. Так в

ства не вывезены, все имущество и скот оставались дома. Когда солдаты врываются в дома за убежавшими чеченцами, женщины встречали их с кинжалами в руках, яростно бросались на них и погибали на штыках. Я слышал от солдат и офицеров, что в начале боя много солдат получали раны от женщин, ибо не решались колоть их: но когда увидели, что они «за правду дерутся», то уже не разбирали пола врагов. Я видел вне дома лежащую молодую чеченку, с окровавленным кинжалом в руках.»

Первым чеченцем, с которым встретились беглецы, был старик лет семидесяти. Он вырубал могучие чинары на склоне горы, расчищая поляну под посевы.

- Ассаламу алейкум! - приветствовали старика беглецы.

- Ва алейкум ассалам! - ответил старик и поздоровался с каждым за руку, внимательно заглядывая им в глаза.

Узнать аварцев не трудно. Они отличались не только своеобразной одеждой, но и обликом. Но больше всего их выдавал характерный акцент.

- Вы аварцы? - спросил старик.

- Да, мы аварцы, маарло, - ответил Муса на ломанном чеченском языке.

- Куда вы путь держите? Что заставило вас прийти в Чечню?

- У нас война, голод. Идём к вам за кукурузой.

- У нас существует поговорка: «кто бежал от воды, попал подводную мельницу». У нас тоже война. Мы тоже живём не сладко.

- Расскажите мне, что стало шейхом Шамилём? У нас здесь ходят слухи, что он погиб на войне, зная ислама и газавата пало...

- Имам Шамиль на погиб, он жив и здоров, - сказал Муса.

- Ты видел его своими глазами? - голос старика дрогнул. Муса понял, что старик им не враг.

- И ты его видишь, нохчо.

Старик вытаращил глаза и удивленно посмотрел на Мусу. Рыжее, обросшее лицо, обвислые усы, кустистые густые брови, красные маленькие глаза - всё это не похо-

дило на образ шейха, который старик создал в своём воображении.

Нет, Шамиль не я, - засмеялся Мусса. - Вон тот, который идёт впереди. Старый чеченец прибодрился, спина его выпрямилась, лицо засветилось.

Шейх Шамиль! - вырвался у него дрожащий крик, из глаз хлынули слёзы.

Шамиль понял всё. Именно здесь и сейчас решается его судьба, его будущее в Чечне - счастье и несчастье, победа или поражение. Шамиль приостановился и обернулся. Лицо его приняло совершенно другой облик. Теперь это был облик святого. Печальный, благочестивый.

Что тебе, раб Божий? - спросил он старика.

Старик бросился к нему, заплакал, крепко обняв Шамиля.

Да хранит тебя Всемогущий, Милостивый, Милосердный Аллах! - говорил он сквозь слёзы. - Когда пришла весть о твоей гибели, о том, что знамя газавата попало в руки неверных, печаль объяла наши леса и горы...

Муса переводил слова старика.

Если бы я действовал не по воле Всевышнего Аллаха, так и случилось бы, старик. - Шамиль похлопал его по плечу. - Когда Аллах отвернётся от своего покорного раба, только тогда и наступит моя смерть. А теперь будь нашим проводником.

И старый чеченец, словно пятнадцатилетний мальчик, шустро побежал вперёд

* * *

Чеченцы приветствовали Шамиля, прибывшего в Чечню под их защиту. Первым был Датах. Здесь беглому имаму оказали тёплый приём, забили в его честь быка. В Даттах Шамиль провёл три дня. В Беное задержался несколько дольше. Здесь произошло радостное событие: молодая жена Патимат родила ему сына. Беноевцы превозносили своих соседей даттаховцев. В день нарекания мальчика именем, они забили несколько голов крупного домашнего скота, совершили религиозные обряды. Так в

Беное впервые увидел свет Магомед-Шафи, будущий генерал-майор русской армии.

Но появление на свет сына не рассеивало туман, который окутывал сердце гимринца. Выбирая Чечню как место своего убежища, Шамиль преследовал ещё одну цель: с помощью воинственных чеченцев снова поднять в горах знамя газавата. В глубине сердца он лелеял и другую мечту. Кто знает, может с помощью чеченцев ему удастся вернуть себе имамство в Дагестане. А может, кто знает, он станет и имамом Чечни и Дагестана. Ведь пути, предначертанные Аллахом, неведомы никому. Пока же он вполне доволен ходом событий. Те чеченцы, которые приходят приветствовать его, податливы, как воск. Они твёрдо уверены, что он святой шейх. Вернее, так думает стадо, но отнюдь не пастухи. Здесь судьбу народа вершат не ханы и беки, как в Дагестане, а смелые, мужественные военные предводители. Двое самых известных из них сидят сегодня рядом с ним. Шоиб аль-Цонтарой и Джоватхан аль-Дарго. Первый известен своим умом и безграничной храбростью. Кроме того, в некотором смысле он и алим. Отец хотел, чтобы он стал муллой, и заставлял его учиться в медресе, которое он окончил с отличием. Однако, сын не желал быть муллой и пошёл по другому пути. Военному. Был ближайшим соратником Бейбулата. Не будь он чеченцем, народ давно провозгласил бы его своим имамом, святым шейхом или кем-нибудь ещё.

Джоватхан аль-Дарго тоже известен в Чечне как смелый и мужественный человек. Служил офицером в русской армии в Кизляре, знает русский язык и русские обычаи. Когда русские начали войну против чеченцев, он вернулся в родной аул Дарго, встал в ряды защитников родины.

Шамиль хорошо знает их обоих. Они не раз помогали ему усмирять восставшие аварские аулы, приходили на выручку, когда на него наседали русские генералы. Почему-то не показывается Ташав-Хаджи, хотя и живёт не далеко от Беноя.

Да и эти двое не торопятся высказать свои мнения, не смотря на все жалобы Шамиля на свою несчастную судь-

бу, на угрозу, нависшую над правоверным исламом. Шамиль открыто говорил о своих неудачах в Дагестане, об их последствиях.

- Знамя териката и газавата, которое в Гимрах выпало из рук Гази-Муллы, с Божьей и вашей помощью я снова поднял в Дагестане, - говорил он. - Но в Дагестане я не нашёл крепкой, надёжной опоры. На каждом шагу - предательство и измена. Царь гяуров подарил аварцам знамя за их верную службу, за усердие в борьбе против Гази-Муллы. А после эти же кафиры ополчились и против меня. Одни пошли за ханами и беками, продались неверным. Другие стоят в стороне, равнодушно взирая на то, как гяуры уничтожают мирные аулы и людей, грабят жилища и уводят в плен женщин и детей. Чтобы потом поддержать победителя. В Ахульго погибли все мои верные соратники и мюриды. Там похоронено и моё имя. Там пало знамя ислама. И вот я остался один, как дерево с обрубленными ветками и корнями.

Стройный и подвижный Шоиб-Мулла, склонив свою красивую голову набок, поглаживая рукой коротко стриженую бороду, смотрит на Шамиля своими жгучими чёрными глазами из-под мохнатых бровей. Тонкие губы из-под закрученных чёрных усов еле заметно улыбаются. Шамиль не выдержал его острый, пронзительный взгляд, и уставившись в землю, начал перебирать янтарные четки.

Шамиль мало знает Шоиба-Муллу, но наслышан о нём. Говорили, что отец Шоиб-Муллы был благочестивым мусульманином, славился своей учёностью и даже совершил дважды паломничество в священную Мекку. Он сам дал начальное образование сыну, а потом отдал его на обучение лучшим богословам в Ичкерии, после чего тот стал самым образованным молодым муллой в Чечне. Однако, как бы ни старался отец, сын не пошёл по его стопам. Отец с раннего детства приметил необузданный нрав сына. « Со временем из него выйдет ужасный разбойник» - не раз говорил он. И действительно, предсказание его в какой-то степени сбылось. По окончании учёбы Шоиб покинул родительский дом и долгое время ски-

тался по Чечне. До Цонтароя доходили слухи о том, что их односельчанин стал предводителем наездников, совершающих набеги на казачьи станицы за Терекком. Вскоре пришли вести о том, что он стал ближайшим соратником Бейбулата, принимая самое активное участие в войне против русских. Наконец, после убийства Бейбулата Шоиб вернулся в Ичкерия, присоединился к Ташав-Хаджи, острому уму и отчаянной смелости сделался правой рукой Саясанского шейха.

И вот теперь эта отчаянная голова, этот смельчак, сменивший богословские книги на острую саблю, сидит перед Шамилём. Молодой, гордый, самонадеянный.

« Да, в Чечне мне опасен не только Ташав-Хаджи, возможно, Шоиб-Мулла не менее опасен. А может и более. Он ведь алим. К тому же по храбрости и отваге он подобен льву, а постремительности - соколу.»

Джоватхан на вид добродушный человек. Круглое лицо, голубые глаза. Рыжие борода и усы с золотистым отливом.

- Хотите, свяжите меня и сдайте русским генералам. Они объявили за мою голову большие деньги... - вызывающе сказал Шамиль.

- В Чечне людьми не торгуют, Шамиль! - сурово сказал Шоиб-Мулла. - Слышал ли ты когда-нибудь, чтобы чеченец выбил стул из-под ног человека, приговорённого к смертной казни, чтобы чеченец согласился стать палачом или предавал гостя? Ваши князья научили вас вешать людей, отрубать им головы, торговать людьми, издеваться над себе подобным. У нас такое не проходит. Здесь каждый защищает свою честь лезвием своего кинжала. Здесь все князья.

- Если вы все князья, кто снимает с вас обувь, держит стремя, когда вы садитесь на коня?

- Благородный человек свою обувь снимает сам, а коней наших обслуживают молодые люди. А гостей, будь они нищие или князья, мы почитаем одинаково.

- Поэтому я и пришёл к вам в поисках приюта и убежища, - сказал Шамиль, переводя разговор в другое русло. -

И Дагестане для меня нет пристанища. Даже в родном Гимри. Свою жизнь и свою честь я вверяю Аллаху и вам...

Шамиль глубоко вздохнул. Как бы то не было, Джоватхану стало жалко бывшего имама Дагестана, которого лишили родины и вынудили искать приют на чужбине. Подобавок у него убиты жена, сын, дядя. Другой сын в руках русских.

— Не падай духом, Шамиль, пути Аллаха неведомы. Захочет Он, и дела ваши поправятся. Новых друзей и соратников ты приобретешь в Чечне! — твёрдо сказал Джоватхан.

Шамиль облегчённо вздохнул...

* * *

Хотя встреча с чеченскими предводителями в какой-то степени сняла тяжесть с сердца Шамиля, горькие мысли не покидали его.

— О чём ты думаешь, имам? — спросил его Юнус

Из соотечественников с Шамилём остались только семь человек. Более или менее верные ему. Шамиль не смеет доверять им свои мысли. Полного доверия уже нет. Особенно после того, как они отказались перенести маленького Гази — Магому по бревну над ущельем Койсу и обделили его водой. Настали такие времена, когда вчерашние верные друзья в одночасье становятся предателями и врагами. Но и скрывать свои мысли от всех подряд тоже невозможно. С кем-то все равно надо советоваться. Выбор Шамиля пал на Юнуса. Он человек мудрый, много повидал в жизни. Кроме того, Юнус не раз бывал в Чечне, знает чеченский язык, обычаи, характер, нравы этого народа.

— Горные чеченцы приняли меня хорошо, — произнес имам, глубоко вздохнув. — Их предводители дали слово защитить меня. Однако неизвестно, как со мною поступят плоскостные чеченцы? А ведь по численности их намного больше. Да и своих предводителей у чеченцев достаточно. Ташав-Хаджи, Шоиб-Мулла, Удди-Мулла, Домбай, Оздемир, другие...

Юнус облегчённо вздохнул и засмеялся.

- Об этом можешь не беспокоиться, имам. По воле Всевышнего Аллаха всё завершится благополучно. Корни плоскостных чеченцев находятся здесь, в горах. Если ты сможешь укрепиться здесь, в Ичкерии, вся Чечня окажется в твоих руках. Те, кто знает чеченцев только понаслышке, думают, что они какие-то злые, жестокие, вероломные люди. Это неправда. Истоком всех их бед является свободолюбие. Чеченец не любит зависеть от кого бы то ни было. Он не хочет подчиняться чьей бы то ни было власти. Вот почему они почти сто лет непрерывно воюют против гяуров. Тот, кто жил среди них, знает их как добродушных, милосердных, отзывчивых, честных, верных слову людей. В то же время они по-детски наивны, очень доверчивы. Верят любым сказкам. Угрозами от них ничего не добьёшься. Не отступят даже перед смертью. Например, все горские народы привыкли жить под гнётом князей, ханов и других угнетателей. Рабски терпят гнёт, унижение, оскорбления, издевательства. Никакого сопротивления. У чеченцев не было князей, ханов, никакой власти. Поэтому каждый чеченец считает себя князем, то есть свободным человеком, независимым ни от кого. Если кто посягнет на его честь и достоинства, чеченец сам расправится с обидчиком. Какое бы общественное положение тот ни занимал. Будь он ханом, князем, царем, шейхом, кем угодно. Какому бы большому тейпу он не принадлежал. Мудрые люди у чеченцев не в почете. Для них главное - это мужество, храбрость, отвага. Из-за этой черты характера среди чеченцев не прекращаются распри, кровная вражда. Каждый чеченец хочет быть главным, первым, и никто - вторым, подчинённым. Не хотят уважать, почитать и беречь мудрых, мужественных людей из своей среды, поэтому у этого народа нет единства, нет власти, которая могла бы объединить его, установить хоть какой-то низам в стране.

Шамиль внимательно слушал Юнуса, не пропуская ни одного слова.

- Говорят, что пятьдесят лет тому назад, когда гяуры вторглись в Чечню, народ восстал против захватчиков и

разгромил их армию. Восстание возглавлял шейх Мансур. Рассказывают, молодой имам был мудрым, мужественным, благочестивым человеком. Уже через год имя шейха Мансура гремело в Дагестане, Кабарде, Черкессии, Адыгее, и горцы начали стекаться под его знамя для борьбы против завоевателей. А чеченцы отrekliсь от своего генерального соплеменника... В дальнейшем он вынужден был скитаться в странах кабардинцев, черкесов, адыгов...

Значит, выходит так, что я повторяю судьбу Мансура?

Ну, а как они поступили в наше время со знаменитым Бейбулатом, известным не только в этих горах, но и в Грузии, Персии, Турции? Лет пятнадцать тому назад чеченцы собрались, чтобы избрать себе имама. Участники съезда, особенно алимы, высказались против избрания Бейбулата имамом.. Собравшись повторно, чеченцы избрали имамом Чечни Магому, аварца из аула Кудатлы. Итого лишь потому, что он не чеченец. Вознесли они до небесных высот и ныне живого Ташав-Хаджи. Опять-таки потому, что он тоже не чеченец. Одни говорят, что Ташав-Хаджи чеченец, другие утверждают, что он кумык. Потому что в Эндерей-ауле живут и чеченцы, и кумыки. А мудрый Ташав-Хаджи не говорит из какого он племени. Знают, если он скажет, что он чеченец, его непременно выпроводят. Или в Чечне останется никем. Ещё один отличительный характер чеченцев - они не боятся смерти, ибо с детства привыкли встречаться с ней ежечасно. Им плевать на князей и царей. Считают их такими же людьми как они сами. Не выше и не ниже. Эти люди, имам, боятся только загробной неизвестности. И потому почитают только алимов, верят каждому их слову. Одним словом, тот, кто хочет установить в Чечне свою власть, управлять этим народом, должен быть не только мудрым, храбрым и хитрым, но и обладать глубокими религиозными знаниями. Вдобавок ко всему, в характере чеченцев есть очень хорошие черты: им чужды жестокость, они очень милосердны, добродушны, верны своему слову, дружбе, также чужды им вероломство, предательство, измена. Сердца у них открыты, как у малолетних детей.

Рассказ Юнуса успокоил Шамиля.

- Меня не удивляет отношение чеченцев к шейху Мансуру и Бейбулату. Точно так же и со мною поступили наши аварцы. Потому и говорят издревле, что ни один человек на своей родине не стал пророком. А я лишь простой смертный, покорный раб Аллаха.

Мудрость, мужество, характер человека раскрываются не за один год, даже не за десятилетие. Иногда человек умирает, так и не успев проявить их. Характер, нрав человека проявляется в определённых условиях, ситуациях, в беде в радости.

Бог не обделил Шамиля мудростью, мужеством, волей, терпением и другими высшими качествами. Они постепенно, понемногу проявлялись у него в последние десять лет. Первой ступенью испытания была оборона Гимры. Второй - недолгое бремя имамства, наконец, третьей - Ахульго. Таких ступеней испытания впереди у него будет много. Вся его последующая жизнь будет состоять из нескончаемой череды таких ступеней.

После беседы с Юнусом мозг Шамиля начался лихорадочно работать.

Сражаясь вместе со своим другом и учителем Гази-Муллой под знаменем газавата против гяуров и их местных холоуев, Шамиль не задумывался над масштабом угрозы, надвигающейся на горы. Он знал только, что царь гяуров жесток, и враг он ислама. Будущий имам Чечни и Дагестана не мог объективно оценить силу и могущество царя гяуров, не представлял себе истинных размеров его огромной страны. Думал, что он сможет одолеть гяуров и их приспешников силой даже одних аварцев. Не задумывался даже над тем, что чеченцы, численностью несколько раз превосходящие аварцев, уже десятилетиями воюют с гяурами, но конца этой войны не видать. О том, что малочисленные, разноязычные, разнохарактерные, плюс ко всему еще и разобщенные народы Дагестана смогут выстоять против могущественных гяуров, не могло быть и речи. Кроме того, дагестанцы, живущие в каменистых горах, где земля ценится на вес золота, где почти нет

собственного земледелия, не смогут прожить без чеченского и кумыкского хлеба. Генерал Ярмол же, наоборот, прекрасно знал это. Лет пятнадцать тому назад он прикрыл все дороги из Дагестанских гор на плоскость, отрезав аварцев от внешнего мира. Они не могли продавать свои ремесленные изделия, покупать хлеб, идти на заработки. В горах наступил голод.

Гяуры постепенно проникали в горы, по отдельности подавляя сопротивление горских народов. В Чечню, Дагестан, Кабарду, Черкессию, Адыгею. Начали с чеченцев. Постретив с их стороны решительное сопротивление, гяуры решили пока оставить их в покое и переключились на малочисленные народы, которые всячески поддерживали чеченцев. Гяуры изгоняли горцев с плодородных равнинных земель, загоняли в каменистые горы, на занятых же землях возводили военные укрепления и расселяли казаков. Теперь они готовят удар по Чечне. Если гяуры покорят чеченцев, остальные горские народы навсегда лишатся крепкой опоры в борьбе против завоевателей. Тогда им придётся навсегда проститься со свободой. Исчезнет правоверный ислам, не станет народных обычаев и традиций. Горцы станут гяурами. Будут поклоняться их божеству, есть свинину...

Шамиль не должен этого допустить. Народ, лишённый свободы, - мёртв. Народ, лишённый веры, - мёртв дважды. Чтобы не допустить ни того, ни другого, народы должны воевать за свою свободу, за победу ислама. Подняться на священную войну. Не в одиночку. Все вместе. Объединившись в один могучий кулак Во имя свободы и религии.

Однако, как объединить против гяуров разноплеменные, разноязычные, разнохарактерные горские народы? Для этого требуется глубокая мудрость и огромная сила, а пока у Шамиля нет ни того, ни другого. Да и единомышленников надо собрать. Мужественных и верных. От каждого горского народа. Шамиль все свои надежды возлагает на Всевышнего. Он даст ему и мудрость, и мужество, и волю, наставит его на истинный путь. Истинный же путь уже давно указан всем правоверным в Коране и Сунне. Только надо неуклонно следовать этому пути.

Никаких надежды на Дагестан у Шамиля уже нет. Дагестан - это сплошные каменные горы и ущелья. Там живут десятки малочисленных народов. У каждого свой язык, обычаи, традиции, нравы, характер. Их разделяют высокие горы. Каждый живёт своей жизнью. Никакого военного опыта. Из-за отсутствия плодородной земли не занимаются земледелием. Нет лесов.

Вся надежда на Чечню. Там благодатная земля, густые леса, закаленные в войне с гяурами храбрые, искусные воины. У них свои военные предводители. Это свободный народ, он не подчинится никакой власти, никогда не помирится с гяурами, с их властью, с царями. У них нет ханов и князей, которые могли бы продать или предать их.

- По-твоему, Юнус, выходит, что это неуправляемый народ.

- Ты имеешь в виду чеченцев?

- Да... Свобода тоже бывает разной. Свободные страны и народы - это те, что находятся под справедливой властью, где действуют справедливые законы, которые неукоснительно соблюдаются каждым человеком в отдельности и народом в целом. Но народ, у которой нет власти, законов и порядка, который не хочет или не умеет уважать и беречь своих мудрых, мужественных, благородных соплеменников, не может быть свободными. Он всегда будет находиться под внешней и внутренней угрозой. Каждый человек в отдельности и народ в целом. В такой стране вечно будет существовать несправедливость. Крупный, сильный род будет притеснять малочисленный, сильный - слабого, богатый - бедного. И объединённая шайка богатых станет, в конце концов, угнетать остальной народ. Такой народ никогда не будет сплочённым и свободным, в такой стране не будет согласия и благоденствия. Такой народ будет всегда зависеть даже от меньшего по численности народа, у которой есть справедливая власть и законы, единство и согласие. Если судить по твоим рассказам, чеченский народ поражен губительным недугом.

С одной стороны ты, конечно, прав, имам, - произнес Юнус после долгого молчания. - Идеального народа в мире никогда не было и не будет. Да, чеченцы довольно разобщенный народ. Но когда на них надвигается внешняя опасность, междоусобные распри, вражда в миг забываются, и чеченцы объединяются, как ни один другой народ. Да, со своими соплеменниками они не считаются, а чужака носит на руках, сажают себе на шею. Они боятся, что свой человек, раз дорвавшись до власти, никогда уже не отпустит ее. Да ещё расплодит себе подобных, как это происходило у соседних народов. И потому для правления они приглашают в Чечню ханов и князей из соседних народов. Инкоринцы приглашают аварских ханов и кумыкских князей, западные чеченцы - кабардинских и черкесских князей. За труды вознаграждают их зерном или землёй на пожизненное пользование. Если приглашенный хан или князь им не по нраву, выгоняют его пинком под зад.

«Выходит, у чеченцев нет возвышения, на которое они поднимают своих мудрых, мужественных и благородных людей, и ямы, куда бросают своих преступников, - думал Шамиль. - Мне придётся восполнить это пробел. Главное - они храбрые и верные люди. Остальное приложится. Аллах поможет мне в этом благородном деле».

ТОМИКЕВ В Н « - Чеченцы издавна представляли из себя народ вполне свободный от всех социальных форм. Народ этот идеально - демократический, он не имел ни каких сословий, ни князей, ни дворян, ни духовенства как сословия и вполне патриархальный демократический режим царствовал во всём. Вообще, чеченец умственно развитый, физически крепкий, закаленный с детства в годе и молодечестве, представлял идеал воина-охотника, и если бы в начале XIX века нашёлся цемент, способный сплотить сынов Чечни в одно политическое тело, вероятно, страна эта надолго отстояла бы свою самостоятельность».

После разгрома Шамиля в Ахульго русское правительство решило, что с Дагестаном покончено раз и навсег-

да. На Западном Кавказе дела шли успешно. Как утверждал генерал Ермолов, горские народы всячески поддерживали чеченцев, зная, что если чеченцы попадут в зависимость к русским, то и им не миновать этой участи. Теперь наступила пора нанести решительный удар по Чечне.

Установление российского управления в Чечне кавказская администрация поручила генерал-майору Пулло. Бравый генерал дело начал с обложения Чечни контрибуцией. Дань он брал не деньгами, а только оружием. Чтобы раз и навсегда сломить сопротивление чеченцев, с каждого десяти дворов брали по одному заложнику и одному ружью. Рядом с чеченскими аулами возводили военные крепости и закладывали казачьи станицы. Временно прерванную ермоловскую тактику покорения Чечни возобновили с новой жестокостью.

ПУЛЛО « - На все весьма значительные издержки по управлению горцами, на жалованье приставов, на содержание вооруженной стражи для них, на содержание аманатов употреблялось ежегодно до 20 тысяч рублей ассигнациями, а на содержание приставской стражи употреблялось до 20 тысяч рублей серебром в год, которые взымали с чеченцев. Набеги производил я преимущественно осенью и зимою, когда леса с опавшими листьями представляют менее препятствий для войск. Собирая более или менее значительные отряды скрытно на том или другом пункте, быстрым ночным переходом делал по 50 и более верст в сутки, являлся я неожиданно перед изумленным населением самых отдаленных аулов и, по степени вины населения, или истреблял оно, или довольствовался наложением пени, взыманием аманатов и арестованием наиболее виновных лиц.»

МУХАММЕД-ТАХИР аль- КАРАХИ: « - Еще до прихода Шамиля в Чечню русские обложили чеченцев подушной податью в 1 рубль и обезоружили их через десятый на одиннадцатый. Упорно ходили еще слухи, что неверные собирались лишить женщин панталон также через десять саклей на одиннадцатую. Поэтому чеченцы с большой

радостью приняли Шамиля. Приходили даже обласканные гурами чеченцы. В знак того, что они навсегда и бесповоротно порывают с гурами, чеченские офицеры срывали свои погоны, кресты, бросали их на землю, топтали ногами.»

ГАДРКИ-АЛИ: « - После 12-ти часового штурма русские закрепились в укреплении. Шамиль с семейством и семью приверженцами спустился по обрыву на берег Койсу и скрывался там под скалою три дня, оттуда на четвертые сутки бежал ночью в Чечню. Пять месяцев он сидел в Гарашках, как заброшенная, никому ненужная тряпка.»

БЕРЖЕ А.П. « - Тревожный слух о скором обращении чеченцев в податное сословие взволновал их и в 1840 году вынудил обратиться к Шамилю. Это было вскоре после падения Ахульго, откуда разбитый наголову имам бежал и очутился в самом бедственном положении, не имея на себе даже черкески и скитаясь из одного аула в другой, пока сами чеченцы не отыскали его в Шуэти, где предложили ему, как чужестранцу, сделаться главою их вооруженного восстания. Но Шамиль, хорошо зная народ, с которым он имел дело, и будучи уверен в его непостоянстве и своеволии, не вдруг согласился с предложением. Наконец, после продолжительных переговоров, он прибыл в Урус-Мартан и изъявил согласие принять управление над Чечнею, но не иначе, как на условии, чтобы чеченцы дали ему наперед присягу в строгости выполнять все устанавливаемые им законы и порядок управления».

ИСТОП А. « - Тихо догорал памятный Кавказу 1839 год. На горизонте, по-видимому, не было ни одного облачка: на северо - уничтожен грозный оплот Шамиля - Ахульго; разгромлены последовательными ударами горские скопища; имам, бесприютный, отвергнутый почти всеми дашкестанцами, один спасся в Чечне и, казалось, должен прожить навсегда с заманчивой мечтою о власти и влиянии в горах... но затем восставшая Чечня свалилась на нее снег на голову, и описываемый год является в веренице годов долголетней кавказской войны началом возрас- тающего могущества Шамиля... На черноморском побе-

режье наши дела быстро поправлялись, неожиданные события на левом фланге кавказской линии перевернули все наши расчеты: до сих пор покорная нам Чечня вдруг подняла голову, а бесприютный бродяга - Шамиль - ничего не значащий человек в глазах генерал-адъютаната Граббе, ловко воспользовался этим, сумел одним махом уничтожить все плоды экспедиций 1839 года.»

После падения Ахульго, Шамиль, как уже известно нам, спасся бегством и поселился с семьей в шатоевском или шубутовском обществе в урочище Гарашкиты. При нем находились только семь преданных мюридов и конюх...

Тогда, доведенные нашими неумелостью и злоупотреблением до крайности, чеченцы решили предложить имаму, как чужестранцу, стать во главе их вооруженного восстания. Депутация за депутацией от разных обществ Малой Чечни начали являться к Шамилю, прося его принять (приехать) руководить ими. Хитрец - имам уклонялся от предложенной ему чести, говоря, что у него мало товарищей и что, наконец, всё это ему ужасно надоело.»

* * *

Восставшие чеченцы нуждались в предводителе. Только не в своём, не в чеченце. Им нужен был человек, который не останется на их шее навсегда. Такой, которого, покончив с русскими, можно будет выкинуть из Чечни.

Таким человеком чеченцам казался Шамиль, который в качестве гостя кочевал из одного аула в другой, но зорко следил за всеми событиями, происходящими в Чечне. Готовый участвовать в них в любой роли - от рядового воина до предводителя.

Случилось именно то, что Шамиль предвидел и что ждал с нетерпением. Чеченцы обратились к нему с просьбой возглавить их вооружённое восстание. Но Шамиль хорошо знал чеченцев. Они не терпят над собой ничьей и никакой власти. Свободолюбивые, своевольные, вспыльчивые, как порох, мужественные и отважные, не думающие о последствиях своих поступков. Шамиль никогда не забудет, как с ним вероломно поступили его авар-

цы. Теперь он стал более умным, более осторожным. Потому он заставил чеченцев долго упрашивать себя. Не дал согласия до тех пор, пока их женщины не пришли с челобитной. Больше того, заставил старейшин аулов Малой Чечни поклясться на Коране, что они будут верны ему до самой смерти. Затем он заявил старейшинам:

— По вашей просьбе, во имя Аллаха и правоверного ислама я согласен быть вашим имамом. Но с одним условием. Вы должны поклясться на Коране на верность мне и кроме того, каждый из вас должен дать мне в аманаты по одному сына.

Старейшины приняли условия Шамиля.

Раньше Шамиль был третьим имамом Дагестана, но не Чечни. Теперь он стал вторым имамом Чечни, но не Дагестана.

Чеченцы являются самым многочисленным народом в северной части Кавказа. И страна их расположена в самом сердце этой части. Каменистый, бесплодный Дагестан по чета Чечне. Здесь земля плодородная. Это страна зерна и фруктов. Короче говоря, дагестанцы извечно кормятся чеченским хлебом. Особенно аварцы. Они на ослеках привозжат в Чечню продавать свои ремесленные изделия и покупать зерно. Привозят сюда ювелирные, гончарные изделия, оружие, кузнечные и столярные инструменты. То, кого бог обделил ремесленными талантами, работали в Чечне чабанами, пастухами, строителями. Многие ходили по дворам просить милостыню. Короче говоря, дагестанцы извечно жили на чеченском хлебе. Теперь Шамиль с помощью чеченских войск и чеченского хлеба подчинит себе Дагестан. Отомстит свиньям, которые помогли Фезе, Граббе и другим генералам гяуров.

Темными мыслями был занят Шамиль в сакле Шаабана аль-Шубути из Чобакинской. Уже за полночь. Только что разскакались по своим аулам приглашенные Шамилем чеченские старейшины. Остались хозяин дома Шаабан, военоназначенные наибы Шоиб аль-Цонтарой и Джоватхан аль-Дарго. Третий наиб Шамиля Ахвердил-Магома, находится в малой Чечне. Он по происхождению армя-

нин, с младенческих лет вырос в чеченской семье, у него чисто чеченский характер. В малой Чечне он готовит приёму Шамиля. Шамиль с нетерпением ждёт дня, когда он во главе чеченских войск войдёт в Дагестан. Но сегодня у него нет таких возможностей. Единственное, что у него имеется - это титул имама. И имамом его признали только чеченские старейшины. А они ещё не народ. Любой чеченец, которого оскорбит нечаянно сказанное Шамилем слово, может отрубить ему кинжалом голову. И никто его не накажет. Ведь в Чечне нет никакой власти. Кроме того, почему-то до сих пор не показывается Ташав-Хаджи. Это тревожит Шамиля. Может он сам хочет быть имамом? Правда, Ташав-Хаджи помогал ему когда он был имамом Дагестана. Да и Шоиб-Мулла и Джоватхан, другие чеченские предводители помогали ему покорить мятежные аварские аулы. Тогда Ташав-Хаджи считал себя главным предводителем в Чечне. Может быть, ему не нравится растущая популярность Шамиля?

- Глубокопочтимые мною Шоиб-Мулла и Джоватхан, - нарушил имам тишину. - Среди горских народов чеченский народ отличается изысканным гостеприимством, верностью дружбе и данному им слову. По всем правилам я являюсь вашим гостем, больше того, человеком, которому вы предоставили убежище. От вас зависят моя судьба и моя жизнь...

- Шамиль, почему ты так часто повторяешь одно и то же? Наши бячки дали тебе слово и этого достаточно.

- Вы же знаете, дагестанцы совершили по отношению ко мне вероломство...

- Знаем, имам. Но мы не дагестанцы, тем более - не аварцы.

- Они изменили не только мне. Они изменили исламу, общим интересам горцев. Мой первый приказ будет таким.

- Мы слушаем, имам.

- Если мы хотим успеха в нашем деле, в первую очередь должны покорить и наказать Дагестан. Для осуществления этой цели мы имеем два пути. Первый - лишить

их чеченского хлеба. Второй – наши острые сабли. По второму пути мы пойдём, когда у нас накопятся силы. А пока пойдём по первому. Всякого аварца, пришедшего в Чечню, собирайте. Отберите коней, ослов, всё, что у них имеется с собой. Если придут сюда люди учёные, лишайте их жизни.

МУХАМЕТ ТАХИР аль-КАРАХИ: « - Согласно этому приказанию, у всех выходцев из Аварии, Анди и Гумбета, являющихся в Чечню за кукурузой, отбирались выючные лошади, ослы и оружие.»

* * *

Шамиль носил на плечах умную голову. Он до тонкости знал характер этих заносчивых чеченцев. Поэтому и начал свою деятельность с глухого уголка Чечни - в горном Чеберлое. В Ичкерии у чеченцев свои собственные главары. Хотя и не совсем ладающие между собой. Есть и вполне богословы, хотя и далеко не совершенные в своих познаниях. К тому же ичкеринские чеченцы живут у границ Дагестана, хорошо знают дела своих соседей, они могут и не поддержать его. А что касается того, чтобы основать свою резиденцию на плоскости, по соседству с русскими крепостями, об этом и речи быть не могло.

Свою первую резиденцию Шамиль определил в западной части Чеберлоя. Там он собрал вокруг себя верных муртазоев, готовых выполнить любой его приказ, и заставил их принести присягу на верность имаму... С этим отрядом он делал испытательные вылазки в ичкеринские аулы, принуждая их признать себя. Аулы же малой Чечни и повстанцами встречали своего имама.

Как и предвидел Шамиль, некоторые ичкеринские аулы действительно отказались признать Шамиля имамом. Например, Ведено и особенно Харачой. Но Шамиль, в назидание другим, примерно наказал бунтовщиков. Десятерью казнил, остальных рассеял в горах Дагестана.

Узнав, что избранный ими Шамиль становится в Чечне из него, дагестанцы ударились в панику. Андийцы, тин-

динцы, богульцы и другие дагестанские общины посылали к Шамилю депутации с челобитной. Они каялись в содеянном, клялись, что теперь будут верны Шамилю до самой смерти, просили простить их. Но Шамиль и близко не подпускал их к себе.

- Гоните этих паршивых собак! Чтоб глаза мои их не видели! - бушевал Шамиль. - Где они были, когда я поднял знамя священного газавата в защиту ислама и свободы нашего народа? Одни перешли на сторону неверных гяуров, другие стояли в стороне и равнодушно взирали на то, как их сородичи гибли в боях с неверными! Что? Раскаиваются? Поздно опомнились! Я приду к ним с моими храбрыми наибами Шоиб-Муллой, Джоватханом, Удди-Муллой, Оздемиром и другими. Я покажу им, кого они изгнали из Дагестана! Я покорю их с помощью сабель моих наибов! В первую очередь отрублю головы этим собакам - Ахмед-хану и Хаджи-Мурату!

Многие дагестанские депутатов возвращались домой, так и не решившись показаться на глаза разгневанному Шамилю. Они знали, что его угрозы не пустые слова. Когда Шамиль был имамом Дагестана, на помощь ему часто приходили те же Ташав-Хаджи, Шоиб-Мулла, Удди-Мулла, Джоватхан, Оздемир, Уммахан и другие. Дагестанцы хорошо понимали, что слова Шамиля подкреплены их отвагой.

Шоиб-Мулла, Джоватхан и Ахвердил-Магома с усердием выполнили первый приказ имама. Они до нитки обирали аварцев, приходивших в Чечню для торговли, закупки зерна, на заработки.

* * *

И верные наибы со своими отрядами разъехались по горам Дагестана с прокламациями Шамиля, в которых грозный имам обращался к дагестанским обществам с призывом:

« Мусульмане! Жизнь земная есть временное пребывание человека, она только указатель стези, ведущей путника к высокому Богу, ибо кто вошёл в сей свет и кто вы

шел из него, известно только единому Богу, и потому человек обязан слепо верить тайнам, ниспосланным ему свыше, и не может обследовать бедным умом своим. Не думаете ли вы, что убитые на войне за веру есть мёртвые? Нет! Они воистину живы перед Богом! Обитают и блаженствуют в раю, наслаждаясь всеми сокровищами, дарованными от Бога им за труды. Разве Бог обещает ту же награду и всем тем, которые последуют им без страха и печали, ибо Господь не лишает милости своей труды мусульман. Все принятое Богом будут приняты пророком Его, и получившие раны наследуют им. Принявшие долю в войне за Бога и веру не убоятся ни боли, ни страдания, ибо Господь ниспосылает на них это счастье как на избранных Его.

Убивайте всех тех, которые не приняли иман, не веруют в будущую жизнь и не удаляются от запрещенного Богом и пророком Его, а так же и тех, которые не следуют верно религии, объявленной им от Бога через пророка, истребляйте их беспощадно, ибо подданство и дань их есть противные Богу. Начавшие войну во имя Бога не могут быть равны с отступниками, уклоняющимися от принятия в ней участия! Господь не поведёт их путями блага, и потому все, держащиеся за иман, должны препираться с неверными силами, не щадя ни жизни, ни имущества, и вознестись себя в угодность Богу, тогда милость Его будет неисчерпаема как на земле, так и в будущем веке, где ожидают их райские успехи и сокровища, дарованные Богом в наслаждение праведных.

Воистину! Когда отымутся души от убегающих от участия в войне, тогда они будут опрошены ангелами: где вы были во время войны? Ответ их будет: мы не были в силах на земле! Тогда возгласит к ним ангелы: если вы не были в силах, то разве не обширны земли Божии, куда бы вы могли удалиться и свободно исполнить заповеди ваши! Но вы, несчастные, не исполнили завета Бога вашего и оставили себя од. Идите все туда на муку печную, ибо Господь Бог не наказует тех только, которые по дряхлости лет и по молодечеству не в силах были исполнить за-

поведанного Богом, они же чисты сердцем и Господь долготерпелив и многомилостив.

Кто оставит дом свой во имя Бога, по примеру пророка своего, и удаляясь от мест угнетения веры, умрёт на пути своём, то за труды и послушание Бог не оставит его, ибо Он щедр и правосуден».

Шамиль ликовал. Наконец-то наступил этот долгожданный час. Правда, он ещё не окреп. Но главное есть - он имеет крылья. Нет, он не пойдёт по стопам своих предшественников Гази-Муллы и Гамзат-бека. Гази-Мулла погиб со славой, но без пользы народу и исламу. Работал больше руками, чем головою. А Гамзат-бек? Пал жертвой легкомыслия, непростительной беспечности и неосторожности. Дурак из дураков! Нет, он, Шамиль пойдёт по другому пути. Он сумеет объединить стадо этих глупых горцев и управлять ими. Где силой, а где хитростью. Главное - не дать никому возвыситься до своего уровня. Даже до плеча.

Оставшись наедине, Шамиль взял чернила, бумагу, оточенный калам и, облокотившись на подушки, начал писать воззвание к чеченским старейшинам:

«... Если вы чистые мусульмане, то держитесь за своё слово по долгу присяги не предаваться неверным христианам, принятой вами. Когда будет время, выходите без остановки и малейшей опасности, куда вас потребую. Ей-богу, ежели вы моё слово и присяги своей не исполните, то тогда будете каяться на том свете, подобно неверным. Прошу вас приглашать своих людей и других, хотя бы и из их солдат.

Когда же получите от меня бумаги или словесное извещение через верных моих мюридов, в какое бы время не было, идите без всякой опасности. Сказываю вам, что как один Бог свят, так и моё слово свято. Я дал присягу на аль-Коране, до тех пор воевать с неверными русскими, покуда не будет снята с плеч моих голова. Повторяю вам, правоверные мусульмане, опять присягаю на аль-Коране, великим пророком Магомедом, ежели вы наставлению моему и присяге не поверите, то будете трижды

преданы, для удостоверения прилагаю собственную печать. »

Одних наивных, легкомысленных чеченцев Шамиль уже знает хорошо. Но зря он отказывался стать во главе их вооружённого восстания до тех пор, пока они не послали к нему в этой просьбой своих женщин. Чеченец никогда не встает на колени, кроме как в молитвах к Аллаху. Когда он вынужден обратиться к кому-нибудь с нижней просьбой, в крайний случае чеченец снимает папаху. А женщины обращаются с просьбой к мужчинам в очень редких случаях. Женщина у них — какая-то святая, неприкосновенная личность. Её нельзя оскорблять и унижать ни словом, ни делом. Человек, нарушивший этот закон, распинается головой.

Ольгинский М.Я.: « - Вообще нужно сказать, что у чеченцев женский пол пользуется несравненно большей свободой, нежели у их соседей. С пленницами, даже христианками, чеченцы обходились человеколюбивее и сострадательнее »

Ольгинский М.Я.: « - Сама свобода чеченских женщин во время междоусобиц и неприкосновенность их для злейшего врага, не свидетельствуют ли об уважении, которым они пользовались наравно с женщинами в Нацистской Германии? »

Вообще, чеченцы весьма целомудренны в отношении женщин, взаимные отношения молодых людей и девушек носят на себе характер уважения к женской стыдливости. Чеченцы никогда не позволяют себе не только коснуться, какнибудь девушку, но даже дотронуться до неё рукой, и в противном случае его ожидает всеобщее презрение.

Наша страна делает идущие планы. Этот легкомысленный народ он постепенно превратит в своё послушное орудие. С помощью шариата он уничтожит их обычаи, традиции, cementирующие чеченцев в единое целое. Заставит их иметь до четырёх жен. Шпионить друг за другом, деносить на соседа...

Дом Шаабана, в котором он жил с первого дня, как приехал в Чобаккинарой, опротивел имаму. Три недели тому назад дочь хозяина дома погибла, бросившись с высокой скалы в глубокое ущелье.

Не только в Дагестане, но и во всём мусульманском мире женщины не показывают лица чужим мужчинам. Чеченские женщины свободны от этого и многих других предрассудков. Они ходят с открытыми лицами дома и в общественных местах. Если в их семье нет мужчин, чеченская женщина имеет право наравне с мужчинами участвовать во всех общественных делах аула, при этом с правом решающего голоса. Если мужчинам всех мусульманских народов по шариату дано право иметь до четырёх жён, то по обычаю чеченского народа строго запрещено иметь более одной жены. Если человек без серьёзного на то основания, предписанного адатом, разведётся с женой, родственники жены требуют от него доказательства вины своей женщины. Часто в таких ситуациях дело доходит до кровной мести. Чеченки не сторонятся мужчин, но и не вмешиваются в мужские дела, не позволяют при себе говорить непристойности. Чеченская женщина свободна и горда, её честь и достоинство защищаются обычаями предков.

Шамиль раньше не видел дочери хозяина. Угощение гостям женщины носят только до порога, внутри помещения гостей обслуживают молодые мужчины. Шамиль не имел обыкновения гулять по двору. Поэтому и не видел до сих пор красавицу Зезаг*.

Шамиль сидел на нарах и, перебирая чётки, смотрел в окно. Случилось так, что дочь Шаабана именно в этот момент подметала двор. Шамиль был поражен красотой девушки. Стройная, как молодое деревце в пору весеннего цветения. Длинные, толстые чёрные косы до щиколоток. Белая, длинная как у лебедя шея. Чёрные брови в разлёт, веселое с румянцем лицо. Губы, только что сме-

*Зезаг - по чеченски - цветок.

павшие догвой цвот, напоминали спелые вишни. Шамиль никогда не видел более красивой женщины.

«Кто эта девушка?» – спросил он Шаабана, только что вошедшего к нему.

«Да эта наша шайтан**», – небрежно ответил тот.

«Сын твой дочь?» – изумился Шамиль.

У аварцев не считается позором просить руку дочери у отца, или руку сестры – у брата. У них в порядке вещей брак между двоюродными братьями и сёстрами, что, впрочем, одобряется и шариатом. У чеченцев всё наоборот: у них не только запрещен брак между двоюродными, троюродными братьями и сёстрами, но и между мужчиной и женщиной одного рода или одного тейпа. Мужчина не говорит о своей любви девушке в присутствии мужчин её рода. Это считается крайне неприличным. А о том, чтобы убеждать это с мужчинами её рода, не может быть и речи. В большинстве своём, ссора и вражда между чеченцами возникает и возникает именно из-за женщин.

Шамиль не был знаком с этой своеобразностью чеченских обычаев. Он не мог ни на минуту забыть красавицу. Наконец, однажды он поведал Шаабану о своих чувствах к этой дочери.

Шаабану потребовалось мобилизовать всю свою выдержку, чтобы не ответить имаму пощечиной.

«Разве можно говорить о таких вещах с отцом девушки?» – спросил он, с трудом подавляя свой гнев.

«Первому нет?» – Шамиль был спокоен и серьезен.

Эту девушку такое может сказать только последний подданный! Такие люди у нас запросто пишают головы или разрезают изнутри. Идобавок, у тебя есть жена, дети. По шариату, женщина не может выходить замуж за человека, у которого уже есть семья.

«В Коране и сунна ясно сказано, что запрещено и что дозволено мусульманину. При этом никак не определено, кто этот мусульманин – чеченец, аварец, араб или

**При посторонних людях о своих детях чеченцы говорят пренебрежительно.

турок. Правоверный мусульманин не имеет права жить по каким-то своим адатам, при этом пренебрегая шариатом. Ведь Али, двоюродный брат пророка Мухаммада, алай салам, просил у него руки его дочери Фатимы. И шариат разрешает мужчине иметь одновременно до четырех жен.

Шаабан растерялся.

- А вы, чеченцы, считающие себя истинными мусульманами, до сих пор живете по законам своего адата, которые в корне противоречат шариату. И пророк Мухаммад, алай салам, и все праведные халифы, Абубакар, Омар, Осман и Али, их последователи - имамы и эвлия, как покинувшие этот мир, так и живущие поныне, строго соблюдали и соблюдают законы шариата. Только вы, чеченцы, упорно продолжаете пренебрегать ими. Мы же с вами подняли знамя газавата, чтобы защитить правоверный ислам от неверных гяуров и их пособников - мунафиков, чтобы распространить и укрепить шариат среди горских народов. Потому вы, предводители чеченского народа, в первую очередь должны неукоснительно выполнять все требования шариата.

Шаабан на мгновение задумался, не зная, что ответить имаму. С одной стороны он боялся гнева Всевышнего, если откажется выполнить предписание шариата; с другой же стороны то, что говорит этот аварец, противоречило чеченским обычаям, по которым предки Шаабана жили не одну тысячу лет. В конце концов, обычаи предков взяли верх.

- Алхамдулиллах, я признаю единого Бога Аллаха, Его посланника Мухаммада, имамов и эвлия, аккуратно выполняю все предписания священного Корана и Сунны, остерегаюсь запрещенного шариатом. Однако, пользоваться или отказаться от дозволенного мне шариатом, это мое личное дело. Если дозволенное шариатом противоречит моему пониманию чести и совести, я имею полное право не воспользоваться этим. То, чего ты хочешь от меня, как раз и является таковым. Да, я правоверный мусульманин, но, прежде всего, я чеченец, вер-

нии обычаям своих предков, обычаям, которые ни в коей мере не противоречат шариату. Тот, кто живет в моем доме и ест мой хлеб, кем бы он ни был - шейхом, имамом или кем-либо еще - обязан уважать чеченские обычаи, хозяина дома и его семью. Но в твоем сердце поселились непристойные мысли, недостойные благородного и благочестивого мужчины. Кстати, к тебе, как к имаму, ежедневно приходит много народу, моя дочь в одиночку не управится с хозяйством. Кроме того, дом наш тесен для приема стольких людей. Я подышу для тебя в ауле более просторный дом, где ты будешь пользоваться большим вниманием.

В глазах Шамиля блеснул злой огонек, но имам промолчал. Он дождетсЯ своего часа.

* * *

Через несколько дней после ссоры с Шаабаном Шамиль устроили в новом доме с гостеприимными хозяевами. Проходили дни, но Шамиль не мог забыть дочь Шаабана. Творил он понапрасну, какую допустил непростительную ошибку, затворив с Шаабаном о его дочери. Надо было идти по другому пути. Хозяйка дома, в котором поселился Шамиль, подсказала ему, как нужно действовать, и сама взялась уладить дело. Прежде всего, надо уговорить девушку, а уже после этого засылать сватов, из самых уважаемых людей, к самому Шаабану.

Дочь Шаабана еще в раннем детстве потеряла мать, и потому девушка была очень привязана к сестре матери. Хозяйка дома, в котором поселился Шамиль, часто посещала и девушку, и ее тетю. По возвращении она говорила товарищам и в общении имаму, что девушка почти согласилась, а ее тетя рада иметь своим зятем такого благочестивого человека, известного шейха и имама.

Шамиль уже уверился, что дела его идут очень хорошо, и вскоре его порог переступит молодая жена. Но однажды хозяйка принесла трагическую весть - дочь Шаабана закончила собой, сбросившись с высокой скалы в ущелье.

НАРОДНОЕ ПРЕДАНИЕ

«Добродушной и мужественной женщиной была Баянт, сестра матери Зезаг. Но жизнь у нее не сложилась. Муж умер, оставив ее молодую, с двумя маленькими дочерьми. Вскоре распространившаяся в горах холера унесла и дочерей Баянт. Все еще молодая и красивая, Баянт даже не попыталась начать жизнь заново и одиноко состарилась в убогом, опустевшем доме. Не имея своих детей, всю нерастраченную материнскую любовь она щедро отдавала племяннице, с самого детства лишенной материнской ласки. Для Баянт она была единственной отрадой в ее одинокой жизни. И Зезаг не оставалась в долгу. Баянт для нее стала второй матерью, она была для девушки, может быть, даже больше, чем мать. Сокровенные тайны, которых она не посмела бы открыть даже матери, Зезаг смело доверяла своей тете.

С тех пор, как Шамиль поселился в доме ее зятя, в сердце старухи жила постоянная тревога. Эта тревога усилилась, когда к ней стала приходить хозяйка дома, в котором поселился Шамиль, известная сплетница Забу. В первые дни она рассказывала Баянт аульские сплетни, восхваляла красоту и добродетели Зезаг. После она все чаще заводила речь о Шамиле. И, наконец, однажды сообщила, что имам по уши влюблен в ее племянницу. Рассказывала, что Шамиль жить не может без Зезаг, и что он от своего имени послал ее засватать девушку.

Эта новость ошарашила Баянт и Зезаг. Теперь Баянт поняла, что так тревожило ее сердце.

- Но он намного старше Зезаг! - воскликнула она. - Да еще аварец. У нас же испокон веков не брали в свой дом аварских девушек, а уж выходить за аварца замуж... Об этом не может быть и речи!

- Разве мало девушек, которые выходили за мужчин, на десятки лет старше их, и при этом были счастливы? - отпарировала Забу. - А Шамиль не простой аварец. Он имам и шейх! Скоро станет падишахом Чечни и Дагестана.

- Но у него же, кроме всего прочего, есть жена и дети?

Разве можно выходить за мужчину, у которого уже есть жена и дети?

- Шамиль говорит, что у аварцев есть такой обычай. Да и шариат, говорят, разрешает мусульманину иметь до четырех жен.

- Подумайте, - сказала Забу на прощанье. - Я желаю вам только добра. Шамиль ждет вашего ответа.

- Забу, мы не можем одни решать такой серьезный вопрос. Я только тетка Зезаг, у нее есть отец. Я должна посоветоваться с ним. В конце концов, все решает он.

- Шаабан знает о чувствах имама к его дочери. Если Зезаг согласится, он не будет против.

Баянт поведала Шаабану о посещениях Забу. Возмущенный Шаабан строго приказал Баянт, чтобы она впредь близко не подпускала эту ведьму к ее дочери.

Когда Забу в очередной раз пришла к ней, Баянт заявила, что ни Зезаг, ни ее отец и слышать не хотят об этом браке. Забу стала угрожать.

- Смотрите, как бы вам потом не пожалеть о таком решении, вы совсем скоро будете локти себе грызть. Шамиль скоро станет самым могущественным человеком в этих горах. Падишахом Чечни и Дагестана. У него много воинов. Если Шаабан откажется выдать за него свою дочь, он запросто уничтожит его. Ведь Шаабан все время на выездах. На какой-то горной тропе с ним может случиться что угодно. А уж после этого Шамиль все равно возьмет Зезаг в свой дом. Если она не пойдет добровольно, сделает это силой. Не доводите дело до этого. Если Зезаг выйдет за Шамиля, она будет самой счастливой, знаменитой и могущественной женщиной в Чечне и Дагестане. В противном случае все вы можете погибнуть.

Ошущенная страхом Баянт попыталась уговорить Зезаг. Но девушка и слышать не хотела об этом браке.

- Нет, Зезаг, дерзкая, ведь этот аварец могущественный человек, он уничтожит твоего отца...

- Нет, дочь*, он не тронет отца...

- Как так?

- Я знаю, как поступить...

Но девушка так и не сказала, что собирается предпринять.

На следующий день Зезаг погибла...

У Баянт от постигшего их горя грудь разрывалась на части. Прервалась единственная нить, связывавшая ее с жизнью, ее память о единственной сестре.

Баянт поклялась отомстить за смерть Зезаг. Но как ей это сделать? Она стара, одинока. У нее нет брата, даже двоюродного, нет племянника. Единственный родственник - слепой Губаш. Смелый, мужественный, сильный, но глубоко несчастный человек. Надо посоветоваться с ним. Он поможет ей, несчастной женщине.

Баянт рассказала Губашу о причине смерти Зезаг. Тот ничего не сказал в ответ, но твердо решил убить Шамиля. Он знал, куда обычно ложится имам. Шамиль имел привычку разжигать огонь в очаге и спать перед этим очагом.

Но, к несчастью для Губаша, в ту роковую ночь имам изменил своим привычкам и лег спать не перед очагом, а на глиняные нары у стены. Эта маленькая, непредвиденная перемена привела Губаша к гибели.

А Мухаммад-Тахир аль-Карахи совершенно по-другому описал причины и смерть Губаша.

МУХАММАД-ТАХИР аль-КАРАХИ: «- По возвращении в Шубут Шамиль направился в Хири Химой в надежде завладеть там дорогой русских и перерезать ее. Ему также сообщили, что в этой стороне находится древняя мечеть, а в ней Коран, благодаря которому ни кто не может войти в эту мечеть.

Он выступил с товарищами. Когда он вошел в Чимакили Чобаккинарый, он увещал жителей и ласково с казал им: «Мы не возьмем от вас никакого имущества и никого не убьем. Если вы думаете присоединиться к тому, к чему присоединился весь народ, - и добро вам. Если же нет, то помогите нам уничтожить и прогнать этих русских, которые угнетают народ, порабащают свободных и обесценивают женщин.

Они согласились. Как раз в то время произошла стычка

между жителями одного селения и проходящими по селению войсками. Шамиль вернулся в это селение, успокоил их и примирил. А в этом селении имелся некий злой, сильный человек по имени Губаш. Он останавливал на дорогах людей, убивал или задерживал их и отбирал у них имущество. Жители требовали, чтобы его убили. Но Шамиль не хотел изменять ранее данному им слову (о том, что никого из них не убьет) и приказал выколоть глаза этому Губашу.

Выколос глаза, бросили его, связанного, в один из домов. Он был настолько силён, что семь человек не могли одолеть его и повалить для того, чтобы совершить это наказание, кроме как хитростью, дёрнув его за ногу. Шамиль с товарищами остановился в доме поблизости того дома, где был брошен Губаш. Когда они покончили с этим делом, наступило уже утро. Совершив предутреннюю молитву, Шамиль приказал страже быть бдительней и осторожней. Одного он поставил у дверей этого дома. Все улеглись спать. Шамиль спал на возвышении. И вот, когда он находился между дремотой и сном, он услышал какие-то звуки, похожие на лай собаки, когда её дразнят. Он крикнул расположившимся в глубине жилища товарищам, чтобы они вышли. В это время из дверей на них поднялся чоповок с обнажённым кинжалом в руке. Шамиль бросился на него. Те же, кто был в помещении, разбежались. С Шамилем там не было приближенных товарищей. Шамиль схватил руку с кинжалом, и завязалась борьба. У Шамиля не было никакого оружия. А время перед рассветом. Тогда он закричал товарищам: « Этот враг убьёт меня, у меня в руках нет оружия». А напавший прилагал все старания ударить кинжалом, сразить Шамиля.

Шамиль получил около двенадцати ран на теле и около семи порезов на животе под пупком. Кости его груди были поломаны, когда он придавил грудью голову врага. К нему бросился жезлан Шамиля Шаабан аль-Шубути, но был сражён и умер. Тогда Шамиль закричал, зовя по имени своего товарища храбреца Мааша аль-Зумси. Он бросился к ним, но тот сразил и этого. Мааш упал с глубокой

внутренней раной. Наконец Шамиль после длительной борьбы и упорного сопротивления повалил врага. Этот человек вцепился зубами в руку Шамиля, а Шамиль - в его голову, так что его зубы глубоко впились в кожу головы. Кроме того, руку противника, в которой был кинжал, он придавил ногой. В это время вошел Зирар аль-Шахади. Шамиль приказал ему вырвать из придавленной им руки кинжал. Попытавшись, тот сказал: «Я никак не могу вырвать его.» «Отруби ему пальцы, - приказал Шамиль, - и вырвешь!» Кинжал отняли, а сам злодей был смертельно ранен и брошен в яму вблизи дома. Умирая, тот что-то пробормотал. Говорят, что он спросил: «Ну, каковым ты меня нашёл?» Шамиль ответил: «Спросите его, а каковым он меня нашёл, несмотря то, что я был безоружен?» Затем Шамиль спросил своих товарищей: «Кто был этот нападавший?» Ему ответили, что это тот, которому выкололи глаза. «Посмотрите; - сказал Шамиль. - Действительно ли это он?» Оказалось, что это был он самый. Тогда Шамиль сказал: «Если бы я знал во время схватки, что это он, то было бы легче его убить.»

...От полученных ран Шамиль пролежал около двадцати дней, потом уехал, хотя раны его ещё не зажили».

В кратчайшее время в небе ярко зажглась звезда Шамиля. В Чечне русские войска одна за другой терпели неудачи. Мечты Шамиля сбылись. Теперь он крепко стал на ноги. Одна нога в Чечне, другая - в Дагестане.

Ранее он отдал приказ пришедших в Чечню аварцев обирать, отбирать у них коней, ослов, оружие, а учёных-алимов убивать. Приказ его был дан в спешке, в состоянии обиды на своих соплеменников. Чтобы возвратить под свою власть тех, кто продались гяурам. Теперь отношение к ним он изменил. Многих приласкал, приблизил к себе. Чтобы там и здесь укрепить свою власть. Расправами не решат всех проблем. Горцам нужны земля и свобода. Земли для них у Шамиля нет, а голодным людям, при том бесправным, имам не нужен. Но Шамилю нужна сильная власть. Чтобы держать в узде этих полудиких горцев. У него только одно средство объединить и подчинить их

своей воле, Религия, Ислам. Священная война против всех угнетателей. Неверных гяуров и их пособников.

До прихода русских ни Гази-Мулла, ни Гамзат-Бек, ни Шамиль, никто не посмел бы поднять руку на ханов и беков. Это было бы равносильно посягательству на законы гор. Тем более, шариат считает великим грехом посягательство на чужую собственность, перечить царям, князьям, ханам и прочим хакимам, которые правят народом по воле Всевышнего. Потому рядовые смертные не решались переступить предначертания алимов. Но алимы скрывали от народа самый главный завет Корана и сунны: если падишах и его хакимы нарушают заповеди Аллаха и пророка Мухаммада, если они жестоки и несправедливы по отношению к подвластному народу, тогда мусульмане не должны терпеть их, подчиняться им, они обязаны свергнуть таких правителей. Когда гяуры пришли в горы, люди начали нарушать устои шариата. Вопреки наставлениям ислама, ханы, беки и некоторые алимы начали принимать дорогие подарки от гяуров, присягать на верность царю нечестных.

Признание русской власти наносило сокрушительный удар политической и экономической основе мусульманского духовенства Дагестана, которое имело сильное влияние на народ. Поэтому оно первым выступило против колонизаторов, призывая народ к священной войне - джихаду. Одновременно эта борьба была направлена и против дагестанских феодалов, которые вступили в союз с колонизаторами. Разумеется, в это смутное время народ раскололся, вернее будет сказать, его раскололи. Были руганы в ряд все средства без разбора: подкуп, измена, угрозы, убийства и т. д. Но самая большая трудность в объединении народов Дагестана была в другом. Она заключалась в том, что здесь их было несколько десятков. У каждого свой язык, свои обычаи и традиции, свой характер и нравы.

В Чечне были совсем другие условия. Хотя чеченцы тоже делились на многочисленные тейпы, все же это был единый народ, с единым языком, общими обычаями, тради-

циями, характером и нравами. Шамиль не опасался, что чеченцы изменят ему, перейдут на сторону русских. Шамиль никогда не верил своим дагестанским наibaм Кибит-Магоме, Хаджи-Мурату и Дениел-беку и многим другим, они не прочь были сместить Шамиля и занять его место. Или, сговорившись с русскими генералами, продать им имама и Дагестан.

БУШУЕВ С. К.: « - В конце сороковых годов в лагере Шамиля организовались несколько групп, настроенных друг против друга и против Шамиля. Первая группа составлялась из людей солтанских и бекских фамилий. Заботясь лишь только о своих интересах, они готовы были за хорошую цену продаться русским. В эту группу входили бывший Елисуйский султан Дениел-бек, иногда к нему примыкал его зять, сын Шамиля - Гази-Магома. Правда, последний часто занимался тем, что мирил своего отца и тестя. Дениел-бек хотел любой ценой, даже ценой предательства, вернуть себе наследственный солтанат и полученные от белого царя и им же впоследствии лишённые чин генерал-майора русской армии и пожизненную пенсию. Или, если удастся, занять место имама. Поэтому он всегда был занят придворными интригами и заговорами. В Дарго и Ведено, которые были столицами имамата, у него было много друзей и сообщников. Он берег их на тот случай, если он попадёт в немилость имама. Тайком от Шамиля он вознаграждал их деньгами, собирал вокруг себя алимов, раздаривал мечетям ковры, переманил на свою сторону многих наibaов.

ЗИССЕРМАН А. Л.: « - В конце 1858 года Дениел-бек Елисуйский, главный помощник Шамиля, вступил с нами в переговоры, на счёт изъявления покорности и возбуждения восстания против имама в большей части Дагестана, причём выражал надежду, сам старший сын Шамиля, Гази-Магома, его зять, будет содействовать враждебным действиям против власти отца.

БУШУЕВ С. К. « - Хаджи-Мурат тоже рассчитывал выговорить у русского правительства себе максимальные привилегии вплоть до восстановления своего ханства в Аварии. Хаджи-Мурат пытался затмить собою Дениел-бека, и между ними также происходила острая борьба, которая крайне усложняла Шамилю ведение целого ряда операций против царских войск. Хаджи-Мурат был грабителем. Абдурамзан и Мухаммад-Тагир сообщают, что Хаджи-Мурат не столько вёл борьбу против царских войск, сколько мародёрствовал.

Против Шамиля раньше всех встал Кибит-Магома. Вокруг него образовалось несколько групп, которые вели борьбу с одной стороны, против Хаджи-Мурата и Дениел-бека, как будущих соперников, претендентов на пост имама, а с другой против Шамиля».

КРОВЯКОВ Н. С.: « - В 1856 году Дениел-бек и Кибит-Магома записывают переговоры с русским командованием в гадю. Часть наибов начинают даже поговаривать об убийстве Шамиля».

РУДНОВСКИЙ А.: « - В 1856 году Шамиль получил неопровержимые доказательства сношения Кибит-Магомы с русскими, через генерал-майора Агалер-хана Казикумухового. Вместо смертной казни, которая полагалась ему по законам Корана и шариата, Шамиль пригласил его в Дарго.

« У меня есть ясные доказательства твоей измены. Народ знает про неё и требует твоей смерти. Но я, уважая твой ум, твою учёность и престарелые лета, а главное, зная твоё упорное прилежание, не хочу исполнить волю народа в благодарность за твои услуги ему.

« Я так дал Шамилю, держал его около себя».

ЗИССЕРМАН А. П. « - В июне 1859 года Кибит-Магома послал депутацию в Эривань о покорности. Между тем задержал он у себя гостя Шамиля - Джомал-Эддина, главного проповедника мюридизма Аслан-Кадия Цудахарс-

кого. Приняв депутацию, Врангель немедленно двинулся к Андалал. Шамиль поскакал туда. Но на дороге жители Кунды напали на его личный обоз, отбили 32 вьюка с вещами и серебро. Другой раз на него напали килитлинцы, отбили 50 вьюков с вещами и 15000 рублей серебром».

Шамиль, бежавший из Чечни в своё последнее убежище - Гуниб, как только вступил на землю Дагестана, ограблен. Вовсю старался и объявленный наследником имама Шамиля его сын Гази-Магома. Правда, открыто в «придворные партии» он не вступал, но и против врагов отца тоже не боролся. Огромный вред наносила Шамилю и ненасытная жадность Гази-Магомы.

ГАДЖИ-АЛИ: « - Если бы можно было горцев выучить, как ишаков, и послать в лес за дровами, то это делал бы Гази-Магома. В ауле Гоцатл, где жил Гази-Магома, все доходы с полей и покосов не поступали в общественную казну, а оставались в распоряжении его».

АБДУРАХМАН: « - Аул Гоцатли похож был на рай: виноградные сады делают тень над домами, а под домами текут воды...»

Среди чеченских наибов не были ни предателей, ни изменников, никто из них не замышлял сместить Шамиля и занять место имама. За все двадцать лет войны в Чечне один единственный чеченский наиб Бота аль-Харачи перешёл на сторону русских, в знак протеста против несправедливой казни Шамилём его близкого друга. Конечно, среди чеченских наибов были интриги, распри, даже вражда, только между собой, но не против имама. Были случаи, когда чеченские наибы не выполняли приказы Шамиля, действовали самовольно, иногда даже на зло Шамилю, но он смотрел на это сквозь пальцы. Шамиль боялся численности чеченцев, их независимости от других народов гор, потенциальных возможностей их страны, их политических и экономических сил. Чечня была житницей

имамата, чеченские войска составляли ядро армии имамата, да и генералитет имамата в основном состоялся из чеченских наибов, наиболее опытных, талантливых и смелых. Имам хорошо понимал, что тот день, когда чеченцы оставят его, будет последним днём его власти и имамата.

КУБЛИЦКИЙ П.: « - Шамиль дорожил своей популярностью в Чечне, выслушивал жалобы простого и бедного народа и не щадил никого, если давлением на сильных мог удовлетворить слабых. Так он освободил трёх наибов в марте 1847 года».

ЛИССЕРМАН А.Л.: «-Как бы Шамиль не держался в Дагестане, как бы прочна не была его власть там, но раз он пишется Чечни - звезда его должна будет померкнуть. Это понимали лучше всего сами горцы».

ПЛАСТОВ Г. К.: « - Как только Шамиль потерял на северном Кавказе это тонкое и могучее оружие, каким являлся чеченский народ, все его походы не могли больше иметь успеха».

ФАДДЕЕВ Р.А.: « Чеченцы бесспорно храбрый народ в восточных горах. Походы в их земли всегда стоили нам кровавых жертв. Но это племя никогда не проникалось мюридизмом вполне. Из всех восточных горцев, чеченцы больше всех сохранили личную и общественную самостоятельность и заставили Шамиля, властвовавшего в Дагестане деспотически, сделать им тысячу уступок в образе правления, в народных повинностях, в обрядовой строгости веры. Шамиль никогда не доверял чеченцам и не считал их прочно укрепленными за собою. Распадение горского союза, основанного мюридизмом, всего скорее могло начаться в Чечне ».

В последние пятнадцать лет главные силы российской армии действовали в Чечне. После 74-летней упорной,

героической борьбы, 15 июля 1859 года обескровленная Чечня прекратила борьбу против могущественной России.

ФАДЕЕВ Р.А.: «-К концу управления князя Воронцова военные действия происходили исключительно на Чеченской плоскости. По плану главнокомандующего, самые обширные и трудные военные действия предстояли командованию Левого фланга (Чечни). Лесистая Чечня была классической страной неудач, чтобы не сказать поражений, которые мы испытывали от горцев, но покорение должно было начаться отсюда. Нашим войскам предстояло проникнуть вглубь этой страны. Здешняя местность была везде местностью ичкеринской и даргинской экспедиции».

ДУБРОВИН Н.: « - Бесплодная экспедиция в Дарго убедила, что необходимо занять сначала плоскости и предгорье, и, укрепив их, идти в глубину гор, что не горы Дагестана, а занятие плоскости Чечни служит ключом к покорению восточной части Кавказа».

Двадцать лет назад, преследуемый войсками гяуров и их пособниками аварцами, он бежал из Дагестана в Чечню, здесь нашёл приют и убежище. Теперь он бежал обратно, не задерживаясь в аулах, бежал в Гуниб, где он надеялся найти последнее убежище. Сначала Шамиль определил себе резиденцию в Килитли, но под давлением его жителей вынужден был бежать дальше.

Имам был похож на затравленного зверя, гонимого охотниками и гончими собаками. Имам чувствовал свой близкий конец. Лет двадцать назад у него были мечты и надежды. И они сбылись в Чечне. Будучи никем, в течении года он стал имамом Чечни, а затем и Дагестана. В течении первых десяти лет звезда Шамиля ярко сверкала над Чечнёй. С помощью чеченских наибов Шоиб-Муллы аль-Цонтерой, Джоватхана аль-Дарго, Юсуп-Хаджи аль-Алды, Талгика аль-Шали, Гейтемира и Уллуби аль-Аух, Исы аль-Гехи, Бота аль-Харачи, Минкаила аль-Шубуты, Атаби аль-

Тумсы, Исы аль-Гендергены, Эски и Саади аль-Мичика, Эдил и Эльдар аль-Ведено, Бойсангура аль-Беной, Са-ебдуппы аль-Гехи, Ботака аль-Шуани, Ботука аль-Курча-ли и многих других.

Они сделали Шамиля не только имамом. Возвели в ранг великого падишаха. В сан святого шейха. Одни почитали его потому, что он им был нужен, вторые глубоко верили ему, третьи боялись его жестокости и гнева. Последних было больше. Чеченцы клялись его именем. Называли его шейхом Шамилём, Дагестанцы называли его «великим Шамилём», а сына Гази-Магому - «великим сыном великого имама». Да, в течении двадцати лет он был падишахом Чечни и Дагестана. Правда, у него не было земли, богатств, военных сил, как у падишахов русских, турок или ингалсов, зато его слово здесь почитали как слово Божье.

Во время пятничных молитв и в религиозные праздники он устраивал в Ведено пышные шествия от своего дома до мечети и обратно. Церемония эта была разработана во всех деталях, раз и навсегда. Во главе процессии шествовал сам имам, одетый в синие или же белые одежды. За ним следовал его секретарь Амирхан, вслед - сыновья имама и все остальные члены его семьи. Шествие сопровождало огромное число мюридов и жителей с возгласами «ля-илляха иллялах». При его следовании в мечеть и возвращении домой люди становились тесными рядами по обе стороны улицы и пытались поцеловать его руки, подол одежды, кому это не удавалось, тот целовал землю, на которую он ступал ногой. Женщины протягивали ему детей, чтобы имам прикоснулся к ним своей рукой. Шамиль одаривал народ благосклонной улыбкой, в особые дни раздавал монеты, а в праздничные дни резал для них сотни голов баранов.

В своих личных и государственных интересах Шамиль часто без церемонии нарушал законы шариата или истолковывал их по своему личному усмотрению. Многие представители духовенства видели проделки имама, но помысливали в корыстных целях или, и таких было больше, боясь навлечь на себя гнев мстительного имама. Но на-

шло несколько представителей высшего духовенства, которые выступили против имама.

МАГОМЕТ-КАДИЙ АКУШИНСКИЙ: «-От Акушинского кадия Магомета Шамилю. Божий салам и Божья милость!

Ты, кажется, сбился с пути мусульман-суннитов и попал на путь хаваритов. Ты творишь наиболее безобразнейшее из безобразных вещей, ты проявил самые плохие стороны по пути ислама, ты создал в Дагестане бойню, о которой уши бы не захотели слышать и с которой мысли людей не согласились бы. Я не знаю, что тянет тебя к столь плохим действиям и что принуждает тебя идти на столь большие грехи. Ты разрешаешь убивать мусульман, проливать мусульманскую кровь, грабить их имущество, каковые вещи до сих пор запрещались. Путь мусульман, которому учили их на основе Корана великие имамы, ты отверг; все, что ты творишь, противоречит правильной линии пророка мусульман, творить все тебя научает шайтан. Ты не пророк, посланный Богом к людям для установления новых правил, Бог лучше знает, кого назначить пророком, кого нет. Возможно, что ты себя считаешь проводником Божьего дела и велием, но обязанности велия заключаются в том, чтобы заботиться о своей личности, чтобы признавать своего имама и религию, и чтобы вести себя умеренно. Ты не должен вмешиваться в народные дела.

Давать народу наставления можно в том случае, если последствия этих наставлений не окажутся плохими. Если же эти наставления вызывают среди народа беспорядки, то тогда народ нужно предоставить самому себе, распоряжаться им и ещё больше ухудшать его положение нельзя. Тебе самому хорошо видно, что беспорядки в Дагестане, война и вражда являются результатом твоих распоряжений. Дагестан не в силах воевать с русскими и изгнать их из Дагестана. Этого он не сможет даже в том случае, если все народы Дагестана душой и языком объединятся. И помыслить нельзя, чтобы бессильные смогли изгнать русских из Дагестана...»

В Чечне против Шамиля выступал мулла Сулейман-Эфенди, которого Шамиль вынудил покинуть родину.

СУЛЕЙМАН-ЭФЕНДИ: « - Шамиль весьма мало наблюдал за выполнением народом настоящих религиозных постановлений шариата, выдавая себя за последователя тариката, нарушает главные постановления его не сопровождать свои действия силою оружия. Кроме того, без всякого суда, основания и исследования истины, а так же веря клевете, приказывая своим палачам лишать жизни мусульман, обвиняемых в мнимых преступлениях, причём главную роль играет желание внушать страх другим, и тем упрочить светскую власть свою. Между тем в Коране сказано: если кто-нибудь с умыслом убьёт кого-либо из правоверных невинно, то его ожидает вечное адское мучение. Так же, в случае бегства преступника, имам подвергает изысканию и наказанию оставшихся родственников его, что противно шариату, потому что в Коране сказано: не похищайте и не присваивайте себе сиротских имуществ, потому что похитителей оных ожидает огонь и возмездие мусульман. В наказание за изъятие покорности и повиновения русским, Шамиль нападает на мусульман, умертвляет мужчин, берёт в плен женщин и детей, грабят жилища и имущество правоверных, а между тем Коран запрещает лишать жизни мусульманина, отнимать у него имущество. В первые времена Шамиль действовал проповедями и наставлениями, а теперь угрозами и внушением страха и, успев подчинить себе дикие племена, возбуждает их против русских, несмотря на данную ими клятву в покорности, тем подвергает их бедствиям войны».

Даже Давид-Бек-Эдди Казикумухский, будущий тесть Шамиля, выступил против него. Однажды после проповеди в мечети мулла он обратился к имаму:

ДАВИД-БЕК-ЭДДИ КАЗИКУМУХСКИЙ: « - Я строго запрещаю тебе поднимать оружие против русских, но ты не по-

слушался и, может быть, для собственной гибели. Но я и теперь советую прекратить войну. Если этого не хочешь, так, по крайней мере не забудь того, что теперь скажу. Да будешь ты проклят Богом и великим пророком его, если когда-либо ты или твои мюриды вздумают грабить мусульман, хотя бы покорных русским. Да будешь ты проклят, если сделался имамом не из чистой ревности к мюридизму, а из властолюбия и корыстолюбия. Да будут прокляты и те, которые окружают и слушают тебя не как истинные мюриды, а из жадности к добыче и кровопролитию или других видов».

Затем, Джемал-Эддин принял присягу на Коране от 200 человек - телохранителей Шамиля - в том, что они будут свято охранять имама и исполнять шариат, творить молитву пять раз, не будут увлекаться корыстолюбием, заниматься грабежом и разбоем...

Это было во второй половине сороковых годов. Когда Шамиль находился в зените славы. До того, когда он на съезде наибов в чеченском ауле Автуры объявил своего сына Гази-Магому наследным имамом. Это решение многие наибы встретили неодобрением. В основном дагестанские наибы. Среди них особенно выделялся Хаджи-Мурат, которого Шамиль не любил за его жестокость, алчность и коварство. Сколько раз имам делал ему выговор за его приверженность к грабежу и жестокости. Хаджи-Мурат жестоко наказывал даже женщин. Однажды к Шамилю с жалобой пришла куначка Залпа.

- Хаджи-Мурат отдал одному из своих мюридов мою дочь Хуризаду, без всякого обряда, совершаемого обыкновенно у мусульман при бракосочетании, - жаловалась Залпа. - Хуризада не соглашалась на предложение Хаджи-Мурата и была наказана 60 ударами плетью, а меня наказывали раз десять по 30 плетей каждый раз.

Хаджи-Мурат совершил один единственный поступок, которого Шамиль одобрил, правда, тайно. В тот же день, убив десяток хунзахцев, Хаджи-Мурат издал приказ, чтобы впредь его называли шахом, а Шамиля хункаром, то

есть султаном. Не исполнившим этот приказ угрожали разорением имущества и смертной казнью. Говорили, что приказ исполнялся аккуратно, но с душевною насмешкой.

Ослеплённый славой, Шамиль начал совершать ошибки и необдуманные поступки. Прежде всего, он ослабил контроль над наибями и членами своей семьи, которые начали злоупотреблять своим положением. Он совершал несправедливость по отношению к чеченцам, которых он незаслуженно, бездоказательно подозревал в неверности, что стало одной из главных причин его поражений и неудач.

По прибытию в Гуниб, совершив обеденный намаз, Шамиль уединился, охваченный тревожными думами.

Теперь он никто. Имам – одно только название. Пока, сегодня. Завтра, может, и этого не будет. Ведь теперь нет Чечни, чтобы воскресить его вторично. В течение двадцати лет она сражалась самоотверженно. Теперь сама лежит на последнем дыхании. В собственной крови. Огребленная. Истерзанная. Обугленная. Клубы чёрного дыма витают над ней.

Имам ударил в ладони. Вошёл муртазек из его охраны. Он не спрашивает, как обычно, « что вам угодно, великий имам? ». Может потому, что знает, что Шамиль уже не великий, а скоро перестанет быть и имамом. Может всё это отражается на его печальном лице. Что-то сегодня особенно отчётливо видны на его бледном лице маленькие морщинки, похожие на просяные зернышка. В последние дни его лицо исхудало, вытянулось. В бороде и усах, которыми он красил красным хном, появились седые волосы. Заметно сторбилась прямая спина. Он сидит на скамье, подперев голову. Как арестант, брошенный в зиндан. Сидит, втянув голову и плечи, закрыв глаза, в глубокой задумчивости.

« Пригласи Мухаммед-Тазира аль-Карахи! – приказал он.

Вскоро вошёл молодой человек, приятной наружности, неся под мышкой топтар и держа в руке глиняную чернильницу. Не дожидаясь разрешения, он сел у окна, от-

крыл чистую страницу тептара, взял в руку камышовое перо и посмотрел на имама.

- На чём ты остановился? - спросил имама. - Читай дальше.

МУХАММАД-ТАХИР аль-КАРАХИ: «-В начале 1276 (1859-60) г. генерал с огромным войском спустился с горы Андаля на равнину Тандуб. Страшное войско с их помощниками-отступниками проникло со стороны Ирганая на «малый мост» и перешло его. Затем мужчины Багуляля и Андаля доставили в Караты имама и тех, кто намеревался оставаться с ним, с его ценностями, солдатами, членами его семьи и наиболее ценным его имуществом. После этого они вернулись обратно и покинули имама. Затем наиб Кадий аль-Ишичали, по приказу имама, сжёг оставшееся на той горе снаряжение и уничтожил пушки. Ополченцы, особенно те, кто был товарищами имама в период процветания, разграбили богатства и имущество Шамиля, которое ещё осталось там на горе. Народ торопился к встречам с русскими с послушанием и повиновением. Они спешили к русским, особенно бывшие приближённые имама и те, кто были у него наibaми и возвеличенными. Затем Шамиль, его сын Гази Мухаммед и те, кто находился с ними, с их багажом и наиболее ценным имуществом ушли из Карати, с намерением подняться на плато Гуниба, а народ грабил их по мере своих возможностей.

Когда они достигли горы Ругж и Гувалья, то жители оказали им сопротивление. На вторую ночь имам и Гази Мухаммед с их семьями, среди битвы, сопротивления и грабежа их имущества, поднялись на гору Гуниб. С ними поднялись также некоторые товарищи, а семьи этих товарищей остались внизу. Некоторые же товарищи сами остались внизу, а семьи их поднялись. Остались в Гумалях вся казна имама, его казначей Хаджияв аль-Урути и большинство его солдат.

Однажды ночью казначей и те, кто были с ним из приставленных к пушкам солдат, Исбахай аль-Чиркави, наиб Дибир аль-Карахи и другие намеревались уйти в Ыриб, к

Дениэл-султану. С ними были Курбанил Мухаммед аль Бацадии, наиб Караяля со своими товарищами, среди которых были Хаджияв, сын Хаджи Дибера аль Карахи. Узнав об этом, мятежники трёх равнинных карахских селений собрались вместе, встретили этого казначея и тех, кто был с ним в лесу в долине Бизав, разграбили многочисленную наличность казны и драгоценное имущество.

Затем казначей и те, кто были с ним, остановились в селении Цуриб, там они пробыли около трёх ночей. Узнав об этом, Дениел-султан пригласил их в Карах. Здесь они остановились в селении Куруш у своего кунака кадия. Этот кадий отобрал у них все ценные книги...»

«Да накажет его Всевышний Аллах! - воскликнул Шамиль.

«... Затем в Куруш пришел с товарищами Муртади Али, брат Кибиды Мухаммеда аль-Тилики, он был наибом со стороны русских. Он забрал то, что было у них из казны, имущество и солдат и доставил всё это в Тилик. Начальник русских оставил всё это имущество и казну Кибиду Мухаммеду и Муртади Али, а солдат присоединил к своим солдатам. Казначей Хаджияв аль-Урути был посажен и просидел некоторое время».

Шамиль заскрежетал зубами. Прервав чтение, Мухаммед-Тахир посмотрел на него. Лицо имама пылало огнём.

«Дальше!»

«... И не осталось никакой крепости, кроме тех, которые сдались русским, и ни одного наива, кроме тех, которые сдались и склонились к русским. Даниел-султан сдал русским крепость Ыриб, со всем тем, что было в ней из снаряжения, пороху, снарядов, пушек, ружей и прочее, а сам с товарищами направился к генералу в Тандуб...»

«Довольно!» - от крика имама зазвенели присоленные к стене медная ваза и поднос.

На мгновение Шамиля охватила судорога. События последних дней бросали его то в гнев, то в уныние. Мухаммед-Тахир испугался, что с ним случится припадок,

быстро подал ему холодную воду в глиняной кружке. Шамиль отпил несколько глотков, успокоился, провёл рукой по усам.

В тот день Шамиль с грустью вспоминал верных чеченских наибов, которые всегда были ему надёжной опорой. Многих из них уже нет в живых. Славный Шоиб-Мулла, который не раз побил русских генералов, победитель ненавистного врага Шамиля генерала Грабе, погиб от рук своих легкомысленных, мстительных сородичей. В боях против войска князя Воронцова погибли славные наибы Жоватхан, Эдил и Эльдар. Позже в боях погибли Гойтемир, Уллуби, Удди-Мулла, Домбай. Оздемира убил засланный русскими бездомный кумык, которого приютили чеченцы. Чтобы отделаться от некоторых наибов, которых для себя считал опасным, Шамиль отправлял их в страну адыгов. Среди них был и ныне живой Мухаммад-Эмин. В последние десять лет имам часто поступал несправедливо по отношению к чеченским наибам. Смещал их, на их места назначал бездарных дагестанских наибов. Бывший русский офицер Бота аль-Хорачи был у него начальником разведки, там сказать, глазами и ушами имама. Несмотря на заступничество Боты, имам казнил его близкого друга, тогда он перешёл на сторону русских. Юсуф-Хаджи аль-Алды был правой рукой имама. Поверив клевете его завистников, Шамиль сослал Юсуфа-Хаджи на каторгу в Дагестан, оттуда тот сбежал к русским, где вскоре умер.

Те чеченские наибы, которые остались живыми до сегодняшнего дня, сражались против русских до последнего. Перед русскими генералами они сложили ещё дымящееся оружие и сабли с ещё не засохшей кровью. На службу к русским пошли только лишь два наиба. Саабдулла аль-Гехи и Дуба аль-Шуати. Правда, говорят, что те чеченские наибы, которые сдались гяурам, в том числе и храбрый Талгик аль-Шали, бессменный начальник артиллерии, Сааду и Эски аль-Мичик, молодой наиб Ботуко аль-Шуати и другие находились в свите князя Барятинского, когда он последовал в Ведено. Нет никого сомнения в том,

что дагестанские наибы, без единого выстрела, поголовно, с хлебом-солью встретят сардара.

— Почему, когда я попадаю в тяжёлое положение, наши дагестанские наибы вероломно изменяют мне? — тихо, с возмущением произнес Шамиль. — И в Гимрах, и в Ахульго, и когда сардар Воронцов с огромными войсками вторгся через Дагестан в Чечню? Сейчас тоже...

Мухаммед Тахир решил сказать имаму правду.

— Я не знаю, имам, какие чувства побуждали их изменять тебе. Подлость, трусость, малодушие или еще что-то. Но, изменяя лично тебе, дагестанские наибы спасали от гибели сотни аулов и десятки тысяч людей от бессмысленной смерти. Ты хорошо знаешь, что сказано в Коране по этому поводу: не кидайся в руки смерти. Да и пророк Мухаммед (а. с.) всегда предостерегал своих приближенных, асхабов и ансаров, он учил их не вступать в бой с во много раз превосходящими силами противника, чтобы избежать напрасных жертв. Помните его поступок в Худайбие? С восьмьюстами асхабами и ансарами он шёл в Мекку к священной Каабе. При этом пророк и его товарищи поклялись под известным деревом не отступить перед мекканцами. Но увидев, что против них идёт огромный сила пророк заключил мирный договор с посланцем Мекки и вместе с товарищами вернулся в Медину. Чеченские наибы были верны тебе, сражались против русских до последней минуты. И чего они добились этим? Вся Чечня лежит в руинах. За двадцать лет верной службы тебе они потеряли более половины мужского населения, более половины самых плодородных равнинных земель.

В разговоре Мухаммед Тахир Шамиль видел долю правды. Может ему и народу будет лучше, если он сдастся в плен. Выторговав у них выгодные условия для себя, своей семьи и родственников?

— А что ты написал о чеченских набах?

Мухаммед Тахир переписал страницы назад.

МУХАММЕД ТАХИР аль-КАРАХИ: «Получив известие о движении Шамиля в Кази-Кумух, граф (Граббе) решил сделать на Дарго набег с целью захватить семью имама

в плен. Многочисленный отряд русских двинулся в поход по границе между наибством Уллубия аль-Аух и Шоиб-Муллы аль-Цонтарой. В это время известный своей смелостью Шайх-Мирза аль-Дилими пошёл к наибу Уллуби. Он застал его в удручённом состоянии духа и в заботах о своей семье. Шоиб же - за завалами на пути движения гяуров. Он был похож на льва, готового наброситься на верную добычу.

- « Ну, как себя чувствуешь, наиб, и что думаешь делать теперь? » - спросил Шахмирза его.

- « Я себя никогда не чувствовал так хорошо и весело, как теперь, и я, не думая, решил бесповоротно не показывать спины своему врагу, пока не сдам свою грешную душу » - ответил тот ему.

- « А товарищи твои, мюриды, как относятся к твоему решению? »

- « Они-то меня и вдохновляют. Они говорят, что лягут костями до единого в этом лесу и пропустят врага только через свои трупы ».

Шоиб-Мулла секретно посоветовал семейству имама заблаговременно переселиться в Анди, захватив с собою всё, что возможно, сжечь дом при вести о приближении гяуров. Открыто же он говорил всем:

- « Пока я жив, русские не возьмут Дарго ».

Перед выступлением в поход русских, их проводник Хасай Муса аль-Аксай, убеждал графа отказаться от предпринимаемого им похода. Он говорил русскому военачальнику:

- « Что ты затеваешь, граф? Разве ты не знаешь, что в обширном дремучем лесу Ичкерии много львов, жаждущих русской крови. В отряде имама много отчаянных удалцов-молодцев. Не одевай мюридов, оголив своих солдат. Не корми их, собак, мясом своих подчинённых! »

Граф не обратил внимания на это мудрое предостережение. Он гордо и самоуверенно выступил в поход. Русские шли целый день и не встретили никого. Граф насмешливо спросил Хасай Мусая:

- « Ну где же твои ичкеринские львы? »

« Заптра увидишь их, граф» - ответил ему Муса.

На другой день в лесу, действительно, показались мюриды. Началась редкая перестрелка, продолжавшаяся почти весь день.

« Это так всегда дерутся твои львы?» - поднял на смех граф Мусу.

На третий день произошёл ожесточённый бой. Два отпавших наиба, Шоиб-Мулла аль-Цонтарой и Джоватхан аль-Дарго, во главе жаждавших газавата мюридов, окружили неприятеля со всех сторон. Мюриды дрались самоотверженно. Джоватхан был смертельно ранен. Умирая, он кусал себе пальцы от досады и сожаления, что уходит на тот свет, не утолив своей жажды русскою кровью.

Недалеко от Гордали русские пришли в полное замешательство и повернули назад. Ими овладела паника. Они обратились в бегство, бежали они в беспорядке, бросив на добычу мюридам раненых и отсталых, огнестрельные припасы, обоз и много иного имущества. Бесчисленное множество погибло их в этом бою. Мюридам досталась масса добычи, между прочим, огнестрельные припасы и 2 орудия.

Шамиль, по возвращении в Дарго, подарил Шоиб-Муллу в награду за его поразительную храбрость, находчивость и распорядительность любимое своё знамя, расшитое золотом и принадлежавшее раньше Аслан-хану Кази-Кумухскому.»

« Да, Шоиб-Мулла аль-Цонтарой был настоящим львом! Шамиль закрыл глаза, подперев рукой голову.

ДУРЬСОВИИ Н. «- Экспедиция генерала Граббе в Ичкерии в 1842 году кончилась потерей 66 офицеров и 1719 нижних чинов»

« А что ты написал о разгроме сардара Воронцова в Чегане?

« Кое-что написал я, и кое-что - Гаджи-Али аль-Чоха.

« И пишу тебе.

В марте 1845 года Николай 1 назначил генерал-адъютанта графа Воронцова наместником Кавказа и Главнокомандующим отдельным Кавказским корпусом, с предо-

ставлением ему права на самостоятельные военные действия против горцев и высочайшим повелением взять Дарго и захватить Шамиля в плен.

В поход в Чечню граф Воронцов снарядил пять отрядов: Чеченский - под командованием генерала Лидерса; Дагестанский - генерала князя Бебутова, Самурский - генерала Артунский-Долгорукова, Назрановский - под началом генерала Нестерова. Кроме этих основных сил, отправляющихся в горы, для поддержания их с фланга в крепости Грозный оставили резервный отряд генерала Фрейтага. В походе участвовали знаменитые кавказские генералы Барятинский, Белявский, Бенкендорф, Виктор, Гейдель, Граббе, Гурко, Дондуков-Корсаков, Клюге фон Клюгенау, Меликов, Миллер-Закомельский, Пассек, Фок и другие. Участвовать в захвате «столицы» горцев и взятии в плен самого имама Шамиля приехало много аристократической молодежи Петербурга, вплоть до брата императрицы, немецкого принца Гессенского.

В состав отрядов входили 26 батальонов и 9 рот пехоты, 4 саперных и 3 стрелковых роты, 16 сотен казаков, 46 орудий и 4 мортиры. Кроме регулярных войск в походе участвовало 1000 человек грузинской милиции, добровольческие отряды осетин, ингушей, кабардинцев, кумыков и других. Общее число участников похода составляло более 30 тысяч человек.

План похода был такой: Чеченский и Дагестанский отряды должны были через Дагестан пройти до Анди, с юга перейдя Керкетский перевал вступить в Чечню, заняв резиденцию Шамиля - чеченский аул Дарго и, завершив полный разгром Восточной Чечни, выйти навстречу Назрановскому отряду, который выступит с запада через Малую Чечню. Все три отряда, завершив операцию, должны были встретиться у селения Шали.

31 мая 1845 года Воронцов прибыл в Чеченский отряд, находящийся у крепости Внезапной, и вместе с ним выступил на Хубару, откуда, соединившись с Дагестанским отрядом, двинулся в горы. Самурский отряд должен был действовать на юге Дагестана и наступать с севера.

Учитывая то, что свои основные силы Воронцов нацелил на Чечню, Шамиль оставил здесь чеченские войска, которые составляли ядро всей его армии, а сам выехал в Дагестан навстречу Воронцову, чтобы дагестанскими войсками разгромить в горах отряд русских. Здесь Шамиль нашел более благоприятные, чем в Чечне, природные, топографические и прочие условия для успешных военных действий против русских войск: высокие горы, горные кручи, глубокие ущелья, бурные реки, отвесные скалы и т. д. Кроме того, в июле 1845 года, во время продвижения отряда Воронцова до Анди, то есть до южных границ Чечни, в горах Дагестана выпал глубокий снег, наступили трескучие морозы. Сам Аллах создал дагестанским наibaм дополнительные условия для разгрома отряда Воронцова. Однако, всегда мудрые дагестанцы, не оказывая русским ни малейшего сопротивления, беспрепятственно пропустили его до южной границы Чечни.

МУХАММЕД ТАХИР аль-КАРАХИ: « - В 1259 (1845) году Шамиль получил достоверные сведения о том, что русские готовятся к серьезным операциям против него. Он тотчас же приказал казнить всех офицеров, взятых им разновременно в плен. Их особенно много было захвачено при осажении Нагорного Дагестана в 1257 (1843) году.

Шамиль, предполагая, что движение русских начнется из луманской плоскости, поэтому он со всеми собранными войсками и артиллерией выступил в этом направлении и остановился на Алмакской равнине. Но вслед за этим было сообщено из гор, что русские двигаются по горному хребту Сабатава и направляются в сторону Анди. Тогда наibам направился навстречу врагу в сторону Андийской горы. Андийский наib Лабазан и другие наibы поклялись ему на Коране служить верой и правдой до полушариата и получить от него строгое приказание обратить в пепел те места, которые именуют Газавату, начиная с их собственных селений.

Наibам застал русских на Кюринском перевале. Он распустил их недалеко от них в Дуцарахе. Сюда к нему привел его любимый наib Гитин аль-Данука и спросил, что он намерен теперь делать.

- « Ничего, кроме газавата» - ответил имам.
- « Не будет ли, однако, наше настоящее столкновение с ними и концом газавата? Ведь у них сила, говорят, несметная!»
- « Недели через 2 - 3 эти несметные силы растают как снег!» - успокоил его имам.

Вскоре же по прибытию сюда русских с погодой стало твориться что-то необычное, невероятное: моросило 2 - 3 дня, затем наступили трескучие морозы, всё покрылось инеем и гололедицей, после этого выпал глубокий снег, а вслед за ним началась жесточайшая метель. И всё это Бог послал в середине лета. Русские в лёгкой летней одежде мёрзли, гибли и лошади их от холода и голода. Враги сразу повесили головы. Провианту стало мало, уныние охватило весь отряд.

Через Дуцрух Шамиль двинулся в аулы Андийского общества, которые отказываются подчиняться шариату, и сам во главе богомольцев двинулся в самый аул Анди. Имам очистил аул и занял со своими мюридами командующую над всей окрестностью высоту. Русские дружно напали и рассеяли во все стороны правоверных. Паника овладела мюридами. Они разбежались и скрылись. Убегали испуганные и уstraшенные, не обращая ни на кого внимания и не разбирая пути, не остерегаясь ни реки, ни падения в ущелье. Имам ранее был уверен в том, что те, кто находились с ним на этой горе, его не оставят, однако, они убежали и оставили его там с каким-то десятком товарищей. Как ни старался имам остановить это бегство и собрать бегущих, он ничего не мог сделать и остался только с десятью ратниками.

После понесённой крупной неудачи Шамиль направился в горную Чечню. Один из наибов последовал за ним, другие разошлись по домам.

Когда имам достиг чеченцев, то нашёл их жаждающими видеть его и соскучившимися в его отсутствие. Они до слез обрадовались его приходу. Они сказали: « Нет ничего над нами (страшного) после того, как мы увидели тебя и ты завел с нами дружбу. Мы до этого думали, что ты

ниже нас оставил и променял нас на других». Когда имам увидел искренность их намерений и прекрасность стремлений, то заявил им о том, что он останется у них, и послал им на Коран, что он не заключит с русскими мира, кроме как на основе того, что предписывает этот Коран. Таковы так же поклялись и наибы, и их воины. Он поселился у них и призвал к себе своих товарищей. А все отряды других наибов, кроме чеченских, находились в горах Андала.

Немного спустя до прибытия Шамиля сюда, к нему пришли два мюрида, присланные наибами Нагорного Дагестана за разрешением вступить с русскими в переговоры.

«Бороться с ними в условиях настоящего времени невозможно, - уверяли они его. - Такой же сильный их отряд занимает и Гидатлинскую землю».

Шамиль резко и запальчиво отвечал на просьбу наибов: «Русские потому не уходят, что видят в малодушных трусах готовность подчиниться им во всем».

Со времени установления непогоды сила и могущество баронцовского отряда пошли на убыль. Кроме потерь от морозов, русские терпели и другие беды. После занятия ими Дарго путь снабжения отряда продовольствием, проходивший по хребту Салатава, сперва подвергался постоянной опасности, а потом и вовсе был отрезан. Неожиданными и частыми нападениями на транспортные устройства, созданными во многих местах завалами и неустранимыми преградами мюриды сделали доставку продовольствия невозможной. Частым ночным налетам подвергались и воинские части. Отряд целый месяц стоял здесь спиной к рукам. Фуража не было. Запасы провианта и фуражных припасов истощились. О том, чтобы прокормить отряд средствами нищенского и враждебного населения, не могло быть и речи. Волей-неволей приходилось отступать, но отступать под маскировкой отступления. Голое же, ничем не прикрытое отступление могло всполыхнуть местное население, и оно всей своей массой могло обрушиться на отступающих.

Поэтому нужно было идти на Шамиля, в Чечню, ибо движение на него означало наступление, а от него - отступление. И отряд выступил из Дарго в расчете пробить себе путь по тому направлению, по которому года три назад граф Граббе густо разбросал кости своего отряда.

Из Дарго Воронцов отправил часть своих войск в Анди за провиантом. Мюриды жестоко преследовали этот отряд в оба пути. Как вырубленный, но не убранный лес, валялись трупы солдат на местах боев. На помощь своим пришел генерал из Дарго. Мюриды также окружили его со всех сторон и были также беспощадны, как и с теми. Было взято два орудия, много ружей, лошадей и всякого рода имущество. Провиант, за которым был послан отряд, почти не был доставлен.

Перед оставлением Дарго русские сожгли почти все имущество, сожгли даже свои палатки, за исключением 27 штук. Они налегке пустились в бегство. Мюриды теснили и расстреливали их и сзади и с боков, они бросались на них с обнаженными шашками и кинжалами и тем наводили на них ужас. Они обезоруживали их, отбирали у них все, что им нравилось, без всякого сопротивления и помех.

На третий ночлег, охваченный паникой русский отряд пришел в местечко Шамхалберды. Здесь шамилевское ополчение окружило его со всех сторон и держало в огненном кольце несколько дней. Здесь их погибло особенно много. В числе павших был один очень важный русский генерал. Особенно донимали русских голод и жажда. Отряд в последние дни питался только мясом истощенных кляч.

Скоро они получили радостную весть, а именно, что на выручку им идет из Герзель-аула генерал с большими войсковыми силами,* вслед за этим на поле брани явился и сам этот генерал. Оба отряда дружным натиском с обеих сторон прорвали осадное кольцо и подали друг другу руки».

Дверью татар, Мухаммад-Тахир посмотрел на имама. Тот долго молчал, а потом спросил:

— Кто?

— Да, это то, что я написал об этом сражении в Чечне.

— Написано хорошо, но мало. Особенно о чеченских набегах и поисках.

— Ты сам запретил мне писать о подвигах чеченских набегов и воинов.

Шамиль опустил глаза. Ему стало стыдно за этот позорный приказ, отданный в минуту гнева.

— Но у меня есть записи Гаджи-Али о походе Воронцова. Можно читать?

Имам кивнул головой.

ГАДЖИ-АЛИ аль-ЧОХ «- Главнокомандующий князь Воронцов двинулся с отрядом во внутренность Дагестана. Сам он шел через Чиркей, Аргутинский - из Казикумуха в Тарки, и один генерал из Шали с силами и средствами, с которыми еще никогда не предпринимался ни один поход в Дагестан, говоря: я раздавлю Шамиля и его скопище, отвоюю земли набегов и их войска». Шамиль, получивши известия, что главнокомандующий остановился в Буртулае с сильным отрядом и большим количеством орудий и направляется прямо в Ведено, приказал Черкеевскому отряду Раджеб-бей Мухаммаду умертвить всех плененных русских офицеров, находящихся во всех селениях Дагестана и Чечни.

В четверть месяца Рабиуль-аввала 1264 (1845) года Шамиль выступил со всем войском Дагестана в селение Анлак, что в Салатавии. Здесь на совет собрались все набеги Чечни и Дагестана, все они поклялись, что будут следовать. Шамиль отправил некоторых из них занять Аджимарский перевал, чтобы пересечь путь в Индию и Гумбат.

На первую половину отряда Воронцова пришел разведочный отряд генерала Фрейтага.

Через несколько дней, получив известие, что русские овладели Аджимаром, набеги и Шамиль испугались и

не знали, что предпринять. Русские поднялись на Гумбетские высоты и остановились там. Через три дня сделалось холодно и выпал снег, который причинил большой вред войску и лошадям русских. Отряд русских оставался там около десяти дней. После этого через 5 дней авангард русской конницы устремился на Бурцах, откуда видны все села Андии. Шамиль приказал сжечь все селения Анди. Села были сожжены, и через полчаса русская конница напала на нас. Войска Шамиля без всякой перестрелки разбежались. Главнокомандующий остановился над селением Анди. Шамиль и наибы были в страхе, не зная, что делать.

Через два дня из Чечни от наибов и ученых Шамиль получил письма, в которых его просили вернуться в Дарго: «Мы и наши жены клянемся умереть за тебя, и будем служить тебе не так, как дагестанцы, которые бежали, нисколько не сражаясь». Шамиль успокоился и возвратился с мюридами и чеченцами, а Дарго-Ведено, оставив наибов в Анди стеречь дороги во все стороны. Русские последовали за ним в Дарго, и после незначительной перестрелки завладели ими. Остановившись там лагерем, главнокомандующий дал отдых войскам на 15 дней. Шамиль с чеченцами скрылся в лесах.

На другой день показался на Андийских возвышенностях транспорт с провиантом под достаточным прикрытием. Когда русские узнали, что дорога пересечена, то дали из орудий знать, чтобы им шли на помощь. Из главного лагеря двинулось тотчас же много войск. Произошло большое сражение, подобно которому никогда не было в Дагестане. Русские были разбиты и принуждены бежать, потеряв много убитыми. Шамиль завладел большей частью провианта, двумя орудиями, большим количеством оружия и другими вещами.

Войско и начальники русских испугались. Доставка провианта и путь отступления были невозможны. Солдаты от голода пришли в изнеможение и страх. Шамиля известили, что главнокомандующий намерен отступить через Чечню. Шамиль приказал чеченским наибам занять до-

роги, велел всем ишибам Дагестана прийти на помощь. Русские понесли большой урон - лошади, выюки, оружие были потеряны. Бодняк, который прежде не имел осла, приобрел несколько лошадей и оделся в суконную чуху, тот, кто прежде и палку в руках не держал, добыл хорошее оружие. Ишибы и народ, в особенности чеченцы, которых два раза нападали на солдат и обирали их, торжественно встречали неожиданные свои успехи, как будто бы русские были все, кроме тех, которые убиты.

Князь Аргунинский шел в Телетль через с. Магар, попал в Карах, ему покорились весь Каралал, Тленсир, Гидатль, Андапан. Даниел с семейством и нукерами пригужден был божать в Гуниб. Кибит-Мухаммад был осажден им в Телетле и, как лисица, искал норы спрятаться.

- Да, это было славное сражение! - сказал Шамиль, когда Мухаммад Тахир закрыл тептар. - Такого не было ни до, ни после. В этих боях пали смертью храбрых славные ишибы: Шадар аль-Бодено и Сухаиб аль-Эрсини.

* * *

Из востига Ахулыго и окончательный разгром Шамиля император пожаловал генералу Граббе графский титул. На воюющего Ахулыго с десяти тысячным войском вторгся в Чечню, здесь он потерпел позорное поражение.

Генерал-адъютант граф Воронцов числился среди героев Отечественной войны 1812 года. А.Л.Зиссерман писал, что в марте 1814 года он под Креоном не только выдержал бой против Наполеона, но даже чуть не одержал победу над императором. Воронцов триумфальным маршем проходил через весь Дагестан, однако в Чечне он потерпел позорное поражение. Здесь за 18 дней он потерял убитыми 100 офицеров и 4 генералов, 4000 солдат, не считая попавших в плен и пропавших без вести. Отряд потерял в Чечне всю артиллерию и имущество. В числе убитых генералов были Викторов и Пассек. Труп последнего не нашли.

В Дагестане Шамиль имел большее по численности войско из дагестанцев, чем чеченское войско в Чечне. Дагестанские горцы не уступали чеченцам в храбрости и военном искусстве. Как сказано выше, в Дагестане имелись более благоприятные природные, топографические и прочие условия для ведения успешных военных действий против русских войск, чем в Чечне. Кроме того, сам Аллах послал на помощь дагестанцам против русских среди лета глубокий снег и трескучие морозы! Однако дагестанцы имели то, чего у чеченцев не было никогда и нет поныне: мудрость и дальновидность. Не оказав сопротивления русским войскам, дагестанцы спасли свои аулы от разрушения и грабежа, а тысячи людей от верной гибели. Да и зачем погибать им, думали они, за какой-то газават и за интересы жестокого и коварного имама в войне против могущественного русского царя? Для этого у имама всегда были легионеры, близорукие, фанатичные чеченцы. Потому даже легендарный дагестанский наиб Хаджи-Мурат, потерпев поражение в стычке с русскими при Рикюни, скрылся в горах. Когда Шамиль, покинутый разбежавшимися дагестанскими войсками и наибам, остался один, он получил от чеченских наибов вышеупомянутое письмо, в котором они просили его вернуться в Чечню: «Мы и наши жены клянемся умереть за тебя, и будем служить тебе не так, как дагестанцы, которые бежали, нисколько не сражаясь».

И мудрый имам всячески поощрял фанатичную преданность легкомысленных чеченцев. Гаджи-Али привел одно из воззваний имама к чеченцам:

ГАДЖИ - АЛИ: « - Во всем Дагестане храбрее вас нет, чеченцы! Вы свечи религии, опора мусульман, вы были причиною восстановления ислама после его упадка. Вы много пролили русской крови, забрали у них имения, пленили знатных из них. Сколько раз вы заставляли трепетать их сердца от страха. Не пугайтесь русских! Я из Ахульго вышел с 7 мюридами, а теперь я вот каким сделался с вашей помощью... Вы такие смелые и храбрые!»

И в смелые и храбрые», но легкомысленные чеченцы, поощряемые имамом, бездумно кидались в пасть смерти!

Победа над войсками Граббе и Воронцова дорого обошлась чеченскому народу. Именно после поражения в Чечне эти двух экспедиций и ряда сравнительно мелких экспедиций и набегов в Чечню, царское правительство пришло к выводу, что самый сильный и опасный противник России на Кавказе - чеченский народ, он должен быть либо покорен, либо изгнан с Кавказа, либо уничтожен полностью. И в конце 40 годов русское командование все свои основные силы сосредоточило в Чечне и главные удары наносило по Чечне.

ФАДЕЕВ Р. А.: « - Лесистая Чечня была классической страной неудач, чтобы не сказать поражений, которые мы испытывали от горцев. Но покорение должно было начинаться отсюда, нашим войскам предстояло проникнуть в глубь этой земли. Здешняя местность была везде местностью джигаринской и дагестанской экспедиции... Расхождение горского союза, основанного мюридизмом, всего скорее могло начаться с Чечни».

ДУБРОВИН Н.: « - Бесплодная и дорогостоящая экспедиция в Дагест убедила, что необходимо занять сначала предгорья и пригорья, и укрепив их, идти в глубину гор, что не горы Дагестана, а занятие плоскости Чечни служит началом к покорению восточной части Кавказа».

ЛИСОВЕРМАН А. П.: « Неудачный опыт 1845 года окончательно убедил, что в чеченских лесах нужно действовать не только и не одними ружьями, но и топорами... Таким образом, в 1846, 1847, 1848, 1849 гг. происходили следующие экспедиции в Чечню.

Различие между Дагестаном и левым флангом (Чечней) заключались и в природе, и в характере неприятеля, в которых приходилось иметь столкновения, и в самом составе войск... В последнее время в Дагестане мы дер-

жались оборонной системы, встречи с неприятелем сделались редкими, случайными, а в Чечне напротив, каждую зиму действовали наступательно, и, следовательно, битвы неизбежны и чуть не заранее по числам рассчитаны.

... Начиная с 1840 г. в первое время энергия, отчаянная храбрость и ловкость чеченцев в лесной войне высказались в полном блеске: они наносили нашим отрядам не раз сильные потери - незачем скрывать - даже поражения. Но в течение 14 лет непрерывной борьбы они уже потеряли многих лучших людей, у них мы отняли лучшие плодородные земли... Наша система просек, наступательные действия зимних экспедиций, разорявшая их в конце необходимость довольствоваться своим хлебом привозимые Шамилем из Дагестана полчища лезгин, не приносивших им, однако, никакой особенной пользы, слишком строгое управление наибов - все это поколебало их веру».

* * *

Зимой 1852 года русские войско начали широкомасштабные военные операции в Чечне. Здесь шли ожесточенные бои с переменным успехом. Но генплан покорения Чечни на короткое время был сорван Крымской войной (1853-1856гг.). Она закончилась заключением в марте 1856 года Парижского мирного договора. У России развязались руки. Освободившиеся войска она перебросила в Чечню. В 1856 году командование Кавказской армии, имеющее в своем распоряжении 226 тысяч солдат и офицеров, 226 орудий возобновило военные действия в Чечне под непосредственным руководством главнокомандующего Кавказской армии и наместника Кавказа генерал-адъютанта А. И. Барятинского.

25 июля 1859 года завершилось окончательное завоевание Чечни. Вся она лежала в пепле и руинах, усеянная свежими могильными холмами. В этой войне погибла половина мужского населения Чечни.

Авангардную, в то же время трагическую роль чеченского народа в кавказской войне подчеркивали многие военные историки.

ДЮРИС М. Т. : « - Из всех туземных племен Терской области, Чеченское по количеству населения, общественному устройству своему, а еще более топографическим свойствам занимаемой им местности, долее прочих покрестило возможность к сильному сопротивлению и, действительно, более всего оказывало его против нас самым упорным образом. Экспедиции первых лет высшего столкновения с этим народом, в которых мы потратили столько средств, времени и военной доблести русского солдата, в сущности мало имели влияния на вопрос окончательного покорения его нашей власти. Мы испытывали на деле всю бесплодность борьбы с чеченцами, которые пользовались закрытой местностью Сунженской долины и предгорий, чтобы наносить нам потери, и избегали в то же время решительного боя. Поэтому мы по необходимости прибегали к коренной русской исторической системе заселения окраин государства казаками...

В сущности на все время пятидесятилетней войны чеченцы потеряли только около половины своих земель, да и те наименее для них важных, но успели до сих пор сохранить вполне то положение, оставаясь в котором они еще не скоро подчинятся вполне нашей власти».

С. П. ТУНОВ : « - Чечня, как упомянуто выше, в период длительной борьбы нашей с горцами на восточном Кавказе, представила для нас наиболее затрудненную, потребовала наибольших жертв и усилий. Чеченское племя, самое многочисленное из горских племен Терской области, вместе с тем искони считалось более отчаянным, предприимчивым».

В. П. : « - Чеченцы уже давно тяготились деспотизмом Шамиля, они начинали разочаровываться в нем, сомневаться над его выгодами, над его прокламациями, в которых он постоянно впадал в пошлость для конечного истощения русских, и в особенности над его сношениями с турецким султаном. Чеченцы не столько уважали, сколько боялись Шамиля, которого стража телохраните-

лей состоят из отъявленных изуверов, раз навсегда разорвавших всякую связь с обществом, оставалась в деле охранения особы имама незаменимою и составляла единственно надежную точку опоры, на которой покоилось самовластие Шамиля. Но, не смотря на все справедливые неудовольствия чеченцев, они упорно отстаивали против них свою независимость, и только строго обдуманый план последних экспедиций мог положить предел слишком полувековой борьбе, конец которой трудно было предвидеть. С падением Ведено мюридизм был потрясен в самом его основании, - вскоре он не замедлил пасть, а с ним рушилось и управление Шамиля».

КУБЛИЦКИЙ: «Чеченцы видели насквозь Шамиля, он это знал и боялся их проницательности. Они посмеивались про себя над его фанатизмом и прокламациями, они никогда не заблуждались даже и до своего восстания на счет истинных пределов его могущества, и надежду остановить успехи русского оружия считали неосуществимостью. Если даже они оказывали нам сопротивление, то единственно из мести за прошлые обиды, из гордости, из опасения насильственного обращения в христианство и рекрутской повинности, они ненавидели русских, но и не особенно благоговели перед имамом. Шамиль боялся их критики, но еще более страшился их политической неустойчивости».

БЕРЖЕ А. П.: «-Как дознано современными наблюдениями и более или менее непосредственным изучением Кавказа, во главе разнообразных племен, населяющих его горы, должно быть поставлено чеченское племя: оно составляет, так сказать, ядро, тип большей части горного населения, занимающего страну, которая известна под общим названием Чечня».

* * *

Шамилю почему-то особенно запомнились тот день и эта беседа с Мухаммед-Тахиром. Кажется, это была их

последняя беседа. Через несколько дней он ушел к непорочным. Как и все его приближенные и соратники...

- Что у тебя еще о чеченских наибах?

- Почти ничего. Но у меня имеются записи Гаджи-Али о Юсуфе-Хаджи аль-Алди.

- Читай.

ГАДЖИ-АЛИ аль-Чоха: - « В 1257 году (1840) приехал в Чечню из Египта, по просьбе Шамиля, инженер Гаджи-Юсуф или Юсуф-Заде-оглы. Он обладал знаниями, неизвестными до того времени никому в Дагестане. Он хорошо знал все науки и в особенности математику и архитектуру. Когда Шамиль увидел его громадные знания, то приказал мне учиться у него... и Гаджи-Юсуф передал мне все свои знания. Потом по совету Гаджи-Юсуфа, Шамиль устроил низами (регулярные войска), разделив его на 100, 10 и поставил в каждом обществе наиба. Гаджи-Юсуф занимался постройкой укреплений и всячески старался содействовать предприятиям Шамиля по управлению и в военных действиях. Шамиль видел в этом явную пользу и уважал Юсуфа, как виновника всех улучшений. Однако же приближенные и наибы, которые видели в Юсуфе сильное влияние на имама, оклеветали его... Так как письма Хункара (турецкого султана) были написаны по-турецки, то никто, кроме Гаджи-Юсуфа, не мог читать их. Наибы воспользовались этим и сказали, что Юсуф передает все эти сношения русским. Шамиль поверил их словам, несмотря на его заслуги, конфисковал его имение и сослал в село Акнади, что в Тинди, которое горцы называли Си-варью. Три года Юсуф провел в изгнании, несмотря на все ходатайства за него. Потом через Ириб и Чахкир он перешел в Грозный в 1272 году (1855), спустя восемь месяцев после бегства он скончался в Грозном...»

Когда речь зашла о Юсуфе-Гаджи Юсуф-Заде -оглы или Хаджи Юсуфе аль-Алди, лицо имама покраснело. Он не сумел воздать должное этому чеченцу и сберечь его, хотя, являясь, он был послан ему на помощь самим Аллахом.

Во время их первой встречи Юсуф-Хаджи рассказал ему о всех своих злоключениях.

...У старого Сапарчи из Алдов, жившего в относительном достатке, умерла жена, оставив ему единственного ребенка - Юсупа. Он родился у них на старости лет. Лишившись любимой жены, Сапарчи дал обет не жениться во второй раз и совершить хадж в Мекку. Уезжая в дальнюю дорогу, отцу не хотелось оставлять сына дома, ибо вся цель его жизни сосредоточилась на восьмилетнем чаде. На обратном пути из Мекки, в Стамбуле, старый Сапарчи умер от внезапной болезни. Маленький Юсуп остался один в чужой, незнакомой стране. Как брошенный котенок, голодный, несколько дней он бродил по улицам большого города. Ложился спать там, где его заставляла ночь. Наконец какой-то бездетный турецкий паша подобрал его и взял к себе на услужение.

Паша, конечно, знал, что чеченцы храбрые, смелые и надежные воины. Присмотревшись к мальчику, он отметил в нем недюжинные способности, он отдал его учиться. Кто знает, что помышлял этот турецкий паша. Во всяком случае, Юсуп закончил в Стамбуле военно-инженерную школу. Еще молодые годы он прославился как подающий надежды инженер. Крепости, которые Юсуп строил в Египте, стали неприступными даже для прославленных французских войск.

Когда кончилась очередная русско-турецкая война, но не кончилась борьба между Россией и Турцией за владычество на Кавказе, и здесь началась широкомасштабная национально-освободительная борьба горцев против русских колонизаторов, турецкий генералитет направил Юсупа в Чечню и Дагестан, с поручением склонить горцев на сторону Турции. Одним словом, в имамате он должен был проводить протурецкую линию. Для этих целей равного Юсупу не было во всей турецкой армии. С одной стороны, он был представителем самого многочисленного, воинственного народа на Северном Кавказе, который десятилетиями оказывал решительное вооруженное сопротивление русской армии... С другой, умным, талантливым офицером, который владел не только своим родным и турецким, но десятью другими языками.

Куда бы его не бросала судьба, какие бы трудности и непогоды он не испытывал, как бы высоко не поднимался по служебной лестнице, Юсуп ни на минуту не забывал далекую родину. Перед его глазами все время стояли родные алдинские леса, снежные вершины высоких гор, низкие чеченские сакли, стройные чеченские мужчины и женщины. Он собирал доступные сведения о своем знаменитом односельчанине шейхе Мансуре, о котором отец рассказывал ему в детстве, был безгранично горд им. Юсуп мечтал вернуться на родину, оказать посильную помощь своему народу в его борьбе за свободу и независимость, отдать ему все свои силы, знания, и, если понадобится, свою жизнь.

И мечта Юсупа осуществилась в 1840 году, когда он прибыл в Чечню по заданию турецкой власти. Он решил больше никогда не покидать свою родину и свой многострадавший народ.

Когда Юсуп рассказывал это, у Шамиля на глазах появились слезы. При виде Юсупа Шамиль вспоминал своего сына Джемал-Эддина, которого три года назад генерал Граббе забрал в заложники. Тогда и Джемал-Эддину тоже было восемь лет. Кто знает, может, Джемал-Эддин тоже тоскует по родным горам, родителям, родственникам. Конечно, у Юсупа не было родителей, чтобы скучать по ним. Зато он находился среди единоверцев. А Джемал-Эддин находится в руках неверных гяуров...

Через короткое время Юсуф-Хаджи стал правой рукой и мозгом Шамиля. Он начал строить Шамилю государство и вооруженные силы по европейскому образцу. Юсуф-Хаджи разделил имамат по виллаетам, во главе каждого виллаета поставил по наибу, а во главе нескольких объединенных виллаетов - главного наиба - мудара. До тех пор для сбора войск по любому поводу требовалось несколько дней, а то и недель. Юсуф-Хаджи создал регулярные войска, которые могли собраться и выступить в течение нескольких часов. Войско имамата он разделил на тысячи, батальоны, сотни и десятки. Учредил воинские звания, ордена, медали, знамена для каждого рода

войск. Юсуф-Хаджи составил карту имамата, по которой Шамиль любил работать.

Но главной заслугой Юсу-Хаджи было строительство крепостей и укреплений, среди которых были такие известные, как Салты, Гергебил, Чох, Ведено, и другие.

Одним словом, прежде разрозненный имамат и вооруженные силы Шамиля Юсуф-Хаджи объединил в единый кулак. Если Шамиль был мудрым, мужественным, хитрым правителем, то Юсуф-Хаджи был не только умным и мужественным, но и высокообразованным, владеющим как светскими, так и религиозными науками.

Аллах заложил зависть в душу человека. Впервые ее проявил к своему брату сын Адама. Для земных владык эта обычное явление. И Шамиль не был свободен от такого греха. В сердце имама всегда таилась зависть к Хаджи-Юсуфу, которая иногда, против его воли, переходила в ненависть. Тем не менее, Шамиль не мог обходиться без Юсуф-Хаджи.

По свидетельству Гаджи-Али, некоторые наибы проявляли к Юсуф-Хаджи открытую ненависть и вражду, тайно писали на него доносы и жалобы, в которых подвергали его грязной клевете и наконец добились от имама низложения Юсуф-Хаджи.

ЗИССЕРМАН А. Л.: « - 18 мая 1856 года в Грозный явился главный инженер Шамиля, строитель всех его крепостей - Салты, Гергебиль, Чох, Ведено и других - некто Хаджи-Юсуф, воспитанник Константинопольской военной школы. Он привез с собой семейство и нескольких родственников и просил позволения жить в Малой Чечне в мирных аулах. На донесение о выходе Хаджи-Юсуфа, Николай 1 написал: «Надеюсь, что не будет того, что случилось с Хаджи-Муратом».

* * *

Бота принадлежал к харочоевскому тейпу, которого Шамиль невзлюбил с первых же дней своего имамства в Чечне. В восьмилетнем возрасте, раненого, его подобра-

ли русские солдаты, когда генерал Ермолов в 1818 году уничтожил, вместе со всеми жителями, чеченский аул Дады-Юрт. Его взял на воспитание генерал Барти Розен. Впоследствии Бота служил в конвое наместника Польского короля Константина, был его любимцем, дослужился до звания майора. Бота был умным, смелым, храбрым офицером. Константин решил женить своего любимца на красивой, благородную княжескую дочь и предложил Боте принять христианство. Бота не только не соблюдал религиозные обряды ислама, но не имел о них даже малейшего представления. Тем не менее он считал себя чеченцем и правоверным мусульманином. Потому Бота очень тактично отказался от крещения, обратился к Константину с нижайшей просьбой отправить его на войну против Шамиля. Не устояв против настойчивости Боты, Константин удовлетворил его просьбу. Бота служил в крепости Таш-Гечо, расположенной на берегу нижнего течения реки Аксай, принял участие в нескольких походах в Дагестан, потом поссорился с начальником крепости и ушел в Чечню.

Бота не знал родного языка, обычаев и традиций чеченского народа. Но он в совершенстве владел русским и польским языками, неплохо говорил по-немецки и по-французски. В жилах Боты текла горская, чеченская кровь, его никогда не покидал буйный, мятежный дух родного харачоевского тейпа. Бота все эти годы хранил в памяти ужасные картины гибели родного аула, своих родителей, старших братьев и сестер, всех жителей аула.

ЕРМОЛОВ А. П.: « - Приказал я войскам Донского генерал-майору Сысоеву, окружив с. Дада-Юрт, лежащее на Терек, предложить жителям оставить селение, если станут противиться, наказать оружием. Защищались ожесточенно. Двор каждый брали штурмом. Многие из жителей, когда врывались солдаты в дома, умертвляли жен своих, в глазах их, дабы во власть их не доставались. Многие из женщин бросались на солдат с кинжалами. Со стороны неприятеля все, бывшие с оружием, истреблены, и

число иных не менее могло быть 400 человек. Женщин и детей взято в плен до 140, которых солдаты из сожаления пощадили, как уже оставшихся без всякой защиты и просивших помилования. (Но гораздо больше иных число вырезано было, или в домах погибли от действий артиллерии и пожара). Солдатам досталась добыча довольно богатая. Селение состояло из 200 домов. 14 сентября разорены до основания».

В душе Боты боролись чеченец по крови и европеец по воспитанию. Когда он вспоминал кровавую бойню, устроенную русскими войсками в его родном ауле Дади-Юрт, в нем побеждал чеченец, в его душе вспыхивало чувство мести. Именно эти чувства заставили его отказаться от крещения, благополучного будущего и принять решение отправиться на Кавказ, а после перейти на сторону Шамиля.

Если Юсуф-Хаджи был правой рукой и мозгом Шамиля, то Бота стал его глазами и ушами. Бота знал характер, нравы русских и европейцев, военную науку, русскую армию, ее генералов, их порядки, и потому Шамиль назначил его начальником своей контрразведки. В этом качестве Бота принес имамату огромную пользы.

Но Бота был совершенной противоположностью Юсуф-Хаджи. Если воспитанный на исламских принципах и духовных ценностях Юсуф-Хаджи был покорным и преданным слугой имама, то воспитанный в европейском духе Бота был высокомерным и честолюбивым. На Шамиля он смотрел свысока, часто вступал с ним в спор, который иногда кончался довольно крепкой ссорой.

Отношения между Шамилем и Ботой обострились в начале 50-х годов, в результате чего Бота перешел на сторону русских, более того, вступил в русскую армию.

Шамиль не верил чеченским наibaм, даже самым преданным ему. Около каждого чеченского наiba постоянно состоял дагестанец, который неустанно, бдительно следил за каждым шагом наiba и доносил о нем имаму. А в начале 50-х годов Шамиль начал назначать в Чечне наи-

бов из дагестанцев, что получило резкий отпор со стороны чеченцев, в особенности - Бота.

Шамиль насильственно насаждал в Чечне учение мюридизма и шариат. Чеченские аулы, которые выступали против жестокого произвола имама или заключали мир с русскими, подвергались суровому наказанию. Для этих целей Шамиль постоянно держал в Чечне карательные войска, состоявшие из дагестанцев, как после говорил Руновскому сам Шамиль, «которые не хотели и не умели воевать в лесах и на равнинах Чечни». Карательные войска были созданы по инициативе сына Шамиля Гази-Магомы, он же командовал ими. Шамиль разделил чеченское население по десятидворкам, под угрозой смертной казни заставлял их следить друг за другом и доносить друг на друга. Кроме того, в каждый чеченский аул он поселил определенное количество дагестанских семей, которые обязаны были следить за поведением чеченских детей в медресе. Мулл-учителей приглашали из Дагестана. Неполным имаму рубили головы.

Бота болезненно переживал такое несправедливое, унижительное, оскорбительное отношение имама к чеченскому народу, все это глубоко задевало его честолюбие. Больше того, образованный, умный Бота понимал, что клерикальное, теократическое государство Шамиля таинет горские народы назад, к средневековью, в крайнем случае, к застою в их общественном развитии. Бота перешел на сторону Шамиля, когда имам находился в зените славы. Теперь он предчувствовал его неминуемый и близкий закат, понимал, что война эта ведет чеченский народ к физическому гибели.

Машу его терпения переполнил поступок Шамиля по отношению к его ближайшему другу. Шамиль казнил его, не смотря на многократные просьбы Боты о помиловании. После всех этих переипетий дух чеченца в душе Боты победил дух европееки воспитанного человека. Он не только перешел на сторону русских, но стал служить им верой и правдой.

ВОЛКОНСКИЙ Н. А. : « - Чрезвычайную роль в действиях Барятинского, в погроме Чечни в 1852 году, даже роль ближайшего советника и от части руководителя его деяния в неприятельской земле играл Бота. Мы утверждаем вполне достоверно, что по указаниям этого человека, знавшего Шамиля, чеченцев и всю Большую Чечню, как свои пять пальцев, была предпринята и ведена князем Барятинским описываемая ныне нами зимняя экспедиция... Что услуги Боты, хотя бы он состоял лишь в исполнении им обязанностей проводника, были действительно для нас весьма важны, увидим из того, что он нас ввел в труды, куда без него мы едва ли проникли, что он нас провел туда благополучно; что он служил для нас открытой географической картой неизвестной еще нам местности, компасом в море, опытным капитаном судна, которого, если бы хотел, мог погубить вполне безнаказанно... Услуги его Барятинский понял и оценил вполне, что и мы, со своей стороны, не можем не придать им большие значения».

ЗИССЕРМАН А. Л.: « - Явившись к нашему начальству, Бота обещал служить « верой и правдой» и как бывший наиб и приближенный Шамиля, принести нам великую пользу своими сведениями о неприятеле. Его приняли и повел он свои дела так, что в 1855 году я застал его штабс-капитаном и нашим наибом над всеми аулами покоренных чеченцев, поселенных вдоль Качкалыкского хребта».

* * *

Уставив взгляд в пол, Шамиль тихо слушал, перебирая четки. Потом, как бы спохватившись, заговорил с Мухаммад-Тахиром, который, после чтения отрывка, молча устоялся на имама.

- Что дальше пишет Гаджи-Али? - спросил имам.

ГАДЖИ-АЛИ аль-ЧОХ: « - Осенью 1275 (1858) года джудульваля Шамиль предписал всем наибам с войском явиться на общественное собрание в Шали, приказав также собраться туда всем ученым и наибам и другим по-

четным лицам Чечни. Все собрались и остановились на площади около укрепления Шали. Шамиль сказал: «- Не пугайтесь русских. Я из Ахульго вышел с 7 человеками, а теперь я вот каким сделался с помощью вас. Не думайте, что я вас оставлю без всякой помощи и уеду в горы, нет, я умру здесь на земле вашей. Вы такие смелые и храбрые. Будьте спокойны и ничего не бойтесь.»

Потом Шамиль приказал поклясться всем наибам, ученым и сотенным начальникам в том, что они будут сражаться с русскими. Они поклялись и заставили поклясться всех, кто только может. Потом Шамиль сказал:

« О народ и общества Дагестана и Чечни! Знайте, что я вам говорю истину. Я не требую от вас денег, нет, желание мое, чтобы вы сражались с русскими и не имели бы с ними никаких сношений и, ей-богу, они не имеют никакой другой цели от этих бедных жителей Чечни и Дагестана, расточая столько денег и погубляя солдат, как только то, чтобы брать вас в солдаты, а жен ваших в матушки (русская женщина), они требуют от вас оружия и даже не позволяют иметь ножа. Всех почетных ваших сошлют в Сибирь, и вы будете после того мужики. Вы подождите немного и увидите, что будет после, и вы будете раскаиваться и грызть себе пальцы, но никто вам тогда не поможет »

После того, как русские завладели Чечнею, Шамиль потерял всякую надежду на возвращение оной, отправился в Старое Дарго. С этого времени Шамиль день ото дня приближался к упадку. По взятию Дарго - Ведено, Шамиль, не имея предств. удержат за собою чеченцев, приказал им вторично собраться, и они собрались в с.Эрсеной. Шамиль сказал им

« О вы все дагестанцы храбрее вас нет, чеченцы! Вы свечники, вы мусульман, вы были причиною восстановления ислама после его упадка. Вы много пролили русской крови, забрали у них имения, пленили знатных их. Сколько раз вы заставляли трепотать их сердца от страха. Знайте, что я ваш товарищ и постоянный ваш кунак,

пока буду жив. Ей-богу, я не уйду отсюда в горы, пока не останется ни одного дерева в Чечне.»

Но чеченцы, не видя никакой пользы от его речи, оставили его и разбрелись по домам. Шамиль потерял всякую надежду, возвратился с приверженцами в селение Ичича.»

* * *

Да. Все было так, как записал Гаджи-Али. После воззвания Шамиля в Шали, собрав все останки своих сил, Чеченские наибы 18 июля 1858 года окружили русские войска, которые наступали вглубь Чечни полосой длиной в 15 верст. Однако генералу Евдокимову удалось прорвать кольцо. Тринадцать суток без перерыва продолжалось кровопролитное сражение. Захватывая землю, пядь за пядью, русские войска продвигались вперед.

У чеченцев не было сил удержать Чечню, растерзанную, обугленную непрерывной двадцатилетней войной. Теперь она сама развалилась, как здание, охваченное пожаром. В августе прошлого года шатойский кадий Супреп-Мулла поднял там аулы против Шамиля. Те самые аулы, которые двадцать лет назад первыми провозгласили Шамиля имамом. Месяц спустя, израненный, в рваной черкеске, к генералу Евдокимову пришел молодой наиб смелый Ботуко аль-Шуати. Несколько позже сдались русским Саабдулла аль-Гехи, Дуба аль-Шуати...

В феврале 1859 года один за другим сдались знаменитый наиб Талгик аль-Шали, Эдиль аль-Ведено, Умалат аль-Аух, затем Сааду и Эски аль-Мичик. Самым большим ударом для Шамиля был уход Талхига аль-Шали, бесменного начальника его артиллерии и одного из победителей генерала Воронцова, руководителя строительства оборонительной линии длиной в 15 верст к северу от Шали в 1852 году.

Спустя неделю после падения Дарго и Ведено чеберловцы послали делегацию к Евдокимову с изъявлением покорности русскому царю, через месяц свою покорность изъявили ичкеринцы и ауховцы. Когда Шамиль покидал

Чечню, только лишь беноевские аулы продолжали сопротивляться русским...

Да Шамиль безупречно исполнил свою клятву о том, что он «не уйдет отсюда в горы, пока не останется ни одного дерева в Чечне!». И ушел он, оставив ее пылающей, в попле, в руинах. Бросив чеченцев, которые в течение двадцати лет были ему верны, из нищего, бездомного изгнанника сделали его своим имамом, остриями своих сабель навечно вписали его имя в анналы истории.

В сентябре 1839 года Шамиль, «бесприютный, отвергнутый почти всеми дагестанцами едва спасся в Чечне, но имел на себе даже черкески.» Но в июле 1859 года из Чечни он божал богатым. С богатством, нажитым на двадцатилетней войне в Чечне. Вернее, награбленным.

ТАДЖИ - АЛИ аль-ЧОХ: - « - Горцы оставались под влиянием Шамиля поработченными, не зная, какую принять сторону, печальными, с терпением перенося все трудности. Шамиль и его наибы не переставали притеснять народ, напрасно убивать и грабить имущество, он наслушался советов благоразумных, и всякого здравомыслящего считал за глупца, а вредного человека за полезного. Шамиль не переставал назначать наибами людей, известных своей испорченностью и слушать клевету доносчиков, притеснителей. И это продолжалось до тех пор, пока он и его приближенные не потеряли всякую власть. В 1276 (1859) г. главнокомандующий выступил с большим отрядом через Чечню и остановился на возвышенности Андийских у озера Анди-Ратляд. Народ толпами с покорностью спешил со всех сторон. Главнокомандующий на свое принимал покоренных и делал щедрые подарки. Все предостынилось его щедрости, какой они у Шамиля не видели и спешили придти с покорностью, чтобы получить подарки. Они забыли Шамиля и данную ему присягу, предались золотом и серебром, а еще больше обещаниями ограбить их от переносимых ими насилий и притеснений. Даже самые приближенные, доверенные его лица, наибы и самые дети в тайно хотели передаться

русским. Мирза Шамиля Эмирхан Чиркеевский, услышав о щедрости главнокомандующего, с печатью имама явился к нему, но, кажется, ничего не получил.

Когда Шамиль увидел, что народ, наибы и даже самые приближенные изменили ему и что он окружен с четырех сторон русскими, то, оставив в Ичичах орудия, хлеб, много железа, медной посуды, постельного белья, одеял у другой домашней утвари, бежал с горстью мюридов в Гуниб, взяв с собою на шести лошадях деньги, золото и серебро, на каждой лошади по 4 тысячи рублей, на одной лошади - всевозможные драгоценности, на 17 лошадях - книги, на трех лещадах - ружья, на трех - шашки, пистолеты, кинжалы, панцири, на 40 лошадях вещи и платья жен, сукно и прочее.

В среду, 9-го сафара 1276 (1859) г., Шамиль с семейством, некоторыми приближенными и мюридами, прибыл в Гуниб. Из всего имения, казны и драгоценностей, которые он взял с собою на вьюках из Ичича, не осталось ничего, кроме оружия, которое было у него в руках, и лошади, на которой он сидел. Телетлинцы, ругуджинцы и куядинцы ограбили все это ночью на дороге, не доезжая до Ругуджи, однако же, на Шамиля не нападали...»

После долгого молчания Шамиль обратился к Мухаммед-Тахиру:

- Скажи Гази-Магоме, чтобы он пригласил ко мне на совещание всех наибов и алимов, кои находятся здесь.

* * *

Это совещание надолго запомнилось Шамилю.

Вскоре после ухода Мухаммад-Тахира один за другим вошли улемы Ибрагим аль-Черкасы, Хаджи-Насрулла аль-Анды, Муртази аль-Ургачи, Дибир аль-Хунзахи, Нур-Мухаммад аль-Согратлы, Осмон аль-Мичики.

Последним с Гази-Магомой пришел известный своей смелостью и храбростью однурукий и одноглазый чеченский наиб Бойсангур аль-Беной. Он вышел на середину

комнаты, своим единственным глазом уставился на имама. Его обезображенное шрамами суровое лицо постепенно расплылось в презрительной улыбке. Бойсангур был кумиром Гази-Магомы, единственным человеком в сарае, которым он восхищался. Гази-Магома знал, что за такой улыбкой последует какая-то колкость. С таким же выражением и взглядом он смотрел на Гази-Магому, когда отец послал его в Беной арестовать Бойсангура.

Бойсангур сперва беззвучно засмеялся, вслед за тем захохотал. Брови имама сурово вскинулись вверх, на лбу собрались грозные тучи.

— Чему ты радуешься, мой смелый лев Бойсангур? Я всегда прощал тебе твои дерзости. Сегодня нам не до шуток. Знай, что и моему терпению тоже может быть предел!

Насмеявшись вдоволь, Бойсангур наконец умолк.

— Я не от радости смеюсь, имам, я смеюсь от удивления! Двадцать лет тому назад, когда твои земляки с позором, переломно изгнали тебя из Дагестана, чеченцы тебя приютили, сделали своим имамом, двадцать лет носили тебя на своем горбу! Двадцать лет мы служили тебе верой и правдой. Однако за все эти двадцать лет ни один чеченский наиб и улем не был членом твоего дивана, ни один из них не был удостоен почета заседать на таком совете! Эти чести впервые удостоились самые незаметные из чеченских наибов - я, однорукий, одноногий и одноглазый калека, да и скромнейший наиб Осмон аль-Мичики! Это не только удивительно, но и смешно, имам! Ха-ха-ха!

— Перестань смеяться, Бойсангур!

Присутствующие растерянно, со страхом смотрели то на имама, то на Бойсангура. Они знали бесстрашный, упрямый характер наива и крутой нрав имама.

— О, Аллах, непостижимы твои тайны! - не унимался Бойсангур. — Мужественные, отважные Шоиб, Жоватхан, Гойтемир, Эски, Сааду, Саабдулла, Талхиг, Дуба... Чеченские наивы! Живые и павшие на полях брани! Если бы вы

могли увидеть меня и Осмона на диване имама, у вас от удивления глаза полезли бы на лоб!

Шамиль не мешал Бойсангуру высказаться. Имам знал, что если противоречить ему, он еще больше распадется.

- Ты же не верил нам, чеченским наibaм, имам! К каждому из нас ты приставил своих вонючих ищеек. Да ты вообще ни одному чеченцу не верил. Где же теперь твои мудрые советники-алимы, твои верные, храбрые дагестанские наibaы Кер-Мухаммад, Амирхан, Дибир-Хаджи, Метлик Муртаз-Али, Яхья-Хаджи? Твои любимые, неотлучные наibaы Кибит-Магома, Дениел-Бек, Албаз-Дибир и другие? Ты же грел их за пазухой? Где же они сегодня?

- Пошли обниматься с гяурами вслед за твоими чеченскими наibaми! - съязвил Шамиль.

- Наши наibaы сдались в плен с саблями, на которых не успела засохнуть кровь гяуров, и неостывшими после боя ружьями! - Вспылил Бойсангур. - Дрались до последнего. Из них только Саабдулла и Дуба пошли на службу гяурам. Обласканные тобою твои дагестанские наibaы сбежали от тебя сразу, как только увидели русского солдата! Да еще разграбили твою казну и имущество. Мы ни одного вершка земли не уступили гяурам без боя. А здесь все аулы без единого выстрела сдаются неверным. Больше того, твои войска и наibaы бегут к ним на задних лапках, высунав языки, виляя хвостами!

Шамиль с укором посмотрел на своих земляков, которые сидели, опустив головы. Одни только мухаджиры черкес Ибрагим аль-Черкеси, кабардинец Хаджи-Насрулла Кабири да чеченец Осмон аль-Мичики смело смотрели ему в глаза.

Шамиль посмотрел на своих спутников и продекламировал стихи арабского поэта:

У меня были братья, которых я считал панцирями,
Но вот они стали моими врагами.

Я считал их за меткие стрелы.

Да! Они были таковы,

Но только теперь в моем сердце...

- Ты прав, смелый Бойсангур! - примирительно заговорил Гази-Магома. - Но наши взаимные обвинения и осуждения не помогут нам выйти из создавшегося трудного положения. Имам, мы ждем твоего приказа.

Неистовый Бойсангур еще больше расстроил и без того удрученное сердце Шамиля. Все, что он собирался сказать улемам и наибам, как-то расплылось. Этот неужимый Бойсангур часто устраивал ему подобные сцены. Он был единственным подданным Шамиля, который заходил к нему без предупреждения и разрешения, говорил в лицо все, что он думает. Бойсангур не ведал страха ни в чем, он презирал даже смерть. Его необузданная смелость, мужество и храбрость снискали ему заслуженное уважение народа.

- Сегодня мы оказались в критическом положении, - начал имам, когда Бойсангур успокоился. - Чечня пала. Все силы русских, которые до сих пор были направлены против нее, теперь сосредотачиваются против Дагестана. По нашим следам, наступая на нас на пятки, идет генерал Врангель. Из Грузии с большими войсками на Мааристан идет генерал Маликов. На нас наступают с трех сторон, они смыкают кольцо вокруг нас. При этом наши наибы, все аулы один за другим сдаются неверным без единого выстрела. Чохцы и наиб Исмаил сдали крепости Чох, Согратль. Наиб Дениел-бек сдал укрепления Эриб, Расиб, Магар и сам отправился к главнокомандующему. Покорились русским андийцы, ашильтинцы, койсубулинцы, куядинцы, согратлинцы, гимринцы, унцуклинцы, гоцатлинцы, хунзахцы, дарадахойцы и другие. Они послали своих представителей к гяурам с изъявлением покорности. Кибит-Магома поднял против меня тилитлинские и црахские аулы, а Даниел-бек не только сдал укрепления и сам сдался гяурам, но поднял против меня свои лезгинские аулы. Кроме всего этого, не успел я вступить на землю Дагестана, как ограбили нашу казну и мое личное имущество...

- Подожди, имам, вскоре они и тебя продадут гяурам. За горсть кукурузной муки! - бросил реплику Бойсангур.

Имам гневно посмотрел на Бойсангура, но сдержался. Шамилю не чем было ему возразить. Бойсангур и в самом деле мог быть прав.

- Мы отступим в Гуниб. Это наше последнее убежище! - Приказным тоном закончил имам свою короткую речь.

В комнате воцарилась тишина. Никто не задал вопрос и не возразил. То ли соглашались с имамом, то ли боялись возражать. Или все они заранее про себя приняли окончательное решение о дальнейшей своей судьбе.

- Ну, хорошо, отступим мы в Гуниб, а дальше что? - снова заговорил Бойсангур.

- Что будет дальше, ведомо только одному Аллаху, - грустно ответил имам, тяжело вздохнув. - Если срок, отпущенный нам для жизни на этой грешной земле закончится, умрем, если же нет, будем жить до смертного часа.

- В Гунибе сразимся с гяурами до последнего вздоха! - вставил слово Дибир аль-Анди.

- А почему мы бежим все эти двадцать дней, если так горим от желания сразиться с гяурами? - не унимался Бойсангур.

- Гуниб - неприступное место для противника.

- А Чох, Гергебиль? Ахульго, Согратль? Разве они были хуже Гуниба? Или мы бежим туда, чтобы и его сдать без боя?

- Бойсангур, если ты боишься идти с нами, мы не держим тебя. Ты можешь вернуться в Чечню со своими чеченцами.

- Меня никто не принуждает идти с вами. Иду добровольно. Чтобы люди не говорили, что Бойсангур покинул своего имама, когда для него наступил черный день.

- Теперь для него нет другого выхода, - сказал Дибир аль-Хунзахи. - Обратного пути у него нет. Уже поздно.

- Обо мне не беспокойся, Дибир. Положить себе путь обратно в Чечню я смогу в любое время, пока моя рука держит саблю. Я еду в Гуниб, чтобы посмотреть, как вы будете погибать за газават. Или посмотреть, как вы, побросав оружие, побежите к гяурам. А потом, Дибир, со своими чеченцами я вернусь в свои родные леса, буду

сражаться за свободу народа и победу ислам до той минуты, пока меня не постигнет вражеская пуля. Живым я не сдамся в руки гяуров.

Подобные перебранки, издевки, взаимные обвинения между чеченцами и дагестанцами было обычным явлением. Особенно они участились в последние годы, в связи с особой политикой Шамиля по отношению к чеченцам.

- Хватит, Бойсангур! - повысил голос Шамиль. - Хватит издевательств. Соберитесь, мы немедленно выступаем!

Бойсангур, конечно, немного перегнул. Чеченские аулы до последнего сопротивлялись русским войскам, это правда. В Чечне не осталось ни одного аула, которого не сожгли бы или не переселяли с места на место по несколько раз. Это был результат бездумной, безумной, легкомысленной храбрости чеченцев. Однако, когда настал последний час, чеченские наибы тоже поспешили изъянить свою покорность главнокомандующему князю Барятинскому. Кое-кто попытался поднять некоторые аулы против Шамиля. Например, наиб Саабдулла. Некоторые наибы не только пошли встречать Барятинского, когда тот охал в Ведено, но и сопровождали его. Так что тем и другим не в чем было обвинять друг друга. Вся разница в том, что дагестанские наибы всегда спасали свои аулы от разрушения, а народ - от гибели, на что у чеченцев не хватало мудрости и дипломатии.

* * *

Все эти двадцать лет, проведенных в Чечне, Шамиль часто вспоминал разговор с Юнусом, который у них состоялся в Беное.

С одной стороны эти чеченцы были грозным, воинственным народом. Будто Бог создал его для войны, испытания всевозможных бедствий и трагедий. Они как зеницу ока защищали свою анархическую свободу, как в отношениях между собой, так и от внешнего врага. Во всех че-

ченских народных песнях воспевают мужество, храбрость, смелость, благородство, героические подвиги отдельных личностей. У них нет песен, в которых оплакивается несчастная судьба, нет песен о печали и унынии.

В эти последние двадцать лет они оказывали отчаянное сопротивление русским войскам, иногда одерживали победу над превосходящими силами врага, одновременно боролись против его, шамилевской власти, которой не хотели подчиняться. В то же время у них постоянно происходили междоусобные стычки.

КАРЦОВ А. П. : « - Не все части Восточного Кавказа одинаково нам враждебны и одинаково нам опасны: следовательно и не все они требуют одинаково строгих мер предосторожности. В западном отделе Терской области разноплеменность населения, давняя привычка к русскому управлению, а часть и разность религии населения делают власть нашу почти упроченной, тут возможны только частные, мелкие беспорядки.

К сожалению, ни одной из тех причин, которые упрочивают нашу власть в Дагестане и в двух крайних отделах Терской области, не существует в Среднем отделе. Сей последний, населенный чеченскими племенами. Тут все сложилось против нас: и характер народа, и общественный быт его, и местность. Продолжительная война, которую чеченцы вели с нами, не возвысила и не улучшила их характер. Поставленные между ударами наших войск и деспотической властью Шамиля, не имея сил ни защищаться от нас, ни свергнуть его, шамилевского, управления, чеченцы в течении 20 лет старались только о том, чтобы увертываться от грозивших опасностей, употребляя и свое оружие, и разные ухищрения то против одной, то другой стороны, и всегда друг против друга. В этой двойной войне и усобице, они утратили почти всякое понятие о долге, об уважении к собственности, о святости данного слова. Привычка к опасностям и хищничеству развились у них до такой степени, что сделались почти потребностью. В течение 20 лет ни один из чеченских аулов не

был уверен в том, что он останется на месте до следующего дня, то наши колонны истребляли их, то Шамиль переселял на другие места по мере наших движений. Благодаря необычайному плодородию почвы, народ не погиб от голода, но потерял всякое понятие об удобствах жизни. Демократия у них всегда была доведена до крайних пределов: не только понятия о сословиях и власти наследственной, но и понятия о какой бы то ни было власти, они почти не имели. Даже в языке чеченцев нет слова «приказать»...

При настоящем положении нельзя не смотреть на них и на правительство как на две восставшие стороны, стоящие друг против друга, на каких победившая удовлетворялась своей победой, а побежденная, сохранив свое оружие и силы, выжидает случай возобновить ожесточенную борьбу...»

С другой стороны, у чеченцы наивны как дети. Чеченец не ведает страха. Он даже смерти не боится. В то же время он бесхитростный, наивный, доверчивый, легковверный. У него душа открыта не только друзьям, но и врагу. Он перен слову, дружбе, среди них очень редко встречаются предатели, вероломные люди, изменники. Человек с такими пороками позорит весь род, его изгоняют из рода, а иногда из целого общества. Чтобы управлять этим своенравным, воинственным, вспыльчивым, в то же время доверчивым народом, человеку требовались безграничный ум, терпение, ловкость, хитрость и вместе с тем мужество, сила воли, жестокость. Шамиль обладал всеми этими чертами. Дагестанцы, которые столетиями жили под властью ханов, привыкли подчиняться властям. С ними Шамиль говорил одним языком, властным языком. Говорить с чеченцами следовало на нескольких языках - то ласково, то уважительно, иногда и сурово. То поощряя, то наказывая.

Шамиль всячески восхвалял историческое прошлое чеченского народа, его мужество, храбрость, героические подвиги в борьбе против иноземных захватчиков. Приво-

дил примеры из жизни национальных героев, сравнивал с ними чеченских наибов и рядовых воинов. Имам знал честолюбивый характер чеченцев. Когда наступал критический момент, он обращался к ним с воззванием типа « в горах храбрее вас нет, чеченцы, вы свечи религии, опора мусульман» и т.д. Часто говорил чеченцам, что они сделали его имамом Чечни и Дагестана. Шамиль делал много уступок чеченцам, иногда сквозь пальцы смотрел на то, как они нарушали законы шариата и имамата. Первоначально наибами и мудирами в Чечне Шамиль назначал людей, предложенных народом. Чеченцы были непредсказуемы. Иногда требовали от Шамиля, чтобы он наибом им назначал дагестанца, а потом, спустя некоторое время, возмущались тем, что над ними наибом поставлен дагестанец.

Шамилю приходилось мобилизовывать всю силу воли, чтобы терпеть буйный, непоследовательный характер чеченцев. Ибо прекрасно знал, что тот день, когда чеченцы покинут его, станет последним днем его имамства и имамата. В то же время Шамиль был твердо убежден в том, что чеченцы будут воевать с русскими до последних сил, никогда не изменят ему, не совершат предательство.

Чеченцы же уважали и почитали Шамиля за его мудрость, мужество, а главное, за его религиозную образованность и приверженность правоверному исламу. Многие считали его святым.

У чеченцев, которые более ста лет боролись против пришлых кабардинских, черкесских феодалов, а потом против русского царя, не было свободного времени заниматься своим духовным развитием. Даже начальные духовные школы - медресе - у них были только в больших аулах, да и муллы, которые обучали там детей читать и писать, по грамотности не далеко ушли от своих учеников. После окончания медресе мальчики брались за оружие, уходили на войну, защищать свою родину. Изредка молодые люди шли в Дагестан, продолжать там учебу у известных богословов. Чтобы как-то устранить эти трудности, Шамиль открыл медресе во всех аулах Чечни, де-

там обучали дагестанские муллы, которых Шамиль приглашал из Дагестана. Но в этом полезном начинании Шамиль не достиг успеха из-за систематических военных действий в Чечне. Здесь не было ни одного аула, по неслучайно раз не сожженного или не выселенного. Молодежь не по воле бралась за оружие и шла на войну, чтобы защищать свои аулы, родину, свободу своего народа.

В те времена в Чечне жили только несколько образованных богословов - Атаби, Сааду и Сулейман. Первые два были не только богословами, но и талантливыми наибами Шамиля. «Чистым муллой» был только Сулейман-Мулла, который не ужился с Шамилем, покинул Чечню и отправился в Хункар. Все они не имели авторитета в народе как муллы. Ибо чеченцы, как правильно заметил Шамиль еще двадцать лет тому назад, не имели сознательности возвышать своих мудрецов и героев. Чеченцами мог управлять только такой человек, как Шамиль. Мудрый, храбрый, решительный, мужественный, но чужеземец. Аллах щедро наделил Шамиля всеми этими качествами. Если бы Шамиль объявил себя князем, ханом, падишахом, чеченцы не приняли бы его. А имам другое дело. В представлении чеченцев имам не правитель, не владетель, а покорный раб Аллаха, духовный отец народа, святой шейх. Потому чеченцы не считали для себя уважительным подчиняться ему. Наоборот, считали его недостойным делом.

Шамиль же, как человек мудрый, хорошо знал все слабые стороны характера чеченцев. Все пути к их сердцам...

Было время, когда Шамиль пытался как-то возвысить чеченских наибов в глазах народа. Конечно, до допустимого уровня. Так, чтобы они в последствии не смогли бы стать для него опасными конкурентами. Однако, из этой затеи ничего не вышло. Чеченцы сами низвергали тех, кого он возвышал. Все чеченские наибы были храбрыми, смелыми, талантливыми воинами. Особенно выделялись Шойб-Мулла аль-Цонтарой, Талхиг аль-Шали, Гойтемир аль-Аух. Казалось, Аллах создал этих великих воинов именно для войны. Шойб аль-Цонтарой и Талхиг аль-Шали

неоднократно одерживали победы над десятикратно превосходящими силами русских, которыми командовали опытные, талантливые боевые генералы.

Чеченцы сами убили Шоиб-Муллу аль-Цонтарой и Удди-Муллу аль-Гордали. Здесь, в Калуге, до Шамиля дошли слухи о том, что труп Талхига аль-Шали, который умер после войны, враги ночью выкопали из могилы и бросили у дверей дома его семьи.

Чеченцы не поддерживали своего знаменитого земляка, первого имама горских народов шейха Мансура аль-Алды. Он покинул Чечню, отправился адыгским народам, в течение пяти лет защищал их свободу и независимость от русского царя. Там его взяли в плен, умер вдали от своей родины, в тюрьме гяуров. Не менее шейха Мансура аль-Алды был известен в горах и далеко за их пределами и знаменитый чеченский предводитель Бейбулат аль-Билто. Когда он лежал больной, прикованный к постели, кровник Бейбулата, какой-то кумыкский князь, убил его с помощью русских властей. Свои же убили Шоиб-Муллу, Удди-Муллу, Домбая и, может быть, десятков других героев чеченского народа, имен которых Шамиль не знает. Очень может быть, что и сами чеченцы давно забыли их. Ибо чеченцы не умеют или не хотят поставить во главе народа своих мудрых, мужественных, благородных людей, своих верных сыновей, беречь и уважать их. В этом и заключается трагедия этого мужественного народа...

* * *

Когда ушли наибы и улемы, Шамиль глубоко задумался над словами Бойсангура. Действительно, число его товарищей, его последователей уменьшается с каждым днем. Ну, с оставшимися он доберется до Гуниба, а дальше? Они должны там умереть за газават или сдаться в плен гяурам. Он не знает, как поступят его товарищи.

Да, он сам и его улемы ежедневно призывали народ к священной войне против неверных. Твердили им, что того, кто погибнет на войне с гяурами, в могиле не допросят ангелы Мункир и Некир, ему настежь будут открыты все

двери рая, он будет приближен к Аллаху. Говорили они, что того, кто отступит перед неверными, отдаст им клочок земли без боя, кто подчинится их власти, Аллах покарает на этом свете, а после смерти он будет вечно гореть в пламени ада.

Но счастия, сколько людей погибло, поверив этим проповедям, призывам и воззваниям. Старые, молодые, подростки и женщины. Даже тогда, когда у них была возможность спастись от смерти.

Шамиль задумался. А много ли улемов погибло за это святое дело? Шамиль мог бы поклясться на Коране, что их набралось бы не больше пары дюжин. Верным идеем газавата до конца оставался Гази-Мулла. Он не был двуличным, как большинство улемов. Это был смелый, храбрый, мужественный, благочестивый мусульманин. Он отдал свою жизнь на пути Аллаха, за свободу народа и правоверного ислама. А что будет с ним, Шамилем? Он тоже храбр и смел, как лев. У него есть ум, как бездонное море. У него твердая воля и терпение, как эти каменные горы. На его теле девятнадцать шрамов от ран. Правда, боевых из них только три, а семнадцать, так сказать, бытовые. Две тяжелые раны он получил в Чобаккинароей от рук слопного Губаша. Остальные четыре раны ему нанесли двое каких-то безумных чеченцев.

Да, он безгранично храбр. Ему не раз приходилось встречаться со смертью, но он никогда не чувствовал страха перед ней. Это была не слепая храбрость, рядом с нею всегда стояла мудрость. Потому, встречая в жизни трудности, он не думал о смерти, но и не искал ее. Не играл со смертью, чтобы показать свою храбрость и мужество. Наоборот, избегал ее любыми путями. У него был твердый принцип - не подвергать жизнь опасности без крайней необходимости, не кидаться в пасть смерти. Она сама придет, когда кончится срок, отпущенный Всевышним. Не раньше и не позже. В назначенный час, в назначенную минуту. До этого надо жить и радоваться жизни. Чтобы заслужить газават не обязательно кидаться на штыки, под пули и сабли врага. Газават можно заслужить и другими

путями. Например, сохраняя свою жизнь и побольше убивая неверных. Другое дело, достойно принять смерть, когда нет иного выхода. В последние двадцать лет он не принял непосредственного участия в боях с оружием в руках. Он знал свои обязанности, долг перед Аллахом и народом. Он умело руководил борьбой народа за свободу и независимость. За торжество ислама. Такова была воля Аллаха и народа.

ЗИССЕРМАН А. Л.: « – Шамиль, впрочем, никогда не отличался особыми военными способностями: он был бесспорно хорошим организатором и администратором, в духе кавказских горцев, военные действия были результатом труда его лучших наивов. Присутствие Шамиля можно было узнать по большому зонтику, который над ним держали. Он употреблял его как эмблему власти. По мнению Шамиля, его присутствие должно было воодушевлять воинов, придать им мужество, смелость. Но в Чечне получалось наоборот. Нередко царские генералы говорили, что своим присутствием Шамиль даже сковывал боевые действия чеченцев, а иногда вмешивался в тактические планы наивов, приводя их к поражению».

Шамиль был последователем накшабандийского тариката. Народный вождь. Народ, особенно чеченцы, верили в то, что он является помазанником Бога, святым шейхом, который не может ошибаться. Однако сам Шамиль никогда не забывал, что он простой смертный человек, горец. Знал свои слабости, свою ответственность перед Всевышним и народом.

Теперь он спешит в Гуниб. Вернее, бежит. Он не фанатик. Он знает, что в Гунибе конец ему и его имамству.

А что с ним дальше будет, знает только Создатель.

ЗАХАРЬИН (ЯКУНИН) И. Н.: « - Магомед - Шафи, сын Шамиля, рассказывал мне. Когда в Хунзахе с наступлением началась резня между аварцами и мюридами Гамзатбека, то рубился и Шамиль, защищаясь от нападавших на него нукеров, которые, зная его за друга Гамзатбека, хотели его непременно убить... Среди самого пыла бит-

но один аварский бек крикнул: « Изрубите Шамиля! Он в белой папахе! Тогда Шамиль быстро снял с себя белую папаху и надел ее на первого подвернувшегося ему мюрида, а его черную папаху надел на себя. Мюрид, тоже услышавший крик аварца, беспрекословно повиновался Шамилю, и вскоре был изрублен в куски, а Шамиль остался жив, получив лишь легкую рану шашкой...»

Шамиль вспоминал, как в последние десять лет русские медленно убивали Чечню. Уже в начале 50-х годов они предприняли новую тактику войны против чеченцев.

БАКЛАЧОВ: « Чтобы выиграть время и уменьшить потери, прибегнул к помощи огня, и пожар скоро заставил повстанцев покинуть жилища... Треск разрушающихся зданий, вопли не успевших выскочить из пламени, отчаянные крики женщин и детей, сновавших в безумном ужасе посреди этих мрачных, обрызганных кровью и грязью тел... все это составляло такую ужасную картину, о которой никто не мог вспоминать без содрогания...»

БАКЛАЧОВ: « Мы шли разорять эдем, опустошить этот богато-дарованный уголок Малой Чечни, безжалостно уничтожать эти сады, вырубать фруктовые деревья... Мы страстно стремились к выполнению задачи. Наследие отцов, взлелеянное несколькими поколениями, составлявшее гордость и утешение всех возрастов, начало падать под безжалостными ударами топоров. Ни одного выстрела не было сделано в защиту его, и отмщения за самую горькую обиду, какая только может быть нанесена бедному трудолюбивому простолюдину. Сады, казавшиеся нам бриллиантовым раем в сравнении с окружающей их местностью, в такое первое посещение Рошни, представляли теперь разрушенную картину опустошения, деревья были обезображены с поломанными ветвями, с помятыми вершинами, стелавшимися между деревьями загромождены были кучами валявшимся и усевшимися опавшими плодами... В нашей стране, когда она возвращалась на Мартан, не было ни одного солдатского кармана, ни одной сумки, ни одного мешка, которые не были бы туго набиты всевозможными фруктами...»

В этот трагический момент Шамиль один за другим совершал непоправимые ошибки по отношению к чеченцам, которые постепенно разжигали вражду между чеченцами и дагестанцами.

ПАВЛЕНКО П. А. « - Вражда между народами Чечни и Дагестана, братски деливших все тяготы многолетней борьбы, занялась незаметно. Старшим наибом в Чечне Шамиль сделал дагестанца Кибит-Магому, отстранив от этой должности Талгика, который был бессменным правителем Большой Чечни. Своего смелого военачальника, создателя конной артиллерии и первой пехоты, начальника артиллерии имамата, неутомимого искателя новой тактики ведения боя, наконец, тестя своего сына Джемал-Эддина, члена семьи имамовой, своего родственника. В самый критический момент Шамиль не вверил ему даже охрану Малой Чечни, назначил туда старшим наибом Абакар-Дибир Хунзахского. Вдобавок ко всему этому, обещав женить своего сына Гази-Магому на дочери наиба Талгика, Шамиль изменил слову, и женил на дочери Даниел-бека. Этими поступками Шамиль оскорблял и унижал всех чеченских предводителей, представляющих наиболее талантливую часть его командования. Чеченцы обвиняли дагестанцев в неумении сражаться, дагестанцы называли чеченцев изменниками...»

Вскоре Абакар-Дибир на деле проявил свою бездарность.

КУБЛИЦКИЙ П: - « - Мы наступали на Урус-Мартан, который был сердцем Малой Чечни. Заложением там крепости мы наносили удар этому сердцу. Если бы между здравым смыслом Талгика и судьбою нашего дивизиона не стоял бездарный Абакар-Дибир, с туго завязанными глазами, - все бы погибло! У Абакар-Дибир ничего не получалось. Тогда он бросил игру и на все махнул рукой и представил чеченцам сопротивляться как сами знают. Это решение Абакар-Дибир было самым мудрым из всех предпринятых им со дня назначения на должность наиба в Малой Чечне. Предоставленные самим себе, чеченцы опять становились чеченцами... В чеченцах, как только

они увидели, что их покидают, и предоставлены собственным силам, пробудилась вся их энергия старого времени, и они отчаянно принялись защищаться сами. На этот период падают наши значительные потери за этот год...»

Говорили, что Шамиль горько раскаялся, что не Талгику вверил охрану Малой Чечни. Он писал Талгику: «От повелителя всех мусульманских народов Шамиля душевному другу моему наибу Талгику! Желаю тебе вечного мира с Богом Всемогущим! Когда дошли до меня известия о несчастье, постигшем нашего брата Дубу, я не мог удержать моих слез и душевно горевал о бедствии. Именем Всемогущего Бога призываю вас на брань с неверными. Действуйте против неприятеля так же хитро, как лисица, и не отступайте от обычаев ваших славных предков. Надейтесь на Бога, который не допустит наносить вам новые обиды. Знай, мой любезный друг и брат, что если отторгнется от нас гехинский округ, то погибнет вся Чечня. Ничтожный раб божий Шамиль».

Несчастье наиба Дубы, о котором говорил имам: когда Андрей Миллера-Закомельского разорил аул Дубы, он потерял всего движимого имущества, скот. Потерял двух сыновей: одного малолетнего взяли плен, другого, совершеннолетнего, убили, также убили жену.»

Еще и с опозданием, Шамилю все же пришлось сменить наиба Абакар-Дибера. На его место старшим наибом Малой Чечни он назначил Саабдулла аль-Гехи.

ПАВЛЕНКО П. А.: « - Саабдулла прибыл к войскам в Чечню, когда русский лагерь снялся с места. Под огнем русских цепей новый военачальник покорно проехал опушенный лес на удивительно вороном коне, известном всему Великому флангу Кавказской линии. Саабдулла принадлежал к абрекам шайки Бейбулата. Мастер внезапного боя, он в течение нескольких дней нанос русским такие чувствительные потери, что их возвращение в Воздвиженское приняло характер растерянного отхода. Отходя, русские истребляли все, что было можно: сено, кукурузу, дома, падь. Колесницы заваливались конскими трупами. В течениенибудь 2-3 часа под топорами солдат погибало то,

что создавалось и поддерживалось целыми поколениями. Но Саабдулла за каждое срубленное дерево брал по жизни - писал историк Нижегородского полка.»

* * *

В последние годы чеченские наибы делали все, что в их силах, для защиты Чечни от наступления русских. Хаджи-Юсуф спешно реорганизовал армию имамата. Используя опыт солдат-перебежчиков, Талгик создал пешие войска, десять батальонов, по пятьсот бойцов в каждом.

ПАВЛЕНКО П. А. « - Пехоту горцев русские приняли за своих пластунов. Она шла в строгом порядке, но пластуны ходили куда хуже. Узнав, что это горцы, против них вылетели нижегородские драгуны в лоб, казаки - на фланги. Но здесь русскую конницу встретила конница Саабдуллы, героя урусмартановских боев, но не выдержала удар драгун. Эскадроны на карьере врезались в пять батальонов Талгика, которые с невозмутимым спокойствием построясь в карьере, уже приготовились отразить атаку штыками. Началась рукопашная. Лет 15 не помнили на Кавказе такой кровопролитной схватки. Рубились и резались больше часа. Прижатые к берегам реки Басс, чеченцы не могли маневрировать, отступить было некуда. А на помощь драгунам спешили ширванские и апшеронские полки. Оставив на месте боя 300 раненых и убитых, все остальные стали бросаться с высокого берега в реку. Казаки и драгуны, насадив головы горцев, двинулись назад с песнями...»

Шамиль теперь не приказывал чеченским наибам, а умолял их не уступать русским ни одной пяди родной земли, не складывать оружия. Но Чечня, которая с 1840 года в течение двадцати лет сражалась против могущественнейшей державы мира, потеряла на войне половину своего мужского населения, превратилась в пепел и руины, уже билась в агонии.

ПАВЛЕНКО П.А.:»-А между тем женщины устали рожать новых детей, и шерсть в горах была дорога, стада, терпящие от беспрерывных набегов русских, не успевали пло-

даться. Сады грубели. Поля отвыкли от жатв - хлеб редко выставлял до времени жатвы. Многие наибы рассматривали себя полными владыками жизни, по существу они были помещиками. Они воровали вовсю или беспечно позволяли воровать приближенным. Судьи лихоимствовали. Страна жила от сражения к сражению, а не от урожая к урожаю. Герои оказывались бессильными в борьбе против более высокой культуры войны и более развитых социальных отношений, которых несла с собой русская армия и Россия...

Сражение оказалось прекрасным средством победы, и на него втихомолку надеялись больше, чем на способности и таланты своих генералов. Девиз Евдокимова «выкуривать» стал программой, как некогда ермоловский «вырубать лесом».

Аулы Большой Чечни выжигались безжалостно. Жители потребовали личного приезда Шамиля в пострадавшие районы. Но он не только не приехал, но даже письма не прислал. Тогда в Ведено появились делегаты сожженных аулов и толпы беженцев с семьями, но имам не вышел к ним. Шамиль не испытывал никакой жалости к чеченским беженцам. Он предпринял выселение чеченцев с территории в горы. Чеченцы не поняли имама и ответили массовым протестом.

Но русские намерены были воевать теперь только с оружием. Выжигали хутора в Герзельском лесу. Горели деревни по реке Джалга, аулы вдоль Басса и Шовдана. Огонь стал лучшей тактикой армии, пожар - наиболее удачным сражением. Война на Кавказе и так слишком затянулась и грозила превратиться в войну без конца, что было весьма выгодно и удобно для офицерства, но убыточно для России. Бессконечное завоевание горцев уже надоевало империи.

Генерал граф Евдокимов, сын феолиоркера и сам солдат. Он только что вышел в средние генералы и назначен начальником левого фланга Кавказской линии. Ему не интересен мир, вместе с миром прекратится и его блистательная карьера. Но для того он принимал участие во

всех выдающихся сражениях Кавказской войны, чтобы уступить решительный бой дипломатам...

• Но у Барятинского другие методы. Набеги прекращены. Рубка ограничена. Основная ставка - на лазутчиков. Разработана тарифная сетка предательства: за информацию, побег от имама, за сражение с имамом, за нейтралитет, за сданную пушку и так далее. Война снова начала давать горцу доход, правда, со стороны противника. Выгоднее было не сражаться и заработать у Евдокимова, чем драться и не получать ничего от обедневшего имама.

По опыту своей жизни Евдокимов и сам горец. Этот горец из солдат, с трудом пишущий письмо, бывший койсубулинский пристав, имеет собственный план войны. По уверению Барятинского - самородок, хотя и с грехами: нечист на руку, взяточник.

Грабеж был фактически узаконен. Грабят все - и казаки, и солдаты, и туземные отряды из перебежчиков, и мирные горцы...

Малая Чечня изъявляет покорность. И в течение трёх месяцев непрерывно бушуют пожары, горят стога сена на Гельдигенской поляне, горят запасы кукурузы в Курчалое, пылают хутора вокруг Мезенского поля. «Дым от пожаров ветер относил к Чёрным горам, и они оделись непроницаемой сплошной завесой, придавая какой-то особый мрачный колорит всей картине...» - писал участник этой войны.

Весною 1857 года Евдокимов бросает войско в Большую Чечню.

Приказано не увлекаться сражениями, а гнать людей с пашен, жечь и вытапывать запасы, разрушать жилища и захватывать скот...

Аул за аулом изъявляют покорность. Больше сражаться немислимо.

В течение четырёх месяцев огонь расчистил огромное пространство и, у Гельдигена, в центре свободной Чечни, куда лет пятнадцать не заглядывал русский смельчак - Барятинский принимает парад войск...

В июле знаменитый мичиковский наиб Эски, один из самых доблестных командиров низама, растерянно входит в приемную Евдокимова в крепости Грозный. Он только что бежал от имама. Он больше не в силах сражаться.

Покончив здесь, Евдокимов начинает действовать в долине реки Сунжа против уборочной. Как только подожежны поля, русские считают сражение законченным и ни на чем остальным не интересуются...

Обе стороны продолжают переселение аулов. Русские намерены поселить чеченцев поближе к казакам, имам threatens увести их в горы, подальше от казаков...

Шамиль созывал в Шатой всех своих сыновей и наибов Чечни. Здесь, сидя на ковре под деревом, он на сухом листе бука написал Талгику трогательное письмо: «Предлагаю тебе завтра быть на условленном месте, где я тебе дам надлежащий отчет...»

16 июля 1858 года чеченские военачальники и алимы собрались у Шали, на поляне среди истерзанных, но ещё грозных лесов. Здесь Шамиль пытался воодушевить чеченцев.

Не пугайтесь русских! Из Ахульго я вышел с семью людьми и вот каким сделался с помощью вас! Нет, я умру здесь, на земле вашей. Вы люди смелые, храбрые. Будьте покойны, не бойтесь ничего!...

18 июля началось сражение. Окружив разбросанные на расстоянии пятнадцать верст русские отряды, горцы повели энергичное наступление пехотой. Евдокимов проорвал кольцо. 13 суток шли солдаты вперед. Молодой наиб Батуга врубился в конном строю в Тенгинский полк, порубил стрелковую роту и внес панику в авангард всего отряда. Но он был ранен.

Шамиль хочет поднять ингушей, карабулаков. Оставив Евдокимова на Талгисе, с новой колонной он идет туда. Прямой на марше, без отдыха он атакует генерала Мишенева и сбивает его правый фланг. Неопытные, наспех сформированные ингушские повстанческие отряды дерутся плохо. Но имам цедит чеченцев в сражении, которое ре-

шит судьбу рейда. Он бережет чеченцев, как Наполеон свою старую гвардию на Бородинском поле, и в конце концов упускает случай использовать ее: галгаевцы не выдерживают русского огня, пьются на чеченцев и опрокидывают их. Чеченцы не в состоянии развернуться в бою. Они отступают, облепленные обезумевшими ингушскими партизанами, оставив на поле боя 400 тел и 400 ружей...

Евдокимов проник в Шатоевскую долину, выжег несколько аулов, никогда еще не видевших у себя русских...

Шамиль вернулся в Ведено. Он вызывает дагестанцев в Чечню. Гази-Магоме было послано распоряжение отобрать заложников у подозрительных чеченских аулов и заменить наибов-чеченцев дагестанцами. Рознь между народами-братьями приняла в результате этих мер открыто враждебные формы. Переселение к русским чеченцев пошло еще быстрее...

В августе Шатоевский кадий Сураип-Эфенди явился к Евдокимову с объявлением покорности всего шатоевского общества. Евдокимов назначил его верховным правителем шатоевского общества. Через день старшина чантинцев Дуга просит Евдокимова поддержать восстание его группы против имама...

Чечня разваливается сама собой. Его жгут теперь все, кому не лень. Жжет Дуга, жжет Сураип, жжет бежавший от имама наиб Гамзат, жгут люди Гази-Магомы и солдаты Евдокимова...

Сквозь огонь этого неслыханного пожара, напоминающего стихийные бедствия древних войн, в крепость Грозную врывается раненый, в обгоревшей черкеске шатоевский наиб Батоко. Он просит пощады. Но Евдокимов верен себе. Он милостиво оставляет Батоку в звании наiba Шатоевского, а кадия Сураипа назначает судьей. И этим солдатским жестом покупает одного из способнейших чеченских командиров...

Евдокимов начинает многим нравиться. Он жесток, но в этой проклятой войне все жестоки. Твердость его слова вызывает уважение. Не в пример Воронцову и Барятинскому, он ничего не меняет в горских порядках, твердо и

неуклонно поддерживает все, что создано Шамилем. Даже наибы, смещенные Шамилем за бездарность, не получают повышения и у Евдокимова. Громадное значение имеет его план оставить наибов наибами. Ведь только потеря своей власти и боялись эти дикие маршалы имама. Что, собственно, гибнет? - спрашивали они себя в минуты раскаяния. Шариат цел, порядки имама сохранены, мы, его военачальники, оставлены. Гибнет один имам...

Вскоре прибывает к Евдокимову еще более деятельный наиб - Саабдулла, герой боев на Урус-Мартане. Но этот приходит смелее других. Без помощи русских, он сам поднимает небольшое восстание и приводит к присяге царю 20-25 еще совершенно неграбленных целых аулов. За это он получает мандат на все малочеченское наибство. Евдокимов принял Саабдулла с подчеркнутым уважением, как храбреца. Он даже познакомил его с офицерами полков, битых Саабдуллой на Урус-Мартане. А затем поручил дело, на которое никто не был способен - выкурить абрачоскую вольницу из лесов Фортанги и Ассы. Тут ютились своеобразные «запорожцы». - чеченцы, ингуши, кабардинцы и дагестанцы. Задача была как раз по Саабдулле - полная риска, отваги и безответственности. Через месяц на Фортанге и Ассе было тише, чем где бы то ни было...

В последний год Шамиль первый раз в жизни унижается до просьбы. Он собрал чеченских наибов и алимов в Орское и обратился к ним с просьбой:

«Чеченцы! Во всем Дагестане нет никого храбрее вас! Вы свечки религии, опора мусульман. Вы восстановили меня после Ахульго. Вы много пролили русской крови, пленили знатных, забирали у них добра. Сколько раз заставляли вы трепетать сердца их от страха! Знайте, что я умираю за вас и кунак, пока жив. Клянусь, я не уйду отсюда, пока останется хоть одно дерево в Чечне!»

Но все было кончено. К весне в Чечне распространился тиф, катара, лихорадка. В этот трудный час имама пророческая страшная беда - уходит к русским Талгик. Он ушел вперед за своими чеченцами, словно боясь опоздать

к дню прощения старых грехов, за ним ринулись веденский наиб Эдди, ичкерийский Умалай и наиб Черных гор Осмон. Теперь в свите Барятинского в крепости Грозной собрались все преданнейшие друзья имама, все знаменитые его соратники. В штабе Шамиля остался одноглазый и однорукий Бойсангур, неукротимый наиб беноевский...»

* * *

Предсказание Бойсангура сбылось. В Гунибе с Шамилем остались всего 400 человек. В основном это были беглые солдаты.

ПАВЛЕНКО П.А.: «- Чечня пала. Бои перенеслись в Дагестан. Но дагестанские аулы сдаются без боя, даже топятся. Наибы, оставшиеся у Шамиля, переправляют свои семьи к русским. Покинул Шамиля и Амирхан, старейший ученик и друг, секретарь и советник, товарищ всей жизни имама, копилка тайн имамовых. Амирхан является к Барятинскому с печатью имама. Но эта бледная и грубая игрушка никому не нужна. За нее забывают даже что-нибудь заплатить. В Гуниб идут те, кому нечего терять. Поэтому со всех концов стекаются сюда солдаты-перебежчики. Штаб имама: Дебир Андийский, Дебир Хунзахский, Нур-Магомет Согратлинский, одноглазый и однорукий Бойсангур Беноевский.

10 тысяч солдат окружили гору, на которой скрывалось не более 500 человек. Барятинский обещал дать 10 тысяч рублей тому, кто возьмет имама живым. Услышав о премии, солдаты вооружились лестницами, веревками, железными крючьями и полезли на крутизну. У Шамиля остались 400 мюридов и 4 орудия...»

Шамиль знал, что в Гунибе ему придется либо погибнуть с оружием в руках в схватке с неверными во имя Аллаха и правоверного ислама, как погибли его друг и учитель Кази-Мулла и многие тысячи горцев, либо сдаться в руки гяуров. В последнее время Шамиль думал над этим днем и ночью. Что станет с его семьей в обоих случаях? Если он погибнет в схватке? Семью уничтожат или

попал в Сибирь. Если он сдастся добровольно в плен? Может, это спасет жизнь его семье и тысячам его единомышленников. Но вместе с этой мыслью, которая все чаще занимает имама, до слуха его долетает и какой-то полусторонний голос:» А разве не погибло десятки тысяч твоих последователей, которые сражались под твоим знаменем во имя Аллаха и истинной религии? Разве у них не было семей - жен, детей, родителей?»

Шамиль колебался. Он искал выход. Перелистывал по памяти историю, житие пророков и святых. Вспомнил поступок пророка Муххамада у колодца в долине аль-Худайбия.

Спустя шесть лет после хиджры в Медину, в 628 году, пророк Муххамад решил совершить паломничество в Мекку, посетить священную Каабу. Но в Мекке господствовали его лютые враги - язычники-курейшиты. Тем не менее он выступил в путь с полуторатысячной армией паломников-асхабов, вооруженных с ног до головы. Ансары отплатились последовать за пророком. Паломники вели с собой семьдесят украшенных цветами верблюдов, предназначенных для жертвоприношения.

Через три дня пути Мухаммад получил достоверные сведения о том, что курейшиты поклялись не допустить пророка и его последователей в Мекку, и их кавалерия под командованием Халида ибн Валида уже стережет выход из ущелья, по которому движутся мусульмане. Паломники свернули с главной дороги и, по горным тропам, двинулись в обход курейшитов.

Преодолев горы, они вступили в пределы священного мекканского округа и здесь, в долине аль-Худайбия, у заброшенного, но обильного колодца, Мухаммад разбил лагерь.

Кочевники племени Хузая, официальные союзники курейшитов и преданные друзья Мухаммада, поспешили в Мекку с известием о том, что мусульмане в одежде паломников, с жертвенными верблюдами, украшенными цветами и ожерельями из цветных ремешков, мирно ожидают разрешения поклониться Каабе и выполнить древние обряды хаджа.

Курейшиты разделились на сторонников и противников Мухаммада. Одни призывали к примирению с Мухаммадом и требовали допустить мусульман-паломников в город, другие доказывали, что Мухаммад явился сюда самовольно и в этих условиях «разрешение» будет выглядеть как полная капитуляция.

Мухаммад отправил в Мекку на переговоры к курейшитам своего зятя Османа ибн аль-Аффана с предложением прислать послов для мирного решения вопроса о допусчении паломников в Мекку, на поклонение священной Каабе.

На третий день кочевники принесли известие, что Осман предательски убит мекканцами. На мирные переговоры рассчитывать уже не приходилось, мусульманам-паломникам оставалось либо с позором возвращаться в Медину, либо попытаться силой овладеть Меккой. Никто не знал, что прикажет пророк. Мухаммад же торжественно провозгласил, что они будут биться насмерть.

- Кто присягает пророку, тот присягает самому Аллаху!
- возвестил Мухаммад.

Он принимал присягу от своих соратников, стоя под плоской аравийской акацией. Каждый из них останавливался перед ним и, глядя ему в глаза, внятно произносил слова клятвы, а затем скреплял ее, ударяя своей ладонью по ладони пророка. Они клялись быть верными, подчиняться любому приказу пророка, ни при каких обстоятельствах не покидать его.

Волнение в лагере мусульман улеглось, когда стало известно, что Осман не убит. Курейшиты просто задержали его в Мекке. Ему удалось заверить курейшитов в мирных намерениях пророка, и курейшиты послали к Мухаммаду для переговоров Сухайла ибн Амра в сопровождении вооруженной свиты. С ним приехал и Осман.

Сухайл от имени курейшитов предложил заключить перемирие сроком на десять лет. Что касается паломничества, то в этом году мусульмане от него воздержатся, а на следующий год курейшиты на три дня покинут Мекку, и Мухаммад беспрепятственно совершит хадж к Каабе. Мух-

Мухаммад принял эти условия и приказал Али написать текст договора.

«Это известие многие мусульмане встретили с негодованием. Даже преданный Омар воспротивился ему.

- Такова воля Аллаха, - ответил ему Мухаммад. - Я раб Аллаха и посланник Его. Пиши, - приказал он Али. - «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного...»

- Нет! - запротестовал Сухайл, для которого введенные Мухаммадом названия верховного Бога были совершенно неприемлемы. - Пиши просто: «Во имя твое, с Богом!»

И Мухаммад уступил, несмотря на ропот мусульман.

- Далее пиши, - приказал он Али. - «Это договор между Мухаммадом, посланником Бога, и Сухайлом, сыном Амра...»

- Стой! - опять запротестовал Сухайл. - Если бы я верил, что ты посланник Бога, я бы не боролся с тобой! Поэтому укажи свое имя и имя отца.

- «...Между Мухаммадом, сыном Абдаллаха, и Сухайлом, сыном Амра...» - продиктовал пророк. Договор провозглашал мир на десять лет, отказ мусульман от начатого паломничества и их беспрепятственный доступ к Каабе в следующем году. За кочевыми племенами признавалось право вступать в союз как с Меккой, так и с Мединой.

Как только скрылись из виду курейшитские послы, Омар ибн Хаттаб обрушился на Мухаммада с упреками:

- Почему ты вступил в соглашение с многобожниками? Ведь Аллах запретил нам вступать с ними в соглашения? Ты же здесь, под этим деревом торжественно провозглашал, что не уйдешь от Мекки, не поразив врагов, и призвал нас поклясться, что мы будем биться насмерть? Почему ты, уступив безбожникам, снял из договора имя Аллаха и слова о том, что ты являешься посланником Аллаха?

- Такова воля Аллаха, а я раб Аллаха и посланник его, - ответил Мухаммад. - Когда сюда прибыл посол курейшитов, я получил откровение от Аллаха. Создатель хочет, чтобы я отказался от намерения совершить паломничество сейчас. У нас мало сил, чтобы выступить против

многочисленной рати курейшитов. В схватке с безбожниками погибли бы мы все. И не только мы. В Мекке находятся наши родственники, близкие люди и тайные мусульмане. После победы над нами курейшиты уничтожили бы их поголовно. И кто стал бы после этого проповедовать и распространять правоверный ислам. Что с того, что из договора я снял имя Аллаха и слова о том, что я являюсь рабом и посланником Аллаха? Аллах есть и будет вечно, а я - Его раб и посланник. Кто присягал мне, тот присягал Аллаху. Рука Аллаха - над их руками. На них снизошла от Аллаха благодать - чтобы ввести их в райские сады. Аллах пощадил Мекку ради тех верующих курейшитов, о которых вы и не подозреваете, - объяснил Мухаммад.

Пророк тотчас же объявил своим товарищам, что паломничество будет закончено здесь же, на самом краю священного мекканского округа. И он стал молиться, обратив лицо в сторону Каабы. Затем зарезал кремневым ножом предназначенных для жертвоприношения верблюдов, после чего Кихаш ибн Омейн бронзовой бритвой обрил ему голову. Асхабы последовали его примеру.

По возвращении в Медину ангел Жабраил принес Мухаммаду радостные вести от Аллаха:

«Мы даровали тебе явную победу, чтобы Аллах простил тебе то, что предшествовало из твоих грехов и что было позже, и чтобы помог тебе Аллах великой помощью. Был доволен Аллах верующими, когда они присягали тебе под деревом, и он узнал, что у них в сердцах, и низвел на них свою сакину (божественную благодать) и дал им в награду близкую победу. Оправдал Аллах своему посланнику видение. По истине: «Вы непременно войдете в запретную мечеть, если угодно Аллаху, в безопасности, обрив головы и укоротив, не боясь!» Он знал то, чего вы не знали, и утвердил до этого близкую победу.»

Спустя год, в марте 629 года, тысячи верующих во главе с пророком Мухаммадом из Медины двинулись на юг, по мекканской дороге, ведя за собой верблюдов, быков, козлов и баранов для жертвоприношения. Паломники сняли, как и обещали курейшитам, оружие и доспехи и оста-

вили на себе только мечи, перепоясанные поверх ихрама. Никто не собирался мешать им. Язычники должны были прийти на поклонение святыне недели через две, и окрестности Мекки были пустынно. Лишь немногие курейшиты покинули Мекку.

После истечения трех суток посланцы курейшитов заявили Мухаммаду:

- Время твое истекло, Мухаммад, уходи.

И Мухаммад подчинился их требованию, ибо таково было условие договора, заключенного между ним и курейшитами при Худайбии: три дня и ни часом больше могли мусульмане пробыть в Мекке. Он удалился из города. Мухаммад не торопился - дни Мекки были сочтены. Боги Каабы перестали покровительствовать Мекке, неумолимое движение истории доказывали могущество Аллаха и правоту ислама, и наиболее дальновидные курейшиты поспешили воспользоваться миролюбием Мухаммада - одни тайно, другие открыто принимали ислам.

Вскоре после паломничества явился к Мухаммаду прославленный Халид ибн Валид, ударом своей конницы решивший некогда исход битвы при Охоте, сын давнего врага Мухаммада - аль-Валида-аль-Мугиры, удостоенного проклятий в Коране. Вместе с Халидом пришел и Амр ибн аль-Ас, Осман ибн Талха, и сын Сухайла, заключившего с Мухаммадом договор при Худайбии. Мухаммад убеждался, что вера их чистосердечна, а готовность сражаться на пути Аллаха безмерна. И Мухаммад, не колеблясь, назначает Халида ибн Валида и Амра ибн аль-Аса предводителями мусульманских дружин. Впоследствии Халид ибн Валид пронесет знамя ислама до пределов далекого Египта, под ударами конницы Амра ибн аль-Аса падет Египет.

Мухаммад остался верен договору, заключенному при Худайбии, но вскоре люди союзного курейшитами племени Бану Бакр убили несколько человек из племени Бану Хузаа, дружественного Мухаммаду, после чего в январе 630 года, в годовщину смерти Хадиджи, он повел многочисленную армию на Мекку. Курейшиты не оказали ему

сопротивления, и покорение Мекки завершилось мирно, без кровопролития.

Вспоминая это событие из жизни пророка Мухаммада, Шамиль сделал вывод, что не следует вступать в схватку, которая не только обречена на поражение, но и приведет к напрасным жертвам.

Что-то подобное проповедовал народу и Кунту-Хаджи. Он выступал против всякой войны и насилия, против кровной мести, призывал народ к нравственному совершенствованию, единству, братству, к полной покорности властям и терпению. Он утверждал, что мир и равенство на земле нельзя установить путем войн и кровопролитий, их может дать лишь Всемогущий Аллах, а потому и следует положиться во всем на Всевышнего.

- Не слушайте самозванных шейхов и имамов, призывающих вас к войне, - говорил он. - Не проливайте людской крови. Не поднимайте оружие против русского царя: он действует по воле Аллаха. Если вам велят носить крест - носите его. Ведь это всего лишь металл. Если вам приказывают посещать церковь - идите. Это же просто дом. Лишь бы в сердцах вы сохранили веру в Аллаха и пророка. Все остальное вам простится. За оружие беритесь только в крайнем случае, когда гяуры затребуют для развлечений ваших жен. Покоритесь русскому царю, прекратите войну с ним, иначе погибнет весь чеченский народ.

Учение Кунту-Хаджи шло вразрез с идеологией священной войны против неверных, которой придерживались Шамиль и его сторонники. Они проповедовали войну с иноверцами, а Кунту-Хаджи - межклассовый, межнациональный и религиозный мир, покорность властям могущественного русского царя. Окружение Шамиля стремилось к богатству и роскоши, а Кунту-Хаджи, выходец из народных низов, сам бедняк, призывал жить скромно, честным трудом. И измученные, изнуренные долголетней войной, доведенные до грани физического истребления, потерявшие надежду на возврат к прежней жизни, люди охотно примыкали к народному шейху, что могло стать угрозой идеологическим основам имамата Шамиля. Шамиль

стал всячески притеснять Кунту-Хаджи, и, наконец, в начале 1859 года тот вынужден был покинуть Чечню и отправиться в страну турков и арабов.

Сейчас же Шамиль где-то в глубине души чувствовал раскаяние. Он не должен был поступать с этим бедным и святым человеком так сурово. Он должен был прислушаться к призывам и проповедям Кунту-Хаджи, видеть, чувствовать могущество русского царя. Ведь его, Шамиля, считали самым мудрым человеком в горах, чуть ли не ясновидцем. На самом же деле, из-за его честолюбия, властолюбия и близорукости погибли десятки тысяч горцев. Женщин, детей, стариков. Особенно большие потери понесла Чечня. Там погибла половина мужского населения. Не осталось ни одного аула, не сожженного или не разоренного по нескольку раз. Десятки аулов стерты с лица земли. Даже названий не осталось...

Он осуждал своих дагестанцев, которые при Ахульго не только не поддерживали его в борьбе с неверными, а, наоборот, оказали гяурам помощь при взятии аула. Он называл их изменниками и предателями. Осуждал Шамиль и своих дагестанских наибов, которые не сделали ни одного выстрела против армии Воронцова, когда она по дагестанской земле шла к Чечне. Да и ныне повторяется то же самое. Почти все дагестанские наибы и улемы побежали к сардару неверных. А может, они поступили мудро? И двадцать лет назад, и пятнадцать, и сейчас? Не взяли пример с чеченских наибов, которые своей близорукостью и слепой храбростью превратили Чечню в руины и пепел. В этом отношении его дагестанцы всегда проявляли мудрость и дальновидность, тем самым, спасая народ от надвигающихся трагедий.

Шамиль стоял на перепутье. Он должен был либо принять героическую смерть в схватке с неверными, в газавате, к которому призывал горцев в последние двадцать лет. Либо сдаться в плен к неверным, чтобы спасти свою жизнь, жизнь своей семьи, сотен мюридов, женщин и детей, которые находятся с ним здесь, в Гунибе.

Здравомыслие толкало его на второй путь. Для такого

выбора оправдание у него было: поступок пророка Мухаммеда в долине Худайбия и проповеди шейха Кунту-Хаджи. Но в такие моменты он будто слышал голос с небес: «А почему ты раньше не думал об этом? Двадцать, десять, пять лет назад, когда Чечня горела в пламени войны? И почему ты подумал об этом, когда смерть подступилась к тебе, когда она угрожает тебе и твоей семье?»

Шамиль решил вручить свою судьбу Всевышнему, покорно следовать Его воле, но пока никому не сообщать о своем решении...

* * *

Прибыв в Гуниб, сардар Барятинский через полковника Али-хана Аварского предложил Шамилю мирные переговоры, вернее, предложил сдаться в плен. Шамиль дал согласие начать мирные переговоры, но прежде чем начать их, решил узнать мнение осаждённых.

МУХАММЕД-ТАХИР аль-КАРАХИ: -»На Гуниб поднялся генерал, русские начальники, наша знать, которая была с русскими, и ополченцы. Шамиль собрал находившихся на Гунибе мужчин в мечеть. Он уговаривал, подбадривал и увещевал собравшихся с ним в мечеть, всех сразу и по отдельности, называя каждого по имени, призывая к борьбе, к падению за веру и исканию смерти в битве, но ни один из них не выказал к этому стремления, даже и его сыновья. Они отговаривались состраданием к своим семьям. От русских к имаму пришли посредники, требуя мира и прихода Шамиля к генералу. Для этого же пришёл Данияль к его родственнику по жене Гази-Мухаммеду. Рассказывают, что имам склонился только благодаря уговорам Гази-Мухаммеда».

Сардар прислал на переговоры полковника Лазарева, очень умного и хитрого армянина, и Даниял-бека аль-Элису, который уже проданся гяурам и служил сардару. Когда послы сардара остановились у стены Гуниба, Шамиль послал на переговоры Гази-Магомеда и своего ближайшего соратника и доверенного человека Гаджи-Али

Чохского. При этом приказал Гази-Магомеду не поддаваться на хитрости гяуров.

ГАДЖИ-АЛИ: - «Мы подъехали к русским и начались переговоры. Полковник Лазарев сказал:

- Мы собрались сюда для того, чтобы приискать лучшее на настоящее и будущее время, оставить вражду и заключить мир; успокоить Шамиля, его семейство и приближенных, где захотят; а если Шамиль пожелает отправиться в Мекку, то он будет отпущен с большими подарками от Императора.

-Вы изменники, - ответил ему Гази-Магомед. - Сколько раз мы с вами заключали мир и оставляли сражаться, но ничего от вас не видели, кроме измены и обмана. Мы никогда не поверим словам главнокомандующего или другого какого лица. Мы не нашли в словах генералов Граббе, Фезе и Клюгенау ничего, кроме обмана и нарушения договоров, прежде сего заключённых. Как же нам теперь поверить вашим словам?

- Что было, то было, - ответил Лазарев. - Ты не должен смешивать прежних генералов с настоящим главнокомандующим. Этот - наместник Императора. Каждое приказание его - слово и дело самого императора. Он во всем доверенное лицо его. Пусть знает Шамиль, что этот главнокомандующий делает то, что хочет, и никогда не изменяет своих слов.

Свои слова Лазарев подтвердил клятвой. Потом просил нас передать Шамилю:

- Если угодно будет Шамилю отправиться в Мекку, то он может взять с собою кого пожелает: его проводят до границы Турции, дадут конвой и лошадей под съезд, и, наконец, дадут ему какие-нибудь подарки. Если же он не захочет ехать в Мекку, то может выбрать место в Дагестане, где пожелает, только не на Гунибе, и там поселить-ся, остальных же его спутников поселят и успокоят там, где последние пожелают.»

Предложения сардара были во многом неожиданными и полностью отвечали желаниям и мечтам, которых имам слышал не только от своих соратников, но даже от род-

ных сыновей. Не верил он и гяурам, ибо они не один раз обманывали его, вероломно нарушая договора, заключенные с горцами.

На другой день после переговоров, Шамиль получил письмо главнокомандующего с послами Курбан-Мухамадил Бецадийским, Мухаммадом Хуцийским и Мухаммадом Дженгутаевским, в котором подтверждались условия мира, предложенные Лазаревым. Шамиль собрал мюридов и прочитал им письмо главнокомандующего. Произошло много толков».

ГАДЖИ-АЛИ: «- Шамиль говорил:» Это русские хитрят, чтобы только выманить нас из Гуниба». Другие говорили, что такие люди, как сардар, не должны обманывать. Наконец, чтобы убедиться в истинности содержания полученного письма, Шамиль приказал хунзахскому наibu Дебиру и Чиркеевскому Юнусу отправиться с письмом следующего содержания:» От раба божия Шамиля, великому сардару, главному вождю, генерал-адъютанту князю Барятинскому! Мир вам, похвала и приветствие! К нам прибыли почтенные послы с священным письмом вашим. Мы прочитали его и поняли содержание. Посылаем к вам от нас двух послов для лучшего объяснения условий и обеспечения пути нашего в Мекку. Мы надеемся, что вы выслушаете их и дадите ответ.» Письмо это было написано мною.

Шамиль не хотел взять на себя полную ответственность ни за капитуляцию, ни за гибель защитников Гуниба. Он делал все, чтобы в том и другом случае ответственность ложилась на других, или, в крайнем случае, у него были соучастники.»

ГАДЖИ-АЛИ: «- Когда послы возвратились, то Шамиль сказал народу: «Я хотел заключить мир для вас. Сардар предлагал хорошие условия, и чтобы убедиться в справедливости оных, я посылал к нему двух послов. Теперь послушайте, что они скажут». Послы сказали: «Все, что русские говорят - это ложь; потому что у них на языке одно, а на сердце другое. Мы от них не получим никакой пользы!» Тогда народ сказал: «Благодарим тебя, имам,

что ты желал для нас примирения; но если русские хитрят, то мы лучше будем сражаться, пока не умрем; и ты сражайся, имам!» На другой день Шамиль получил второе письмо, написанное по доверенности главнокомандующего, в котором кратко было спрошено, согласен ли Шамиль на упомянутые предложения, или нет. Когда письмо было получено, меня не было. По поручению Шамиля Абдурахман, зять его, написал ответ главнокомандующему, что с мечом в руках они дожидаются русских. Главнокомандующий, прочитав ответ Шамиля, приказал приступить к осаде. Войска двинулись со всех сторон и заняли все важные пункты.»

В течение нескольких дней героической смертью пали почти все защитники Гуниба.

ГАДЖИ-АЛИ: «- В селении оставалось не более сорока мужчин. Женщины взяли ружья и шашки и приготовились к защите. Шамиль со мною и несколькими мюридами отправился в мечеть, где также приготовились защищаться. Кази-Мухаммад и Мухаммад-шафи, преследуемые русскими со стороны Хоточа, с несколькими мюридами приехали в селение, которое тотчас же со всех сторон было окружено русскими. Пули сверху и снизу полились, как град. Испуганные женщины и дети с криком и плачем падали на улицах. Но вдруг русские протрубили отбой и закричали нам ото всюду, чтобы мы выслали благонадежных людей для переговоров.»

Увидев на улицах испуганных, орущих и плачущих женщин и детей, многочисленные трупы, валяющиеся повсюду, Шамиль внезапно почувствовал себя немощным стариком. Сломалась воля, будто внутри порвалась какая-то жила, которая с детства поддерживала в нем мужество и силу воли.

ГАДЖИ-АЛИ: «- Когда увеличились крики со всех сторон, чтобы кто-нибудь из доверенных Шамиля был выслан к главнокомандующему, Шамиль позвал меня и приказал идти заключить мир с русскими и просить пощады. Я вышел из селения с товарищем Юнусом Чиркеевским. Некоторые мюриды стреляли по русским - я приказал им остановиться».

Именно в этот момент, опираясь на саблю, к Шамилю подошел Бойсангур аль-Беной, который со своими чеченцами занимал позицию на северной стороне Гуниба. Увидев на его обезображенном лице презрительную улыбку, вернее - гримасу, по телу Шамиля прокатилась холодная дрожь. Все знали беспредельное мужество и отвагу однорукого, одноногого и одноглазого Бойсангура, которого Шамиль прозвал Бир-Кезом - одноглазым. В то же время многие считали его человеком недалекого ума, который больше работал руками, чем головой. «Неужели этот Да-нога разгадал мои мысли?» - пронеслось в голове Шамиля. Имам вовсе не ждал от него такой пронизательности. Бойсангур заговорил. Сначала он просил его, умолял не мириться с гяурами, прервать с ними всякие переговоры, не поддаваться на их обещания, не сдаваться в плен, не позорить живых и мертвых горцев, которые, поверив ему, шли на смерть. Шамиль не внял просьбам и уговорам верного наиба, и Бойсангур стал угрожать ему расправой.

Шамиль оставил возмущенного Бойсангура и, повернувшись к нему спиной, быстро зашагал прочь. Имам воспользовался древним горским законом - не стрелять в спину, даже заклятому врагу. На другой день Шамиль узнал, что Бойсангур, бесстрашный Бойсангур, со своими чеченцами прорвал кольцо окружения и ушел в Чечню.

* * *

Шамиль имел обыкновение, в зависимости от душевного состояния, внезапно изменять уже принятое решение.

ГАДЖИ-АЛИ: «- Князь Барятинский принял нас очень ласково и сказал нам, чтобы мы представили ему Шамиля. Возвратясь в селение, мы застали Шамиля, Кази-Мухаммада с семейством и мюридами в мечети. Мы сказали Шамилю, что главнокомандующий просит его, чтобы он пришёл, и что никакой измены. Но Шамиль уже готовился защищаться, положив перед собой шашку и заткнув полы за пояс. Он решил умереть, а потому ответил нам: «Вы должны сражаться, а не говорить мне, что-

бы и шёл к главнокомандующему! Я хочу сражаться и умереть в этот день». Кази-Мухаммад же сказал Шамилю: «Я не хочу сражаться, я выйду к русским; а ты, если хочешь, то дерись!» Шамиль очень рассердился; даже женщины, которые находились в мечети с оружием в руках, стали стыдить и ругать Кази-Мухаммада за его трусость, а некоторые проклинали его. В таком положении мы оставались до четырёх часов. Затем Шамиль, видя намерение сына, согласился идти к главнокомандующему. Мы все обрадовались. Одев Шамиля, мы посадили его на лошаадь, причем он, обратясь к детям своим, сказал им: «Будьте покойны теперь, Кази-Мухаммад и Мухаммад-Шафи! Вы начали портить дела мои и dokonчили трусостью».

МУХАММЕД-ТАХИР аль-КАРАХИ: - «Шамиль дал им согласие при том условии, что он и его товарищи пойдут к генералу вооруженные и что генерал даст ему и тем, кто захочет идти с ним, свободно идти в Мекку.»

По выходе из аула страх за свою судьбу опять овладел Шамилем. Ему вспомнились предания о пленении и смерти первого имама горцев шейха Мансура. Еще до рождения Шамиля, около восьмидесяти лет назад, русская армия осадила турецкую крепость Анапу и предъявила осажденным ультиматум о немедленной капитуляции. Турецкий генерал Мустафа-паша растерялся и решил сдать крепость без боя. Но находившемуся в крепости шейху Мансуру удалось склонить его к обороне. Русские предприняли штурм. Когда русские солдаты ворвались в крепость, Мансур с горящим факелом в руках бросился в порывной порыв, намереваясь взорвать крепость. Однако солдаты набросились на него. С большим трудом им удалось схватить молодого имама. Его повозили в Петербург, повезли царице. Затем заключили в тюрьму на севере России, на каком-то острове посреди моря, где через три года он умер. Говорили еще, что ему помогли умереть.

А знаменитый чеченский предводитель Бейбулат? Ведь это русские генералы устроили его убийство тридцать три

года назад! И было это не когда-то в далекие времена, а совсем недавно, еще при жизни Шамиля!

И кто заручится, что русские точно так же не расправятся и с ним, Шамилем? Правда, Мансур не сдался в плен, до последней минуты оказывал сопротивление русским. Да и Бейбулат ушел из жизни, так и не примирившись с ними. А он добровольно идет к русскому сардару, который дал ему слово отпустить его в Мекку вместе с семьей и товарищами. И все-таки... Ведь раньше русские генералы не однажды нарушали данное ему слово.

Шамиль боялся смерти. Особенно сейчас, на старости лет. Те, кто не знает его близко, думают, что он все время участвует в сражениях. На самом же деле после Ахульго он не участвовал ни в одном бою. Воевали его наибы, войско. А Шамиль был их вождем, знаменем. Но более всего, даже больше смерти, он боялся попасть в тюрьму неверных, где, как шейх Мансур, мог умереть в одиночестве. Или его убьют. И что потом станет с его семьей? В лучшем случае ее сошлют в далекую Сибирь, откуда редко кто возвращается...

Шамиль шепотом прочитал молитву, умоляя Всевышнего сохранить жизнь ему, его семье и товарищам...

ГАДЖИ-АЛИ: -» Шамиль выехал из селения в сопровождении пеших мюридов. Увидев его, все войска, которые находились вокруг селения, закричали: «Ура!». Шамиль испугался и возвратился в селение, думая, что его обманут и убьют. В это время впереди русских отдельно стоял полковник Лазарев, который, заметив нас, сказал: «Куда вы возвращаетесь?! Не бойтесь! Между нами не будет измены». Шамиль возвратился и подъехал к барону Врангелю, который поздоровался с ним, отправил его к главнокомандующему. Доехав до ставки главнокомандующего, Шамиль слез с лошади; здесь взяли его и представили главнокомандующему.»

ЧИЧАГОВ М. Н.: - «Вот он выходит из родного аула, окруженный шестьюдесятью вооруженными мюридами, держащими ружья наготове. Вдруг раздается восторженное, единоедушное, оглушительное «Ура» по горам Даге-

стана, Шамиль повернулся в тревожном недоумении и хотел уже направиться к аулу. Полковник Лазарев закричал в след Шамилю: «Разве ты не понимаешь, что это войска приветствуют тебя по приказанию сардара?» Подозрительный Шамиль успокоился и продолжал путь. Шествие приближалось к войскам. Даниел-бек, подойдя к Шамилю, посоветовал ему быть обходительнее с бароном Врангелем и князем Барятинским, и протянул ему руку. Гордый имам не посмотрел на бывшего своего подчиненного, сказав, что на изменников ему и смотреть противно. Барон Врангель ответил ласково на поклон Шамиля. Лазарев с трудом уговорил Шамиля оставить в отделении своих мюридов, говоря, что с таким множеством телохранителей неприлично явиться к главнокомандующему. Без сомнения, Шамиль при этом еще более убедился, что его непременно убьют, как только он явится на суд к князю Барятинскому.

Князь Барятинский, находившийся в полутора верстах от аула Гуниб, сидел в роще, на покатоности горы, на камне. Возле князя стояли граф Евдокимов, переводчик и полковник Трамповский, а несколько далее вся свита.

Шагах в шести от князя Шамиль остановился. Столь храбрый на войне, он теперь струсил. Он был в зелёной чалме и большой белой чалме с хвостом, был бледен, но голос был тверд. Робко, пугливо озирался он вокруг себя в полном убеждении, что настала минута, когда он должен расстаться с земною жизнью.

— Шамиль, — сказал князь Барятинский, — я предлагал тебе приехать в лагерь на Когерские высоты, обещая хорошие условия. Ты не принял моего предложения; ну, так и сам с войсками пришел сюда и, конечно, условия, предлагаемые тебе прежде, теперь не имеют уже места, а участь твою зависит от Государя Императора. Я надеюсь, впрочем, что Его Величество уважит мое ходатайство о тебе.

Шамиль отвечал:

— Сардар, я не виню твоим советам — прости и не осуждай меня.

Я простой уздень, тридцать лет дравшийся за религию, но теперь народы мои изменили мне, а наши разбежались, да и сам я утомился; я стар, мне шестьдесят три года. Не гляди на мою чёрную бороду, я сед. Поздравляю вас с владычеством над Дагестаном и от души желаю Государю успеха в управлении горцами, для блага их.

- Я немедленно пошлю тебя к Государю императору, и один из моих близких повезёт тебя, - сказал Барятинский и указал на полковника Трамповского. - Теперь же ты, как военнопленный, поедешь с ним в лагерь, а полковник Лазарев распорядится привести туда и все твоё семейство.

Затем князь уехал в лагерь.»

* * *

Впервые в своей жизни Шамиль почувствовал себя одиноким, заброшенным всеми. В своих родных горах. Среди своего народа.

Месяц тому назад он был грозным имамом Чечни и Дагестана.

А всего час тому назад - имамом Дагестана. По крайней мере, так его называли немногочисленные товарищи, хотя вся территория его имамата состояла из одного лишь высокогорного аула, а подвластный ему народ - из нескольких сотен мужчин, женщин, детей и стариков. Да и сам этот имамат находился в окружении тройного кольца десятитысячной армии неверных. Тем не менее, час назад его все-таки называли имамом.

Теперь он одинок. Нет с ним ни семьи, ни родственников. Мюридов, сопровождавших его, не пустили с ним дальше аула. Они стояли вдали от него. Между ними и Шамилем стоял отряд русских.

Теперь он горько раскаивался в том, что не принял смерть в схватке с врагом, с оружием в руках. Хоть и был он для этого уже слишком стар. Говорят, что шейху Мансуру было тридцать пять лет, когда его схватили и заточили в тюрьму. Бейбулату тоже не намного больше.

Шамиль пытался успокоить себя. Ведь тысячи его воинов папи смертью храбрых, защищая эти горы и правоверный ислам. Тысячи попали в плен к гуярам. Многие из них умерли и дали от родины, только некоторые вернулись домой. Вornee, их вернули. Путем выкупа или обмена на пленных русских офицеров. Шамиля никто не обменяет. В русском войске нет равных ему. А на выкуп нет денег - он остался без гроша. Его ограбили свои же аварцы. У его бывших наибоов много золота и серебра, награбленного на войне. Но никто из них не даст за него ни копейки. Они уже хорошо пристроились на службе у неверных...

ЧИЧАГОПА М. И. - «Шамиль был поражен тем, что более уже не вернется в Гуниб, дрожал и менялся в лице! Обратись к полковнику Лазареву, он сказал:

- Так ты обманул меня?

- Успокойся, - ответил полковник Лазарев. - Вспомни, что там были мои слова, а здесь приказания главнокомандующего. Исполни их, ты не будешь раскаиваться.

Шамиль сел на тот камень, на котором сидел князь, и все прошептал, чтобы его не увозили оттуда. Наконец, он согласился и сел на лошадей. Около одного леса Шамиль приказал, чтобы ему дозволено было совершить намаз. Мысль о смерти, вазаньсь, не оставляла его. Он молился, как только может молиться тот, кто покидает все, что ему дорого, и кто прощается с жизнью. По временам озирались он на свой аул, на гору, на котором виднелись трупы мюридов, его ревностных защитников. Мысленно прощался он с родной страной, с семьей, которое было не на время, но на веки, потому что он был убежден, что ему предостит казнь. Русские войска стояли безмолвно кругом. Имам страдал от страшного внутреннего жара и беспрестанно просил пить. Его отвезли в лагерь, где ему приготовили особую палатку. Когда он вошел в нее, то увидел, что ему приготовлен чай в серебряном сервизе, что немного успокоило его.

Полковник Лазарев, после отъезда Шамиля с графом Сидокимовым в лагерь, поехал за семьей Шамиля. Когда

полковник вошел в саклю, в которой живет семейство Шамиля, молодой Кази-Магома встретил его с рыданием, в полном убеждении, что отца его убили. Но когда он получил приказание ехать со всем семейством в лагерь, отчаяние его не имело пределов. С помощью Даниел-Бека с трудом его успокоили. Лазарев с семейством Шамиля отправился в лагерь и представил ему всех членов его семьи, напомнив ему вчерашний незаслуженный упрек.

Двадцать шестого утром молебствие и парад. Шамиль опять был убежден, что делаются приготовления, чтобы с полною торжественностью совершить над ним казнь и успокоился только тогда, когда войска разошлись...»

* * *

Шамиля вместе с семьей привезли в Темир-хан-Шуру, где он пробыл пять дней. Однажды к нему пришел полковник Алибек аль-Яхсави, который исполнял обязанности переводчика между ним и генералом.

- Меня послал к тебе генерал, - сказал он. - Мне поручено сосчитать членов твоей семьи, чтобы доставить им достойные подарки и дорогие награды.

ЧИЧАГОВА М. Н. - «В Шуре Шамилю и мюридам сделали платья, а женам его закупили нарядов и различных подарков, что должно было их успокоить на счет их бедности. Здесь Шамиль пробыл от двадцать девятого августа до третьего сентября, должен был расстаться с семейством, а свое путешествие проделать в сопровождении сына Кази-Магомы».

МУХАММЕД-ТАХИР аль-КАРАХИ: - «Шурин и зять Шамиля, и его товарищ, благородный сын устаза Джемалад-Дина Абн ар-Рахман, родовитый сеид, в своих записках «Сути разъяснений» писал:

«Алибек аль-Яхсави пришел к имаму с подарками от графа. Среди подарков были двое часов, украшенные бриллиантами, предназначенные для каждой из жен имама - нашей сестры Захидат и обращенной в ислам Шуаванат. Каждый из этих двоих часов стоит по тысяча руб-

пой по умеренной цене. Два кольца для двух замужних дочерей Шамиля - моей жены Нафисат и жены моего брата Фатимат. Две булавки, прикалываемые к пальто на груди, украшенные также бриллиантами, которые предназначались так же, как и кольца, двум супругам двух сыновей имама - Каримат и Аманат. Дорогая шуба для имама, стоящая у русских две тысячи рублей. Эта шуба принадлежала генералу, и он пожаловал ее имаму, усиленно стараясь оказать ему почтение. Имам отправился отсюда к султану Москвы с Гази-Мухаммедом, двумя его мюридами - Хаджиявом, сыном Газиява аль-Карати, и Тауш Мухаммедом аль-Карати, отставленным секретарем имама Абд аль-Каримом аль-Чиркави и переводчиком Али-беком аль-Яхсави. Семью свою он оставил со своим сыном Мухаммедом-Шафиа в крепости Темир-хан-Шуре. Когда имам, направляясь к султану Москвы, спустился на равнину, то один из жителей равнины упрекнул его за то, что он сдался русским и не искал смерти в битве. Имам тотчас же, не задумываясь, ответил ему стихом из Корана: «Ни одной душе не надо умереть, кроме как с разрешения Аллаха». Укоряющий был смущен».

Когда Шамиль прибыл в Темир-хан-Шуру, генерал Врангель подарил ему свой великолепный тарантас и был к нему очень милостив. В Чир-Юрте его неожиданно удивил граф Ностиц, поставив перед ним ящик на трех ножках. Шамиль слышал, что с помощью такого ящика христиане делают образ человека. Но, не веря в это, в душе смеялся над графом, пока он не показал его портрет.

В станице Червленной Шамиль получил от сардара Барятинского новый подарок - пахнущая свежими красками новая карета.

Чем дальше отдалялся Шамиль от родных гор, тем больше щемил его тоска. Но частые приемы и встречи, неожиданные им чудеса не давали ему времени сосредоточиться на своей судьбе. Брат его молодой жены Шуапат, армянский купец Улукханов, приготовил для него в Москве квартиру, куда съехались все родные жены имама, дал обед в честь своего знаменитого зятя. В Георги-

евске, Екатеринодаре и Ставрополе местные дамы и жены офицеров выступили перед ним с несколькими концертами. В Ставрополе получили приказ императора срочно доставить пленника в Чугуево.

ЧИЧАГОВ М. Н. - «Шамиль дорогой все еще сомневался, действительно ли его везут прямо в Петербург. Он долго предполагал, что его везут прямо в Сибирь, и наблюдал по компасу направление дороги. Когда путь шел на север, он был доволен, но малейшее уклонение на восток возбуждало в нем тревогу».

Из Ставрополя ехали день и ночь. Наконец прибыли в Харьков, а оттуда в Чугуево, где бывший имам предстал перед русским императором.

ЧИЧАГОВ М. Н.: -» Я очень рад, - сказал Император, - что ты, наконец, в России. Жалею, что это случилось не раньше! Ты раскаяться не будешь. Я тебя устрою, и мы будем жить друзьями!» При этом Государь обнял и поцеловал Шамиля. Эта многозначительная для Шамиля минута исторгла из сердца его всякий страх за свою судьбу, всякое недоверие к искренности доброжелательства к нему. Он сознал, что он теперь не во вражеской стране, а в дружественной ему России, властитель которой дарит ему свою драгоценную дружбу».

Шамиль почти наизусть знал Коран, все разделы и пункты шариата. Конечно же знал он и то, что в Коране сказано: «О вы, которые уверовали! Не берите иудеев и христиан друзьями: они - друзья один другому. А если кто из вас берет их себе в друзья, тот и сам из них». И «если вас коснется хорошее, это их огорчает; если вас постигнет дурное, они радуются этому»

Но Шамиль не был фанатиком, он был мудрым прагматиком. Еще будучи имамом, если шариат шел вразрез с его личными и государственными интересами, он манипулировал им по своему усмотрению. Иногда игнорировал какие-то аяты из Корана. За это его сурово отчитывали некоторые улемы Дагестана и Чечни, в том числе и тесть его Джемал-Эддин.

Этот русский царь, его генералы еще пару месяцев назад были заклятыми врагами Шамиля. Они истребляли души горцев, убивали мирных жителей, женщин, детей и стариков. Еще не потухли пожары войны в Чечне, не выросли могильные холмы тысяч убитых воинов, не затянулись шрамы на ранах, тем более на ранах, нанесенных сердцам его соотечественников. Хотя Всевышний и запрещает ему иметь друзей из иудеев и христиан, Шамиль с первой минуты решил во всем повиноваться своим вчерашним врагам, больше того, приобрести себе среди них друзей, а христианскому царю, который проявил к нему величайшую доброту и благосклонность, быть верным другом. Ибо теперь для него самым главным было сохранить жизнь себе и своим близким, заботиться об их судьбах.

* * *

Здесь, в Чугуеве, император организовал в честь Шамиля маневры воинских частей. Ему хотелось показать старому горцу, двадцать пять лет воевавшему против России, военную мощь своей империи.

А показать было что. Пехотинцы, драгуны, гусары, артиллерия, обозы. На солнце сверкали сталь и бронза. Каждый род войск со своей формой, оружием, верхом на конях особой масти. Десятки тысяч солдат, офицеров, генералов.

Император водил его рядом с собой, посадив на отличного коня. Он то и дело бросал взгляд на своего знаменитого пленника. Но по выражению лица Шамиля невозможно было угадать его мысли. А войска, разделившись на две части, начали «сражение». Пехота, держа наготове ружья с примкнутыми штыками, ровными шеренгами пошла друг на друга. Сначала шагом, за тем все быстрее. Загремели пушки. С разных сторон раздались крики «Ура!» На солнце засверкали обнаженные сабли. Все красиво, четко и ровно, вместе с тем грозно и внушительно.

«Какое ваше мнение о наших войсках?» - спросил Шамиль император.

Тот ответил не сразу, хотя ответ давно уже был готов.

- Великий государь, сказать мне то, что вам понравится, или то, что я думаю на самом деле?

- Скажи, Шамиль, то, что думаешь!

- Я не знаю, как воюют между собой христианские войска.

Поэтому трудно дать оценку вашим войскам. Но, если бы ваши генералы водили свои войска так, как сейчас, я до сих пор был бы в горах. Войско ваше большое, оружие отличное. Не то, что мое войско, вооруженное чем попало и одетое в лохмотья. Однако, мало пользы в том, что армия многочисленна и вооружена хорошо, если воины не умеют воевать, а генералы - командовать. Видишь тех всадников, которые садятся на коней на близком расстоянии от орудий? Разве можно так близко от орудий садиться на коней?.. Великий государь, если бы ваши кавалеристы делали такие маневры в Чечне, за час они легли бы мертвыми.

- Верное замечание! - император похлопал Шамиля по плечу.

* * *

С каждым новым днем Шамиль все отчетливее представлял себе беспомощность горских народов. Они ехали же около месяца. Целыми днями, с раннего утра до позднего вечера, меняя лошадей на станциях. Бесконечные степи. Многолюдные, величественные города. Плодородная земля. В Харькове он впервые увидел господ этой страны. Был в гостях у губернатора, который устроил бал в честь знаменитого пленника. По правде сказать, Шамилю надоели банкеты и балы в каждом городе. Дворяне, чиновники и их жены, которые приходили поглядеть на него, как на какого-то диковинного зверя. Не давали ему покоя даже при значительных недомоганиях, у него не было времени и возможности прилечь и отдохнуть. Иногда среди них встречались невежды, которые недвусмысленно шептались и посмеивались над чертами его лица, над одеждой, над странным языком Шамиля и его

спутников. С людьми этой породы Шамиль и его товарищи старались быть предельно вежливыми и обходительными. Но однажды Шамиль не выдержал.

В Харькове его повезли в цирк. Удивительного здесь было достаточно, но Шамилю, который много раз видел цыганских канатоходцев в Дагестане, все здесь казалось обыденным. Уставший от всех этих зрелищ, Шамиль откровенно зевнул, не прикрывая рот. Сидевший рядом с ним генерал засмеялся и, кивнув на Шамиля, сказал что-то переводчику.

«Что он говорит?» - спросил Шамиль.

«Он спрашивает, почему Шамиль так широко зеваает, уж не собирается ли он проглотить его?»

«Хвала всемогущему Аллаху, я правоверный мусульманин, а мусульманину запрещено есть свинину. Так что передай ему, что с моей стороны он в полной безопасности».

* * *

В Туле ему показывали оружейный завод. Он долго смотрел на паровые машины. В эту минуту Шамиль думал о том, что будь у него такой завод для производства такого оружия, горцы ещё много лет могли бы отстаивать свою свободу.

Из Тулы его повезли Москву. На второй же день по приезде в столицу представился палачу горцев грозному Ермолову. Встреча произошла не так дружелюбно и тепло, как с другими генералами. Дагестанский «трижды зятя» оказался холодным, высокомерным человеком.

В Москве в месте с полковником Богуславским Шамиль ознакомился с достопримечательностями города, был в театре, где давали балет «Нвидда».

ЧЛЧДГОПА М Н. «Когда Шамилю показали сапог Пётра Великого, он не выпускал его из рук и ходил с ним по комнате. Сильно заинтересовали нашего пленника сокровища Оружейной Палаты, царь-колокол и другие древности Москвы».

В Москве Шамиля задержали не долго. Он и сам хотел

поскорее прибыть к месту своей ссылки. Он и его спутники порядком устали. Сказывалась и смена климата.

Из Москвы в Петербург они отправились по железной дороге. О такой дороге Шамиль уже слышал ранее. Говорили, будто по ней без упряжки сами едут дома. Прежде чем войти в вагоны, они внимательно осмотрели паровоз. Большая железная печь, в которой горят дрова, кипящая вода в огромном котле. Пар, дым, Все остальное для них осталось тайной. А когда поезд тронулся, среди горцев начались оживленные разговоры и споры. Каждый доказывал свой на сие чудо. Одни говорили, что это дело рук Иблиса, другие обвиняли в этом колдовстве джинов. В конце концов, они пришли к единому мнению, что это творение всемогущего Аллаха.

Когда споры улеглись, сопровождавший их полковник Богуславский спросил Шамиля:

- Ну как, Шамиль ты удивлен нашей железной дорогой?

- Да, очень. Но еще больше меня удивляет то, что у такого большого, сильного и богатого государства всего лишь одна такая дорога!

* * *

В высших кругах Петербурга Шамиля и его спутников приняли с почестями. Приближенные царя приглашали Шамиля к себе домой, показывали достопримечательности и красоты своего города. Показали новый пароход «Штандарт» на Неве. Император лично повел туда Шамиля. Увидев многоэтажные дома, большие церкви, широкие, прямые улицы и бесчисленное множество людей, Шамиль осознал всю безнадежность борьбы горских народов против этого великана. В его Дагестане земля была на вес золота. Из-за отсутствия земель некоторые аулы вообще не сеяли. На склонах горных скал прокладывали террасы, засыпали их землей, которую таскали на эту поднебесную высь на собственных спинах. А сколько русской земли лежит здесь без пахаря, нетронутой целиной. По дороге сюда порой из одной деревни до другой они ехали целый день. Богатством одного князя, гостем у ко-

зирки был Шамиль, можно было купить весь Дагестан вместе с Чечней. И Шамиль удивлялся, зачем этим русским понадобились бедные, голые каменные горы?

Удивился Шамиль и тому, что такое могущественное государство несколько десятков лет не смогло справиться с горными горцами. Шамиль считал, что горцы могли оказать столь длительное сопротивление России не только из-за горных условий, не только из-за ярко выраженного любви к свободе и ненависти к завоевателям. Он был твердо убежден в том, что не будь во главе горцев он, Шамиль, русские давно покорили бы Чечню и Дагестан. Теперь там нет Шамиля, и потому чеченцы и дагестанцы беззащитны, как младенцы.

Сегодня его привезли посмотреть на балет «Катерина и Пери». Когда он сошел с кареты перед театром, не смотря на старания Богуславского, ему не давали пройти вперед. Здесь собрался весь цвет столицы. Гвардейские офицеры и генералы в тесных мундирах с эполетами. На их груди сверкали ордена и медали. Штатские в черных фраках и цилиндрах. Женщины в длинных платьях с декольте, с обнаженными руками и плечами. Эта пестрая толпа отступила Шамиля в свой водоворот. И когда он сел в отведенное для него место, то почувствовал себя птичкой, вырвавшейся из рук человека и взлетевшей на ветку дерева.

Отбываясь напряженных зрителей, Шамиль вновь предался размышлениям. Его все больше тяготила неизвестность относительно своей участи. Когда он сдавался в плен Барятинскому, от имени императора ему было обещано, что его вместе с семьей и родственниками отправят в Москву. Прошло уже достаточно много времени с тех пор, как он прибыл в Петербург, но государь почему-то молчит. Из лабиринта этих безрадостных мыслей его вывел начавшееся представление. В балете показывали царя восточного правителя, наложниц, овнухов, рабынь. Как это было похоже на действительности! Шариат давал Шамилю право иметь одновременно до четырех жен. А вот восточные цари имели их сотнями. Конечно, गरे-

ма у Шамиля не было. Больше двух жен одновременно он не имел, хотя и женился восемь раз. По сравнению с восточными царями Шамиль был просто ангелом. Говорят, генерал Ермолов, нарушая христианские законы и мораль, женился несколько раз. В Дагестане он имел двух жен. Временных. Как говорится, кабинетные. Однажды он отбил у мужа понравившуюся дагестанку. Когда ему женщина надоедала, разводился. В Дагестане у Ермолова есть дети от двух жен.

Мусульманская мораль запрещает мужчинам глазеть на чужую женщину. А женщинам - показывать чужому мужчине свое лицо, руки или ноги. Это считается великим грехом. Но Шамиль здесь, на балете, забыл о мусульманской морали, да и о своем преклонном возрасте тоже. По забыв обо всем на свете, бывший защитник ислама и исламской морали разглядывал в бинокль почти голых девушек на сцене. Белоснежные гибкие тела, длинные ноги, лебединые шеи, упругие маленькие груди. Шамиль невольно сравнивал их с аварскими женщинами. С измученными лицами, полузакрытыми большими платками, длинные рукава, платья до щиколоток, вернее, не платья, а какие-то лохмотья. Разве можно сравнить полуголодное существование горцев с этой роскошной жизнью?

От этих мыслей его оторвал голос Богуславского:

- Ну как, Шамиль, нравится вам балет?

- То, что пророк обещал нам на том свете, в раю, вы получили в этом мире. - И, чтобы угодить полковнику, добавил: - Сегодня я увидел райские гурии. Жизнь горцев - это жалкое существование по сравнению с тем, что я увидел здесь. Вы живете настоящей жизнью.

Минут через десять Шамиль обратился к полковнику с просьбой:

- Может, поедem домой? Я очень устал...

ЧИЧАГОВА М. Н. - «Во время выездов Шамиля, к нему приставали люди с вопросами, на которых очень умело отвечал:

- Как вам нравится все, что вы здесь видите?

- Вы не будете в раю!

«От чего?»

«От того, что у вас здесь на земле рай, какой нам пророк Магомет обещал на небе. Меня в особенности удивляет видеть, что мужчины обнимают женщин, но, впрочем, пророк обещал это и нам, правоверным, в будущей жизни.

«Что вам более всего понравилось в России?»

«Ласковый приём Государя Императора.

«Отчего вы не сдались ранее?»

«Я был связан своей присягой народу. Теперь я сделал свое дело. Совесть моя чиста, весь Кавказ, русские и все европейские народы отдадут мне справедливость в том, что я сдался только тогда, когда в горах народ питался травою...»

* * *

Этот день был последним днем пребывания Шамиля в Петербурге. Он не ведал, что ждет его завтра. Государь император обещал ему отпустить вместе с семьей и родственниками в Мекку. Но почему-то он не торопится выполнить свое обещание. Иногда Шамилю приходило в голову, а не готовят ли ему суровую кару. А в последние дни он полностью в это уверовал. Сопровождающие его офицеры ни разу не произнесли слово — Мекка, но очень часто говорят о какой-то Калуге. Наконец ему сказали, что завтра его отвезут туда. На постоянное жительство. Что представляет собой это место? Неужели это в Сибири, в которой очень хорошо знакомы горцы? Или будут держать в тюрьме, подобно соколу, привязанному за ногу?

Шамиль не получал никаких известий о судьбе своей семьи. Он расстался с нею в Темир-Хан-Шуре, почти два месяца назад. Может, ее бросили в Сибирь? Или бросили в тюрьму?

Шамиль вспоминал, в каких ужасных, бесчеловечных условиях он содержал русских пленников в первые годы своего имамства. Он держал их в зинданах — глубоких ямах с толстой земляной насыпью. Сверху оставлял небольшое отверстие, чтобы сбросить человека в яму, подать ему

пищу и воду. Туда не то что солнечные лучи, даже свежий воздух не проникал. В таких сырых ямах с гнилым запахом он содержал русских пленников, пока их родственники или полк, где они служили, не выкупал их. Но только тех пленников, которые отказывались служить ему. Беглым солдатам он создавал все условия, даже лучшие, чем для рядовых горцев.

Русских пленников он содержал в Дагестане. Лишь немногих - в Ведено. У него была своя Сибирь - Акнада в Тиндале, где он содержал опасных преступников. Три года там провел и Юсуф-Хаджи аль-Алды.

С такими грустными думами и воспоминаниями, сгорбившись, он следовал за полковником Богуславским и капитаном Руновским в царском селе, где они показывали ему местные достопримечательности. В Калуге Руновский заменит Богуславского. В одном из залов Шамиль обратил внимание на гравюру «Христос-Спаситель».

- Кто это? - спросил он, остановившись перед гравюрой.

- Это наш пророк Иисус Христос, - ответил Богуславский.

Шамиль внимательно смотрел на грустное лицо Христа.

- Значит, это пророк Иса. Его глубоко почитал наш пророк Мухаммад, потому и мы почитаем его. Наша вера запрещает мне молиться и поклоняться ему, как это делаете вы. - Шамиль взял гравюру в руки и нежно погладил ее. - Он учил вас доброму, красивому, вечному. В своих молитвах я буду просить у него счастья для себя. Я верю, что он даст мне счастье.

Затем, заложив руки за спину и согнув спину, он пошел вперед. Руновский удивленно уставился на Богуславского.

- Чему это вы удивляетесь, господин капитан? - засмеялся полковник. - Этот старый аварец не такой уж фанатик, как думают многие. К тому, что от имени своего Аллаха он запрещал горцам, здесь, вдали от них, он относится равнодушно. Например, он с большим удовольстви-

ом, даже с наслаждением, смотрел балет. А Коран их запрещает смотреть на лицо чужой женщины. А о полуобнаженных женщинах и говорить нечего. А с каким удовольствием он слушает музыку и песни, которых сам запретил горцам под угрозой смертной казни. Думаю, его религиозный фанатизм был маской для прикрытия своих политических целей.

- Или покорился судьбе?

- Может быть, и так.

Шамиль ждал их у выхода из зала.

- Господин полковник, долго ли я пробуду в Калуге?

- Не знаю, Шамиль. Ваша судьба зависит от воли Его величества государя императора.

Шамиль глубоко вздохнул.

- Что с вами, Шамиль?

- Вспомнил чеченца, шейха Мансура.

- И что?

- Неужели великий Государь император поступит со мною так же, как ваша император-женщина поступила с Мансуром?

- А что ты знаешь о его судьбе?

- Слышал, что его такое, как и меня, сперва привезли в Петербург в нашей государыне, потом сослали на какой-то остров в море и там в тюрьме убили...

- Не убили, он умер своей смертью, - возразил Богуславский.

Шамиль грустно улыбнулся и покачал головой.

- Кто может подтвердить это? Только всевышний Аллах. Можно отравить ядом и сказать, что умер своей смертью. Ничего не станет докапываться до истины. Кому какое дело до того, как умер этот чеченец и как умру я, старый воробей? Кто мы здесь, на чужбине? - Шамиль вырвал несколько волосков от своей шубы и дунул на них. - Стоит кому-то из всемогущих дунуть на нас - и нас не станет!

- В этом вы не правы, Шамиль, - возразил Богуславский.

- Мне кажется, что вы не верите Его величеству государю императору.

- Да убережет меня Аллах от такого кощунства! - воскликнул Шамиль. - Он очень добр ко мне. Даже самый лучший сын не проявит такую заботу о своем отце, как наш великий государь заботится обо мне. Иногда мне становится стыдно перед ним. Когда я вспоминаю зло, причиненное мною его Величеству и России, и вижу благородство Его Величества, его доброту ко мне, мое лицо горит от стыда. Видит Бог, я не могу спокойно смотреть вам в глаза, когда об этом говорю. Иногда удивляюсь, почему я не проваливаюсь сквозь землю в такие минуты...

Увидев растерянность Шамиля, Руновский изменил тему разговора.

- Шамиль, расскажите, что вы знаете о шейхе Мансуре? Шамиль ненадолго призадумался.

- Видите ли, капитан, трудно говорить что-либо о человеке, которого вы не видели. Говорят, его пленили еще за восемь-девять лет до моего рождения. А имамом страны от моря до моря он стал за пятнадцать лет до моего рождения. Но я слушал тех, которые видели Мансура и общались с ним. Когда я спрашивал их, как это простому чеченцу-пастуху, который не умел читать и писать, не знал ни одной буквы, как это ему удалось увлечь за собой не только своих чеченцев, но и кумыков, черкесов, кабардинцев, ногайцев и адыгов вместе с их князьями, в то время как мне стоило столько времени и сил подчинить себе только чеченцев и дагестанцев, они отвечали: «Мансур не обучался наукам, но он был мудрым человеком. Его мужество, храбрость, смелость, исключительно красивая внешность, ораторский дар, верность своему слову, все это влекло к нему людей». Ваша император-женщина тоже приняла его с большими почестями, а потом бросила в тюрьму. Боюсь, со мною тоже поступят так же...

Шамиль опять глубоко вздохнул, и, заложив руки за спину, зашагал вперед. Богуславскому показалось, что спина Шамиля за последнее время заметно сгорбилась.

- Вам нечего опасаться, Шамиль, - стал он утешать Шамиля. - Между вами и шейхом Мансуром огромная разница.

Шамиль остановился и удивленно уставился на полковника.

— Шейх Мансур сражался против нас до последней минуты. Когда горцы отошли от него, он сбежал к туркам, в крепость Анапа. Тогда шла война между русскими и турками. В крепости Анапа было огромное число турецких войск во главе с генералом Мустафа-Пашой и его сыном Батал-Пашой. Наши войска под командованием генерала Гудовича осадили крепость и предъявили ультиматум о немедленной капитуляции. Мустафа-паша решил сдать крепость без боя. Но под давлением Мансура паша изменил свое решение, и русским пришлось штурмом взять крепость. Когда русские ворвались в крепость, Мансур с горящим факелом в руках побежал в пороховой погреб, чтобы взорвать крепость. Его с трудом захватили и бросили в крепостную темницу.

— А чеченцы с ним были?

— Только три человека. Теперь вам понятно, почему ее императорское величество Екатерина Вторая заточила его в тюрьму? Мансур до последней минуты своей жизни был непримиримым врагом России. Кроме того, Мансур был безвестным пастухом, о его существовании знали только горцы Кавказа. Тебя знает весь мир, ты имеешь мировую славу. Потому Государь император относится к вам совершенно как к другу. Он ждет от вас помощи. Ваши советники помогут нам управлять горскими народами, установить в Чечне и Дагестане российские законы и порядок, вовлечь горцев в мирную жизнь. Мансур умер нашим врагом. Вы — наш почетный пленник, человек мудрый. Вам нечего бояться, что с вами поступят так, как поступили с пленником Мансуром.

Шамиль успокоился, улыбнулся и выпрямил спину.

— Но все же мне не хочется долго оставаться в вашей стране.

— Почему?

— Боюсь за судьбу своей семьи.

— Почему?

— Боюсь за Шуанат. Если мы задержимся здесь на долго, она может вернуться к своей прежней вере.

- Но все говорят, что она самая ревностная магометанка?

- Это верно. Однако, женщины создания хрупкие, беззащитные, доверчивые, в них нет постоянства А Шуанат, по сравнению со мною, еще ребенок.

- Вы жили бы с ней, если бы она вернулась в лоно христианской веры?

- Да, - быстро ответил Шамиль.

- Но ваша вера запрещает вам брак с иноверкой?

- Ислам разрешает мусульманину вступить в брак с иудейкой и с христианкой и жить с ней, если она соблюдает свою веру. Кстати, кто сегодня приглашает нас в гости? - Шамиль внезапно изменил тему разговора.

- Генерал барон Николай. Знаете его?

- Конечно. Он уничтожил много сел в Чечне. Поскольку завтра нам отправляться в далекий путь, хотелось бы сохранить время для отдыха и сна. Прошу постараться, чтобы мы по раньше пришли домой. А там будут играть на пандуре, ну, по которому стучат пальцами?

- Наверняка.

- Ну, тогда пробудем там чуть дольше.

* * *

В Калугу Шамиль приехал с полковником Богуславским. Предназначенный ему дом Сухотина ремонтировали, и его с товарищами временно поселили в гостиницу Кулона. Вскоре ему было позволено привезти семью в Калугу. Он отправил Гази-Магому на Кавказ с письмом к князю Барятинскому:

«Князь Наместник! Сын мой едет на Кавказ за нашим семейством. Я пользуюсь этим случаем, чтобы выразить тебе всю мою благодарность и признательность за твое ко мне внимание и ласку. Я понимаю и чувствую, что только благодаря тебе, я был принят милостиво Государем. Он совершенно успокоил меня, сказав, что я не буду раскаиваться в том, что покорился России. Государыня, все царское семейство и главные начальники также оказали мне большое внимание и всем этим я обязан тебе.

Государь назначил мне местом жительства Калугу и в этом городе приготовили мне удобное и прекрасное помещение. Братья твои, которых я видел в Петербурге, были очень со мной ласковы. Я был у них в ложе в театре. Сын мой Кази-Магомед с дозволения Государя едет в Шуру, чтобы привезти в Калугу наше семейство. Прошу тебя приказать, чтобы при отправлении их с Кавказа, оказать им такое же содействия, как было при нашем отправлении. До меня дошли слухи, что ты болен. Это меня очень огорчило. От души прошу Бога, чтобы он возвратил тебе здоровье. Я и все мое семейство никогда не забудем твоих милостей. Не забудь и ты нас, если необходимость заставит кого-нибудь из нас обратиться к тебе.

Раб Божий имам Шамиль.

11 октября 1859 г. Калуга.»

После отправки Гази-Магомы Шамиль успокоился. Он принимал гостей и сам ходил в гости. Осмотрел дом, в котором ему предстояло жить и остался им доволен.

Вскоре он расстался с полковником Богуславским, к которому за это короткое время очень привязался. В день его отъезда Шамиль был очень печален. Но и Руновский ему был знаком ещё с Петербурга. Капитан старался всячески развлечь Шамиля, возил его в гости, показывал достопримечательности города. Именно тогда капитан Руновский, узнав, что Шамиль любит музыку, купил ему орган.

Тем не менее, Шамиль с каждым днём тосковал все больше и больше. Его беспокоило отсутствие известий от Гази-Магомы. Как ни старался он отгонять такие мысли, Шамиль все-таки боялся, что Шуанат опять сделает-ся христианкой. Ее родные жили в Моздоке и могли, забрав ее из Шуры к себе.

В Калуге Шамиль познакомился с видными людьми губернии, предводителем дворянства губернии господином Щепкиным и воинским начальником губернии генералом Чичаговым, который в последствии исполнял при Шамиле обязанности пристава. Это знакомство потом перешло в дружбу.

Когда дом Сухотина был отремонтирован и обустроен, господин Щепкин пригласил Шамиля осмотреть его. Это был двухэтажный особняк со светлыми окнами. Внутреннее убранство восхитило Шамиля. Большие чистые комнаты, обставленные драгоценной мебелью, изящная посуда, на дверях и окнах занавески из дорогой парчи. Полы, застланные дорогими коврами.

- У меня нет слов, чтобы высказать вам все то, что я чувствую, - воскликнул Шамиль, осмотрев все комнаты и залы. - Приязнь и внимание со стороны ближнего всегда приятны человеку, в ком бы он их ни встретил. Но ваша приязнь, невзирая на то, что я сделал вам столько зла, совсем другое дело. За это зло вы, по справедливости, должны были бы разорвать меня на части. Между тем, вы поступаете со мной как с другом, как с братом. Я не ожидал этого и теперь мне стыдно. Я не могу смотреть вам прямо в глаза, и всей душой был бы рад, если бы мог провалиться сквозь землю. Я всякий день молюсь за Государя, теперь буду молиться и за вас.

- Значит, вы довольны помещением?

- Думаю, что только в раю может быть так хорошо и красиво, как здесь. Если бы я знал, что меня ожидает в России, давно убежал бы из Дагестана сюда!

* * *

Наконец-то в середине января следующего года в Калугу прибыла семья бывшего имама. Вместе с прислугой она состояла из двадцати двух душ. Жены Шамиля Загидат и Шуанат, сыновья Гази-Магома и Мухаммад-Шафи, их жены Каримат и Аминат; дочери Шамиля Нафисат и Фатимат, их мужья Абдурахман и Абдурахим, родные братья Загидат; Наджават и Баху-Меседа, дочери Загидат; Софиат, дочь Шуанат и Магазат, дочь Нафисат.

Увидев дом и внутреннее убранство, члены семьи Шамиля пришли в восторг. А радоваться было чему.

ЧИЧАГОВА М. Н.: « - Двухэтажный каменный дом Сухотина граничил с одной стороны с садом, окруженным высоким забором. На обширном дворе стоял флигель, в ко-

тором Шамиль принимал гостей во избежание встречи их с его женами. Во дворе выстроили Шамилю небольшую мечеть. Летом у него была даровая дача в окрестности Калуги. Он получал пятнадцать тысяч рублей годового содержания и имел весьма приличный экипаж. В Дагестане он не имел, конечно, понятия о таком комфорте. Потому и не удивительно, что он сказал предводителю дворянства Щепкину, «что он бы давно сбежал из Дагестана, если бы знал, что тут будет ему так хорошо».

Проходили месяцы, однако об отправке их в Мекку никто даже не заговаривал. Шамиль часто напоминал об этом Руновскому, но тот разводил руками. Чтобы как-то развлечь Шамиля, Руновский в свободное время переводил ему рассказ «Плен у Шамиля», написанный грузинской княгиней. Развлечения не получилось, наоборот, рассказ вызвал у Шамиля новую волну невеселых воспоминаний и размышлений.

«Рассказы этой княгини совершенно верны, - сказал Шамиль с грустью. - Загидат кормила их похлебкой из воды с пшеном. Теперь только вижу, как дурно содержали княгинь, но и то думаю, что содержал их очень хорошо. Я часто вижу в Калуге двух горцев, сосланных сюда. Они ходят здесь на свободе, получают от Государя содержание, занимаются вольною работою и живут своими домами. Я не так содержал русских пленных. До какой степени это чувствую, сказать не могу.

Княгини были пленены во время Кахетинского похода Шамиля в Грузию. Шамиль предпринял этот поход внезапно. В походе участвовали только дагестанцы. Имам не взял с собой ни одного чеченца, сославшись на то, что они должны защищать Чечню во время его отсутствия. Руководил набегом его сын Гази-Магома. Впоследствии об этом набеге писали:

«Набег горцев на цветущую Апазанскую долину был быстрым и неожиданным. Пожары, грабеж, бегущие в лес крестьяне - таким было лето 1854 г. для Кахетии. В имении Цинандали, недалеко от Тифлиса, сын Шамиля Гази-Магомед захватил среди многочисленных пленников дра-

гоценнейшую добычу - княгинь Чавчавадзе и Орбелиани с детьми. Они были потомками последнего царя Грузии – Ираклия, его корона тоже оказалась среди трофеев горцев. В Алазанской долине осталось 18 сожженных селений, больше тысячи убитых...

Имам Шамиль насчитал 894 пленника... грузины тогда заплатили за своих детей столь крупные суммы, что денег в Грузии почти не осталось».

После Шамиль обменял княгинь на своего сына Джемал-Эддина, который находился в России в заложниках.

Прошло почти два года с тех пор, как Шамиль был разлучен с Дагестаном. За это время он постарел лет на десять. Да и мысли об отъезде в Мекку не покидали его. Государь Император по-прежнему молчал. Услышав, что князь Барятинский находится в Петербурге, Шамиль решил посетить его, в надежде получить через него свидание с Государем императорам. Он поехал в Петербург с капитаном Руновским, в сопровождении Гази-Магомы, с зятьями Абдурахманом и Абдурахимом. После встречи с князем Барятинским Шамиль воспрянул духом, ибо князь сказал ему, что он любит его как брата.

ЧИЧАГОВА М.Н. - « Государь принял Шамиля и Абдурахмана с Абдурахимом в Царском селе, в своём кабинете и разговаривал очень ласково с нашими пленными. Шамиль подарил государю богатую золотую шашку. Государыня пожелала сделать подарки его женам. На просьбу Шамиля разрешить выехать в Мекку, Государь отвечал ему, что со временем просьба его будет уважена. Впоследствии мы увидим, как Шамиль раскаялся в своей преждевременной просьбе к Императору.»

* * *

С течением времени Шамиль с грустью замечал, что прежней заботы о нём нет и почести к нему постепенно охлаждаются. Здесь, в Калуге, у него достаточно времени обдумать своё положение в узком кругу близких людей.

Капитан Руновский неотлучно находился при нем. В его

обязанности входило ежедневно беседовать с Шамилем, записывать каждое его слово. Одним словом, правительству нужны были точные сведения о горцах. Руновский достаточно хорошо знал татарский язык, чтобы изъясняться с Шамилем, и все же для правильного перевода вопросов и ответов при них постоянно находились два переводчика, один от властей, другой - доверенное лицо Шамиля.

Теперь большая часть времени уходила на беседы о горских народах, об их характере, традициях и обычаях, о системе управления Шамиля, о военных делах, о религии, об улемах и наibaх. Шамиль с большим удовольствием отвечал на вопросы Руновского, часто в их беседах участвовал и Гази-Магома. Шамиль хорошо знал, для чего русским нужны эти сведения. Когда речь зашла об опасности восстаний в горах Кавказа, бывший имам засмеялся:

- Чего вы боитесь? Восстания на Кавказе? Ведь Кавказ теперь здесь, в Калуге!- Шамиль указал большим пальцем на себя. - Вам нечего опасаться. Во всегда буйной, мятежной, неукротимой Чечне нет ни одного человека, который мог бы возглавить восстание против России. Да и если бы появился среди чеченцев такой человек, они не признали бы его. Таков у них характер. А Дагестан сам по себе вам никогда не был опасен. Там всегда найдутся мудрые люди, чтобы остерегать народ от новых бедствий войны. Правда, там есть один единственный человек, который в случае восстания мог бы возглавить его. Умный, хитрый, коварный, пользуется большим влиянием в Дагестане. Но он настолько умен, что никогда не совершит такой губительный шаг. Для него это не выгодно. Теперь он на службе у вашей власти.

- А Даниел-бек?

Шамиль презрительно засмеялся:

- Хороший советник, но плохой воин и никудышный исполнитель. Между прочим, я никогда, ни на минуту не доверял Хаджи-Мурату, Кибит-Магоме и Даниел-беку! Вероломные, коварные люди!

Шамиль родился в горах Дагестана, но последние двадцать лет жил в Чечне, среди густых, зеленых, гремучих лесов. Поэтому весной, летом и осенью он часто упрашивал Руновского, чтобы он устроил для них поездку за город. Окрестности Калуги во многом напоминали Чечню: густые высокие леса, холмы, реки.

Сегодня они расположились на поляне на берегу маленькой, светлой речки. Гази-Магома расстелил на траве прихваченный собой молитвенный коврик. Шамиль расположился на нем. Рядом устроился Гази-Магома. Зная, почему они уединились, Руновский и оба переводчика остались стоять поодаль.

- Когда я прихожу в эти леса, к речке, мне чудится, что я снова в Чечне, - Шамиль закрыл глаза. - Мне кажется, что вот-вот из леса выскочат мои храбрые чеченцы, прихватят меня и умчатся в горы...

- Сюда-то они не проскачут, - засмеялся Гази-Магома. - А вот в Ставрополь и Астрахань они часто наезжают. Налетят человек двадцать лихих наездников, захватят солидную добычу и тут же исчезнут. Окажись они к нам чуть поближе, может быть, и сбылись бы твои мечты. Они примчались бы... Ради удалства. Ведь они любят рисковать.

- Лет десять назад они действительно поступили бы так. Хотя бы ради того, чтобы показать свое удалство. Тогда они верили мне...

- Они и теперь не бросили бы тебя в беде. Чеченцы люди благородные. Вероломство, коварство, жестокость и трусость не в их характере. И это благородство духа всегда оборачивается против них самих. Они принимали у себя, давали приют и убежище всем бедным, обездоленным и гонимым. Ты же знаешь, солдаты убегали не в Дагестан и не к западным горцам, а только в Чечню. Где никогда не было ханов, князей, где все всегда были равными и свободными. И беглых, и пленных солдат не обделяли в правах. В Чечне я встречал людей разных народов и племен, в том числе и иноверцев, которые добровольно стали мусульманами, строго соблюдали обряды и обычаи чеченцев. И что самое удивительное, многие из них

отплачивали чеченцам за все это черной неблагодарностью...

- Ты, случаем, нас с собой не причисляешь к числу тех, кто неблагодарно поступил по отношению к чеченцам?

Гази-Магома смутился.

- Нет, нас с тобой я не имел ввиду. Но твой вопрос мне напомнил другое. Мне было тогда всего лишь семь лет. По горным тропам, преследуемые нашими аварцами, мы бежали в Чечню. Я хорошо помню, как твои верные мюриды не дали мне глотка воды. Ты был тогда так возмущен, что дал обет отомстить тем, кто тебе изменил и предал тебя в Дагестане...

- Да, помню. Я приказал моим первым чеченским наибам грабить дагестанцев, приходящих в Чечню за кукурузой, отбирать у них лошадей и ослов, а алимов безжалостно убивать.

- Хорошо, что ты мне напомнил! Когда ты с помощью чеченцев стал имамом Чечни и Дагестана, то быстро забыл о своем обете. Ты не только не позволял грабить дагестанцев, наоборот, переселял их в Чечню, устроил там для них поселения, и это в то время, когда сами чеченцы страдали от безземелья. Ты не только не стал убивать дагестанских алимов, пришедших в Чечню, наоборот, сам припашал их в чеченские медресе, чтобы они учили чеченских детей быть преданными тебе. Назначал дагестанских алимов имамами и кадиями в чеченских аулах, чтобы они проповедовали шариат в угоду тебе. Ты жестоко наказывал чеченцев за малейшие провинности... Под тяжесть войны с гиурами последних двадцати лет повисла на их плечи. Они были верны тебе, были твоей надежной опорой, и, тем не менее, ты не сделал ни одного чеченца членом своего дивана. Ты запрещал своим ватагам писать о воинских подвигах чеченцев... Ты назначал дагестанцев наибам в Чечню, но не назначил ни одного чеченца наибом в Дагестане. Одним словом, ты не верил чеченцам, которые были верны тебе всегда, до последней минуты... Вдобавок, ты установил слежку за каждым чеченцем, принуждая их доносить друг на друга...

Гази-Магома резко замолчал, увидев лицо отца, искажившееся от гнева.

- Ты все еще несмышленный сопляк. Все свои действия и поступки я совершал ради тебя. Чтобы возвысить тебя в глазах народа. Чтобы ты стал моим достойным наследником. Чтобы после моей смерти ты, вся наша семья, наши потомки ни в чем не нуждались. Это раз. Во-вторых, наибами и дибирами в Чечне я назначал дагестанцев не только потому, что не доверял чеченским наибам. Чеченцы очень своевольный, непокорный, буйный, но в то же время очень легкомысленный народ. Часто они отказывались подчиняться своим, чеченским наибам. Иногда сами просили меня назначить наибом или дибиром не чеченца, а дагестанца. Чеченцы не признают своих героев и святых. А чужаков буквально носят на руках. Одним словом, у них нет горы, на которую они возносят своих героев, и нет ямы, куда бросают преступников. Отсюда все их беды.

Шамиль закрыл глаза и мысленно опять унесся в далекие родные горы, опять начал перелистывать страницы последних десяти лет, проведенных в Чечне. Вот после смерти Гамзат-Бека его провозгласили имамом Дагестана. Но местные ханско-бекские отпрыски и многие алимы, да и почти все аулы Мааристана, оказали ему упорное сопротивление. Вот он с помощью некоторых чеченских предводителей укрепил свою власть в Дагестане. Потом генерал Граббе, которому помогали около четырех тысяч дагестанцев, штурмом взял последний его оплот - высокогорный аул Ахульго. После этого он с семьей товарищами и семьей по горным тропам бежал в Чечню. Последние двадцать лет, которых он провел там. Его головокружительный взлет с помощью чеченских сабель. И как через двадцать лет, когда он бежал из пылающей Чечни в родной Дагестан, свои же соотечественники ограбили и предали его. Последние дни в Гунибе и позорная сдача в плен...

Да, правду говорили уста Гази-Магомы. Встав на ноги в Чечне, Шамиль решил с помощью чеченцев жестоко наказать дагестанцев, предавших его. Даже несколько аулов

покарал. Но вскоре он изменил свое решение. Чтобы избежать возможного бунта народов Чечни и Дагестана против его власти, он решил вбить клин между ними, попеременно то наказывая, то поощряя одних руками других.

ОРБЕЛИАНИ Г.Д.: «Когда ездит в Чечню, то его обыкновенно провожают и окружают дагестанцы, а в Дагестане — чеченцы, это делает он как для собственной безопасности, так и для предупреждения всяких лицеприятий и чтобы внушить более страху. Конвой его в таких поездках состоит обыкновенно из нескольких тысяч, от того так часто слышно о значительных сборах в непокорных обществах.»

В своей внутренней и национальной политике, пытаясь укрепить личную власть, Шамиль невольно совершал губительные ошибки. Его первоначальный лозунг о равенстве и свободе был ни чем иным, как только равенство перед богом и свободы отправления религиозных обрядов, поводом для истребления светской знати, захвата и укрепления личной власти.

В конце 30-х годов XIX в. некоторые дагестанские общины решительно выступили против Шамиля, и свою власть он установил там благодаря военной помощи чеченских предводителей. Чеченцами двигали отнюдь не энтузиазм или симпатии к Шамилю и мюридизму, они оставались в Дагестане союзников в борьбе против царских колонизаторов. После бегства в Чечню перед Шамилем открылись широкие возможности для осуществления своих далеких идущих планов. Судьба вознесла его во главу вставшей Чечни. Но этого для него было мало. Шамиль хотел не чтобы то ни стало восстановить свою власть в Дагестане, отомстить своим обидчикам, предателям и изменникам. Достичь этого он мог, только опираясь на единодушный, воинственный чеченский народ. Преследуя такой расчет, мудрый Шамиль всячески поощрял чеченцев, подчеркивал их численное превосходство, воинственность, героическое прошлое, военно-патриархальную демократию, тем самым, возбуждая в них честолюбие и этнический эгоизм.

Расчет удался. Вскоре он усмирил и подчинил себе дагестанские общины. Однако, как только он обеими ногами укрепился в Чечне и Дагестане, Шамиль резко изменил свою политику и взял курс на сохранение и укрепление своей личной власти, готовя почву для передачи ее по наследству своему старшему сыну Гази-Магоме.

* * *

С другой стороны, Шамиль никогда не доверял чеченцам, боялся их многочисленности, воинственности, буйного, непокорного характера. Личные мюриды или охрана Шамиля состояли из преданных ему дагестанцев. При каждом чеченском наибе в качестве наблюдателя состояли несколько мюридов из этого числа, да еще специальный человек, который должен был следить за каждым шагом наиба и доносить обо всем имаму. Все чеченское население мужского пола Шамиль разделил на десятки, члены которых обязаны были наблюдать за поведением друг друга, и доносить наибу. Кроме того, в чеченских аулах были поселены семейства преданных ему дагестанцев, которые также обязаны были следить за поведением местного населения.

СЕМЕНОВ Н.: «- Фамилия или родовой союз - орден, в котором каждый член, без клятв и договоров, в силу исторически развившегося инстинкта, беззаветно служит интересам целого, не задумываясь жертвовать для них, в случае надобности, всеми интересами. Вне фамилия чеченец чувствует себя жалким и беспомощным: внутри ее он в крепости, имеющей сотни часовых, тысячи ружей, многочисленный и единомышленный гарнизон».

Все силы и средства Шамиля и царских колонизаторов были направлены на разрушение этой крепости - единства чеченского народа, которого обе эти стороны считали своим сильным и опасным противником.

В первые же пять лет после того, как Шамиль утвердился в качестве имама Чечни и Дагестана, в боях, от руки кровников или неизвестных убийц погибают известные чеченские предводители Шуаиб-Мулла, Джоватхан, Ума-

хан, Саид-Мулла, Ших-Абдулла, Оздемир, Домбай, Ахвердил-Магома, Эльбар, Эбил и другие. К закубанским горцам отправляют Магомед-Гирея, Сулейма-Муллу, Юсуф-Хаджи, Магомед-Эмина, Магомед-Хаджи. Именно после гибели одних и изоляции, путем удаления из Чечни, других авторитетных предводителей, в 1847 году Шамиль осмелился объявить свою власть наследственной.

ГРАББЕ: -»- Беглец из Андреевской деревни Чагай Акаев более десяти лет жил в Чечне и в последнее время находился в тесной связи с одним из храбрейших и известнейших чеченских наездников по имени Оздемир, который пользовался доверенностью Шамиля и им сделан был начальником пятисот человек. Недели две тому назад Чагай Акаев убил названного Оздемира, бежал с семейством из Чечни в деревню Аксай. Причины, побудившие его к убийству этому, неизвестны».

НЕЙДГАРД А. И. «- Шуаибу теперь около сорока лет. Он пользуется большим доверием Шамиля и останется с последним в хорошем отношении, будет одним из самых уважительных ему помощников; но в случае ссоры с Шамилем, то по влиянию, каковое Шуаиб имеет на чеченцев, он может быть и опаснейшим его врагом».

Оздемира убили в декабре 1843 года, в том же году убили Удди-Муллу, а Шуаиб-Муллу убили в марте 1844 года. Убийцы Оздемира и Удди-Муллы остались безнаказанными, но за убийство Шуаиб-Муллы Шамиль жестоко напал на Гордалинские хутора и забрал в свою казну огромное богатство наиба.

Отправленные Шамилем к закубанским горцам Магомед-Хаджи и Магомед-Гирей погибли там, в боях с русскими войсками. Супойман-Муллу вернулся в Чечню и стал решительно выступать против произвола Шамиля. Вскоре он вынужден был покинуть Чечню.

В покорении Чечни русское командование не только использовало армию и оружие, «топор и огонь», но широко применяло подкуп людей. Для этого существовала специальная тарифная сетка: за переход на сторону русских — столько-то, отдельная сумма за сдачу пушки, за

убийство наиба или прочего должностного лица имамата и т.д. Русское командование, воспользовавшись враждой, возникшей между Шамилем и Сулейманом-Муллой, сделало попытку подкупить последнего, но попытка эта не имела успеха.

ИЗ ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА СУНЖЕНСКОЙ ЛИНИИ О РЕЗУЛЬТАТАХ ПЕРЕГОВОРОВ С СУЛЕЙМАН ЭФЕНДИ.

ИЮЛЬ 1846 г.

«...Я спрашивал также о Джамал Эддине и бывшем Казикумухском кадии Магомед-Эмине. Он отвечал мне, что они оба друзья его, что неоднократно слышал от них желания отторгнуться от Шамиля, и что уже несколько времени их не видел и потому намерения их в настоящее время объявить не может, но убежден, что они готовы последовать примеру его.

На вопрос мой, может ли он при настоящих обстоятельствах доставлять нам сведения о нашествиях неприятеля, в доказательство доброго его к нам расположения, Сулейман отвечал, что лазутчиком никогда не был и ныне принять такие обязанности на себя не может.

(цга со асср, ф.104, ОП. 1, СВ. 1, Л. 17-18).»

Магомед-Эмин не вернулся в Чечню. По воле Шамиля встав во главе адыгейских народов, он и после Шамиля оказывал успешное сопротивление царским колонизаторам. Шамиль не считал его опасным для себе. Магомед-Эмин был беспредельно предан имаму... Знамя и медали, которыми турецкий султан награждал его за успешные военные операции на Западном Кавказе, Магомед-Эмин переслал Шамилю. А имам информировал народ, что, якобы, султан награждал ими его и носил их напоказ по аулам Чечни и Дагестана...

Недавно в Калуге произошла краткая встреча Шамиля и Магомед-Эмина, который из Петербурга возвращался на Кавказ. Он до конца остался верен своему имаму. Из Калуги Шамиль посылал ему письма, в которых писал, что дальнейшее сопротивление русским бесполезно и что нужно прекратить войну. Послушав Шамиля, 20 ноября 1859 года Магомед-Эмин во главе двух тысячи всадников

пришел в русский лагерь. При этом, в ходе переговоров, за прекращение войны на Западном Кавказе и переход на службу к русским, Магомед-Эмин выторговал себе 3000 рублей ежегодной пенсии.

Ныне дела Магомед-Эмина шли неплохо. Хотя и принял он российское подданство, но добрые отношения с турками продолжал поддерживать. Он был подобен теленку, сосущему вымя двух коров.

Встреча между бывшим имамом и его бывшим наибом или наместником на Западном Кавказе была не очень теплой. Как бы глубоко Магомед-Эмин не почитал Шамиля, но в последние годы он чувствовал себя намного выше и сильнее имама. Он несколько раз побывал в Стамбуле, встречался лично с султаном, завел знакомства с военными и государственными деятелями Турции. А Шамиль их в глаза не видел. Он не знал даже, где находится этот самый Стамбул.

Русские власти организовали Магомед-Эмину не плохой прием, щедро оплатили его услуги. Но впоследствии, нарушив присягу на верность русскому царю, он сбежал в Турцию.

* * *

Шамиль долго лежал с закрытыми глазами. Его густые рыжие брови то и дело сходились в узел на высоком, широком лбу. Лицо то вдруг сжималось как от внезапной боли, то разглаживалось. Из плотно закрытых глаз иногда просачивались скудные слезы. Он мысленно повторял непростой, тернистый путь своей жизни.

«Я не всегда мог поступать с чеченцами по велению моего сердца. Я ни на минуту не забывал, что после Ахульго они восприняли меня из плена. Чеченцы — мужественный и воинственный народ. В то же время это буйный, необузданный, непокорный, доверчивый и добродушный народ. Мне нужны были мужественные, смелые, воинственные, но покорные имаму чеченцы. Я сделал все, что в моих силах, чтобы сделать их таковыми. Но безуспешно. Все последние двадцать лет они находились меж двух

огней. Свое оружие они направляли то против меня, то против русских. В то же время благодаря мне и русским они дрались и между собой. Теперь им придется долго лечить свои раны. Чтобы снова стать единым, сплоченным народом, им потребуются десятки лет. Сколько бы золота и серебра не тратили глупые русские генералы на раздробление чеченского народа, они не добились даже половины того, что удалось мне. Я научил чеченцев следить друг за другом и доносить мне о каждом шаге своего соседа. Больше того, — я вынуждал их следить даже за членами своих семей. Да, я не хотел, чтобы чеченских детей обучали чеченские муллы. Между прочим, у них почти не было мало-мальски образованных людей. Их можно было пересчитать по пальцам. Я хотел, чтобы послушные мне дагестанские муллы готовили из чеченских мальчиков преданных мне воинов. А их знания, умственное развитие мало меня заботили.

Шамиль взглянул на сына.

— Во главе чеченских войск я ставил храбрых, талантливых, верных мне людей. И старался, чтобы среди них не было грамотных людей, тем более алимов. Им следовало служить мне руками, а не головами. Мне нужны были такие, как Бойсангур. Алимов в Дагестане было предостаточно. Да и в диване моем был явный избыток ученых. Когда для меня настали трудные дни, все они бросили меня и разбежались. Вернее, перебежали к гяурам. В Чечне, в первые годы моего имамства, меня окружали образованные наибы. Шуаиб-Мулла, Удди-Мулла, Саид-Мулла, Атаби-Мулла, Сулиман-Мулла. Потом остались только Атаби-Мулла и Сулиман-Мулла. Позже Сулиман-Мулла выступил против меня, и я вынудил его покинуть Чечню. Потом, за несколько лет до конца войны, в Чечне появился этот святой, шейх Кунту, который создал массу хлопот. Я хотел, чтобы чеченцы, как и свои предки, оставались непримиримыми врагами гяуров. А этот Кунту своими проповедями о покорности судьбе хотел лишить меня грозной силы, каковой чеченцы являлись в моих руках. Он хотел убить в них храбрость, смелость, воинствен-

ность. Превратить их в стадо глупых баранов. Хотел всех людей сделать братьями. Независимо от религии. Призывал прекратить войну против русских. Положиться на милость Аллаха. Только Аллах, говорил он, может защитить их от неверных. «Не сопротивляйтесь русскому царю, - учил он чеченцев. - Прикажет вам русский царь носить крест - носите его, ибо это всего лишь металл. Прикажут вам посещать церковь - посещайте ее. Это же обыкновенный дом. Прикажут вам креститься - не отказывайтесь. Самое главное, чтобы вы в своих сердцах сохраняли веру во Всевышнего Аллаха и в Его пророка Мухаммада. Не поднимайте оружие против русских до тех пор, пока они не станут глумиться над вашими женщинами. Только тогда пролейте кровь врага, в остальном же будьте послушны и терпеливы. И тогда Всесильный Аллах даст вам победу и свободу!» Я не мог терпеть в Чечне такого кяфира. Я натравил на него чеченских алимов, и с их помощью заставил его покинуть Чечню и убраться в Мекку. Говорят, после моего пленения он вернулся на родину, но вскоре русские арестовали его и сослали куда-то на север России.

- Но шейх же действовал из благих намерений. Ведь Чечня уже двадцать лет горела в пламени войны. Половина населения погибла. Другая половина жила в нищете. Ты же сам говорил здесь русским, что прекратил войну и сдался в плен только после того, как в горах люди стали есть траву...

Ты еще молод, мой сын, плохо знаешь этот мир и населяющих его людей. Да и сам я был слеп, вплоть до последних лет. Быть правителем - это удел отнюдь не добродушных, мягкосердечных, тем более не трусливых людей. Аллах обязывает правителя справедливо управлять подданными. Правитель должен учитывать все обстоятельства, в том числе характер, нравы людей и многое другое. Для одних достаточно ласкового слова, других следует крепко отчитать, третьих - погладить по голове, четвертым же приходится отрубать головы. Ты представить себе не можешь, как трудно мне было двадцать пять

лет управлять народами Чечни и Дагестана! Только в одном Дагестане живет несколько десятков разных народов. У каждого - свой язык, характер, обычаи, нравы. Для облегчения управления, я попытался заменить их адаты общим для всех шариатом. Следуя шариату, я запретил песни, музыку, танцы, употребление вина и табака. В Дагестане в этом отношении я добился кое-каких успехов, но в Чечне это оказалось неосуществимым. У чеченцев, наряду с легковерностью и доверчивостью, есть еще одна губительная черта характера - чрезмерная гордыня и честолюбие. Каждый считает себя, по меньшей мере, князем. На нас, на аварцев, смотрят как на холопов. Ты упрекнул меня в том, что я не допускал в мой диван чеченцев. Скажи, разве благоразумный человек пустит в свое стадо волков! Они и так при каждом удобном случае с усмешкой напоминали мне о том, что именно они, чеченцы, сделали меня имамом Чечни и Дагестана после моего падения в Ахульго, что последние двадцать лет я держался на остриях их сабель. Потому я и не любил их. Хотя я, как имам, стоял во главе чеченцев, но всегда чувствовал себя у их ног. Ты говоришь, что я поклялся отомстить аварцам, предавшим меня в дни Ахульго, но потом клятвы не исполнил. Курейшиты издевались над пророком Мухаммедом, преследовали, притесняли его и, наконец, изгнали из Мекки. Когда Мухаммед во главе многочисленных войск вернулся из Медины в родную Мекку, он не стал мстить своим обидчикам... Потому что Мекка была его родным городом, а курейшиты - людьми его племени. Дагестан моя родина, я сын аварского народа. Я люблю аварцев. У меня нет другой родины, я родился аварцем и умру тоже аварцем. Поэтому я давно простил своих обидчиков...

* * *

Побродив по лесу, капитан Руновский, личный лекарь Шамиля Кричевский, Гази-Магома, Магомед-Шафи и Хаджияв вышли к опушке.

- Во всем виновата жена Шамиля Загидат,- рассказывал

Хаджияв.- Это ее штучки настроили Кибит-Магому и Албаз-Дибира против Шамиля. Кибит-Магома засватал за двух своих сыновей дочерей Шамиля Нафисат и Фатимат. Шамиль сначала дал свое согласие. Он решил одну дочь выдать за сына Кибит-Магомы, другую - за сына Албаз-Дибира. Но вскоре передумал, так как воспротивилась Загидат, заявляя, что дочерей он выдаст только за ее братьев.

- Как это понять? - удивился Руновский. - Как может Загидат выдать своих дочерей за своих братьев? К тому же по части женщин у вас, у горцев, вообще строгие нравы. Например, у чеченцев. Они не только на родственнице, даже на девушке своего рода не женятся!

- Наши обычаи во многом расходятся с чеченскими. Например, у них читается позором просить подаяние или быть слугой. У нас же просить милостью или служить за жалование в порядке вещей. Только гимринцы и унцукульцы сходятся с чеченцами в одном: они с голоду умрут все до единого, но не станут просить милостыню и не пойдут на услужение, если в этом будет хотя бы тень подчиненности. Так вот я рассказываю. Как вы сами знаете, Зайдат - дочь муллы Джомал Эддина. Но Нафисат и Фатимат не ее родные дочери. Их матерью являлась другая жена Шамиля - Фатимат, которая умерла во время похода Перовцова в горы. Мужья Нафисат и Фатимат Абдурахман и Абдурахим - родные братья Зайдат. Не осмелившись порочить жене, Шамиль выдал дочерей замуж за своих шуринов. Тогда Кибит-Магома и Албаз-Дибир поклялись отомстить Шамилю за позор. Они сдержали клятву в прошлом году, перейдя на сторону русских.

- Выходит, Зайдат могла манипулировать Шамилем?

- Да, - кивнул головой Хаджияв. - В своих корыстных целях она копала яму под Шамиля. Если бы ваш государь знал о том, что она сделала против власти Шамиля, то присвоил бы ей чин фельдмаршала, как Барятинскому.

- Сильная, оказывается, личность эта ваша мачеха. А как она относилась к вам? - Руновский повернулся к Магомеду-Шафи.

Магомед-Шафи махнул рукой.

- Так же, как любая мачеха к своему пасынку. Хаджияв прав. Загидат с ведома и без ведома отца плела много козней. Собирала через наивов подать. Без ведома Шамиля. А иногда заставляла его отдавать те или иные приказы. А Шамиль не знал, куда она его ведет. Таким образом и восстанавливала она людей против него.

Затем, немного подумав, добавил:

- По правде говоря, отец прекрасно знал о многих проделках своей жены, недобросовестных наивов и улемов. Просто у него не было сил и воли остановить их. Он не знал, что жена толкает его в пропасть.

* * *

При приближении посторонних Шамиль и Гази-Магома прервали разговор. Хотя обоих сыновей Шамиль любил одинаково, однако откровенен бывал только с Гази-Магомой.

- Ты не спишь, Шамиль? - Руновский расстелил свой плащ и лег рядом. - И впрямь, эти места напоминают Чечню. Только здесь нет гор. Точно такие же леса, холмы, реки. Может, мы побеседуем? Ты не очень устал?

Шамиль не хотя сел.

- А что бы ты хотел узнать?

Руновский ответил не задумываясь.

- Под твоей властью были разные народы, у каждого из которых свой язык, свой характер и свои обычаи. Мне кажется, что ты вел себя с ними неодинаково. Какие мы должны строить взаимоотношения с тем или иным народом? Где может вспыхнуть бунт против нашей власти?

Шамиль задумался, подперев рукой голову.

- Нет оснований опасаться того, что может вспыхнуть большая война, на подобие той, что была. Я же говорил вам - Кавказ находится в Калуге. Единственным достойным преемником для меня является Кибит-Магома. Но он в любое время готов продаться. Кому угодно, лишь бы платили хорошо. Конечно, вначале вам не избежать мелких вспышек недовольства. Но пока там находятся Уч-кез,

Орбел и Лазарь, вам ничего не грозит. Они хорошо знают горы и горцев. Спрашиваешь, как держать горцев под пятой? Самое верное средство против восстания - это рубить головы злодеев и людей, которые выражают маломальское недовольство, и выставить их на кольях на людном месте.

- Слишком жестоко. Это противоречит законам нашего государства и национальному характеру.

Шамиль засмеялся.

- Вы хотите сказать, что мои законы и обычаи горцев бесчеловечнее ваших? Но пленные русские офицеры рассказывали мне совсем другое. Например, восставших против царя крестьян вешали, четвертовали, сжигали живьем, бросали лютой зимой в прорубь, в ледяную воду. По-моему, намного человечнее убить преступника сразу, чем совершать над ним эту дикую жестокость. В моем понимании жестокость - это когда царь, власти управляют народом несправедливо, угнетают его, преследуют и наказывают невинных людей. Когда я наказывал преступника или злодея по законам шариата, я совершал не жестокость, а справедливость, выполнял свои обязанности, свой долг перед Богом и народом. Иначе я не смог бы управлять горцами не то что двадцать пять лет, но и в течение одного года. Потому что, как вы знаете не хуже меня, горцы очень своенравный народ.

Руновский задумался.

- Когда-то наши власти жестоко расправлялись с бунтарями. Вы правы, это было. Но теперь другие времена, другие законы. Более человеческие. А что, если горцев, которые восстанут против нашей власти, ссылать на каторгу, в Сибирь?

- Ни в коем случае! - энергично замотал головой Шамиль. - Эти средства хороши для ваших русских и немцев. А нашим горцам намного лучше в ссылке или на каторге, нежели у себя дома. Я хорошо знаю горцев. Они не боятся смерти, которую видят ежедневно и ежечасно. Но вид отрубленной головы - совсем другое дело. Как я поступал? Мой палач отрубал голову тому, кто выступал про-

тив моей власти, и насаживал ее на кол. Я не позволял убирать с нее отрубленную голову до тех пор, пока об этом меня не попросит весь аул. Иначе говоря, фундамент для своей власти я сооружал из отрубленных голов. И вам советую то же самое. Что же касается характера горских народов, то по смелости, отваге и непокорности на первом месте стоят, конечно же, чеченцы. Среди самих же чеченцев по этим качествам впереди всех стоят гехинцы. Затем - все тейпы, живущие за рекой Гой. А за ними уже - бенойцы и харахойцы. Особого внимания заслуживают бенойцы. Любая смута начинается оттуда, из Беноя, и распространяется на всю Чечню, а затем и на Дагестан. Поэтому, если хотите спокойствия на Кавказе, в первую очередь вырубите и сожгите леса во всей Ичкерии, до последнего кустика.

И еще одно. Пока жив наиб Бойсангур Беноевский, которого мы называем Бир-Кез, о мире в беноевских аулах не может быть и речи. По мужеству, отваге и смелости этому человеку нет равных в горах Кавказа. Я наградил его двумя медалями. Когда я в Гунибе на совете своего дивана заявил, что намерен сдаться вам, он выступил против меня. Он говорил со мной даже слишком грубо. Будь на его месте кто-нибудь другой, я велел бы отрубить ему голову. Поняв, что ни просьбы, ни угрозы не заставят меня изменить принятое решение, Бойсангур проклял меня перед людьми и поклялся, что, пока на его плечах будет голова, он не снимет эти две медали и не прекратит войны против русских. Я еще раз повторяю: пока Бойсангур жив, бенойцы не покорятся вам. Сам же он не пойдет на примирение с вами никогда, и живым в плен не сдастся. /Этой характеристикой Шамиль (осознанно?) вынес смертный приговор своему верному наibu./ Об остальных народностях особо и говорить нечего. Андийцы люди мирные. Большая часть дагестанских народностей создана для торговли и ремесла. Там опасаться восстаний оснований нет вовсе.

Руновский, внимательно выслушав переводчика, коротко записал сведения Шамиля.

- Что же касается моей власти и ее жестокости, то это зависело от характера и нрава данного конкретного народа. К примеру, по отношению к дагестанцам наказания были ни к чему. Они безропотно и в точности выполняли любую мою волю. А в Чечне все бывало наоборот. Строптивые, горячие и своевольные чеченцы часто целыми аулами отказывались от меня и переходили на сторону русских. Это делалось не потому, что они любили русских больше, а их власть считали лучше моей. Вовсе нет. Просто из-за своего отвратительного нрава придерутся к какому-нибудь пустяку и заупрямятся. По правде говоря, свою власть более сильно и грозно я осуществлял в Дагестане, нежели в Чечне. Зная, что чеченцы слишком самлюбивы и что я сижу на их плечах, я делал много уступок, боясь, что они покинут меня. К примеру, в Дагестане наибов я назначал сам, а чеченцам вначале предоставлял право самим их избирать. Позже, когда я сам начал их назначать, они возмутились. Каким бы хорошим ни был наиб, чеченцы всегда выступали против предложенной мной кандидатуры. Бывало, называешь имя абсолютно незнакомого им человека, а они уже начинали роптать. За все двадцать лет, что я провел среди них, не было ни одного дня, чтобы они в чем-то не выражали своего недовольства. Вот не хотят они подчиняться никакой власти, и все тут. Наверное, на этой земле нет другого такого народа, как чеченцы. Своевольные, строптивые, буйные и легкомысленные. Поэтому вам следует хорошенько подумать, как управлять ими. Власть, стоящая над чеченцами, должна быть прочна, как скала. Уничтожайте их леса, не оставляя ни одного кустика. Тому, кто поднимет руку против власти, отрубайте голову, не задумываясь, и насаживайте ее на кол. В каждый аул, в каждый двор ставьте своих солдат, как это делал я.

Шамиль снова прилег на спину, подложив под голову руки. Подобные советы он давал Руновскому часто даже с некоторым удовольствием. Но сегодня делал это почему-то без особой охоты. Разговор с Гази-Магомой испортил ему настроение. В гневе или в плохом расположении

духа он не мог владеть собой. В подобных случаях Шамиль часто говорил не то, что нужно. По его мнению, он и сегодня наговорил много такого, что следовало бы держать при себе.

- Да, еще, расскажи о своих карательных войсках, - попросил Руновский.

- Вы имеете ввиду те войска, которых я вводил на постой в провинившиеся аулы? - засмеялся Шамиль. - Как я уже говорил, в Дагестане в подобных войсках необходимости не было. Я постоянно держал их в Чечне. Они полностью состояли из дагестанцев. Горцы Дагестана - слабые воины. Там, в горных условиях, они как-то выходили из положения, но на чеченской равнине и в чеченских лесах они теряли всякую боеспособность. Кроме того, в Чечню их приходилось тащить силой. Поэтому из них я организовывал карательные войска. Их задача? Она была проста. Я ставил их на постой в мятежные чеченские аулы по четыре-пять человек на двор. И без того доведенным войной до обнищания чеченцам не под силу было кормить карателей. А у тех и дел-то было - сытно поесть, на мягком поспать. Я держал их там до тех пор, пока аул не изъявит покорность. Только после этого горе-войско выводилось из аула. Для чеченцев более тяжелым и неприятным, нежели необходимость кормить эту свору, было то, что дагестанцы жили грязно, не знали местных обычаев, или просто делали вид, что не знают их. Поэтому, чтобы избавиться от них, жители таких аулов быстро покорялись мне.

По правде говоря, мысль о создании карательных войск принадлежала Гази-Магоме, - Шамиль кивнул в сторону сына. - Попросите его как-нибудь рассказать вам об этом. Да, забыл еще одно. О харачойцах. Таких подлых людей и подобных воров под небом еще не бывало. Одних харачойцев, бенойцев и цонтаройцев хватит вполне, чтобы приблизить Судный день. Потерпев поражение в Дагестане, я прибыл в Ичкерию. Не задерживаясь там долго, я поехал в Чеберлой /мы называем это место Шубуту/. Чеченцы считают себя князьями, а остальных горцев - ра-

бами. К последним, в первую очередь, они относят дагестанцев. Этим глупым предрассудкам больше всех подвержены ичкеринцы. Поэтому я ушел из Ичкерии в Чеберлой. А там - люди простые. Стоит найти подход к их сердцам, и в твоих руках они будут мягче воска. А с харахойцами я поступил так: связал всех их стариков, уложил на землю, сверху настелил плетень и устроил на нем пир для своих воинов. Кроме этого, против чеченцев у меня было еще одно действенное оружие. Я обязал их отвечать друг за друга, например, доносить на соседа. Это вбивало клин между их семьями, рождало недоверие друг к другу, разрушало единство народа. Доведенные до такого отчаяния, они не могли организованно выступать против меня или переходить на сторону русских. Правда, мне не удалось насадить у них шариатские законы. Какие бы раздоры не возникали между ними, чеченцы всегда помогали друг другу. И шариат они толкуют по-своему, например, дают раздают обедленным, сиротам и вдовам, даже пленным солдатам. Я везде искоренил увеселительные мероприятия, свадьбы, пение, музыку, но заставить чеченцев сделать это у меня не хватило сил. Стоило мне собрать их по какому-либо поводу, как они, будто пали мне, тут же начинали пливать, да еще стреляли в воздух из всех видов имеющегося у них оружия. Великий народ, собаки! Даже очутившись в самом тяжелом, безысходном положении, они шутят и веселятся.

Короче говоря, ты своей рукой разрушил единство самого опасного для нас народа, - сказал Руновский. - Ты оказал нам большую услугу. Россия с благодарностью будет помнить тебя.

Да и вы не отставали, - улыбнулся Шамиль. - Вы награвливали из друг на друга, не жалели денег для предателей и изменников.

Наоборот, сами того не ведая, мы помогали друг другу! Мне кажется, что после всего этого чеченский народ не представляет для нас опасности.

Беспорывная двадцатилетняя война довела этот некогда сильный, сплоченный народ не только до полной

нищеты, но и разрушила его единство. Однако, как бы ни враждовали между собой чеченцы, против чужеземцев они всегда выступают дружно и сообща. И потому чеченцы всегда должны находиться под вашим неослабным вниманием. Не позволяйте им сплотиться, играйте на их самолюбии и честолюбии. Стоит сказать чеченцу, что сосед его лучше него самого, и можешь быть уверен - он станет его врагом.

Рассказ Шамиля о расправе над харачойцами напомнил Руновскому расправы Чингисхана над русскими князьями.

- А эти харачойцы смирились с твоей властью?

- Почти все старики погибли, - весело ответил Шамиль. - В живых остались, кажется, один или два старца. Думаете, остальные смирились? Куда там! Не давали проходу дагестанцам, ущелье Хулхулау стало для них поистине проклятым местом. Ты же знаешь дорогу в Дагестан через Ичкерия? Из аула Шали, через Ведено и Харачой в Андистан. Дагестанцы, ездившие в Чечню за зерном или по торговым делам, постоянно жаловались мне на то, что харачойцы не дают им прохода по ущелью, и просили наказать их. Для начала я обезглавил нескольких харачойцев. Не унялись. Затем я расселил их по всему Дагестану, распределив по две-три семьи на аул, а сам Харачой сравнивал с землей. На некоторое время жалобы прекратились. Но вскоре они посыпались почти со всех концов Дагестана. Дагестанцы жаловались, что от переселенных к ним харачойцев им нет житья, что они воруют скот, убивают людей. Не зная, как поступить с ними далее, я позволил им вернуться в родные места. Клянусь Аллахом, эти отвратительные харачойцы одержали над мной победу!

* * *

Здесь в Калуге и раньше слышали о том, что в Чечне подняли восстание против русских властей. Но не от очевидца. Ашильтынец Мухаммад привез с Кавказа достоверные сведения. Его внимательно слушали Шамиль, Гази-

Магома, Руновский, Кричевский, Магомед-Шафи, Хаджи-па, Абдурахман и Абдурахим.

«Восстание начали бенойцы, - рассказывал Мухаммад. - Под предводительством твоего наиба Бойсангура. Прорвав кольцо окружения в Гунибе, он вернулся в чеченские леса. Однако бенойцы не шли за ним. Со своим отрядом и Беной направился полковник Алибек Пензуллаев. Он обратился к бенойцам за помощью в поимке Бойсангура, но получил отказ. Бенойцы заявили, что им Бойсангур не нужен, а если он нужен полковнику, то пусть он и ищет его. Тогда полковник пригрозил им, что переселит их всех на плоскость, если они не помогут ему поймать Бойсангура. Тогда и началось восстание.

«В какое время года это было? - спросил Шамиль.

«В начале весны.

«Как всегда! Запомни, капитан, - Шамиль повернулся к Руновскому. - Чеченцы начинают шалить, когда зеленеют леса.

«Мы достаточно изучили их характер! - засмеялся Руновский.

«Сведения о восстании в Ичкерии и по Аргуну под руководством Бойсангура, Солтамурада, Атаби и Уммы доходили до Руновского через Петербург. Но капитан рассказывал своим пленникам о событиях в Чечне не все, сообщая только лишь обрывочные сведения. Услышав о восстании, Шамиль расстроился. Он всегда был уверен в том, что никто кроме него не способен возглавить борьбу народов Чечни и Дагестана. Болезненно воспринял бывший имам и то, что после его пленения закубанские горцы под предводительством Магомед-Эмина почти три месяца оказывали сопротивление русским войскам.

«Позем другой полковник, Чертков, послал к Бойсангуру нарочника - предложением прекратить бессмысленное сопротивление и сдаться, - рассказывал Мухаммад. - Переговоры шли на кладбище. После того, как Бойсангуру было передано предложение, он сказал, указывая на надгробные памятники: «Говорите о своем деле вот с этими памятниками. Они, возможно, вас услышат».

Шамиль с гордостью обвел взглядом присутствующих.

- Бойсангур таш адам! Я хорошо знаю Бир - Кеза! Он в Гунибе поклялся воевать с русскими до тех пор, пока на плечах у него будет голова. А он никогда не изменяет своему слову. Хорошо ли, плохо ли, он всегда поступал по-своему. Умма, Солтамурад и Атаби не опасны. Опасен лишь Бир-Кез. Но и он недолго протянет. Скоро наступит зима - и с ним будет покончено. Правда, живым он не сдастся. Действительно, лучше говорить с камнем, чем с ним. Вот Гази - Магома хорошо знает Бойсангура. Они были друзьями.

Шамиль не все сказал об Атаби. По мнению Шамиля, после Ташов - Хаджи, Шуаиб - Муллы, Юсуф - Хаджи и Сулеймана - Муллы самым опасным для себя он считал Атаби. Правда, Шалинский Талгик по смелости и доблести превосходил его. Талгик и Шуаиб - Мулла были военными стратегами, а Атаби, помимо того, что был смелым и доблестным наибом, являлся еще и алимом. О его смелости говорит и тот факт, что 11 августа 1848 года он вместе с семьей «перебежал» к русским, вел в течение двух недель специальную разведку, а потом вернулся в горы.

Шамиль в душе боялся Атаби. Только не совсем понятно, почему имам не лишил его наибства. По всей видимости, имам надеялся на его смерть, так как Атаби был человеком хрупким и болезненным. Неизвестно, что было на уме у самого Атаби. Позже, во время его ссылки в Порхове, он ясно показал, что ко всему прочему является и искусным дипломатом. Об этом свидетельствуют и его прошение на имя царя, и его стихи, восхвалявшие царя, написанные на арабском языке. Возможно, он льстил и самому имаму. Шамиль и сегодня спас его от смерти. Та оценка, которую Шамиль дал в Калуге Бойсангуру, его настойчивые и постоянные рассказы о том, что, пока Бойсангур жив, ни бенойцы, ни ичкеринцы не сложат оружия, что эта зараза далее распространится по Дагестану и среди других горцев Кавказа, привели Бойсангура к виселице.

* * *

После того, как жестоко было подавлено восстание в горной Чечне в 1860-61 годах, Бойсангур, его два сына, дочь и внучок от дочери были захвачены в плен недалеко от Беноя.

Бойсангура повесили в Хасав-Юрте, на той самой площади, где сейчас стоит православная церковь.

Когда в восточной Чечне восстание потерпело поражение, соратник Бойсангура Солтамурад поднялся вверх по Аргуну и присоединился к Атаби и Умме.

Когда и там восстание смяли, 14 ноября 1861 года раненый Атаби Атаев сдался русскому командованию. Ровно месяц спустя, 14 декабря, сдался генерал-адъютанту князя Святополку-Мирскому и Умма Дуев. Атаби сослали в Порхово, а Умму - в Смоленск.

* * *

Встретившись с Гази-Магомой, Руновский сразу начал расспрашивать о Бойсангуре.

Рассказал Гази-Магома, что произошло между тобой и Бойсангуром?

Гази-Магома присел на скамейку с чугунными ножками, которая стояла под раскидистым тополем.

«Сядь же, савитан», — пригласил он Руновского. — У меня есть что рассказать об этом чеченце. На Кавказе Бойсангур был единственным человеком, которому я завидовал. И не только на Кавказе — во всем мире. До того, как русские заняли Ведено, отцу донесли, что бенойцам нельзя доверять, что они заговаривают что-то против отца. Отец послал меня туда во главе нескольких сотен мюридов. Он дал приказ разузнать, что говорится среди бенойцев, а если донес окажется верным, то взять в заложники несколько влиятельных лиц. Бенойцы — люди буйного нрава. Как верно заметил отец, всякую смуту в Чечне начинают бенойцы, а затем это распространяется по всей Чечне, Дагестану и не только там. Я не обнаружил ничего подозрительного, но на всякий случай начал выбирать людей в заложники. Кто был среди бенойцев самым по-

читаемым? Конечно, Бойсангур. Одноглазый, однорукий, одноногий, с обезображенным оспой и шрамами лицом. Я остановил свой выбор на нем.

-»Смелый лев Бир-Кез, я должен арестовать тебя и увести с собой», - сказал я ему, придя к нему домой.

- «Почему? В чем я провинился?» - спросил он, уставившись на меня единственным глазом.

- Приказ имама. Ему донесли, что беноевцы готовят измену.

Бойсангур засмеялся.

- «Сынок, в последнее время твой отец стал подозрительным. Ему кажется, что Чечня и чеченцы могут предать его. Чечни уже нет. Она сгорела. Двадцать лет горела... Чечня превратилась в пепел. Наши наибы сложили оружие. Но это не предательство. Они не будут выступать против Шамиля на стороне русских. Чтобы я ни сказал, ты все равно подумаешь, что я говорю это из-за страха перед твоим отцом. - Лицо бенойца растянулось в презрительной усмешке. - Тут дело в другом. Двадцать лет назад я был стройным и симпатичным, как и ты сегодня. Без единой царапины. Красивые девушки влюблялись в меня. А теперь перед тобой стоит безобразный старый калека. Таким меня сделала война с русскими. Я сражался с ними не ради тебя и твоего отца, а за честь и свободу своего народа. За это чеченцы боролись задолго до рождения наших с тобой отцов. И будут бороться впредь, и после тебя, и после твоего отца. Однако, не стыдно тебе будет вести меня, старого калеку, в Ведено? Не бойтесь, я никогда и никому не изменю. Это вы с отцом можете совершить измену и предательство, но не Бойсангур Беноевский!»

И тут я подумал. Если я арестую этого калеку, люди действительно будут смеяться над моим отцом. Тем более, что я и в мыслях не допускал, что Бойсангур может изменить моему отцу.

Поразмыслив, я оставил Бойсангура, взял в заложники несколько человек и вернулся в Ведено.

Отец спросил меня, почему я не привез Бир-Кеза. «Я верю ему, - ответил я. - К тому же, никто кроме него не

«может держать в узде этих сумасбродных бенойцев. Зачем лишать их такого смелого наиба?»

Гази-Магома тяжело вздохнул.

«Да, капитан, Бойсангур смелый, мужественный, храбрый, благородный человек и настоящий мужчина, - продолжил он. - Я очень любил его. Я с удовольствием согласился бы на такую же внешность, если бы получал впридачу такое же благородное и отважное сердце, каким обладал Бойсангур. Думаю, в горах Кавказа не было рыцаря, подобного ему!

* * *

В эти годы Шамиль часто получал вести с Кавказа. И вести вовсе не радостные. Каждая из этих весточек наносила неизлечимые раны его старому сердцу.

Весть о жестоком подавлении восстания в Чечне и казни Бойсангура нанесли ему такой сильный удар, что несколько дней он провел в уединении, ни с кем не встречаясь и не разговаривая.

Как бы ни был с ним груб Бойсангур, все же Шамиль от души уважал этого смелого, храброго и мужественного воина и наиба.

После поступили вести и из Дагестана. Чеченское восстание, как обычно бывает, перекинулось и туда. Первыми восстали жители Анди и Гумбета, вскоре их поддержали Ункратла, Закатал, Кайтаг-Табасаран, Ашильта, Гимри.

Русские власти отобрали клочки земли у жителей этих районов и раздали их ханско-бекским отпрыскам, которые поддерживали завоевателей в борьбе с Шамилем. Одновременно власти обложили жителей непомерными податями. Доведенные до отчаяния горцы подняли восстание против русских властей и их местных приспешников. Кроме того, власти стали принуждать жителей Закавказья принять гражданство.

Царские генералы с неслыханной жестокостью подавили бунт этих общин. После подавления восстания в горной Чечне из его руководителей казнили только одного

Бойсангура. В Дагестане же казни через повешение под-
вергли десятки повстанцев, тысячи сослали в северные
губернии России.

Шамиль тяжело переживал и то обстоятельство, что в
подавлении восставших в Дагестане самое активное уча-
стие приняли отряды милиции, созданные русскими из
местных жителей.

В горах случилось то, чего Шамиль боялся всегда. Гор-
цы продались за деньги, нанялись на службу своему вче-
рашнему врагу, подняли оружие на своих братьев, как ког-
да-то в Ахульго. Судя по всему, гяуры навечно засели в
горах, лишив горцев даже надежды на свободу. Глумятся
над их религией и обычаями. Натравливают народы друг
на друга. И не только это. Уже разжигают вражду внутри
самых народов. Говорят, сотни тысяч горцев Западного
Кавказа вынудили покинуть родные горы и переселиться
в Хонкар. В пути и в первые дни на месте уже половина
переселенцев погибла от голода, холода и болезней. Его
знаменитый чеченский наиб Саабдулла аль-Гехи тоже
переселился туда во главе пяти тысяч чеченских семей.

Шамиль предвидел это. Потому он прилагал все уси-
лия для того, чтобы объединить горские народы в еди-
ный кулак, защитить их от чужеземных завоевателей. Тру-
дился днем и ночью в течение двадцати пяти лет. До пос-
ледних минут не теряя надежды.

Шамиля удивляло мужество горцев. Их героическое со-
противление армии самого могущественного в мире царя.
Не один год, не два и не три. Целых двадцать пять лет.
Земли горцев не составляют даже тысячной доли той
территории, на которой властвуют русские. Тем не ме-
нее, в течение двадцати пяти лет горцы вели успешную
войну против этого могущественного государства. Нередко
одерживая победы над многократно превосходящими си-
лами захватчиков. Здесь не раз и не два получали по зу-
бам знаменитые генералы, добивавшиеся громких побед
в европейских войнах. И это только потому, что на сторо-
не горцев была правда. Они защищали свою честь, дос-
тоинство и свободу. Свою веру.

Теперь конец всему. Между горскими народами никогда не будет единства и согласия. Этого не допустит хитрый, коварный враг. Да, извелись в горах рыцари. Некому объединить горские народы в борьбе против чужеземных завоевателей. Но Аллах всесилен и милостив. Он может дать свободу своим верным рабам.

На душе Шамиля и без того тяжело. Когда их привезли в Калугу, вместе с прислугой их было двадцать два человека. Семнадцать из них умерли здесь, на чужбине. Они не вынесли калужский климат. Первой умерла жена Магомед-Шафи Аминат. Вслед за ней - жена Гази-Магомы Каримат. Спустя два года дочь Шамиля, жена Абдурахмана, - Нафисат. Тела Каримат и Нафисат вывезли в Дагестан, чтобы там предать земле. Тяжелые страдания доставляет сердцу Шамиля младшая дочь Наджават. Она была калекой с детства. Ноги ее, вследствие падения в раннем возрасте, были вывернуты носками внутрь.

* * *

Многие попрекают Шамиля тем, что он не принял смерть на священном пути газавата, а сдался в плен.

Да, Шамиль призывал народ подняться на священную войну с неверными, на защиту родины и религии. Говорил, что перед теми, кто примет смерть шахида, будут открыты райские врата. Тех, на которых не действовали его призывы, силой заставлял взять в руки оружие и сражаться с врагом. Но в Гунибе с ним было всего двести мюридов, четыре орудия и сотни беззащитных женщин, детей и стариков. Они не желали умирать бессмысленной смертью. Думали о своих беззащитных семьях.

На них наступали десять тысяч хорошо вооруженных, снаряженных туземцев. Захватчикам помогали вчерашние друзья и соратники Шамиля. У защитников аула не было надежды на внешнюю помощь. Все уже покорилось неверным. Чечня превратилась в руины и пепел. Дагестан покорился без единого выстрела. Шамиль, конечно, решил принять смерть шахида. Но Всевышний Аллах распорядился по-другому. Ибо ни одной душе не суждено

умереть, кроме как по воле Аллаха. И здесь свершилась Его воля, не уставал повторять Шамиль.

Еще с молодых лет Шамиль мечтал освободить горцев от своих и чужих угнетателей. От гнета ханов и беков. От неверных, которые с мечом в руках пришли в их горы. Этому святому делу он посвятил всю свою сознательную жизнь. Принес в жертву себя и свою семью.

В первые годы его пребывания в Чечне все шло хорошо. Головокружительный взлет. В небе все ярче горела его звезда. А потом началось стремительное падение...

Народам нужны были хлеб и свобода. Они десятилетиями боролись за это. И за истинную веру, на которую посягали неверные. В этой священной борьбе смертью праведных пали десятки и тысячи сыновей горских народов. Но как во все времена и у всех народов, среди горцев тоже нашлись алчные и бездушные люди, которые в ходе долголетней, изнурительной войны на крови народа, на слезах детей и матерей наживали себе кровавое богатство. Эти алчные, ненасытные люди скрытно и открыто нарушали шариатские законы, установленные Шамилем в имамате, и горские адаты, которые были священны для каждого горца. Шамиль делал все, что в его силах, чтобы сплотить горские народы, а эти предатели, кяфиры сеяли раздоры и вражду между народами и внутри каждого народа. Многие наибы, вытщенные, Шамилем из низов и бедности, через несколько лет превращались в тиранов и кровопивцев. Тех людей, которые были верны Шамилю и мешали им грабить простой народ, они убивали с дороги. Используя любые, даже самые грязные методы

Теперь, оглядываясь на пройденный путь, Шамиль ясно видел все свои ошибки и просчёты...

* * *

ЗИССЕРМАН А.Л.: - «Шамиль стремился к решительному нивелированию всего подвластного ему народонаселения, он не допускал никаких местных особенностей, преследовал строго всякие предания и легенды, уничтожив суды по обычаям и все подчинил одному общему для всех шариату».

Достигнув власти в Дагестане, Шамиль первоначально всеми силами старался привлечь на свою сторону простой народ, чтобы легче было достигнуть полного и неограниченного владычества. Окружив себя простыми, бедными горцами, преданными своему имаму, Шамиль, однако, весьма хорошо понимал, что подобным лицам нечего терять и что благодетельствовав их, он приобретает в их лице сильную опору. Так что большая часть его наибов и мюридов происходила из простого народа. Таким образом, поголовно истребив светскую знать в Дагестане, там Шамиль на «чистом месте», демократическим путем постепенно захватил в свои руки неограниченную власть.

Естественно, его сподвижники из народа вскоре заняли место истребленной знати. Со всей уверенностью можно сказать, что новая знать, в силу своего происхождения непожесточенная и грубая, в угнетении народа превзошла старую.

БЕРЖЕ А. П.: « Строгий устав мюридизма в руках Шамиля служил самым верным орудием к распространению власти, и он употреблял мюридов на истребление опасных для него людей. Мюрид, совершивший несколько раз убийство по приказанию своего начальника, не только ставил себя тем в полную зависимость от последнего, но давал вместе с тем и ручательство в верности ему всего своего семейства и даже родственников. Возбуждая против себя убийством непримиримую вражду, мюрид естественно находил спасения под эгидой лишь того, кто наставлял его на этот опасный путь.

В Чечне Шамиль наткнулся на большие трудности. Феодальные элементы и мусульманское духовенство только что пустили ростки. Здесь еще сильны были элементы военно-патриархальной демократии, народ не хотел заменить устоявшийся адат чуждыми ему шариатскими порядками. Как нигде здесь крепки были родовые и племенные связи. Если какой-нибудь аул восставал против деспотической власти имама, к нему присоединялись все остальные аулы этого рода, а то и племени.»

ГАДЖИ-АЛИ: «- Шамиль подчинил среднему сыну Кази-Мухаммаду всех наибов, передал ему власть над всем Дагестаном, думая, что он будет подражать ему. Шамиль говорит: «Я сделался уже слаб и голова моя уже поседела; поэтому хочу поручить все дела сыну; сам же буду приготавливаться к смерти и молиться Богу». Народ называл Кази-Мухаммада имамом. Наибы постоянно льстили Шамилю, что сын его, Кази-Мухаммад, хорош, хвалили его поступки и скрывали от него дела его, заслуживающие порицания. Этим они изменяли Шамилю. Они упростили поручить все Кази-Мухаммаду, чтобы пользоваться его слабостью и неопытностью. Они говорили в лицо Шамилю: «Сын твой хорош и даже умнее тебя». Между тем как сами знали, что в Кази-Мухаммаде скрывается много низкого, что он скуп, дурного характера и трус. Народ считал его хорошим человеком, потому что он, как женщина, постоянно улыбался каждому, даже самым большим врагам своим. Мугаджиры и храбрецы постоянно старались грабежом увеличить казну его. Сколько храбрых сынов в Дагестане пало на берегах Куры и Алазани! Сколько героев было пленено и умерло в русских кандалах, жены и дети которых остались без всякого призрения! Сколько мугаджиров погибло на границе Акуша и Шамхальства, пронзенные в грудь штыками солдат! Таким образом, горцы старались возвысить Шамиля и доставить славу и богатство сыну. Несмотря на то, что дагестанцы никогда не подчинялись узденям, подобным себе, и были хищными, как волки, и как львы бросались, чтобы завладеть добычею; но эту добычу они отдавали Шамилю! Многие были убиваемы под предлогом, что они не отдавали законную часть в байтул-мал, и все их имение было конфискуемо. Сначала Шамиль, если приказывал убить кого-нибудь, то брал себе имение, приобретенное в набегах и наследственное, не оставляя ничего семейству убитого, которое в таком случае принуждено было идти жить по чужим людям; потом же он приказал наibaм наследственное имение оставлять женам и детям убитого. Но наибы не исполняли приказания Шамиля, и при содействии Кази-

Мухаммада, с которым они пополам делились, убивали многих, чтобы завладеть имением, и тем самым ослабили власть Шамиля и уронили дух в народе. Последствием такой меры было то, что число мужчин уменьшилось, а число женщин увеличилось. Настали неурожай и разные болезни постигли народ. Клянусь Богом, горцы иногда по десяти дней и более принуждены были от голода есть траву и, несмотря на такое свое положение, они повиновались Шамилю и его сыну. Наконец русские вошли со всех сторон в Дагестан. Народ не знал, что делать. Шамиль, не обращая внимания на подчиненных, сжег многие селения, бежал на Гуниб и оставил горцев, как овец, рассыпавшихся в разные стороны. Гнев божий снизошел на Шамиля, и Бог попустил его врагам, которые завладели казною его, драгоценностями, имением. Так не прилично же Кази-Мухаммаду упрекать жителей Дагестана, что они поступили так, а не иначе, и оставили Шамиля и его семейство без всякой помощи. Неужели они не стыдятся перед теми, которые его очень хорошо знают, так говорит и упрекать дагестанцев, когда они в продолжении стольких лет были покорны Шамилю и так храбро сражались за них. Ей-богу, если бы горцы не были так храбры, то дети Шамиля теперь жили бы в Гимрах и занимались бы, как и предки их, схвативши осла за хвост, они гонили его на плоскость и в горы - летом продавали курагу, а осенью - лук. Дагестанцы перенесли от Кази-Мухаммада все, что только может перенести человек, он даже душил некоторых своих мюридов, приближенных и ученых, когда нельзя было убивать их открыто. Если бы можно было горцев выучить, как ишаков, и посылать в лес за дровами, то это делал бы Кази-Мухаммад. Так поступал он и управлял народом, который, видя расположение Шамиля к нему, боялся жаловаться на него. Если бы в сердце Кази-Мухаммада был хоть золотник храбрости, то он не выехал бы из Караты, но с обнаженным мечом защищал бы вход в Карату, пока не был-бы убит, или принял бы яд и умертвил бы себя, или пролил бы хоть каплю крови из своего пальца при потере такого государства,

своего имамства, и такой казны. Так ценил он власть и имамство и такова была его храбрость! Он был очень скуп.

Дети Шамиля в детстве своим видели ежедневное взращивание власти и богатства отца, — как это известно всем. Когда же они достигли совершеннолетия, то глаза их не насыщались богатством и славой, роскошью и женщинами. Они завладели всеми сокровищами дагестанских ханов, даже богатствами грузинских князей, не оставили в руках храбрых горцев никакого хорошего оружия, собрали со всей Чечни лучших лошадей, и все это брали, прося в виде подарка или безвинно убивая, чтобы только завладеть, а между тем они и не думали о том, как живет их отец. Сыновья не повиновались Шамилю, как прочие, и очень часто нарушали его приказания, однако же отец, по своей снисходительности и любви к ним, не наказывал их за это, а пропускал как будто не замечая. Наибы подражали в поступках своим детям Шамиля, так что весь народ начал взывать к Богу, чтобы он избавил их от тиранов. И Бог действительно услышал их молитву. Каждый человек должен прежде замечать пороки за собою, потом уже за другими, так и Кази-Мухаммад должен был взглянуть сначала на себя, а потом упрекать горцев.

Таким образом Шамиль должен был отвечать за зло своих детей и наивов.

Шамиль получил большие богатства, выделяя себе пятую часть из добычи, приобретаемой на всех границах в набегах, производившихся наибами и охотниками. Он не имел никаких рудников, откуда мог бы добывать золото или серебро. Изнутри он имел небольшие доходы.

Я был при Шамиле секретарем и вел счет всем его приходом и расходом. Самые большие доходы Шамиля были со стороны Ириба и Уллукале, где жили мугажджиры. Откуда они делали набеги на Грузию, Акушу и другие места и из добыч своих пятую часть уделяли Шамилю. Когда все выходы для набегов со стороны Чечни, Дагестана и Лезгинской линии были заняты русскими, то приграничный доход Шамиля прекратился. Имена наивов начали

уменьшались. Горцы, по привычке, начали грабить друг друга, началась междоусобная вражда. Пошли вход доносы и насилие. Наибы потворствовали такому беспорядку, потому что имели случаи пользоваться чужим именем, наказывая виновных и невиновных по разным несправедливым доносам. Часто из корыстных видов они приказывали умерщвлять людей. Поэтому очень много челобитчиков стало приходиться к Шамилю, жалуясь на несправедливость наибов. Но наибы со своей стороны употребляли хитрость: они упросили Шамиля, чтобы для поддержания уважения к наибам, он не принимал жалоб от тех, у которых не будет бумаги от наиба. И Шамиль поддался их гнусному обману. Наибы стали после того походить на голодных волков, которые с жадностью растерзывают детей своих. Народ прибегал с жалобами к Шамилю, но он выслушивал только тех, которые имели бумаги от наибов. Понятно, что наиб никогда не давал бумаги тому, кого он сам притеснял. Горцы с каждым днем слабели и беднели, им уже надоело сражаться, и они говорили: «Для нас все равно, чтобы не происходило на свете». Сначала народ, а потом и сами наибы начали вести переговоры с пограничными русскими начальниками, которые ласково принимали их и делали им щедро подарки. Шамиль же не знал о такой низости наибов и вполне полагался на них. Таким образом, власть Шамиля была уничтожена коварством и изменою наибов и его приближенных, русским войском и золотом».

ХАДЖИ МУРАТ: « - Не знаю определенно, как велико богатство Шамиля, мне известно только, что деньги его хранятся в двух аулах - Карате и Ведено; в последнем месте, я слышал, что он имеет до 150 тысяч золотом и серебром »

ГАЗИ МАГОМАД, сын ШАМИЛЯ: « - Отец передал на хранение Даниил-беку Енисуйскому ценности на сумму до одного миллиона рублей серебром »

У чеченского наиба Шулиб-муппы, убитого кровниками в марте 1844 года, Шамиль забрал в казну имамата 35 крымских ружей, 4000 баранов, 500 голов крупного рога-

того скота, 60 буйволов и около 30 тысяч рублей серебром.

А ведь на должности наиба Шуаиб-Муллы пробыл всего на всего пять лет!

Возможно, в указанные размеры богатства Шамиля и Шуаиба входили и средства, предназначенные на государственные расходы.

Да и русские постоянно разжигали вражду между горскими народами и племенами. Подкупали тех, кто продавался им за золото и богатые подарки. А у неподкупных уничтожали сады, посевы, урожаи, покосы, корма, тем самым доводя их до отчаяния. Чтобы они сами запросили мира, чтобы добровольно шли под их власть. Шамиль стремился объединить горские народы и создать могущественное государство, в котором люди жили бы по законам шариата, равноправными, счастливыми, обеспеченными. Тогда ни один чужеземец не вступил бы ногой в этот край с оружием в руках. Но Шамилю не удалось осуществить свои мечты. Россия - огромная и могучая страна. Народы, живущие с ней по соседству, боялись ее и потому не стремились под знамя Шамиля. Ингуши несколько раз пытались присоединиться к борющимся за свою свободу народам Чечни и Дагестана, даже звали Шамиля к себе, поддержать их восстание. Но русские быстро подавили восстание ингушей. Шамиль попытался во главе своих войск прорваться к ингушам, кабардинцам, черкесам, но попытка эта завершилась неудачей. На их землях крепко стояли русские. Только адыгейские народы на Западном Кавказе продолжали вести героическую борьбу против завоевателей. Но между горцами Западного и Восточного Кавказа находились покоренные русскими осетины, ингуши, кабардинцы и черкесы. Шамиль никогда не питал иллюзий относительно осетин и грузин. Они были единоверцами русских и всегда поддерживали их в борьбе против горцев. На юге жили мусульмане азербайджанцы, но этот народ, никогда не отличавшийся особой воинственностью, мирно жил под властью русского царя и никуда из-под этой власти не стремился.

На помощь от них Шамиль не рассчитывал никогда. Одним словом, среди народов Кавказа не было единства. Их ханы и князья давно уже продались России. Не только сами продались, но и продали свои народы.

Теперь Шамиль понимал, насколько далеки были от реальности его мечты. А он отдал этим мечтам тридцать лет своей жизни. Тридцать лет он боролся во имя свободы и независимости горцев, во имя их счастья, во имя торжества ислама. Не зная отдыха и покоя днем и ночью. В этой борьбе пали его сестра, жена, двое сыновей. Оставшиеся в живых стали изгнанниками. Они тоже гибнут здесь, тоскуя по родным горам. Неизвестно, что ждет их. Здесь они среди чужих. Чужая вера, чужой язык, чужие обычаи. Лучше бы ему погибнуть в Гунибе, смертью шахида. Но жизнью Шамиля распоряжался не он сам, она - в руках Создателя, владыки его души. На все Его воля. Однако Шамиль не понимает тех своих соотечественников, которые попрекают его пленом. Они сами его предали, а теперь как ни в чем не бывало, сидят в своих саклях в родных горах, упрекая в чем-то имама...

Да и сам Шамиль не раз раскаивался в своем поступке. Он должен был повторить в Гунибе то, что уже делал в Гимри. Там он с саблей в руках бросился на русских солдат, рубил их направо и налево. И спасся, хотя и тяжело раненный. В Гунибе, конечно, таких шансов у него не было. Он давно уже не тот, что в Гимри. Тогда ему было всего лишь тридцать пять лет, сейчас же - семьдесят. Дряхлый старик против полного сил молодого человека.

Ведя переговоры с князем Барятинским, а потом сдавшись ему в плен, Шамиль все-таки надеялся, что вместе с семьей и дорогими ему людьми его отпустят в Мекку. Князь обещал это от имени императора. Конечно же, Шамиль ни на минуту не забывал, что по его призыву на священный газават поднимались десятки тысяч горцев и погибали героической смертью. Не забывал, что после них без кормильца оставались старые родители, жены,

дети. Но когда настал его час, имам заколебался. Он подумал о своей семье, о родственниках, о своей старости...

И теперь ему приходится терпеть упреки в свой адрес. Соотечественники осуждают его не только за сдачу в плен. Больше всего их возмущает то, что некогда грозный имам Чечни и Дагестана ластится перед царем и генералами гяуров, принимает от них подарки и сам преподносит их.

Им легко осуждать его сидя в своих саклях далеко в горах. А он здесь, в плену у самого могущественного царя. Силу и безграничную мощь этого царя Шамиль увидел и осознал по пути сюда. Он увидел такие большие города, как Харьков, Москва, Петербург. Железные дороги, поезда, пароходы. Слышал, как здесь люди по железным проводам передают разговоры на тысячи верст. Увидел генералов и прочих хакимов, которые ходят в красивых одеждах, а не в облезлых овчинных тулупах, как его наибы. Здесь у одного богача больше земли, чем у всех горцев вместе взятых.

Шамиль и его семья попали в незнакомую страну, к незнакомым людям. Они не знают ни их языка, ни обычаев. Хотя неверные относятся к ним очень дружелюбно, Шамиль все-таки не верит им. Ведь еще вчера они были его лютыми врагами, и Шамиль не знает, как эти вчерашние враги поступят с ним и его семьей завтра. Он должен быть очень осторожен, должен скрывать свои подлинные чувства. Он вынужден был пожать протянутую ему руку императора. Не мог же он, в самом деле, отвернуться от его объятий и поцелуя. В ответ на доброжелательность и внимание к нему и его семье, Шамиль подарил императору золотую саблю. Повесил его портрет на стену в своей комнате. Приказал Мустафе дважды в день исполнять на органе гимн этой страны - «Боже, царя храни...» Это же всемогущий император. Стоит ему сказать одно слово, и Шамиля с семьей запрячут в темницу. Или сошлют в холодную Сибирь. Он должен угождать своим хозяевам и будет это делать. До тех пор, пока его не отпустят в Мекку.

Шамиль вынужден был сохранять хорошие отношения и с князем Барятинским, которому он сдался в плен. Называть его братом, благодетелем. Не мог отказываться, когда его приглашали в театр. Вынужден был смотреть там на полуголых женщин, хорошо понимая, что это запрещено Кораном и является одним из самых больших грехов. Против своей воли ходил в гости, когда его приглашали местные богачи. Вынужден был приглашать их к себе и принимать с улыбкой на лице. Ведь он, Шамиль, был пленником, который не мог поступать по велению сердца и совести.

Он терпеливо ждал того дня, когда император отпустит его вместе с семьей в Мекку, дня, когда он покинет страну неверных. Он часто напоминал об этом Богуславскому, Руновскому и дважды Барятинскому. Написал письмо и самому императору.

Однако, по сей день его дальнейшая судьба не решена. Все свои надежды Шамиль возлагает на Милостивого и Всемогущего Аллаха.

В первые годы имамства в Чечне и Дагестане звезда Шамиля горела ярким светом. Его войска одерживали победы над превосходящими их по численности русскими войсками, которыми командовали известные во всей Европе талантливые генералы. Его имя с благоговением произносили жители гор Кавказа. И не только они. Шамиль знал, что он и горцы стали примером, компасом для народов мира, борющихся за свою свободу и независимость.

Он неустанно распространял и утверждал в имамате шариат. Побуждал законопослушных граждан, но строго карал вероотступников и преступников, вплоть до смертной казни. Шамиль был убежден в своей безгрешности. Считал, что следует истинному пути, указанному Всевышним Аллахом и Его пророком Мухаммедом. Свободное от государственных дел время он проводил за чтением Корана и трудов великих имамов мусульманского мира. Ча-

сто уединялся, не принимая не только посетителей, но и членов семьи. Такие дни он проводил в молитвах, прося у Аллаха милости и защиты для горцев, борющихся за святое дело.

При этом уважали и почитали его в Чечне и Дагестане не одинаково. В Дагестане Шамиля больше боялись, чем уважали. В Чечне же отношение к нему было совершенно другое.

Чеченцы народ своеобразный. В их характере Шамиль подчеркнул три черты - мужество, храбрость, смелость. Прирожденные воины. В то же время очень легковверны, доверчивы и богобоязненны.

Для них не существует слова «опасность». Война для них - своеобразная игра, в которой они испытывают свои мужество, отвагу, закалку. Эти качества чеченцев может запросто использовать в своих целях любой красноречивый авантюрист, если сам он не чеченец. Тем более, если у него хватит ума выдать себя за араба, потомка курейшитов, или, в крайнем случае, турка, который умеет читать Коран и говорит на турецком языке. Подобных пришельцев чеченцы возводили в ранг святых шейхов.

Чеченцы не боялись Шамиля как имама. В этой роли он был им ровней, не выше и не ниже. Которого можно побить и даже убить. Чеченцы почитали и уважали Шамиля как святого шейха, который был для них неприкосновенной, божественной личностью.

В пятничные дни, в день разговения поста рамадан, на праздник курбан-байрам в Ведено приходили тысячи чеченцев из дальних аулов с одной единственной целью - увидеть Шамиля. Они становились по обе стороны улиц от дома Шамиля до дверей мечети. Каждый пытался прикоснуться к его руке, одежде, если кому это не удавалось, целовали землю, на которую ступала его нога. Матери протягивали ему своих детей, чтобы он своим прикосновением благословил их. В такие дни Шамиль в виде садаки раздавал людям серебряные монеты. Он был твердо уверен в том, что народ искренне любит и уважает его за бескорыстное служение ему. Но как глубоко разочаровал-

ся он, когда услышал, что простые люди Чечни и Дагестана радостно встречали князя Барятинского!

Барятинский А.И.: - «По возвращении из Петербурга во вверенный мне край, прибыв 40-го числа в Грозную, я отправился предварительно для обзора вновь покоренных и занятых нашими войсками частей Левого крыла, именно Аргунских линий, Большой Чечни и Ичкерии... и везде, где я проезжал на протяжении от Грозной, через Шали, Таузин, Ведено, Эрсеной в Дарго, жители столь недавно еще считавшиеся нашими непримиримыми врагами, выбегали ко мне на встречу. Женщины и дети приветствовали криками радости, заставлявшими на эту минуту забыть крайнюю нищету, в которую это население повергнуто продолжительным над ним владычеством Шамиля.»

Здесь в изгнании у Шамиля было достаточно времени проанализировать последние двадцать лет своей жизни. И с каждым днем бывший имам все больше убеждался в том, что он был слишком тверд и жесток, где следовало проявить милосердие, и, наоборот, проявлял слабость там, где следовало выказать твердость. И особенно в отношении собственной семьи.

«А имел ли я право поднимать народы на священную войну, в которой погибли сотни тысяч людей? На войну против могущественной России и ее царя. Ведь у горцев не было сил противостоять многочисленной и хорошо вооруженной армии неверных. Я должен был знать это. Многих мужчин я гнал на войну насильно. Уничтожал аулы, которые заключали мир с неверными. Лично сам я совершал справедливый суд. Но, в основном, суд над людьми совершали мои наибы и дибирь. Судили людей даже заочно. Заочно приговаривали к смертной казни. А я утверждал приговоры наибов и дибиров. Не проверяя их обоснованность. За повинность одного или нескольких человек нередко наказывал целые аулы. И мои наибы и дибирь были далеко не ангелами. Скорее всего, грабители и мошенники с волчьими повадками...»

Часто его обманывали даже самые близкие люди. А может, и сам хотел обманываться. По мере роста своего влияния и популярности в горах и за их пределами, против своей воли он становился честолюбивым. Ведь гимринец Шамиль не был ни святым, ни пророком. Он всего на всего человек. И потому проявлял заботу о своей семье, о ее будущем. Потому он сделал попытку объявить шестнадцатилетнего Гази-Магому своим наследником. Не смотря на то, что в Чечне и Дагестане, даже в его окружении было немало людей, достойных занять после него место имама.

Его недруги распространяли слухи о том, что он нажил несметное богатство. Это было неправдой. Конечно, от военной добычи он брал пятую часть, которая причиталась ему по шариату. В течение двадцати лет набралась солидная сумма, драгоценности, оружие, мануфактура и прочее. Но он не считает все это собственностью своей семьи. От своей доли военной добычи он выделял помощь бедным, обездоленным, сиротам, вдовам, престарелым. Да и все это богатство всегда готов был при необходимости отдать на нужды имамата.

Во всяком случае, он никогда не был алчным, жадным до денег. Когда император пригласил его в горы, перед ним поставили еду в золотой посуде. Поскольку пророк Мухаммад запретил мусульманам есть и пить из золотой посуды, Шамиль отказался от еды. Тогда император отправил посуду в дар Шамилю. Однако Шамиль запретил вносить посуду в дом, приказав отнести ее туда, откуда прислали. Однако, жадный Магомед-Шафи тайком забрал посуду к себе и припрятал. Гази-Магома, испугавшись, что отец накажет их всех вместе с женщинами, если узнает об этом, рассказал ему о поступке брата. Шамиль приказал вынести посуду во двор и искромсал ее шашкой.

Женщины получили здесь в подарок много золотых вещей, украшенных дорогими камнями. Но Шамиль категорически запрещал женщинам носить их. Новая жена Гази-Магомы Хабибат подаренные ей бриллиантовые бусы повесила на колыбель своей дочери, чтобы она развлека-

калась ими. Шамиль запретил своим женщинам носить драгоценности и одежду, которые они не имели в Дагестане. Чтобы они не смогли делать это тайком от него, Шамиль разрезал кинжалом дорогие платья из шелка и бархата.

Шамиль был верным, покорным рабом Аллаха, который неуклонно следовал по пути, указанному в Коране и Сунне. Этого он требовал и от подвластных ему горцев. Но никак не мог искоренить зло, преступность. Люди воровали, грабили, убивали. Только теперь Шамиль начал понимать, почему многие люди совершали преступления. Это война научила их этому. Это война толкала их на воровство, грабежи, убийства. Война, длящаяся не один десяток лет, вынуждала лгать, лицемерить. Она уничтожала дома, целые аулы, оставляя тысячи людей без крыши над головой. Неверные уничтожали посевы, урожаи, сады, покосы, корма. Угоняли скот. Человек, который никогда до этого не поднимал руку на чужое, начинал воровать и грабить, пытаясь хоть как-то прокормить семью. Тот, кто раньше боялся нечаянно лишить жизни муравья, безжалостно убивал людей. После совершения первого в своей жизни убийства, человек чувствует ужасную, леденящую пустоту в душе. Его преследуют кошмары, он не может заснуть, балансируя на грани сумасшествия. А потом происходит второе убийство, третье, и человек привыкает. Так война духовно и нравственно разлагает людей. И потому попытки Шамиля расправами и жестокостью исправлять людей, наставлять их на путь истинный заведомо были обречены на провал.

Ему часто снился маленький хан Булач, которого по его приказу бросили с высокого утеса в бушующую Койсу. Снился Хаджи-Мурат, убитый по его приказу. Юсуф-Хаджи, его правая рука, которого по наущению наибов он сослал в «дагестанскую Сибирь». Бедный старец святой Кунта-Хаджи, которого он принудил расстаться с родной Чечней и уйти в изгнание.

Эти тяжелые думы и безжалостная память безвременно состарили его. А ведь ему не так уж много лет. В мо-

лодости он славился как лучший в горах бегун, борец, скалолаз, канатоходец. Сил было даже больше чем достаточно. Теперь он начал горбиться. После Гуниба его широкую длинную бороду не красили хной, теперь она стала белой, как снег. Мужественное сердце как-то обмякло. Сохранился только ум, которого многие сравнивали с глубоким безбрежным морем.

* * *

В последние годы своего плена Шамиль часто обращался к императору с просьбой отпустить его в Мекку. Но император под разными предлогами откладывал решение этого вопроса.

У императора были серьезные причины задерживать Шамиля в России. Россия издавна мечтала установить свое господство на Средиземном море и Ближнем Востоке. Она несколько раз развязывала войну против Турции, с целью изгнать турок из Балкан и с западного берега Босфора. Не теряли русские надежды со временем установить свое господство и над Восточной Анатолией, Месопотамией и дальше продвинуться в Афганистан. А еще завершить завоевание Средней Азии. Кавказские горцы угомонились только после насильственного выдворения из Кавказа полумиллиона закубанских горцев.

Шамиль - известная личность мирового масштаба. Тем более, пользуется огромным уважением среди мусульманских народов на юге Азии и севере Африки. В их глазах он герой, отмеченный печатью Аллаха, который двадцать лет воевал против могущественной державы. Они сравнивали его с египетским султаном Салах-эд-Дином, который выдворил крестоносцев из священной земли и Абдулкадыром, который изгнал французских колонизаторов из Алжира. Да ни тот и ни другой не воевал против неверных столько лет, сколько воевал Шамиль. Мудрый, мужественный, талантливый халиф горцев. Защитник правоверного ислама. Таким называли его в мусульманских странах.

Если его отпустить в Мекку, то обратно в Россию он уже не вернется. А если вернется в Дагестан, там снова начнется война против России. Если останется в Турции, турки могут использовать его против России. Там же находится более полумиллиона кавказских горцев, изгнанных русскими со своей исторической родины. В России и русских они видят своего вечного, непримиримого врага. В случае русско-турецкой войны, минимум сто тысяч горцев встанут в ряды турецкой армии. А сто тысяч опытных, закаленных в долголетней войне воинов под знаменем Шамиля — это уже сила, с которой нельзя не считаться.

Стоит тогда Шамилю бросить клич, и весь северный Кавказ снова поднимется против России. Тогда России придется отказаться от своих захватнических планов на Балканах, в Анатолии и Средней Азии, от манящих перспектив на Афганистан и Индию.

Именно эти причины и заставляли русское правительство более десяти лет удерживать Шамиля в России. С одной стороны отъезд Шамиля откладывался до мирного урегулирования отношений России с Турцией и Ираном. С другой же стороны... Из года в год Шамиль старел, и болезни истощали его здоровье. Старый и больной Шамиль был не опасен России.

Теперь уже можно было отпустить его на все четыре стороны, не опасаясь каких-либо последствий. Войны ни с кем Россия не вела. Двуглавый орёл России крепко держал Кавказ в своих острых, цепких когтях. Русские войска почти без сопротивления местных феодалов продвигались вглубь Средней Азии.

В марте 1870 года, император, наконец, разрешил 74-летнему Шамилю отправиться в Мекку. Хотя бывший имам был уже стар и болен, все-таки император принял дополнительные меры. В качестве заложников император оставил в России двух сыновей Шамиля Гази-Магому и Магомед-Шафи с семьями. Магомед-Шафи, который служил в свите императора в чине генерал-майора, не был опасен. Он постепенно отчуждался от своих горских, нацио-

нальных обычаев, европеизировался. Даже в горский костюм одевался только изредка. Потом, когда семья Шамиля уже переселилась, он ездил навещать ее, но жил от родственников отдельно, в гостинице.

26 августа 1866 года Шамиль и его семья принесли присягу на вечную верность России. Из двух сыновей Шамиля только Магомед-Шафи остался верным присяге. Однако Гази-Магома вовсе не думал хранить верность присяге, которую он вынужденно принял в неволе. До конца своей жизни он сохранил в себе лютую ненависть к России. Позже он поселился в Стамбуле, поступил на службу в турецкую армию, получил чин генерала. В русско-турецкой войне 1877-1878 гг. во главе пяти тысяч отборных горцев воевал против России.

* * *

Осенью 1859 года, когда их везли на север, с Шамилем были две жены, два сына, пятеро дочерей, одна сноха - жена Магомеда-Шафи. Жену Гази-Магомы Каримат позже привезли в Калугу. Было ещё десять слуг. По мере движения на север их сердца давило тяжкая печаль. Они не знали, куда их везут. Что станет с ними, когда привезут на место пожизненной ссылки. Женщины тихо плакали, укутав лица в большие платки. Мужчины сидели, надвинув на глаза мохнатые папахи, подавленные неизвестностью относительно своего будущего.

Их не сослали на каторгу в холодную Сибирь, не бросили в сырую темницу. Не подвергли голоду. Не заставили принять христианскую веру.

Все получилось наоборот. Император принял их благосклонно, окружил заботой, почестями. Создали им также материальные условия, о которых они и мечтать не могли. Но они ни на одну минуту не забывали родные горы, хотя там люди вечно терпели бедность, нужду и голод. Тем не менее, свои голые, каменистые горы они не променяли бы на все богатства мира.

Шамиль давно потерял надежду вновь увидеть Дагестан. С той самой минуты, как он предстал перед Баря-

тинским. Все эти десять лет, которые он провел в России, он мечтал поскорее покинуть страну неверных. Оставшиеся годы он хотел прожить среди мусульман, чтобы после смерти его похоронили единоверцы.

Об этом он просил Аллаха в своих ежедневных молитвах, и Аллах внял его молитвам.

Теперь он держал путь на юг. У него на сердце не было печали, тревоги, которых он пережил, следуя на север. Он встал на священную землю. Если Аллаху будет угодно, он увидит священные города Мекку и Медину, священную Каббу, могилу пророка. Там он доживет оставшиеся дни, его прах предадут священной земле...

Однако, когда, по прибытии в Анапу, Шамиль увидел Кавказские горы, в его глазах невольно появились слезы. На востоке этих гор находится его Дагестан. Родной аул Гимри. Его народ, близкие родственники. Его боевые товарищи, которые находились рядом с ним в течение двадцати пяти лет. И могилы тех, которые погибли героической смертью, защищая эти горы и правоверный ислам от ханов, беков и чужеземцев...

Многих из тех, кто покинул с ним Кавказ десять лет назад, уже не было рядом с ним. В Калуге умерли жена Гази-Магомы Каримат, жена Магомед-Шафи Аминат, дочь Шамиля, жена Абдурахмана Нафисат. В Мекку с ним не отпустили Гали-Магому и Магомед-Шафи с семьями. За ним не последовали Абдурахман и Хаджияв. Абдурахман в чине полковника служил в русской армии. Почти все слуги тоже умерли в Калуге. Всего семнадцать человек. Там в семье Шамиля добавился только один человек - сын Загидат Магомед-Камил. Ему уже девять лет. Вместе с Шамилем, Загидат и Шуанат он следует в Мекку...

* * *

Когда пароход с Шамилем на борту прибыл в стамбульский порт, многотысячная толпа людей встретила его восторженными криками.

Горцы Кавказа, турки, курды, арабы, персы.

Мухаммед-Тахир-аль-Карахи: -»Когда судно Шамиля

достигло стороны Стамбула, то он послал к падишаху ислама двух своих товарищей, чтобы они попросили у него разрешения остановиться на его земле. Падишах разрешил с радостью и почтением. Когда Шамиль остановился, то находившееся там посольство русского царя приготавливало стол для его угощения. Они просили его принять угощение, Шамиль им сказал: «Истинно, ваш падишах угощал и кормил меня до сего дня лучшим образом. Сейчас же я - гость падишаха ислама».

Имам приготовил для него огромный дом, купленный за 6500 кыршей, и Шамиль жил в нем. Великий имам давал Шамилю ежедневно 5 туманов. Там Шамилю показали редкости сокровищ падишаха. Когда шейх Шамиль пребывал в Стамбуле, к нему пришел один обретший себе там родину дагестанский ученый, негодуя на то, что сделал Шамиль. Товарищи принялись уговаривать его. Тогда Шамиль сказал: «Позовите его, ибо он пришел по какому-нибудь делу». Этот ученый говорил Шамилю об убийстве людей и захвате богатств. Шамиль ответил ему указаниями в книгах предписаний, которые оправдывают его поступки. Пришедший вынужден был замолчать и удалился. Другой раз к Шамилю пришел ученый из египтян и говорил с ним в отношении убийств. Шамиль ему ответил: «Истинно, мы совершали это в соответствии с тем, что написано в книгах шариата». Затем приказал подать книги, показал ему в них доказательства, оправдывающие то, что он совершал. Этот ученый был удовлетворен и признал достоинства Шамиля.»

Турецкий султан Абдул-Азиз принял Шамиля с большими почестями. Когда Шамиль вошел к нему, он взял его руку и поцеловал ее.

Шамиль узнал о том, что турецкий султан снаряжает войско против своего наместника в Египте Исмаил-Паши, который возмутился против своего владыки. Шамиль попросил султана отложить это дело до тех пор, пока он не явится к этому паше... Султан принял его просьбу.

МУХАММАД-ТАХИР-аль-КАРИХИ: «- Когда Шамиль явился к Исмаилу, тот оказал ему почтение, сошел со своего

трона, усадил на него Шамиля. Затем Шамиль говорил с ним в отношении этого дела и сказал в заключении: «Не надоедят, чтобы был между вами обоими спор, которому радуются неверные. Исмаил-паша сказал Шамилю: «Я сделаю то, что вы мне прикажете». Шамиль сказал ему: «Я думаю, что тебе нужно послать к нему твоего сына». И Исмаил поспал. И когда к падишаху прибыл этот сын Исмаила, то все обрадовались и проявили радость многократной стрельбой из пушек. Дочь падишаха была выдана замуж за этого сына Исмаила, в связи с чем и в Египте проявлена радость таким же образом».

Шамиль жил в Стамбуле, ожидая наступления месяца, когда паломники совершают хадж в священную Мекку. Перед отъездом Шамиль посетил в Стамбуле верховного имама Турции.

МУХАММАД-ТАХИР-АЛЬ-КАРАХИ: «- Когда Шамиль вошел к нему, он взял его руку и поцеловал ее, а великий имам также поцеловал руку Шамиля. Русская знать говорит, что подобного дела не случалось до сих пор и не произойдет в будущем. Имам дал Шамилю 3000 кыршей для расходов на нужды его поездки и поездки тех, кто был с ним из паломников, слуг семей. А с Шамилем было 500 паломников, 16 слуг и семья Шамиля: 2 его жены – Захидат, дочь Джемал-ад-Дина, Шуаванат, христианка, 4 дочери и маленький сын по имени Мухаммед-Камиль. Ему снарядили наибо́льшее судно, называемое «пароход». Шамиль отправился для посадки на судно, а его сопровождали Шейх-уль-Ислам и его прочая знать из известных людей, чтобы помочь при посадке и проводить. Те, кто был с Шамилем, говорили, что он не вернется ни в Стамбул, ни в русский, и возвратится из хаджа в Медину и будет жить там до тех пор, пока не умрет».

Когда он увидел купола минаретов мечетей Медины, из глаз Шамиля потекли обильные слезы. В мечети Рауда, в которой молился пророк, Шамиль со слезами на глазах и волнением, смиренно обратился с молитвой к Аллаху:

«О, Всевышний, Всемогущий, Милостивый Аллах, если мое намерение, мои старания, усилия и мое сражение за

веру перед тобою чисты и находят одобрение у Твоего посланца, то не удаляй меня от соседства с твоим пророком, дай мне умереть в храме твоего любимца, покажи мне его лицо, награди меня его любовью, воскреси меня среди постоянно находящихся при нем и не лишай меня его заступничества...»

Семья Шамяля считала климат Медины неподходящим для себя. Там умерли его дочери. Домочадцы неоднократно просили Шамяля переехать в Стамбул, но он отказывался.

- Самая приятная вещь для меня – умереть здесь, так ради чего же мне переезжать в другое место? – говорил он.

Однажды Шамяль, после долгого моления в мечети пророка, вернулся домой с изменившимся цветом лица. Из глаз Каримат полились слезы. Она спросила его о здоровье. Шамяль сказал:

- Я молился Аллаху Всевышнему напротив Рауда, я просил Его о том, чтобы он не разлучал меня с это местом, и мне появилось там какое-то видение, и изменилось здоровье мое, и сейчас я чувствую легкое недомогание.

* * *

Прикованный болезнью к постели Шамяль свои последние дни проводил в небольшой комнате в доме шейха Ахмеда-аль-Ригуни. Из окна своей комнаты он мог смотреть на зиярат пророка Мухаммеда

Теперь единственным его желанием было увидеть старшего сына Гази-Магому. Шамяль писал письма русскому царю и наместнику, в которых просил их отпустить к нему Гази-Магому, чтобы он смог последний раз посмотреть на сына и сказать ему последнее слово.

МУХАММЕД-ТАХИР-аль-КАРАХИ: «- Русский царь отпустил Гази-Магому, сына шейха Шамяля на шесть месяцев для посещения отца в Медину. Но Гази-Магоме не удалось уехать к своему отцу из Стамбула вследствие

преграждения пути оттуда в Медину арабами кочевниками. Тогда он отправился в славную Мекку...»

4 марта 1871 года в Медине умер Шамиль-аль-Гимри, великий сын Кавказа, имам Чечни и Дагестана. Умер на священной земле, где похоронен пророк Мухаммед. Похоронили его на кладбище Дженет-аль-Бакия, где находится могила пророка Мухаммеда.

Гази-Магоме удалось приехать в Медину только после похорон отца.

МУХАММЕД-ТАХИР-аль-КАРАХИ: - Хаджи Абдуллах ас-Сугратли со слов шейха, полюса тариката и опоры людей шариата Ахмеда-аль-Мадини ар-Ригуни передавал о том, что собравшиеся для молитвы на похоронах Шамиля жители Медины из ученых, суфиев и мистически настроенных людей акали и говорили: «О, султан ислама! О, венец сражающихся за веру и защитник религии, смерть твоя – великое бедствие». К его трупу столпилось на местности аль-Бакия-аль-Гаркад, желая снискать благословения, неисчислимо множество народу».

Ученый шейх тариката Яхсави, обращаясь к могиле Мухаммеда, сказал следующее: «Поистине, этот шейх Шамиль приложил все свои усилия для распространения твоего шариата, ради которого ты был послан. Он справедливо сражался на пути Аллаха Всевышнего за веру, для возвеличения религии твоей до тех пор, пока не пленили его враги. Затем он спасся, укрывшись в священном доме Аллаха и местопребывании твоей благородной могилы. И, истинно, мы все присутствующие, ища у тебя заступничества для него и свидетельствуя в его пользу, приложении всех усилий Шамилем, все до единого – перед тобой. Итак, прими же это, поставь перед собою для заступничества перед твоим благородным подателем владыкой.»

* * *

...Спустя более 80 лет после смерти Шамиля, в начале 50-х годов XX века, советская историография объявила реакционной антинародной национально-освободитель-

ную борьбу кавказских горцев в XIX веке под руководством Шамиля, а самого Шамиля – ставленником, агентом султанской Турции и английских колонизаторов.

Вслед за тем некоторые партийно-советские деятели и представители научной и творческой интеллигенции на его родине поспешили отделаться от своего великого соотечественника, подбросив его чеченскому народу, который в то время, лишенный всех гражданских прав, находился в ссылке в Казахстане и Киргизии.

Тогда, в 1954 году, у будущего «гениального» поэта Дагестана Расула Гамзатова в Москве на русском языке вышел сборник стихов «Год моего рождения», за который ему присудили Сталинскую премию. В этом сборнике было опубликовано стихотворение «Имам», в котором молодой поэт гневно осуждал своего великого соотечественника; имама Шамиля:

...Что он охранял? Ярмо непосильного гнета,
Черный занавес лжи, унижение и голод, и страх.
Для посевов – пожары, бесправье и тьму – для народа,
Для змеиных притонов – гнездовья в чеченских лесах...

Так закончил имам двадцатипятилетие обмана,
И сдыхать он не вернулся уже в Дагестан.
Труп чеченского волка, ингушского змея – имама,
Англичане зарыли в песчаный арабский курган...

ЭПИЛОГ

«Великие люди, - писал Гегель, - никогда не бывают счастливы, они ведут тяжелую жизнь, они умирают рано, их убивают, отправляют в ссылку.»

Происходит это потому, что они глубже, дальше видят события, происходящие на их глазах, и их последствия. Они не могут переносить бесчеловечность; жестокость, лицемерие, несправедливость, предательство, измену. Они доверчивы, как дети. Они хотят, чтобы все люди были, подобно им, чистыми, честными, добрыми, милосердными, верными. Поднимают свой голос против человеческих пороков, против тиранов и деспотов. И, как дети, обижаются, возмущаются, если люди не понимают их, не прислушиваются к их голосу, если выступают против них, даже преследуют их, подвергают остракизму.

Тираны и деспоты ненавидят великих людей. Тираны и деспоты могут обманывать, угрозами заставить молчать темный народ. Или народ не понимает хитрость, коварство, жестокость правителей и их власти. Но тираны и деспоты не могут ни обмануть, ни напугать, ни заставить замолчать великих, благородных людей. Ибо последние видят несправедливость, жестокость, бесчеловечность, коварство, преступления деспотов, тиранов против народа. Великие люди не хотят быть марионетками в их руках. Они не продаются, не предаются. Потому тираны, деспоты, диктаторы их либо уничтожают, либо изгоняют из своего государства, либо до самой смерти содержат их в бедности, в постоянной нужде, натравливая на них всяких подонков, которые легко продаются и покупаются. Однако, тираны и деспоты нуждаются в мудрых, ученых людях. Но только в тех, которых легко купить, в безнравственных и беспринципных.

Аристотель наиболее выдающихся своих сограждан отправлял в изгнание: «Да не будет никто из нас лучшими, - смиренно заключал он при этом, - не то пусть живет он в другом месте и у других».

Ибн Фадлон, побывавший у волжских булгар в X веке,

писал: «Когда видят они человека подвижного и сведущего в делах, то говорят: этому человеку приличествует служить богу. Посему берут его, кладут ему на шею веревку и вешают на дерево».

В VII веке до нашей эры, тиран Коринфа Периандр отправил к милетскому тирану Фрасибулу посла, поручив ему разузнать у тирана, как установить ему в государстве порядок. Фрасибул отправился с послом за город, пишет Геродот, вышел с ним на засеянное поле и, гуляя по полю, несколько раз переспрашивал, зачем он приехал из Каринфа. При этом Фрасибула всякий раз, когда видел какой-нибудь колос, возвышавшийся над другими, срывал его и выбрасывал. Он делал это до тех пор, пока не уничтожил все самые лучшие и высокие колосья на ниве. Пройдя через все поле, Фрасибул отпустил посла, так и не дав ему никакого ответа.

Посол вернулся к Периандру и рассказал, как это сумасшедший человек портил свое собственное добро, но не дал ответ. Периандр понял, что Фрасибул советует ему уничтожать людей, возвышающихся над толпой.

Древнекитайский философ Лао-цзи считал, что одна из главных задач правителя заключается в том, чтобы ограждать своих подданных от знаний и подавлять их интеллект.

В мировой истории одна из самых неисправимых и губительных ошибок деспотических властей заключалась в том, что они не хотели или не умели уважать, почитать мудрых, благородных людей в государстве. Из-за неуважительного отношения к таким людям, в истории мира многие правители потеряли свои троны, а иные лишились своих голов. Распадались великие империи. Государства, правители и власти, которые бережно относились к своим мудрым, благородным интеллектуалам, наоборот, выигрывали во всех отношениях.

На боль родины и народа первыми отзываются сердца мудрых, благородных людей. Они первыми поднимаются на защиту родины и народа, отдают свои жизни во имя их свободы, чести и достоинства. Но славу, заслуженную ими, правители присваивают себе.

В дореволюционной и советской историографии Шамиля осуждали за его жестокость, особенно за физическое истребление феодальной знати, хотя это в основном происходило при имаме Гамзат-беке. Осуждали Шамиля и за жестокую расправу над ворами, грабителями, предателями, изменниками и прочими преступниками, подчеркивая при этом, что его охрана состояла из отъявленных убийц, а рядом с ним постоянно находился палач с огромным кинжалом.

Шамиль родился и жил в эпоху, когда в мире происходили великие исторические события и потрясения. Захватнические и колониальные войны, национально-освободительное и революционное движение на всех континентах, раздел и передел мира, государственные перевороты и т.д., в которых погибли сотни миллионов человек.

Но будем говорить обо всех жестокостях и преступлениях, совершенных в странах просвещенной Европы, вспомним лишь несколько. После победы Великой Французской революции 1789 года якобинцы обезглавили короля Людовика XVI, казнили и многих дворян, других изгнали из Франции. Известное орудие обезглавливания гильотина – изобретение французов, самого просвещенного народа в мире в ту эпоху. Бесчеловечной, бессмысленной жестокостью отмечено присутствие англичан, французов, португальцев, голландцев, испанцев в Африке, Америке, Азии, русских – на Кавказе? Уже в XX веке, после победы Великой Октябрьской социалистической революции в России большевики уничтожили царскую семью, десятки тысяч дворян были расстреляны или изгнаны из России. А государственный террор над собственным народом в СССР при сталинско-бериевском режиме? Десятки миллионов невинных граждан были расстреляны, замучены в тюрьмах и сибирских лагерях!

Бог не создал ни одного абсолютно безгрешного человека. Как говорится, человеку не чуждо ничего человеческого. Шамиль был человеком со своими достоинствами и

недостатками. Он не обучался в университетах Петербурга, Москвы и европейских стран. Он был одним из детей гор, но мудрым, мужественным, смелым человеком. Иначе он не смог бы объединить в один кулак десятки разноязычных, разнохарактерных народов Чечни и Дагестана, находящихся на разных ступенях общественного развития, и в течение двадцати пяти лет оказывать упорное сопротивление одной из самых могущественных держав мира! Такая грандиозная задача не для заурядных, безвольных, трусливых личностей.

Кто из великих людей мира не допускал бы ошибок на месте Шамиля? Кто смог бы сохранить власть в условиях войны, не проявляя жесткости, или, если хотите, даже жестокости по отношению к ворам, грабителям, предателям и изменникам?

* * *

Национально-освободительная борьба чеченского народа против царских колонизаторов началась еще задолго до рождения Шамиля, продолжалась она и после его пленения, вплоть до 80-х годов XIX века.

Ушурма, пастух из чеченского аула Алды, известный в истории Кавказа под именем шейха Мансура, возглавил всеобщее восстание в Чечне в 1785 году. В марте того года у с.Алды он разгромил крупный отряд русских войск под командованием полковника Пъери. Ему удалось за короткое время объединить под своим знаменем чеченцев, черкесов, кабардинцев, кумыков, адыгейцев, абазин, шапсугов, убыхов и другие народы Северного Кавказа. В течение шести лет он вел героическую борьбу против царских колонизаторов. 21 июня 1791 года, когда русская армия под командованием генерала Гудовича штурмом взяла турецкую крепость Анапу, находившийся там шейх Мансур попал в плен. Солдаты схватили его, когда он с горящим факелом в руках бежал к пороховому погребу. Мансура отвезли в Петербург, показали императрице Екатерине II, затем заточили в Шлиссельбургскую крепость, где 13 апреля 1794 года он умер. Ходили слухи о

том, что Мансура убили, обвинив в попытке предпринять побег...

Дело Мансура продолжил Бейбулат Таймиев, хорошо известный как военный и политический деятель далеко за пределами кавказских гор – в России, Турции и Иране. Он возглавил борьбу чеченского народа против царских колонизаторов в 1820-1825 гг. Генералы А.П.Ермолов и П.Ф.Паскевич сделали несколько безуспешных попыток подкупить Бейбулата, но он не польстился на золото и чины. Русское командование видело в лице Бейбулата самого сильного и опасного противника на Кавказе. Поэтому оно устроило убийство Бейбулата руками его кровника – какого-то кумыкского князя. Произошло это 14 июля 1831 года. Место его захоронения чеченцам неизвестно до сих пор.

После пленения Шамиля антиколониальную борьбу в Чечне в 1860-1861 гг. возглавили бывшие шамилевские наибы Бойсангур, Атаби и Умма. Бойсангура взяли в плен недалеко от родного аула Беной. С ним находились престарелая мать, сыновья Тахир и Алхазур, дочь Лада и ее муж Муна со своими братьями Солтамурадом и Хамурадом. Генерал Кундухов приказал взять Бойсангура живым. Но ополченцы оказывали яростное сопротивление. Тогда, чтобы отвлечь внимание Бойсангура, Кундухов приказал пристрелить его мать. Таким образом, русским удалось взять в плен Бойсангура и двух его сыновей. Остальным удалось спастись.

Бойсангура повесили в Хасавюрте, на площади, где ныне стоит православная церковь. Сыновей сослали на каторгу в Сибирь сроком на двадцать лет, Умма и Атаби добровольно явились к русскому командованию. Первого сослали в Смоленск, второго – в Порхово. Солтамурад и Умма позже стали ближайшими соратниками Алибека-Хаджи, руководителей восстания в горной Чечне 1877 года.

Место захоронения Бойсангура тоже точно не установлено.

3 января 1864 года царские власти арестовали и отправили в ссылку великого гуманиста, святого шейха Кунту-Хаджи.

В апреле 1877 года жители горной Чечни, доведенные до отчаяния безземельем, восстали против властей. Восстание возглавил двадцатипятилетний житель с.Симсир Веденского округа Алибек-Хаджи Алданов. Восставшие требовали от властей возврата земель, отобранных у чеченцев в ходе войны и переданных казакам; земель, пастбищ и покосов, отведенных под многочисленные военные укрепления; равных с казачьим населением гражданских прав. Жители равнинной Чечни, которые находились в сравнительно лучших условиях, не поддерживали восстание. Кроме того, равнинные чеченцы находились под дулами крепостных орудий и в близком соседстве со стотысячным казачьим населением, вооруженным до зубов.

Когда в середине 70-х годов ухудшились отношения между Россией и Турцией, и война стала неизбежной, турецкие власти через Гази-Магому, жившего в Стамбуле, готовили вооруженное восстание горцев Северного Кавказа, в частности, в Чечне и Дагестане. Восстание в Дагестане должны были начать и возглавить ханско-бекские потомки. Но они упустили время и не поддержали восставшую Чечню. Ждали сигнала из Стамбула. Восстание в горной Чечне с первого же дня активно поддерживали только жители соседних Салатавии, Анди и Гумбета.

Восстание в Чечне продолжалось восемь месяцев, до конца августа. В его подавлении участвовали 40-тысячный корпус регулярной армии, имевшая 104 орудия, отряды чеченских, дагестанских, ингушских, кумыкских, осетинских и грузинских наемников. По одним данным, в подавлении чеченского восстания участвовало 10 тысяч дагестанских добровольцев, которым начальник Терской области генерал Свистунов А.П., кроме жалования, обещал «чеченские земли, если они будут хорошо драться с чеченцами».

В конце августа против воли ханско-бекских отпрысков в Дагестане началось всеобщее восстание, которое возглавил известный шейх Магомед-Хаджи Абдурахманов. После подавления восстания в Чечне 60 повстанцев во главе с Алибеком-Хаджи присоединились к дагестанским

повстанцам. Однако ханско-бекски отпрыски передали руководителей восстания, чеченцев и дагестанцев, в руки генералов Меликова и Смекалова. Произошло это у Согратли и Телетли. Только одному Алибеку-Хаджи удалось вырваться из окружения и вернуться в Чечню.

При подавлении восстаний в Чечне и Дагестане были разрушены и сожжены сотни аулов, десятки тысяч семей сослали в северные губернии России.

Власти начали преследовать жителей горной Чечни, требуя от них выдачи Алибека-Хаджи. 27 ноября 1877 года Алибек-Хаджи, чтобы спасти невинный народ от репрессий, добровольно сдался властям. 9 марта 1878 года, в Грозном, Алибек-Хаджи и двенадцать его соратников по приговору военно-полевого суда были подвергнуты смертной казни через повешение.

Их привезли на место казни закованными в кандалы. Когда старший жандарм грозненской тюрьмы Понявин подошел к Алибеку-Хаджи, чтобы потащить его к виселице, тот ударом ноги выбил ему несколько зубов. Молодой имам сам встал на табуретку, надел себе на шею веревку и отбросил из-под ног табуретку. Примеру Алибек-Хаджи последовали и его товарищи. Некоторых его соратников сослали на сибирскую каторгу, одних на 20 лет, других - пожизненно.

Также были казнены и руководители восстания в Дагестане.

После подавления восстания 1877 года народ убедился в том, что всеобщие восстания бессмысленны и заранее обречены на поражение, вдобавок, заканчиваются огромными людскими и материальными потерями. И люди, которые не желали мириться с жестокостью и несправедливостью властей, стали вести борьбу против нее в одиночку. На Кавказе их называли абреками. Одним из них, и самым известным как в России, так и за ее пределами, был абрек Зелимхан Гушмазукаев из селения Харачой Веденского округа. Современники называли его Зелимханом Харачоевским, под этим именем он и остался в памяти народа.

Зелимхан заступался за угнетенный народ, убивал наиболее жестоких военных и гражданских чиновников, грабил банки, почту, богатых купцов и т.д. Награбленное добро раздавал бедным. В течение тринадцати лет за ним охотились многочисленные карательные отряды. Но абрек был неуловим, ибо его скрывали и защищали народы не только Чечни, но и Дагестана, Ингушетии, Осетии, Грузии, Азербайджана, за что каратели подвергали репрессиям тысячи людей. В последние дни своей жизни он болел и скрывался на хуторе близ Шали, куда один местный житель привел отряд дагестанской милиции. Это был последний бой Зелимхана. Он отстреливался до последнего патрона, убил нескольких милиционеров, смертельно ранил начальника отряда. В этом бою 27 сентября 1913 года он был убит.

* * *

Каждое поколение мудрого народа внимательно изучает свое историческое прошлое, бережно хранит свою духовную и материальную культуру, национальные традиции и обычаи, благоговейно относится к памяти своих национальных героев.

В мире не было идеальных народов. В своем историческом и общественном развитии народ не гарантирован от ошибок. Но мудрый народ, прежде чем сделать новый шаг в своем общественном развитии, оглядывается на пройденный путь, внимательно изучает каждый пройденный шаг. Анализирует свои исторические успехи и просчеты и развивает полезное, прогрессивное, старательно избегая повторения ошибок.

Особую осторожность мудрый народ проявляет в увековечении памяти своих государственных, политических и военных деятелей, деятелей науки и культуры. Единственным верным критерием в оценке их деятельности служат их заслуги перед родиной и народом. То, что человек сделал для прогрессивного развития своего народа, для защиты его от нависшей над ним угрозы и трагедии, для защиты прав и свободы своих соотечественни-

ков, для установления и сохранения мира и спокойствия в своем отечестве, благополучия своего народа.

Мансур, Бейбулат, Гази-Мулла, Шамиль, Бойсангур, Магомед-Эмин, Алибек-Хаджи, Зелимхан и другие были мужественными, отважными, благородными и мудрыми людьми. Они принесли себя в жертву свободе и независимости, чести и достоинству своего народа. Не только себя, но и свои семьи и родственников.

Однако борьба горцев за свободу и независимость под их руководством против могущественной российской империи, которую основоположники научного коммунизма К.Маркс, Ф.Энгельс и В.И.Ленин называли самым варварским государством в мире, была бесперспективной и бессмысленной. В этой борьбе погибли сотни тысяч людей, более полумиллиона горцев насильственно выселили в Турцию, десятки тысяч - в северные губернии России. К примеру, в Чечне не осталось ни одного аула, не разрушенного до основания несколько раз.

Народ, который не знает своего исторического прошлого, подобен слепотухонемому человеку. В своем общественном развитии он периодически повторяет одни и те же трагические ошибки, которых совершал в прошлом. Народ, который отдает забвению своих верных сыновей, истинных героев, которые принесли себя в жертву во имя мира и благополучия на родной земле; который в то же время идеализирует тех, кто приносил ему неисчислимые бедствия, который забывает традиции и обычаи своих предков... Такой народ никогда не будет свободным и счастливым. Он потеряет свое лицо, уважение других народов и будет обречен на медленную смерть.

Минимум 90% чеченцев не знают своего подлинного исторического прошлого, и потому они аккуратно повторяют одни и те же ошибки, которых их предки не раз совершали в последние триста лет. Эти ошибки дорого обходятся каждому поколению чеченского народа: кровопролитные войны, гибель сотен тысяч людей, в том числе женщин, детей и стариков. Уничтожение городов и сел. Выселение на чужбину целого народа, до последнего че-

ловека, расселение по всем странам и континентам планеты. Духовно-нравственная деградация. Вечное страдание...

Верно и исключительно метко сказал имам Шамиль о лёгковерных, доверчивых чеченцах: «У чеченцев нет возвышения, на которое поднимают мудрецов и героев, и зиндана, куда бросают преступников».

Соседние дагестанцы всегда умели извлекать уроки из своего исторического прошлого, избегать повторения прошлых ошибок, отвести от себя надвигающуюся трагедию, сохранить на своей земле мир, спокойствие и благополучие. После жестокого подавления народного восстания в Дагестане в 1877 г. мудрые дагестанцы поняли, что вооруженная борьба против могущественной России бессмысленна, бесперспективна и пагубна для многочисленных народов Дагестана. Что все властные режимы в России, даже те, которые называли себя демократами – декабристы, народники, большевики, меньшевики, вплоть до нынешних псевдодемократов, всегда были и остаются верны пресловутой великодержавно-шовинистической идее - «Единая и неделимая Россия». Что российские власти никогда добровольно не выпустят ни один народ из цепких когтей двуглавого орла. И потому после народного восстания 1877 года дагестанцы смирились и не стали больше подвергать себя новым испытаниям. Тех, кто пытался поднять смуту, они изгоняли из Дагестана, и те уходили к чеченцам. И доверчивые чеченцы принимали их, как приняли Шамиля восемьдесят лет тому назад.

В начале августа 1919 года шейх Узун-Хаджи Акушинский возглавил антисоветское восстание в Дагестане и, после его подавления в том же месяце того же года, бежал в Чечню, где его приняли с распростертыми объятиями. Чеченцы не только принимали у себя иностранцев, но и сажали их на свою шею, возносили до небес, лишь бы они умели читать, писать и говорить по-арабски или по-турецки. Узун-Хаджи объявил независимое государство – эмират Чечни и Дагестана со столицей в Ведено, а себя – эмиром. Он создал правительство и армию, в основном

из чеченцев, выступал то против большевиков, то в союзе с ними против белогвардейцев. Узун-Хаджи умер в начале марта 1920 года в Ведено и похоронен там же.

Летом 1920 года в горах Дагестана произошло антисоветское восстание, которое возглавил крупный помещик Нажмуддин Гоцинский. После подавления восстания с группой своих единомышленников он бежал в Чечню. В 1923-1925 г.г. Гоцинский возглавил антисоветскую борьбу в горах Чечни. Все эти годы карательные войска НКВД подвергали жестоким репрессиям десятки тысяч невинных чеченцев. Репрессии прекратились только после того, как 25 августа 1925 года карательные войска НКВД разгромили повстанческие отряды в Шароевском округе. Некоторые руководители повстанцев погибли в боях, другие, в том числе и сам Гоцинский, были арестованы.

ГАМЗАТОВ Р.Г.: «- Как поэт и гражданин, я люблю всех трудящихся мира. Но у меня нет никакого основания любить контрреволюционера Гоцинского. Даже горжусь тем, что всегда клеймил этого заклятого врага моего народа».

В годы гражданской войны в России в 1918-1920 г.г. чеченцы были единственным народом в России, который поголовно и бесповоротно перешел на сторону большевиков и поддерживал советскую власть. Большевики обещали чеченцам свободу, за которую они бились столетиями, обещали вернуть земли, отобранные у них в ходе и после Кавказской войны и отведенные под станицы и воинские укрепления, а также раздаренные казачьим и чеченским офицерско-купеческим верхушкам.

В самые критические для Советской власти на Тереке моменты Г.К.Орджоникидзе и С.М.Киров обращались к чеченцам с призывом встать на защиту Советской власти от контрреволюции. При этом всячески восхваляли их героическое прошлое, мужество, отвагу и смелость, называли их «храбрыми и гордыми чеченцами». «Чеченцы твердо решили не пропустить ни Бичерахова, ни турок, всю свою живую силу отдав Советской власти» - сообщал Г.К.Орджоникидзе в своем письме Ленину. В конце 1919 и начале 1920 г.г. чеченцы разгромили в Чечне сорокаты-

сячную добровольческую армию генерала Деникина, тем самым, сорвав его поход на Москву.

Разумеется, большевики и не думали выполнять свои обещания. Уже в 20-х годах, в ответ на несправедливость большевистских властей, в Чечне вспыхивали антисоветские выступления. Самое крупное крестьянское восстание произошло в 1932 году в Ножай-Юртовском и Веденском районах. Восставшие с оружием в руках выступили против коллективизации в малоземельных и безземельных горных районах. Все эти антисоветские выступления завершались массовыми репрессиями.

* * *

В январе 1940 года в Галанчожском районе началось антисоветское восстание во главе с Хасаном Исраиловым. Повстанцы захватили населенные пункты Галанчож, Чеберлой, часть Шатоевского района. Отряд Х.Исраилова вооружался за счет разоружения или разгрома карательных отрядов НКВД. Повстанцы провозгласили Временное народно-революционное правительство Чечено-Ингушетии во главе с Х.Исраиловым.

В первый год Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. на всех фронтах против фашистских захватчиков сражались более 30000 чеченцев и ингушей. А в феврале 1942 года Майрбек Шерипов, родной брат верного сына чеченского народа Асланбека Шерипова, поднял антисоветское восстание в Шатое и Итум-Кале, и присоединился к повстанцам Х.Исраилова.

Эти антисоветские выступления кучки авантюристов в двух небольших горных районах послужили для сталинско-бериевских опричников поводом объявить весь чеченский народ пособником фашистской Германии и изменником Родины, а в феврале 1944 года подвергнуть его поголовной депортации.

* * *

Накануне распада СССР в своих выступлениях в Татарии, Башкирии и в Верховном Совете РСФСР Б.Ельцин неоднократно обещал народам РСФСР свободу и само-

стоятельность: «Берите столько суверенитета, сколько сможете «переварить». Другие малочисленные народы России не придали значения словам Б.Ельцина, брошенным им в состоянии алкогольного опьянения. А вот легкомысленные чеченцы приняли их всерьез. 27 ноября 1990 года, первым среди национальных республик РСФСР, Верховный Совет ЧИАССР принял «Декларацию о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики», согласно которой Чечня объявлялась суверенным государством, которое будет подписывать союзный и федеральный договоры на равноправной основе.

За всю историю ЧИАССР до 1990 года чеченец или ингуш не занимал пост первого секретаря обкома КПСС. В 1990 году, вопреки воле ЦК КПСС, коммунисты республики первым секретарем обкома КПСС избрали Докку Завтаева, который был верным сторонником М. Горбачева и выступал за сохранение СССР, за что его невзлюбили Б. Ельцин и его сторонники.

19 августа 1991 г. радикальная партия сепаратистов «Вайнахская демократическая партия» во главе с З.Яндарбиевым устроила в Грозном митинг, формально против ГКЧП, на самом же деле против обкома КПСС, Верховного Совета и правительства республики, во главе которых стоял Д.Г.Завтаев. Подобного митинга в тот период не было ни в одной союзной или автономной республике СССР.

Чеченцы были единственным народом в России, который в августе 1991 г. послал в Москву 300 молодых людей с наказом защитить Б.Ельцина и Верховный Совет РСФСР от газаченистов.

11 августа 1991 года общественно-политическое движение «Общенациональный Конгресс чеченского народа» во главе с отставным генералом Джохаром Дудаевым и «Вайнахская демократическая партия» (ВДП) организовали в Грозном многотысячный митинг против руководства республики, который продолжался вплоть до конца октября. Основными участниками митинга являлись сельские жители горных районов. Их утром привозили на ав-

тобусах в город, а вечером увозили домой. Кормили митингующих за счет средств колхозов, совхозов, государственных предприятий и учреждений. Все митинговые мероприятия оплачивала местная мафия, которая намеревалась захватить власть и природные богатства республики, в первую очередь – нефть. Разумеется, были у нее и сильные покровители в Москве, жаждущие войны в Чечне. Чтобы по потокам крови и слез женщин и детей прийти к власти или удержать ее в своих руках.

Актив, ядро митингового движения составляли сексоты КГБ, люди, обиженные партийными и советскими органами, не допущенные или отставленные от номенклатурной кормушки. Не состоявшие ученые, писатели, поэты, артисты. Видную роль сыграли и представители мусульманского духовенства. У всех у них была одна цель – разогнать районных и республиканских руководителей партийно-советских органов, отомстить своим обидчикам и захватить власть.

В своих выступлениях они напоминали народу обо всех жестокостях и несправедливостях, которых чеченцы терпели от российско-советских властей со времен шейха Мансура и вплоть до депортации в феврале 1944 года, о безработице и высокой смертности в республике и т.д.

Вдобавок ко всему этому пламя народного гнева раздували неизвестные люди, которые наезжали сюда со всех республик Кавказа, Поволжья, Прибалтики, Украины. Они выступали на митингах, по местному радио и телевидения, выдавали себя за полномочных представителей своих народов. Как когда-то имам Шамиль, Орджоникидзе и Киров, они напоминали чеченцам о героической борьбе за свободу и независимость их славных предков, называли чеченцев самым мужественным, храбрым и смелым народом, одобряли избранный им революционный путь, настойчиво советовали не отступать от него. «Здесь у вас, в Чечне, решается судьба не только Кавказа, но и всех малочисленных народов России. Они с вами, они придут вам на помощь при первом же вашем призыве!»

После таких похвал доверчивые, легкомысленные чечен-

цы, как и их предки, мнили себя опорой Кавказа, богоизбранным народом. Как и свои предки, не думая о последствиях, сломя голову кидались вперед, в пропасть, и погибали, защищая интересы неизвестных им людей и чужих государств.

Между прочим, когда началась война в Чечне, все эти «полномочные представители своих народов» куда-то попрятались. Против варварской войны в Чечне официально, совместным заявлением выступили президенты республик Татарстан, Башкорстан, Мари-Эл, Чувашии и Якутии. От имени осетинского народа с протестом против войны в Чечне выступил Комитет по национальной политике и внешним связям Республики Северная Осетия-Алания. В своем обращении к «Гражданам Осетии» Комитет заявил, что «безответственные политики и авантюристы в генеральских погонах силовыми методами вознамерились решить непростую ситуацию в Чечне. Используя все возможности народной дипломатии, мы не должны допустить, чтобы братский чеченский народ и российские солдаты оказались жертвой очередных политических авантур».

Общественно-политическое движение «Гражданское согласие» Северной Осетии, объединяющее представителей творческой интеллигенции, научных сотрудников и преподавателей высшей школы Северной Осетии в своем заявлении «Нет кавказской войне!» предлагали «осудить ввод российских войск в Чечню» и «запретить Президенту России использовать территорию Республики Северная Осетия как плацдарм для вооруженного вторжения в Чечню».

Всеосетинский Народный Совет («Стыр Ныхас») распространил заявление, в котором говорилось, что «любое использование военнослужащих осетинской национальности на территории Чеченской Республики «Стыр Ныхас» расценивается как провокацию против осетинского народа».

Руководства и общественно-политические движения всех остальных республик Российской Федерации и быв-

ших братских союзных республик, а ныне суверенных государств, равнодушно или трусливо молчали, отстраненно наблюдая, как в первую и вторую российско-чеченские войны варварскими методами безжалостно уничтожался чеченский народ, превращались в руины цветущие города и села.

Но простые люди всех народов России бескорыстно принимали десятки тысячи беженцев из Чечни. Братские народы соседнего Дагестана в первую российско-чеченскую войну приняли и приютили у себя около 150 тысяч чеченских беженцев...

* * *

6 сентября 1991 года вооруженная толпа из числа митингующих ворвалась в здание Верховного Совета ЧИР, насильственно разогнала Верховный Совет и Правительство республики. Захваченный гвардейцами ИК ОКЧН Д.Завгаев подписал акт об отречении от власти и укрылся в своем родном ауле в Надтеречном районе.

14 сентября в Грозный прибыл исполняющий обязанности Председателя Верховного Совета РСФСР Р.И.Хасбулатов. В тот же день он выступил по республиканскому телевидению с критикой завгаевского режима, охарактеризовал его как клановый, коррумпированный и антинациональный. В следующий день, под давлением Р.И.Хасбулатова, Верховный Совет без необходимого кворума принял решение об отставке Д.Завгаева с поста Председателя ВС ЧИР.

Такой акт на всем постсоветском пространстве совершили только чеченцы.

После свержения ВС и Правительства ЧИР, их функции взял на себя Исполнительный Комитет ОКЧН. Он назначил выборы Президента ЧИР на 27 октября 1991 года. В этот день, с многочисленными нарушениями Закона о выборах, Дж. Дудаева избрали Президентом ЧИР, позже переименованной в Чеченскую Республику Ичкерия.

Между тем, не имея малейшего понятия о надвигающейся на него великой трагедии, народ ликовал на ули-

цах и площадях Грозного. Члены всех религиозных сект совместно и в отдельности исполняли ритуал зикра, в которых участвовали женщины и даже дети. Рядом молодежь устраивали песни и пляски. Каждого очередного оратора на трибуне встречали громкими, восторженными криками «Аллаху Акбар!»

После избрания Президента и Парламента, который состоял в основном из митинговых крикунов, и провозглашения Чеченской Республики Ичкерия, в Чечне началась всеобщая вакханалия. Люди перестали бояться Аллаха и Судного дня. Они грабили государственную и общественную собственность, поезда и путников, проезжающих по территории Чечни. Участились убийства, похищения людей и другие тяжкие уголовные преступления.

Москва проводила планомерную работу по дестабилизации обстановки в республике, вела чеченский народ к неизбежной войне. В отдельности и группами в Чечню наведывались высокопоставленные российские чиновники, которым предстояло сыграть главные актерские роли в кремлевском сценарии по развязыванию чеченской войны. Председатель ВС РФ Р.Хасбулатов, вице-президент РФ А.Руцкой, госсекретарь РФ Г.Бурбулис, С.Шахрай министр печати М.Полторанин, министр Внутренних дел А.Дунаев, его первый заместитель Абрамов, первый заместитель Генпрокурора Землянушин, генералы Б.Громов, П.Грачев, П.Дейнекин и другие. Главнокомандующий Военно-воздушными силами РФ П.Дейнекин вместе с Президентом Дж.Дудаевым сыграл комедийный спектакль перед телезрителями. Дейнекин зачитал Указ Президента РФ о досрочном присвоении Дж.Дудаеву звания геральд-лейтенант и награждении его орденом. Президент ЧРИ генерал Дж.Дудиев, демонстрируя свою «верность чеченскому народу», отказался от звания и награды. Высокие гости за закрытыми дверями вели какие-то таинственные переговоры с Президентом ЧРИ.

* * *

Весной 1992 года российские генералы вывели из Чечни-советские войска, оставив Дж.Дудаеву огромное коли-

чество стрелкового оружие и современной военной техники: 2 пусковые установки тактического оружия «Луна», 251 самолёт, 10 зенитных комплектов «Стрела -10», 23 зенитные установки различных типов, 7 переносных зенитно-ракетных комплексов «Игла», 108 единиц бронетехники, 153 единицы артиллерии и минометов, из них 18 реактивных установок БМ-21 «Град», 590 единиц современных противотанковых средств, 150000 гранат, 71000 стволов стрелкового оружия, неисчислимо количество боеприпасов. Всего на 8 миллиардов рублей по ценам 1991 года.

С другой стороны, с целью развязать гражданскую войну в Чечне, Москва вооружила и чеченскую оппозицию во главе с У. Автурхановым. Оппозиция расположилась в Надтеречном районе республики. 26 ноября 1994 года вооруженные отряды оппозиции при поддержке 50 танков и бронемашин, экипажи которых в большинстве своем состояли из наемных российских солдат и офицеров, предприняли штурм Грозного. В штурме участвовали офицеры-танкисты 4-й Кантемировской дивизии, которая считается «президентской гвардией». Штурм завершился разгромом вооруженных сил оппозиции, уничтожением всех танков и бронемашин. В плен попали сотни боевиков оппозиции, в том числе и наемники ФСБ РФ.

После провала этой операции в Кремле решили, что настала пора начинать настоящую войну против мятежного генерала Дж.Дудаева. 11 декабря 1994 года российские политики, под предлогом наведения «конституционного порядка», ввели в Чечню войска, вооруженные суперсовременным оружием, боевой техникой и авиацией. В Чечне началась многолетняя братоубийственная война, самая варварская в мировой истории. Так называемая «первая чеченская война». Вернее – первый этап российского государственного террора над собственным народом.

Российские генералы в первую очередь уничтожали школы, чтобы чеченские дети не могли учиться, больницы и медицинские учреждения, чтобы больные и ране-

ные жители республики не могли лечиться. Архивы, музеи, памятники истории и культуры, чтобы стереть с лица земли исторические корни народа. Мечети и святыни, чтобы оскорбить религиозное чувство народа. Превращали в пепел и руины цветущие города и села. Федеральные наемники занимались грабежом и мародерством.

Единственное, что российские генералы бережно охраняли — это нефтеперерабатывающий завод в Грозном и нефтепроводные трубы, по которым поступала нефть на завод. Ибо на чеченской нефти российские генералы наживали себе многомиллионные богатства.

ГЕНЕРАЛ А.ЛЕБЕДЬ «- Границу с Чечней ежедневно пересекают четыре нефтеналивных состава, бензозаправщики идут сплошной колонной. На фугасе не был взорван ни один бензозаправщик, ни один состав. Многие люди пришли на войну майорами и подполковниками, а стали генерал-полковниками, министрами».

* * *

В мировой истории было много случаев, когда народ, стонущий под гнетом собственных тиранов и деспотов, как один вставал на защиту своего Отечества от чужеземных завоевателей. Так было в 1812 году, когда угнетенный, закабаленный крепостным правом русский народ встал на защиту Отечества от наполеоновских полчищ. Так было в 1941-1945 гг., когда подавленный сталинско-бериевским полицейским режимом советский народ нашел в себе силы отстоять Отечество.

Чеченский народ в своем подавляющем большинстве ненавидел дудаевский режим. Однако, когда на чеченскую землю вторглась российская армия, когда она начала уничтожать города и села, убивать мирных жителей - женщин, детей и стариков, народ встал на защиту своей земли, своей свободы и независимости, своей чести и достоинства. Потому в первой чеченской войне российские генералы потерпели позорное поражение. Хотя, конечно, победителей на войне не бывает, поражение терпят обе стороны. В победе чеченского народа сыграло

огромную роль массовое антивоенное движение во многих городах России, которое требовало от московских властей немедленного прекращения войны в Чечне.

29 августа 1996 года Секретарь Совета безопасности РФ Александр Лебедь и Командующий Вооруженными силами ЧРИ Аслан Масхадов в дагестанском городе Хасавюрт подписали историческое «Хасавюртовское мирное Соглашение».

12 мая 1997 года Президент РФ Б.Ельцин и Президент ЧРИ А.Масхадов в Москве подписали Договор «О мире и принципах сотрудничества между РФ и ЧРИ», в котором стороны отказались в дальнейшем применять оружие друг против друга.

Однако такой Договор отнюдь не устраивал воинствующих российских генералов. Они жаждали взять реванш, добить врага, то есть, чеченский народ.

Учитывая антивоенные настроения россиян в первую чеченскую войну, московские власти решили исправить свою ошибку. Российские СМИ развернули широкомасштабную античеченскую пропаганду, зомбировало россиян, выставляя чеченский народ в образе исторически непримиримого врага России и русского народа, возмутителя спокойствия на Кавказе, бандита, террориста, экстремиста, сепаратиста, работоторговца, виновника всех нынешних бед россиян. Чеченцев обвиняли во всех крупных преступлениях, совершаемых в России, даже за рубежом. Когда американцы в Афганистане взяли в плен россиян, сражавшихся на стороне талибов, и заключили их в тюрьму американской военной базы в Гуантанамо, заместитель главы российского МИД Вячеслав Трубников поспешил заявить, что среди плененных боевиков, воевавших в Афганистане, есть чеченцы. На самом же деле чеченцев среди плененных талибов не оказалось. Позже российские СМИ распространяли слухи, что среди террористов, действующих в Ираке против американцев, имеются и чеченцы, пытаясь таким образом получить из-за океана полную индульгенцию за свои варварские действия в Чечне. Кроме того, упорно распространялась лживая, кле-

ветническая «информация» о том, что Чечня является центром международного терроризма, наркоторговли и работорговли.

Одновременно московская «партия войны» готовила вторжение вооруженных отрядов моджахедов в Дагестан с территории Чечни. В Москве и Махачкале прекрасно знали об этом, а также знали, что задолго до этого в Карамахи и Чабанмахи ваххабиты создали свои вооруженные отряды и возводят военные укрепления. Весной 1998 года министр ВД РФ С.Степашин совершил «визит доброй воли» в Карамахи и Чабанмахи и на двух самолетах привез ваххабитам гуманитарную помощь. В ответ ваххабиты преподнесли высокопоставленному гостю дорогие подарки.

В сентябре 1999 г. журналисты И.Цогоев и А.Сулейманов в газете «Северный Кавказ» писали, что «действия федеральных сил по очистке Карамахи и Чабанмахи осложнялись наличием в селах мощных оборонительных сооружений, подземных коммуникаций, бетонных бункеров. По оценке специалистов, эти коммуникации строили здесь не один год с привлечением большого числа людей и техники. Бункера, часть из которых невозможно «вскрыть» даже ракетно-бомбовыми ударами, имеют различные функции. Это склады и военные классы, даже тюрьмы. Все говорит о том, что исламские экстремисты устранились здесь надолго». Эти же авторы писали, что накануне вторжения отрядов Басаева и Хаттаба, администрация и местные жители Ботлихского и Цумадинского районов требовали от пограничников покинуть их земли. И пограничники ушли, оставив открытым границу с Чечней.

Заместитель министра внутренних дел России Колесников на пресс-конференции в Махачкале, за несколько дней до вторжения отрядов Басаева и Хаттаба в Дагестан, назвал выдумкой журналистов сообщения об агрессивных намерениях боевиков, скопившихся на чеченско-дагестанской границе. 3 августа, за четыре дня до нападения моджахедов, выйдя из кабинета Ельцина к журна-

листам, министр ВД Рушайло заявил о том, что «мы не находимся на грани войны на Северном Кавказе. Обострение обстановки лежит за рамками действий силовых структур». («Версия». 6-12 февраля 2001г. №4 (128). Далее там же писали, что «факты могли свидетельствовать о двух вероятностях: либо спецслужбы не располагали никакой оперативной информацией о происходящем, либо они и другие ведомства имели приказ дать ситуации возможность созреть до уровня открытой войны. Трудно поверить в эти вероятности, ибо в первом случае получается, что в спецслужбах орудуют слухи, а во-вторых – что политикой крутят ястребы».

Между тем? в июне-июле 1999 г. из пограничных с Чечней районов в Махачкалу поступали регулярные сообщения о том, что на чечено-дагестанской границе скопились крупные силы бандитов, и они готовятся к переходу границы, что в Цумадинском и Ботлихском районах на господствующих высотах ичкерийские специалисты устанавливают ретрансляторы для оперативной связи. В своих публичных высказываниях о вероятности вооруженного конфликта говорили Секретарь Совбеза РД Магдигаджиев и министр ВД РД Магомедтагиров, об угрозе войны публично заявил и мэр города Махачкала Саид Амиров.

* * *

Между тем, в мае 1999 г. толпа, ведомая братьями Хачилаевыми, в которой лидировали ваххабиты, захватили и разгромили здание Госсовета, Парламента и правительства Республики Дагестан и, сбросив государственный, водрузили на его крыше свой флаг. Было выдвинуто ряд политических условий руководству РД. Прибывший в Махачкалу министр ВД Сергей Степашин «во избежание масштабной гражданской войны» урегулировал конфликт мирным путем. Виновники грабежа и беспорядков остались безнаказанными.

На самом же деле мирным путем этот конфликт урегулировал Председатель Госсовета РД М. Магомедов. Он под дулами автоматов, направленных на него, один вошел в захваченное здание и уговорил бунтарей покинуть его.

В конце июня 1999 года лидер дагестанских ваххабитов Багауддин со своим отрядом вошел в села Хвайни и Инжовари, в приграничные с Грузией Сантлада и Эчеда, а также в несколько хуторов и спокойно базировался там. В августе Багауддин вошел в цумадинский район, сопровождаемый, в основном, цумадинцами. В его отряде были также арабы, лакцы, даргинцы, жители Гунибского района (газета «Зов предков», 2001 г. №2-3 (30).

Однако российские спецслужбы не принимали никаких мер против чеченских и дагестанских сепаратистов и экстремистов, которые готовились насильственным путем совершить государственный переворот в Дагестане и отторгнуть его от Российской Федерации. Российским силовым структурам нужна была вторая война в Чечне. Она нужна была не только генералам, но и офицерам всех рангов. Начиная прапорщиками и кончая высшими офицерами Министерства обороны, ФСБ, МВД. Они наживали себе богатства на крови и слезах матерей чеченского и российского народов. Сюда по несколько раз в командировку приезжали милиционеры и наемники со всех регионов России. Добровольно. Больше того, они давали взятки своему начальству за командировку в Чечню. У себя в России они получали мизерную зарплату. В Чечне же им платили многократно увеличенные оклады. За убийство ни в чем не повинных мирных жителей.

Кроме того, здесь можно было вдоволь заниматься грабежом и мародерством. Вымогать деньги у жителей на блокпостах. В любое время суток заходить в село, врываться в дома, насильно уводить или похищать людей, чтобы получить за них большой выкуп. Чеченцев расстреливали, подвергали нечеловеческим пыткам в изоляторах Ханкалы, в Чернокозове. И не только там. У каждой воинской части, на каждом блокпосту имелись свои собственные зинданы – подземные тюрьмы, где невинных людей подвергали бесчеловечным, зверским пыткам. Трупы возвращали родственникам за большие деньги. Или закапывали, чтобы человек исчез бесследно.

ОКУНЧАЕВ Ш.: «- Особенно зарабатывают на задержанных, выявляют более или менее зажиточных, подбрасывают наркотики, оружие. Увели, избили, чтобы еле живой остался – извольте платить выкуп. А тут ставки огромные – от 5000 и выше, даже за покойника... Первые задержания с целью выкупа федералы начали практиковать еще в первую чеченскую войну 1994-1996 гг. Когда 14 мальчишек-ополченцев у селения Курчалой были расстреляны в упор, генерал Шаманов выдал трупы за деньги. Ни одного задержанного без выкупа не выдавали и не выдают. Тот же Шаманов в 1995 году дважды окружал Курчалой для «зачисток», и каждый раз люди собирали деньги, покупали автоматы и откупались. То же самое творилось и в других селах». («Возможен только мирный путь». «Объединенная газета», июль 2001 г. №11).

АНДРЕЙ ПИОНТКОВСКИЙ, «Новая Газета»: «- По свидетельствам правозащитников, в Чечне более тысячи российских граждан были похищены представителями силовых структур во время так называемых зачисток. Они либо бесследно исчезали, либо их обезображенные пытками тела были проданы родственникам погибших... На днях прокурор Чеченской Республики заявил, что нет, не более тысячи. А всего несколько сотен граждан России были похищены военными во время зачисток...» (Газета «Зов предков», №1-4 (34), май 2003)

Задерживали и расстреливали молодых людей, потом объявляли, что они были боевиками или террористами, что во время задержания они оказали сопротивление. На месте обнаружены столько-то автоматов, пулеметов, гранатометов и т.д. За такую «боевую операцию» федералы получали «боевую надбавку» к зарплате. Или же в основном сами закапывали или подкладывали фугасы на обочинах дорог и в разрушенных домах и сами объявляли о своих находках, о предотвращении теракта. Все это снималось на камеру. Или ежедневно в лесах обнаруживали по несколько схронов оружия, блиндажи, лагеря боевиков. Потом объявляли, что все это путем взрыва уничтожено на месте. И никто не проверял такие факты. Но за

такие выдумки и сказки федералы получали боевую надбавку, а то и звания и награды. У высшего офицерства, разумеется, были другие масштабы. Они воровали нефть, военное имущество, драгоценности.

КАЛЯПИН И., КУРСКОВ А., ШИМОВОЛОС С.: «- В Грозном поселок Мичурина почти весь уцелел. Пришли солдаты, согнали жителей трех пятиэтажек в подвалы, заминировали выходы и двое суток держали людей в подвале, пока все квартиры до нитки не обчистили... Награбленное сначала грузят в вертолеты, потом перегружают в железнодорожные эшелоны. Часто после этого поджигают дома, чтобы следов не осталось». (Газета «Право-защита», июль 2000г., №2 (39).

КОВЫКОВ А.: «- Военной прокуратурой Владикавказского гарнизона возбуждено первое уголовное дело по факту мародерства спецназовцев элитной 22-й бригады Внутренних войск, дислоцирующейся в г.Калач-на-Дону Волгоградской области.

Среди подозреваемых (фамилии в интересах следствия пока не разглашаются) трое удостоены звания Героев России, а более двенадцати награждены орденами и медалями за героизм в ходе антитеррористической операции в Чечне. Из источников в пресс-службе МВД по Северной Осетии, выходящая из района боевых действий колонна «Камазов» была остановлена на одном из блокпостов сотрудниками военной прокуратурой и осетинским ОМОНОм для плановой проверки. В кузове одного из грузовиков были обнаружены совсем невоенные вещи: ковры, видео и аудиотехника, большое количество изделий из драгоценных материалов, коллекционное оружие. Все добро на сумму порядка 120000 долларов США. На вопрос работников прокуратуры о происхождении и хозяине ценного груза солдаты, сопровождающие колонну, сказали, что вещи принадлежат одному из командиров батальона. Тот, в свою очередь, заявил, что его «подставили». (Александр Ковылков. «Элитная бригада спецназа мародерствовала в Чечне. Среди подозреваемых есть Герои России». «Комсомольская правда», 8 июня 2000 г. «Право-защита» июль 2000 г., №2 (39).

Одним словом, за преступления против мирного населения, за имитацию войны и «контртеррористическую операцию» в Чечне военные в разной степени наживали себе огромные богатства, им присваивали новые звания, их награждали орденами и медалями, вплоть до Героя России. В эти преступления против чеченского народа были вовлечены служащие силовых структур всех регионов и представители всех национальностей России. В Чечне они проходили школу палачей и убийц.

РЫБКИН И.: «- Более миллиона человек прошли через Чечню. Все они со страшным опытом и совершают абсолютное большинство тяжких преступлений. 14,5 тысяч солдат и офицеров погибли на поле боя, умерли от ран, покончили жизнь самоубийством. Мы должны быть честными в анализе, тогда и решение будут адекватными. Простой вопрос – почему молодые чеченские женщины, которым надо любить и детей рожать, с поясом шахида приходят сюда? Потому что дальше люди терпеть не могут. «(Иван Рыбкин. «Природа конфликта в Чечне – сепаратизм». Интервью «Новой газете». Газета «Зов предков» (РД), №1-4 (34) май 2003г.).

* * *

Варварские действия федеральных войск в нынешней войне в Чечне напоминают действия русской армии в Чечне в годы Кавказской войны, описанные Л.Н.Толстым в повести «Набег»:

«Генерал въехал в аул; цепи тотчас же усилили, отодвинули, и пули перестали летать.

«Ну что ж, полковник, - сказал он, - пускай их жгут и грабят: я вижу, что им ужасно хочется», - сказал он улыбаясь.

Голос и выражения его были такие же, с которыми он у себя на бале приказал бы накрывать на стол; только слова другие. – Вы не поверите, как эффектен этот контраст небрежности и простоты с воинственной обстановкой.

Драгуны, казаки и пехота рассыпались по аулу. – Там рушится крыша, выламывают дверь, тут загорается за-

бор, сакля, стог сена, и дым расстилается по свежему утреннему воздуху; вот казак тащит куль муки, кукурузы, солдат – ковер и двух куриц, другой – таз и кумган с молоком, третий навьючил ишака всяким добром; вот ведут почти голого испуганного дряхлого старика чеченца, который не успел убежать.

...Вернувшись в свой аул, Садо нашел свою саклю разрушенной; крыша была провалена, и дверь, и столбы галерейки сожжены, и внутренность угажена. Сын же его, тот красивый, с блестящими глазами мальчик, который восторженно смотрел на Хаджи-Мурата, был привезен мертвым к мечети на покрытой буркой лошади. Он был проткнут штыком в спину. Благообразная женщина, служившая во время его посещения Хаджи-Мурату, теперь, в разорванной на груди рубаше, открывавшей ее старые, обвисшие груди, с распущенными волосами стояла над сыном и царапала себе в кровь лицо, и не переставая выла. Садо с киркой и лопатой ушел с родными копать могилу сыну. Старик-дед сидел у стены разваленной сакли и, строгая палочку, тупо смотрел перед собой. Он только что вернулся со своего пчельника. Бывшие там два стожка сена были сожжены; были поломаны и обожжены посаженные стариком и выхоженные абрикосовые и вишневые деревья и, главное, сожжены все улья с пчелами. Вой женщин слышался во всех домах и на площади, куда были привезены еще два тела. Малые дети ревели вместе с матерями. Ревела и голодная скотина, которой нечего было дать...

Старики помолились и единогласно решили послать к Шамилю послов, прося его о помощи, и тотчас же принялись за восстановления нарушенного». (В.Шкловский. Лев Толстой. ЖЗЛ, Москва, 1963 г., ст. 159-160).

Армия нынешней «демократической» России в конце XX и начале XXI веков действует в Чечне в том же варварском духе, что и царская армия в XIX в. Разница только в том, что нынешняя российская армия применяет против мирного чеченского народа все виды самого суперсовременного оружия массового уничтожения. Люди не могли

спасаться от него в лесах, горах, ущелья и пещерах, как спасались их предки в середине XIX века.

Что же касается грабежа... Служащие нынешних силовых структур России, устраивая массовой грабеж под видом «зачисток», не таскают «кур, мешки с мукой, кукурузой, кумганы с молочком, не увозят награбленное на ишаках». Они более алчны и ненасытны, награбленное увозят на военных грузовиках, вертолетах, в железнодорожных эшелонах. Описав жестокость царских генералов в Чечне в XIX веке, великий писатель обращается к человечеству с вопросом, на которое чеченский народ по сей день справедливо требует ответ:

«На чьей стороне чувство самосохранения и, следовательно, справедливость: на стороне ли того оборванца, какого-нибудь Джемби, который, услышав о приближении отряда, почти голый выскочил из своей сакли, навязал пук зажженной соломы на палку, машет ею и отчаянно кричит, чтобы все знали об угрожающем несчастье. Он боится, чтобы не вытоптали кукурузу, которую он посеял весной, и на которую он с трудом пустил воду, чтобы не сожгли стог сена, который собрал в прошлом году, и саклю, в которой жили его отцы и прадеды. Этот Джемби с проклятием снимает со стены старую винтовку и с тремя-четырьмя зарядами в заправках, которые он выпустит недаром, побежит навстречу гяурам... - в бессильной злобе, с криком отчаяния, сорвет с себя оборванный зипунишко, бросит винтовку на землю и, надвинув на глаза папаху, запоет предсмертную песню и с одним кинжалом в руках, очертя голову, бросится на штыки русских...» (там же, с. 158).

Здесь В.Шкловский от себя делает вывод: «Бессмысленная жестокость побуждает жителей аула обратиться за помощью к Шамилю».

То же самое, что писали Л.Н.Толстой и его биограф В.Шкловский о войне в Чечне в XIX в., повторяется здесь в конце XX и начале XXI в., но в более изощренном, варварском виде. Говорят, что любой здравомыслящий военачальник или политик, планирующий военную операцию,

всегда стремится уменьшить количество своих врагов и увеличить своих союзников. А вот российские политики и генералы во все времена своими бессмысленными жестокостями, наоборот, сознательно увеличивают число своих врагов и уменьшают союзников, тем самым ведя Россию к пропасти.

Депутат Госдумы Ф.Сафиуллин в своем интервью «Объединенной газете» говорил, что «наша «победоносная» российская армия в значительной степени сама провоцирует войну своим поведением... Показывает по телевидению сцену похорон омоновцев и звучат слова: «Мы поедим туда и отомстим!» Кому они собираются мстить? Только мирному населению. Поэтому война фактически приобретает антинародный характер. А такую войну нельзя выиграть. Даже уничтожив народ» («Объединенная газета», июль 2001 г., №11).

ИСРАИЛОВ ХУНКАРПАША, полевой командир, участник Кизлярского рейда: «- Уверен, Россия и дальше будет продолжать боевые действия, будут бомбить населенные пункты. У меня нет ненависти к русскому народу, но хочу предупредить, что тогда и я проведу военную операцию на территории России. И никакие приказы боевым командирам не будут нужны. Они начнут действовать самостоятельно. Они видят, что уничтожается их народ, и идут на явную смерть. Недавно обстрелом из установки «Град» был разрушен 81 дом в селение Верхнее Суворово. Как мы можем быть равнодушными, когда с лица земли стирают целые села?» («Общая газета», 25-31 января 1996 г., №3 (131).

* * *

Итак, в XIX в., в глазах российского высшего общества, герои повестей Л.Н.Толстого «Набег» и «Хаджи-Мурат» Джема и Садо (а в их лице и весь чеченский народ) были «разбойниками», «дикарями», «кровожадными хищниками».

«Жизнь чеченца, - писал военный очеркист Дидимов, современник Л.Н.Толстого, - уподобляется жизни зверя,

который везде и во всем действует по влечению одного инстинкта... Вообще все чеченцы, как кровожадные звери, при нападении на аулы их... мало думают о защите такового, а устремляют все усилия, чтобы непременно пролить кровь...» (Кровяков Н., Шамиль, Москва, 1941 г.)

В 40-х годах XX в., чтобы оправдать бесчеловечный акт, совершенным над чеченским народом 23 февраля 1944 года, сталинско-бериевский режим без всякого, малейшего на то основания, объявил его изменником Родины, пособником фашистской Германии и т.д.

В многонациональном российском государстве или «многонациональной семье народов России» по численности чеченский народ занимает четвертое место.

И вот, в конце XX века, когда кучка чеченских сепаратистов (поощряемых Кремлем) провозгласили Чечено-Ингушскую Республику суверенным государством, российские власти объявили своего «равноправного члена многонациональной семьи народов России» - чеченский народ - «сепаратистом», «экстремистом», «бандитом», «террористом». Начали войну против собственного народа, против «равноправного члена своей семьи».

В этой войне, которая продолжалась и в начале XXI века, погибли более двухсот тысяч мирных жителей – женщины, дети, старики. И не только чеченцы, но и русские, украинцы, армяне, евреи, дагестанцы, представители других народов. Более полумиллиона жителей республики, спасаясь от смерти, разбрелись по всему свету.

Война сделала калеками десятки тысяч людей, большинство из которых - дети. До основания разрушила столицу республики Грозный, один из крупных и цветущих городов Северного Кавказа. Превратила в руины десятки тысяч домов в городах Аргун, Шали, Гудермес, Урус-Мартан, других крупных населенных пунктах республики. Опустели десятки населенных пунктов в горных районах, где действовали «эскадроны смерти».

И, чтобы оправдать в глазах мирового сообщества этот государственный террор над собственным народом, российские власти объявили Чечню центром международного терроризма, наркоторговли, работорговли и т.д.

Если судить по международным законам о войне, в данной войне Россия является агрессором, оккупантом, при этом сверхдержавой, которая развязала преступную, варварскую войну против малочисленного, беспомощного собственного народа. А чеченский народ – жертвой этой войны, защищающий свою свободу, свои человеческие права жить и трудиться на своей родной земле, на земле своих предков.

Тем не менее, бойцов «Сопrotивления» российские власти объявили «бандитами» и «террористами», а федеральных военнослужащих, которые устроили в Чечне кровавую бойню – защитниками Отечества, целостности «единой и неделимой России», защитниками ядерной сверх державы от «оборванца Дджеми». Их чествуют, награждают, им присваивают высокие звания Героев России, им щедро платят из скудной российской государственной казны, т.е. из кармана нищенствующего народа, им возводят памятники.

ОРДЖОНОКИДЗЕ Г.К.: «- Положение горцев до революции было самое ужасное. Горцы находились почти вне закона. Горцев считали только разбойниками, и за убийства горца почти не привлекали к ответственности. За самое малейшее проявление протеста целый аул подвергался экзекуции...»

Чеченский народ находился вне закона не только при царизме, но и при советской власти в 1944-1956 гг. во время ссылки в Казахстан и Среднюю Азию. Снова вне российских законов он поставлен и с 1992 года. В Чечне убивают простых людей десятками тысяч, и убийц не привлекают к ответственности. Нередко мирных жителей расстреливали по приказу и в присутствии генералов из высшего командного состава, причем, Героев России.

ПОЛИТКОВСКАЯ А.: «- 8 августа 2000 г. на дороге между Урус-Мартаном и Гохами, прямо у блокпоста, на фугасе был подрван БТР – погибли пятеро военных – и в селе

началась операция возмездия. Федералы забрали по домам восемьдесят мужчин и согнали их на поле – там был «фильтр», фильтрационный пункт. Большая часть «фильтруемых» вернулись с поля живыми, но сильно «отфильтрованными» – побитыми и изуродованными, за их освобождения семьи должны были принести федералам автоматы... Операция возмездия закончилась так. Командиры ее решили к вечеру расстрелять пять гехинцев – за пятерых погибших с утра в БТРе. И казнь свершилась. Пятерых выбрали произвольно. По свидетельству очевидцев, старшими командирами на поле под Гехами 8 августа были три знаменитых генерала. Первый – теперь уже бывший командующий внутренними войсками (ВВ МВД РФ) Тихомиров. Второй – бывший командующий ВВ Северо-Кавказского округа Лабунец. Третий – комполка (245-го мотострелкового) Недобитько. Все трое – Герои России.

Как утверждают свидетели (выжившие мужчины-гехинцы), именно Лабунец сначала собственноручно избивал Али, старшего Мусаева, а потом распорядился расстрелять пятерых «этих» за пять «наших», причем исполнить казнь показательно – на дороге, на месте сработавшего фугаса. Другие генералы – Тихомиров и Недобитько – были рядом с Лабунцом, все знали, видели, слышали – и не препятствовали. А 11 августа по НТВ прошел сюжет, где Али Мусаев, будто бы уничтоженный «нашими» боевик, лежит в майке с пистолетом в руках. (Анна Политковская. «Наградотряд. В казни безвинных братьев Мусаевых приняли участие три генерала. Тоже – Герои России» «Новая газета», №01 (1026) 10. 01. 2005 г.).

* * *

Я отнюдь не утверждаю, что федеральные войска, действовавшие в Чечне, состоялись из одних лишь убийц, грабителей и мародеров, а чеченские боевики – сплошь безгрешные ангелы. Среди последних тоже имелось немало преступников.

Однако по отношению к чеченским и федеральным военным преступникам российское правосудие применяло, как говорится — двойные стандарты. Чеченцев, задержанных при «зачистках» или на блокпостах, даже ни в чем неповинных, обвинив во всех смертных грехах, приговаривали к большим срокам, от 10 лет до пожизненного заключения, а тысячи военнослужащих федеральных войск, совершивших тяжкие уголовные преступления против мирного населения, даже не привлекали к уголовной ответственности. А если дела отдельных военных преступников по настоянию адвокатов и пострадавших попадали в суд, их оправдывали, освобождали от ответственности прямо в зале суда. Насколько мне известно, за 1994-2004 гг. за преступление, совершенное против мирного населения в Чечне, был наказан только один единственный человек. Полковник Ю.Буданов, который изнасиловал и убил 18-летнюю чеченскую девушку, был осужден на 10 лет. Судебный процесс над оборотнем в погонах продолжался два года. Покровители Буданова из Минобороны и генштаба требовали от суда оправдания преступника, национал-патриоты устраивали пикеты у здания суда с криками «Прочь руки от русского офицера!».

ЯКОВ ПАЛЕРИЙ: «На минувшей неделе ростовский суд оправдал очередную группу убийц в погонах, представлявших в Чечне федеральные силы. Тем самым нам всем еще раз продемонстрировали, что в расстреле мирных людей на территории Чечни состава преступления нет. Совсем недавно в этом же суде были оправданы спецназовцы ГРУ, которые под руководством капитана Ульмана расстреляли шесть ни в чем не повинных человек, а затем подожгли машину с их телами, имитируя наезд на фуру. В числе убитых были директор школы, завуч, женщина-инвалид, ее племянник... Спецназовцы якобы выполняли чей-то приказ. А значит, по логике суда, не могут нести ответственности за убийство. На Нюрнбергском процессе, помнится, при вынесении приговора считалось, что исполнение преступного приказа не освобождает от

ответственности. В нашем процессе убийц освободили прямо в зале суда под аплодисменты национал-патриотов.

Суд минувшей недели не нашел вины уже в действиях лейтенантов внутренних войск Худякова и Аракчеева, которые без всякого приказа, просто так – от скуки и водки – расстреляли троих чеченских строителей, бросили их тела в машину и подорвали ее, заметая следы. Оправданных офицеров тоже освободили прямо в зале суда.

Когда в Ростове выносили оправдательный приговор нашим «хорошим убийцам» в погонах, в Пятигорске судили бывшего префекта Шатоя Ибрагима Ибрапилова. Его обвинили в том, что он передал террористам взрывчатку, которая была использована для подрыва электрички в Минводах. Сам Ибрапилов не убивал. Но это его не спасло от сурового приговора – 20 лет особого режима. Приговор, возможно, справедлив, но почему он в этом случае суров, а в истории с «хорошими убийцами» так гуманен?

Когда я в качестве добровольного заложника находился в больнице Буденовска, захваченной Басаевым, а затем ехал в колонне автобусов с заложниками в Чечню, меня охраняла террористка Раиса Дунаева. Бывшая воспитательница грозненского детсада, она в отряде Басаева служила медсестрой, а в Буденовске оказалась без ведома того, куда ее везут. То есть по приказу. Во время этого рейда она всем оказывала помощь в качестве медсестры, в том числе и заложникам. Ни в кого не стреляла. Никого не убила. Ее арестовали уже во время второй чеченской войны, в которой она не принимала участия. Два года назад судили. И дали немалый срок – 11 лет особого режима.

Еще более суровый приговор вынесен террористке Мужухоевой, которая не выполнила приказ боевиков – не стала взрывать автобус в Моздоке, не взорвала сумку с бомбой в Москве и после задержания пошла на сотрудничество со следствием, выдав всех боевиков, каких только знала. Но она тоже получила максимальный срок – 20 лет особого режима. Если эти приговоры считать справедли-

шим, то как же тогда понимать оправдание убийц в пагонах, отпущенных на волю, ростовским судом? Неужели они правы лишь потому, что «наши»? Правы, даже убив». (Яков В. «Герои или убийцы?» Газета «Голос Чеченской Республики», июль 2004 г. №13 (211006).

* * *

В первую чеченскую войну в России существовало мощное антивоенное движение. Участники движения требовали от правительства прекращения бессмысленной, варварской, истребительной, грабительской войны в Чечне. Войны, которой гибнут десятки тысяч россиян с обеих сторон, на которую правительство тратит триллионы рублей из кармана нищего российского народа.

В 1996-1999 гг. «партия войны» в России с помощью средств массовой информации и спецслужб сумела зомбировать народные массы, убедить их в том, что виновником всех бед россиян является чеченский народ, который ведет бандитскую, террористическую войну против России. И, чтобы защитить от него целостность «единой, неделимой России», (ядерной сверхдержавы), правительство вынуждено вести «контртеррористическую операцию» в Чечне. А она, естественно, не обходится без финансовых и материальных потерь, без людских жертв.

И, по своей природе рабски послушные, покорные и терпеливые, россияне поддались лживой пропаганде российских поджигателей войны (в противоположность россиянам, по своему характеру чеченцы легкомысленны, легковерны, доверчивы, их легко обмануть) и стали равнодушно взирать, как правительство возобновило бессмысленную войну в Чечне, и то же время, месяцами, а то и годами не получая зарплату и пенсии, продолжали терпеливо впадать нищенскую жизнь.

Правда, в некоторых регионах России, путем голодовки рабочие требовали от хозяина и государства выплаты задолженности зарплаты, а пенсионеры собирались на площадях городов, с требованиями повысить им пенсии и выплаты по социальным льготам, но отнюдь не требо-

ваниями прекращения войны в Чечне, которая и была причиной всех их бед и крайней нищеты...

Поджигатели войны в Чечне уже привыкли к запаху людской крови. В их карманах кровь эта превращалась в золото, в миллиарды долларов. И потому они тщательно готовили вторую чеченскую войну. Именно потому высшее политическое руководство закрывали глаза на то, как генералитет, финансовые и промышленные олигархи и прочие криминальные группировки готовили эту войну. Они задолго до самих событий знали, что интернациональные отряды дагестанских и чеченских лидеров ваххабитов готовят вторжение в Дагестан с территории Чечни, ибо сами были авторами этого сценария.

РЫБКИН ИВАН, бывший Секретарь Совета безопасности РФ: - Подошел 1999 год, нападение на Дагестан. Никто не говорит, что на следующий день Масхадов осудил это нападение, предложил во Владикавказе встретиться, воссоздать «дикую дивизию» - многосторонние кавказские миротворческие силы, чтобы обуздать экстремистов. Единственное, что он попросил, - гарантия безопасности при проезде во Владикавказ. Никто не откликнулся, этот факт просто замолчали. Партия войны в Чечне сильна, но она есть и здесь». (РД. Газета «Зов предков», №1-4 (34), май 2003 г. Из интервью «Новой газете»).

ЧАЯШИНСКИЙ ИБРАГИМ: - «Когда Радуев захватил село Первомайское, Верховный главнокомандующий заявил о том, что бандиты перестреляли всех заложников и потому против них надо применять «Град» и фронтовую авиацию. Как же можно было не поверить Верховному главнокомандующему? У него же – разведка, спецсвязь и куча всевозможных помощников, которые докладывают об обстановке чуть ли не из вражьего логова. Стали бомбить село и забрасывать ужасными снарядами. Камня на камне не оставили. И что же?! Ушли радуевцы. И Радуев ушел, окруженный со всех сторон чуть ли не целой дивизией.

Перед началом Карамахинской операции бывший министр внутренних дел России Владимир Рушайло заявил, что операция в Кадарской зоне завершится самое позднее

к запрашиваему вечеру. Долго бомбили анклав ваххабизма. Всякий раз высокопоставленные военные заявляли, что завтра начнется последний и решительный штурм. В мировой истории трудно припомнить что-нибудь подобное. Великая держава пыталась победить жителей двух осеп, находящихся в полном окружении, используя при этом самое новейшее вооружение, вплоть до штурмовой авиации. И ничего. Ничего не могла с ним поделаться в течение целого месяца... И завершилась ситуация в Карамахах по известному сценарию. Боевики прорвали оцепление и рассеялись по горам. Это казалось невероятным, учитывая количество войск и техники, сосредоточенных в том районе.

Потом было вторжение в Дагестан. О том, что вооруженные формирования из мятежной республики готовы напасть на Дагестан, не знали только в Гондурасе. Весь остальной мир знал. Москва и Махачкала получали даже документальные факты готовящегося вторжения, но вместо того, чтобы укреплять границы, федеральное правительство непосредственно перед нападением вывело из республики воинские подразделения. Чем продиктовано было такое решение, не знали только в Гондурасе. Весь остальной мир догадывался, но помапкивал. Ему-то что? А вот Москва и Махачкала пытались объяснить этот маневр стратегической целесообразностью.

Бывший премьер-министр Степашин в первый же день отражения атаки боевиков заявил, что в ходе этой операции не пострадают не только мирные люди, но даже воинные. Наверное, он имел в виду, что от боевиков не пострадают. Сразу после его выступления штурмовая авиация нанесла массированный ракетно-бомбовый удар по собственным позициям. Погибли милиционеры, которые не знали, что опасность подстерегает их не только со стороны чеченской границы, но и с воздуха. Военные откровенно признавались в том, что они не в силах справиться с боевиками. Они хорошо вооружены и лучше подготовлены.

— Но, черт вас возьми! — хотелось воскликнуть. — У вас

же целое Министерство обороны! У вас же Генеральный штаб. У вас регулярная армия! Как вы не можете справиться с теми, кто еще вчера были трактористами, учителями, студентами? Их, в лучшем случае, две тысячи. Об этом докладывает ваша разведка. Они – сторона нападающая. Нападающие по законам войны должны иметь, как минимум, пятикратное превосходство. Федеральных же войск вместе с подразделениями Министерства внутренних дел задействовано больше двадцати тысяч. Не в этом ли парадокс? А если бы напал Китай и ввел миллионную армию?

Из Ботлиха боевики уезжали на «Камазах». Впереди ехал Басаев на джипе. Замыкал колонну Хаттаб на «Лендровере». Тому есть много свидетельств. Боевики так же ушли из Новолакского района. Рассказывали, что они организованной колонной выходили на территорию Чечни, и никто им не препятствовал в этом. Над ними летали боевые вертолеты, но не произвели ни одного выстрела. Пресса писала о тысячах уничтоженных ваххабитов. В реальности же их погибло на порядок меньше...» (Газета «Московский комсомолец в Дагестане». 17-24 ноября 2004 г.).

Полевой командир Хункар Ибрапилов в своем интервью «Общей газете» говорил: «Когда мы выехали с места дислокации, то по всем рациям российских военных передавалось, что наша группа направляется в Дагестан. Мы приехали в Кизляр колонной автомашин, полностью загруженных боеприпасами и оружием. По всем постам передавали, что мы движемся в направлении Кизляра для совершения теракта в России. Знали даже мою фамилию и количество бойцов в моем отряде. Были моменты, когда нам преграждали дорогу, но серьезных препятствий не встречали» «Общая газета», 25-31 января 1996 г., №3 (131)».

* * *

Авторы дагестанского сценария вовсе не думали уничтожать интернациональные отряды Басаева и Хаттаба, тем более самих лидеров этих отрядов. Со своими отря-

дами они нужны были в Чечне. Они сами и лидеры дагестанских ваххабитов. Чтобы развязать там новую, уже вторую, чеченскую войну.

В «стратегический» план поджигателей войны входила и другая задача - натравить друг на друга братские дагестанский и чеченский народы. Чтобы они своими руками уничтожили друг друга. Российские спецслужбы и руководство РД организовали в городах и селах митинги и сходки населения, где заранее подготовленные ораторы с пеной на губах подвергали огульному поруганию чеченский народ, называя его «бандитом», «агрессором», «окупантом», «террористом», «фашистом» и т.д. Некоторые наиболее агрессивные настроенные ораторы требовали от федеральных властей стереть чеченский народ с лица земли, иначе, говорили они, не будет мира не только на Кавказе, но и во всем российском государстве. Разумеется, вся эта античеченская истерия распространялась по центральным и республиканским СМИ.

В ответ на Обращения Госсовета РД к народу встать на защиту родной земли от «чеченских агрессоров», на митингах мужчины клялись, что уничтожат «чеченских бандитов» до последнего человека, что они найдут могилы на дагестанской земле. Через неделю после начала событий набралось 25 тысяч добровольцев. Они потребовали от республиканских властей и командования федеральных войск оружия, хотя в Дагестане у каждого третьего мужчины дома хранилось современное стрелковое оружие. Однако они не торопились вступать в бой с «чеченскими бандитами». Мудрые дагестанцы вскоре поняли, что федералы вовсе не собираются уничтожать здесь «чеченских агрессоров». Они подвергали дагестанские аулы ракетно-бомбовым ударам и обстрелу только тогда, когда из них выходил последний боевик. Очевидцы говорили, что Басаев регулярно ночует в своем доме в Ведено, а в Дагестан на войну ездит по утрам на джипе. Как на работу. Его поделец Хаттаб, женатый на дагестанке, неоднократно бывал у родственников жены в Кадарской зоне и в других населенных пунктах республики («Вер-

сия», №4 (128). Потому дагестанские добровольцы, которые клялись в первые дни дагестанских событий не выпустить из Дагестана ни одного живого «чеченского бандита», не торопились вступать с ними в бой, а под прикрытием военной авиации плелись на хвосте федеральных войск.

ИБРАГИМ ЧАЯШИНСКИЙ: « - «Центральные СМИ сетовали на то, что жители захваченных сел не оказали захватчикам достойного сопротивления. Интересно, как можно оказать сопротивление в подобной ситуации и чем? Лопатами, что ли? Федеральные войска несли большие потери. Просто чудо, что боевики не ворвались в Хасавюрт. Скорее всего, это не входило в их планы».

Мудрый народ избирает себе мудрого вождя или Совет мудрых людей и подчиняется им. Эти мудрые люди создают для своего народа мудрые законы, а народ подчиняется этим законам. В такой стране, где правят мудрые люди, всегда властвуют мир, спокойствие и благоденствие. Такой народ пользуется уважением у соседних и дальних народов.

Но чеченцам исторически чужды были эти элементарные истины, и потому они всегда становились жертвами чужих интересов.

Говорят, предки чеченцев, когда их спрашивали, кто у них князь, отвечали: «Мы все князь!» То есть, они все равны, свободны, независимы и никому не подчиняются. На самом же деле чеченец не подчинялся только своему сородичу. Он рассуждал очень просто: «Почему я должен подчиняться Ахмеду? Чем он лучше меня?». Потому чеченцы никогда не были свободными, зависели от чужестранцев, ими правили представители других кавказских народов.

Поджигатели войны в Чечне учли духовную отсталость чеченского народа, сохранившиеся у него пережитки патриархально-родового общественного строя, т.е. существование у чеченского народа тейпового деления, многочис-

ленных религиозных течений и сект, противоречия между теми и другими. Его исторически крайне тяжелое социально-экономическое положение, политическое бесправие, обиды на российско-советское государство и другие факторы. Учли его доверчивый, легкомысленный, добродушный, милосердный, и в то же время свободолюбивый, буйный, неукротимый, гордый, вспыльчивый, воинственный характер. Эти черты национального характера были причиной всех исторических трагедий чеченского народа.

Потому, в 1991 году у чеченского народа не хватило мудрости, а у руководителей республики – мужества, чтобы избежать надвигавшейся тогда на их землю великой трагедии.

1974 - 2005 г.г.

Перевод Усмана ЮСУПОВА

В ДЕНЬ СМЕРТИ СЫНА (рассказ)

Интересно, как бы вели себя люди, если бы знали наперед, что принесёт им завтрашний день.

Не ведая этого, они суетятся, ищут какие-то постоянные блага, как будто собираются жить на этой земле целую вечность.

Не прошёл и десяток дней с тех пор, как сердце мое, этот иссохший сгусток мышц, билось спокойно и равномерно, без вялости, усталости, без тени тоски. Только десять дней назад я возводил эту изгородь, крепко вбивая в землю дубовые колья и переплетая их грабовыми прутьями. К вечеру я закончил работу и, безмерно довольный её результатом, любовно взглянул на совершенно крепкую ограду, поплевал, чтоб не сглазить. Кто бы мог подумать тогда, что завтра же утром кто-то разрушит эту красоту и пробьёт в ней такую брешь, через которую свободно сможет проехать арба, запряженная парой волов? Кто бы мог подумать, что чесночные грядки, за день до этого прополотые моей старухой в поте лица, в один миг растопчут, и её маленький огородик превратят в площадную твердь?

Да, на сердце было ясно и солнечно, как в летний полдень, когда на небе ни облачка. Всё радовало душу и глаз... Если не считать старость. Она-то, конечно, даже слишком часто напоминала о том, что уже не отойдёт от меня и что крепко держит в своих дряхлых, но цепких руках мой завтрашний день. Даже в зеркало смотреть боязно. Голова-то бела, словно украшенная серебряной пылью. Мои жгучие глаза, на которых когда-то давным-давно, когда я и моя старуха были лет на 50 моложе, останавливался томный взгляд юных красавиц, потускнели и впали. На них легла какая-то муть, как тяжёлый туман на горное ущелье. Чтобы взглянуть на собеседника, приходится сооружать над ними козырёк из ладони. Цвет лица не радует. Да и само лицо с каждым днём морщится, удлиняется и заостряется, покрывается всё новыми морщи-

нами. С этим-то ладно, борода как-то ещё скрывает следы времени на лице. Только вот лоб... На нем выведен, словно вырезан, каждый день моей жизни, здесь прожитые годы нарисовались с такой отчётливостью, что буквально кричат о себе. И сам лоб так разительно похож на каменный чурт, изготовленный беспристрастным мастером.

Смерть не за горами. Всё и вся каждый Божий день свидетельствует об этом. Но я почему-то не жду её так скоро. Всё время откладывал её визит на завтра, на послезавтра. Через год, десять лет. И старость свою считал слишком уж преждевременной. Потому что в жизни моей было много такого, после чего седина, старость и даже смерть никого не удивили бы. С самого рождения горести и беды неотступно следовали за мной, с завидным постоянством сменяя одна другую.

В страшные годы установления Советской власти в бою с полчищами Деникина под Цоцан-юртом в один день погибли мои отец и брат.

Потерять в один день отца и брата и остаться одному на этом свете, это, скажу я вам, удар не из лёгких. Смерть родных от болезни, в собственной постели, воспринимаешь не так тяжело. А их убили. Никогда не забуду день, когда я добирался домой, положив на арбу, запряжённую парой вепсов, трупы дорогих мне людей, ещё вчера таких сильных и здоровых. Но не даром говорится, что нет лучшего лекаря, чем время. Если бы время не залечивало раны, нанесённые им же, все люди давно по сходили бы с ума. Иные раны она лечит, награждая человека успехом, удачей, счастливым подарком, другие же оглушая несчастного новыми бедами, по сравнению с которыми вчерашнее горе кажется ему ничего не значащим пустяком.

Именно это второе и произошло со мной. Беды, наваливавшиеся на меня одна за другой, как бы стирали в моей душе предыдущие. Что только не покажут 75 лет? 5 из них были для меня длиннее и горше 15 тысяч. Когда этот шакал Гитлар напал на нашу Родину, двое моих сыновей ушли на войну. И оба погибли. Один на берегах Волги, у

Талинграда, другой - в сражении с Японом, где-то далеко на востоке, возле города под названием то ли Гарбал, то ли Харбар, где когда-то в царские времена погиб родной брат моего отца.

Нет у них могил, над которыми я мог бы постоять. Сохранились фотографии сыновей - оба с офицерскими погонами на плечах, увешанные орденами и медалями. Письмо командира старшего, в котором тот сообщает о его смерти, мы храним до сих пор. Пожелтевшее от времени, растрепавшееся от частого прикосновения. Ваш сын, Алханов Элаха, пал смертью храбрых в бою с врагами, пишет в нём командир.

О младшем такого письма нет. Кто знает, может его товарищи или командир и написали нам тогда. Но мы его не получали.

В те же военные годы не стало и двух моих дочерей. Одна была уже замужем, вторая жила с нами. Их кости тоже лежат в далёкой земле, в киргизских горах.

И мы с моей старухой остались с единственным сыном.

В народе говорят: «У кого было двое сыновей - остался один, у кого был один - не осталось ни одного». Но я и старуха благодарили Бога за то, что он оставил нам хотя бы его. Ведь Всевышний, забравший у нас других четверых детей, волен лишить нас и последнего.

Время... Оно делает своё дело. Потихоньку оно залечило и раны на наших измученных сердцах. Правда, остались шрамы, которые вызывали страшную боль от малейшего прикосновения. Долгие годы провела моя старуха, проливая горькие слёзы в тайне от нас. Но со временем и их стало меньше. Чем больше времени проходит со дня смерти человека, тем меньше живые вспоминают о нём. Каждый Божий день вбивает между ними новый клин, всё дальше отодвигая их друг от друга. Но с другой стороны, каждый уходящий день всё ближе подводит живых к мёртвым.

Я сделал то же, что делает каждый оставшийся в живых. Вернувшись на родину, я первым делом привёл в порядок могильные холмы отца и брата, подправил по-

косившиеся чурты. У дороги на кладбище установил четыре чурта в память о детях, оставшихся лежать в чужой земле. Я собственными руками отлил их из бетона, а Умха надписал.

Там стоит длинный ряд таких чуртов. Прохожие читают над ними молитвы. Правда, в последнее время всё меньше людей делают это. Нынче мало кто думает об умерших и о смерти. Каждый носится как угорелый, пытаюсь схватить этот мир за хвост. И я, рассказывающий вам эту историю, в первую очередь. С самого своего рождения я только тем и занимаюсь, что пытаюсь не голодать, не мёрзнуть, другими словами, пытаюсь не умереть, цепляясь за эту жизнь. Ну не хочется умирать, ищешь повод, чтобы прожить ещё хотя бы день. Сначала меня лелеяли мечты дожить до того времени, когда повзрослеет и женится сын, увидеть внуков, продолжателей моего гаснущего рода. Потом я жил только стремлением вернуться на родину, хотя бы разок увидеть могилы отцов, места, где я играл в детстве. После этого, думал я, не страшно было бы и умереть. Аллах милосерден, не взирая на нашу непокорность. Все мои желания исполнились, но всё равно покидать этот мир не хотелось. Я уже мечтал дожить до свадьбы старшего внука, мечтал нанять его детей.

Такова уж человеческая натура. Как бы трудно ему не жилось, какие бы беды не терзали его, человек не хочет покидать этот мир навсегда, страстно желает прожить ещё хотя бы день. Даже если он прикован к постели смертельным недугом: взывает одними глазами, когда язык уже не в состоянии двигаться. Но ни один, и я в первую очередь, не задумывается о том, что же, в самом деле, принесёт ему земное завтра, за которое он так цепляется, наградит его радостными мгновениями, или же обожжёт новыми страданиями. А когда следующие один за другим дни загоняют его в угол, человек уже жалеет, что дожил до этих страшных минут. Но всего лишь несколько дней. Вскоре эта рана заживает, и снова возрождается любовь к жизни, и снова человек пускается в погоню за мирскими радостями.

Несмотря на множество страшных испытаний, выпавших на мою долю, я был доволен своей жизнью. Конечно, не мало ран принесла она моему сердцу. Иногда самому себе я казался стволом могучей чинары, у которой кто-то срубил все ветви и которая стоя умирает. Жизнь которого поддерживается одной единственной веткой. И веткой этой был Умха. А пятеро его сыновей и одна дочка являлись молодыми отростками, питающимися от этой единственной ветки. Сознание того, что после меня на земле будут жить шестеро мужчин - моих потомков, наполняло моё сердце гордостью. «Сын и пятеро внуков! У них вырастут свои сыновья! Нет, Алха не исчезнет без следа!» - думал я, глядя на них. Но пока все мои надежды, вся уверенность в будущем заключалась именно в Умхе. Именно он прикроет веки моих глаз, когда я в последний раз брошу гаснущий взгляд на этот старый, обветшалый мир. Когда будут обмывать моё дряхлое тело, именно он будет поливать чистую воду, именно Умха завернёт меня в белоснежный саван. Он подставит плечо под носилки, когда меня будут провожать в последний путь, он уложит меня в тесный склеп. Он поставит у моего изголовья чурт, он будет принимать соболезнования. Он будет посещать мою могилу каждую пятницу в сопровождении пяти сыновей, и тропа к моей могиле никогда не зарастёт.

А потом... и его принесут сыновья на кладбище, и рядом с моим могильным холмом вырастет ещё один.

Да... Каждый должен проделать этот путь в один конец. Никто не избегнет этого. Никто...

А пока... Пока всё было хорошо. Всё.

И достатком Аллах наградил. Настолько, что можно было бы крикнуть: «Всё! Этого вполне достаточно!», если бы жадность человеческая имела хоть какие-то пределы. Но кто, скажите мне, кто из тех, кто жил на этой земле до сих пор, произнёс такие слова? И кто произнесёт их в будущем? Не было человека, который ушёл из этого мира, довольный своим достатком, какими бы богатствами и властью он ни обладал. По сравнению с тем, чем я располагал в прошлом, жизнь мою можно было назвать по-

истине княжеской. Умха построил два дома. Небольшой уютный домик для меня и моей сарухи, и большой дом для своей семьи. В хлеву стояли несколько коров и с десяток овец. В доме неизменно лежат про запас несколько мешков муки. Все одеты и обуты во всё красивое.

Земной рай! Жизнь людей стала сытой, обеспеченной!

Но достаток - это отнюдь не единственное условие человеческого счастья. Хотя, конечно, на какое-то время он захватывает человека, возбуждает в его сердце гордость. Сегодня - выросли дети, дорогие тебе люди рядом с тобой. Ты богат. Ты сыт жизнью. Счастье кружится в танце пород тобой. Упоенный своим успехом ты не замечаешь рядом с собой детей, оставшихся сиротами после гибели родителей, вдову, похоронившую всю свою семью и вернувшуюся в холодный, как могила, и пустой, как мечеть, дом. Не замечаешь старика, которого тоже совсем недавно ласкала обманчивая жизнь, но который сегодня, на склоне лет, больной и немощный, остался совсем один, разлученный жестокой смертью со всеми родными.

Что делать? Счастье не задерживается в одном доме надолго. А вслед за ним неизменно спешит горе, и потому всегда в этом мире за смехом следуют слёзы. Но почему-то никто не хочет задумываться над этим в минуты, когда жизнь поворачивается к нему лицом.

И никогда не смел даже надеяться, что когда-нибудь в моей жизни будут такие радостные дни. Больше всего меня радовали благородный характер и кроткий нрав Умхи. Его преданность родителям и семье. Ни когда за всю жизнь он не произнёс ни одного слова поперёк моей воли. Был исключительно заботливым сыном для родителей и отцом для детей. Отличался набожностью, с пятнадцатилетнего возраста старого исполнял религиозные обряды, оберегался от недозволенного, в дом приносил только то, что заработано честным трудом. Рано утром вставал, совершал молитву, собирал себе снедь в узелок и уходил на своём тракторе на поле. Возвращался только с первыми сумерками.

И так почти каждый день в течение последних двадца-

ти лет. Пять лет назад купил мотоцикл, самый лучший. Чёрный, как ворон. Ухаживал за ним, как за самым дорогим конём. Каждый вечер мыл её, как бы поздно ни возвращался, вытирал сухой тряпкой. После утренней молитвы опять крутился вокруг него, подтягивал всевозможные гайки, смазывал детали.

Десять дней назад он сел на него в последний раз.

Целый день провозившись с изгородью, я вернулся в дом, чтобы совершить послеполуденную молитву, попросив старуху бросить свою прополку и собрать на стол обед. Как всегда, совершив обязательные и рекомендуемые молитвы, я взял в руки чётки и сел на нары. Старуха тоже совершила молитву и возилась уже у печи во дворе.

Вечер этот навсегда остался в памяти.

Село, целый день находившееся как бы в дремоте, потихоньку начало просыпаться. Слышалось мычание возвращающихся с пастбищ коров, вскоре у калитки стала и наша Тайша. Где-то на крыше визжал кот, можно было подумать, что его разрывают на части. Тонким голоском тявкал щенок, которого дети притащили откуда-то пару дней назад. Видимо, ему не давал покоя кошачий голос. Вернувшийся с телятами внук прогнал кота, тем самым, прекратив этот голосистый спор.

Не успел я перебрать и пятидесяти бусинок на чётках, как на меня стал нападать сон. Приятный прохладный ветерок, дующий в открытое окно, и лёгкий шорох листьев грецкого ореха, растущего у самого дома, ещё больше клонили меня на бок. Как во сне слышалась возня старухи, готовящей далланаш. Вскоре чётки выпали из моих рук.

Что только не промелькнуло передо мной в те несколько минут, что я находился во власти сна. Сначала привиделось, что я потерял единственный корневой зуб, который задержался во рту в одиночестве, словно наказание небесное. Зуб я выплюнул вместе со слюной, без всякой боли. Почему-то каждый, кто смотрел на этот зуб, заходился в диком вопле. Плакали моя старуха, сноха, внуки. Я пытался их успокоить, то лаская, то ругая. Это только

зуб, говорил я, он только мешал мне. Потихоньку собрались люди. В нашем дворе установилась какая-то неразбериха, которая не походила ни на похороны, ни на свадьбу тем более.

Почему-то во всём этом переполохе я никак не мог найти Умху. Его нигде не было. В конце концов, уступая угловорам собравшихся, я вошёл в дом и увидел сына, завернутого в саван, с все еще открытым лицом. Разбитая голова, засохшая кровь на лице, остеклевшие голубые глаза, остановившиеся в диком взгляде...

- Умха! - закричал я и тут же проснулся, оглушенный собственным криком.

Я вскочил с нар. В комнате было довольно темно. Мои старые, слепнущие глаза уже не могли различать окружающие меня предметы. С огромным облегчением осознав, что привидевшиеся мне ужасы были всего лишь сном, я сделал попытку вздохнуть, но острая боль под сердцем заставила меня согнуться вдвое. Я ухватился за грудь и, словно рыбка, выброшенная волной на берег, стал ловить ртом живительный воздух. Через какое-то время боль отступила, и я наконец-то смог перевести дух. Мое старое сердце, минуту назад казавшееся неподвижным, забилось в бешеном ритме. Но какая-то непонятная тревога, предчувствие какой-то беды не покидало меня, стискивая мне грудь.

В надежде на то, что меня успокоит свежий вечерний воздух, я медленно встал и, держась за стену, добрался до двери.

Усадив рядом внука, старуха моя разрешила только что испеченные *далланыш*. Вокруг лампы, горящей над ними, кружились бабочки. Наш щенок-найденыш лежал у двери, положив голову на дверной косяк и высунув длинный красный язык. Он тоже ожидал своей порции старушкиного блюда.

- Ты здесь поешь или тебе занести? - спросила старуха, увидев меня.

Я не успел ответить. К нашей калитке тихо подъехала голубая «Волга». Из нее вышел наш односельчанин Би-

лал, старик примерно моих лет, в сопровождении какого-то незнакомого мне человека.

- Ассалам алейкум! Пусть милость Аллаха никогда не покидает ваш дом! - произнес Билал, войдя во двор и остановившись передо мной. - Доброго вам вечера, Халипат!

- Ва алейкум салам, Билал! Да будет ваш приход мирным! - ответил я на приветствие. - Да возблагодарит вас Аллах, как хорошо что вы пришли. Моя старуха испекла изумительные *далланыш*, вам они понравятся!

- Спасибо, Алха, к сожалению, у нас мало времени. - произнес Билал. - Давайте-ка войдем в дом. Как поживаете, Халипат, болезни не сильно донимают? Внуки здоровы?

- Слава Всевышнему, все хорошо. И внуки здоровы. Что у вас нового? Как поживает Зерент?

- Милостью Аллаха. Пока живы-здоровы. Ну мы пока зайдем, Халипат.

- Да-да, заходите, я занесу поесть.

«Нет, не с радостной вестью заявили они ко мне!» - подумал я, вспомнив свой сон. Растерянное молчание Билала, обычно такого разговорчивого, еще более усилило мои подозрения.

- Алха, у нас не так много времени, - глухо произнес Билал и, чуть подумав, добавил: - Чтобы наставлять кого-то, нужно быть мудрее него, а терпения и стойкости у тебя больше, чем у кого бы то ни было. Ты больше нас пожил на этом свете, Алха, повидал на своем веку немало горя, всегда был для нас примером стойкости и мужества, поэтому нам ли успокаивать тебя...

«И начало не предвещает ничего хорошего. Что же случилось...» - думал я.

- Умха немного пострадал. Он попал в аварию, столкнулся на своем мотоцикле с машиной. Его положили в районную больницу. Чувствует себя хорошо, даст Аллах, через недельку поправится. Мы решили, что будет лучше, если ты узнаешь об этом от нас. Сообщи Халипат о случившемся, скажи, что опасности нет. И оденься. По-едем, навестим его.

От этой новости перед моими глазами все закружилось. Из дальнейшего разговора Билала я не услышал ни слова. Зловещий сон не выходил у меня из головы. Последний зуб, выпавший изо рта. Толпа народа у меня во дворе. Плачущие старуха и сноха. Орущие дети. Умха с разбитой головой, завернутый в саван...

«Нет, чтобы вы не говорили, Умхи нет в живых, - носилось у меня в голове. - Нет его уже»...

- Люди и болеют, и умирают, Билал, и в аварии попадают. Такова жизнь. Через это проходили и пройдут все. Никому не суждено избежать этого... Мне очень хотелось, чтобы я ушел раньше. Хватило бы и того, что я уже пережил в этой жизни. Но Всевышнему видней...

- Все не так, Алха, все не так, - скороговоркой выпалил Билал, пряча от меня глаза. - Я же говорю тебе, пока Умха чувствует себя хорошо. Ничего опасного для его жизни нет. Этот вот Хамид только что оттуда. Я бы не стал скрывать от тебя правду. Что делать, Алха, есть у жизни и такие стороны. У каждого свое горе, у кого больше, у кого меньше...

Я стал одеваться.

Первым делом я натянул на ноги *маьхьсеш** (кожаные носки). Оделся в чоркеску из черного сукна и в белый бешмет, опоясавшись ремнем с висящим на нем кинжалом и оглядевшись. На подушке, уставленной на железной кровати, лежала каракулевая папаха, подаренная мне сыном месяц назад.

Я взял ее в руки и долго гладил рукой по каракулевым локонам, не торопясь надеть на себя. Понимая мое состояние, гости мои молчали.

«Мне-то вы сообщили эту страшную новость, - думал я, - но как же сказать это старухе-матери? В ней же и так жизнь держится только на тоненьком волоске. Она же, несчастная, и так иссушена бесконечными бедами...»

Я позвал жену в дом, решив тут же открыть ей страшную новость. Но, чуть подумав, отказался от этой мысли: «Услышав такую весть, она не сможет удержать слез и крика боли. При посторонних мне нельзя будет утешать

ее. Вдобавок, как я уеду в больницу, оставив ее одну с такой раной на сердце. Нет, лучше будет выйти к ней и мягко намекнуть»...

- Жена, Умху увезли в больницу, - произнес я как можно спокойней, пытаясь выглядеть беззаботным. - Ничего страшного, перевяжут ногу и отпустят домой...

Но возможно ли обмануть материнское сердце. Оно же невидимыми венами связано с сердцами детей. Малейшая боль детей тут же отзывается в сердце матери, как бы далеко они ни находились от нее. Даже если никто ничего не сообщал ей.

Из груди старухи не вырвался ни один стон, глаза ее оставались сухими. Внезапный пожар в груди сушит всякие слезы.

- Я знала... знала я... что-то случилось... - произнесла она дрожащим голосом. - Но боялась...боялась сказать тебе...

Ее острая челюсть дрожала как в лихорадке. Губы тут же побелели. Малыши перестали есть и уставились на меня.

- Я же говорю, ничего страшного не произошло, - пытался я успокоить ее. - Сохраняй спокойствие. Сообщи Хеде, и приберитесь в обоих дворах. Когда Умха вернется, люди начнут навещать его. Будь мужественной. Ничего еще не случилось. А если даже и случится, разве мы с тобой имеем право быть слабыми?

* * *

Да-да, все было хорошо до этого самого дня.

Заходя в этот вечер в дом, я не мог даже предполагать, что в оставшиеся годы моей жизни (а их могло быть не больше десяти) сердце мое получит еще один страшный удар.

Ровно в полночь Умха скончался... Сбитый грузовиком, за рулем которого сидел пьяный до бесчувствия шофер.

* * *

Смерть! Она верна себе всегда. Она вдруг появляется в назначенное ею самой время и, словно коршун цып-

пенка, хватает и уносит человека в небытие. И не важно, богат он, беден или нищ. К какому клану или сословию принадлежит. Силен, как мифический нарт, или слаб и бессилён, как новорожденный. Последний попрошайка или всеильный падишах. И не смотрит она, готов человек к встрече с ней или откладывал ее на потом. Не спешит к человеку, когда он просит ее в гости, и не отстаёт, когда он бежит от нее.

Умха являлся опорой, фундаментом нашего дома.

Сейчас не стало и этой опоры. Я получил последнюю, уже смертельную рану. Все вокруг напоминает о недавних похоронах. Но люди, собиравшиеся у меня во дворе с благородным вроде бы желанием хоть как-то облегчить мою боль, эти люди, сами того не ведая, еще более разворошили мою рану. Из новых балок, купленных Умхой для строящегося хлева, соорудили скамейки, подложив под них чурбаки. Скамейки стояли полукругом. По центру сидели ближайшие родственники усопшего, справа - старики, слева же - только готовящиеся стать ими.

Машины, мотоциклы или лошади, на которых прибывали люди, останавливались метрах в ста от нашего двора. Оттуда они подходили уже пешком, длинной чередой, будто стараясь опередить друг друга: мужчины - сюда, женщины во двор сына.

Люди шли и шли. Через проем в изгороди, сооруженной мной еще десять дней назад с такой любовью, с таким старанием. Вытапывая чесночные грядки моей старухи.

Раньше, в дни моей молодости, люди подходили к родственникам умершего большими группами во главе с наиболее старшим из группы, вместе читали доа-заупокійную молитву, выражали соболезнования ближайшим родственникам, выстроившимся в скорбном строю, и молча отходили в сторону. Кто-то, чье присутствие было необходимым, оставался, другие же, выполнив таким образом свою миссию, уходили.

Именно таков был когда-то обычай. Нынче все изменилось. Ведь неизменным в этом мире не остается ничего, кроме как только зло. Обычаи и традиции тоже с течени-

ем времени стареют, изнашиваются, превращаются в труху, после чего ветер разносит их, словно мертвый пепел.

Отдельно для меня поставили мягкий стул, словно какому-то баянисту на свадьбе. Как будто у меня было время, да и желание тоже, сидеть на нем. Всю эту неделю я провел на ногах, встречая и провожая продолжающих прибывать людей.

Прибывала новая группа. Впереди шел старший. Он останавливал следующих за собой людей перед старцами, сидящими полукругом.

- Ассалам алейкум! Прочтите доа.

Все воздевают руки. Мулла или кто-то из стариков читает доа вслух. Кое-где слышится:

- Аминь!

- Аллаху аминь!

- Смилуйся, о Аллах!

- Фатиха!

Проведя руками по лицу, старший из прибывших вопросительно смотрит по сторонам. Он ищет того, кто принимает соболезнования. Кто-то из стариков указывает посяхом в сторону:

- Вон тот!

Другой подзывает:

- Сюда, идите сюда!

Многие из прибывающих не были знакомы со мной лично. Но каждый считал своим долгом лично выразить мне свои соболезнования. Приходили мои дальние родственники, родственники родственников, родственники наших женщин, друзья и знакомые Умхи, их родственники. Все они подходили ко мне:

- Да смилостивится над ним Аллах...

- Да вознаградит его Аллах раем...

- Что делать, не мы властны над жизнью и смертью...

- И жизнь, и смерть от Аллаха... Все в его власти...

- Все мы должны пройти через это... Умха немного опередил нас...

- Все мы стоим в очереди на тот свет...

- Счастлив тот, кто уходит раньше...

После этого здесь устанавливается самый настоящий базар. Доа и соболезнования заканчиваются, и все встают, приветствуя прибывших. Те же, ведомые своим старшим, проходят вдоль длинного ряда, справляясь друг у друга о здоровье и жите-бытие. Ладно еще, здоровались бы только за руки. Так нет же, обнимаются направо и налево, чуть ли не целуются.

- Добро пожаловать!

- Спасибо!

- О! Хамзат, неужели ты!

- Я! Конечно я!

- Ассалам алейкум!

- Ва алейкум салам!

- Да будет мирным твой приход!

- Жите-бытие?

- Вы-то как?

- Милостью Аллаха!

- Как поживают Ханкаш и его семейство?

- Почему с вами нет Косама?

- А ты не стареешь, будто только вчера справил пятнадцатилетие!

- Да и ты с каждым днем молодеешь

- Подходите, присаживайтесь!

- Посидите с нами немного, долго задерживать вас не станем!

- Жунид, ты садись сюда!

- Нет-нет, пусть туда сядет Азим!

- Нет, садись ты, Жунид!

Этот базарный шум наконец-то затихает. После всех обниманий-лобызаний старики усаживаются, каждый рядом со своим знакомым, молодежь же отходит в сторону, чтобы присоединиться к ровесникам, молча стоящим чуть поодаль.

После соболезнований меня уже никто не замечает. И никому нет до меня никакого дела. Каждый спешит поделиться с соседом новостями, считая, видимо, что его полусшепот никому не мешает. Но этот многоголосый шепот

создает вокруг какой-то глухой гул. О чем только здесь не говорят старики! И о веселых приключениях в дни своей молодости, и о том, что происходило и происходит в мире, и даже о совершенных ими когда-то кражах. О последних почему-то без тени сожаления, даже с какой-то, если хотите, бравадой. Здесь обсуждают и общественные дела села: сенокосы и пастбища, жертвоприношения, женитьбы и разводы, ремонт мостов и дорог, нравы людей. Но больше всех, конечно же, достается молодежи. Стариков раздражают длинные волосы молодых людей, до неприличия прилегающие штаны; короткие платья девушек, их непокрытые головы, чрезмерное увлечение всякими там пудрами и помадами.

- Молодежь отошла от наших обычаев, - покачивают старики головами. - Ходят с обнаженными головами, с длинными гривами, в рубашках почти без рукавов. И ни намаза у них, ни поста! Курят и пьют на глазах у старших.

- А девушки?! - встревает другой. - Голые руки и ноги, на голове сооружают какую-то башню и обматывают ее какой-то тряпкой! И платья на них не из ткани, а из какой-то сетки, которая ничуть не прикрывает тело.

- Да, близится конец света...

Чтобы прекратить эти неуместные на похоронах разговоры, кто-то вменяемый произносит:

- Люди, давайте прекратим этот шум! Лучше прочитаем по сто «*Къулха*» и «*Салават*» и совершим *доа*.

Но проходит всего несколько минут, и прежние разговоры возобновляются. Одни приходят, другие уходят. Приветствия, прощания. Рукопожатия, обнимания.

Даже на свадьбе такое не всегда уместно.

Разве эти старики, собравшиеся здесь и ведущие такие мирские и, извините за прямоту, мелочные, недостойные беседы, разве они, говоря я вам, имеют моральное право критиковать молодежь? На похоронах в нашем селе обычно собираются старики лет по семьдесят-восемьдесят. Каждый считает себя праведником и готов вызвать на бой любого, кто усомнится в его святости. Но посмотрите на них! Разве старый человек не обязан осознавать

свой возраст, одеваться и вести себя соответственно? А эти?! Чисто выбритые, с подстриженными до пижонства усами. В макинтошах и туфлях. В шляпах и пестрых тубетейках.

В дни моей молодости старики были совсем другими. Эх, какими же это были *кьо́нахи*! Могучие, как чинары, и стройные, как тополя. С белоснежными бородами, закрывающими всю широкую грудь. С роскошными, закрученными вверх усами. Здоровые и румяные, как налившееся яблоко. В бешметах, застегиваемых на двенадцать пуговиц, в черкесках из домотканого сукна, обтянутые чеченским поясом с висящим на нем кинжалом лучших оружейников, в крепко надвинутых на голову папахах. Слушая их мудрые речи, любой молодой человек с завистью мечтал стать таким же, как и они.

Они умели находить единственные нужные слова, чтобы поддержать дух человека, в дом которого вторглась беда. Увидев их, стойких и мудрых, как седые горы, израненное горем сердце человека успокаивалось. Собираясь на чьей-нибудь свадьбе, старики усаживались в сторонке или на кровле хлева на подстеленных специально для них снопах кукурузных стеблей, и оттуда наблюдали за происходящим, изредка, чтобы поддержать веселье, сами пускаясь в лихой пляс. И никто из молодежи не смел даже подумать о том, чтобы напиться или вести себя недостойно.

А нынешних обычаев я просто не понимаю. Ни один старик даже близко не подходит к свадьбе. Говорят, это грешно. Усы и бороду отпускать тоже грех. Почему же это не было грехом раньше, когда ислам у нас был намного сильнее, чем сейчас, когда за его соблюдением следили знаменитые чеченские алимь, широко известные не только на родине, но и в Мекке, Медине, Стамбуле?

К полудню Билал позвал меня в дом, чтобы я в последний раз взглянул на Умху.

Изо всех сил стараясь сдержать бушевавшую в душе боль, я последовал за ним к калитке. Тутового дерева у нашего дома уже не было. Я думал, надеялся, что доски

из него закроют мой склеп. Но как же жестоко я ошибался! Из красной сердцевины уложенных в ряд досок выступал сок, капли которого блестели на ярком солнце. Тут же лежал большой камень, на котором кто-то уже вывел арабской вязью имя Умхи. Заранее готовясь к отходу на тот свет и понимая, что произойдет это в самый неожиданный момент, я заранее заказал у мастеров два чурта для себя и своей старухи. Когда мы заговорили об этом, Умха попытался заказать чурт и себе. Но мы со старухой не захотели и слышать об этом. Он ведь должен был жить еще долго... И сейчас ему достался этот грубый, бесформенный камень, вместо тлитого в строгих формах чурта.

Между прочим, хотя это и не к месту, нынешние муллы-то говорят, что чурт умершему вообще не нужен. По их словам, усопшему красота чурта ни к чему, чем меньше и уродливее надмогильный камень, тем лучше. Лучше на эти деньги купить какую-нибудь скотинку и справить поминки, позвав на них стариков, и пусть они там поминают Аллаха. А на возражения типа, мол, у изголовий всех шейхов и святых стоят огромные красочные чурты, а над их могилами построены чуть ли не дворцы, муллы отвечают:

- За это они сами ответят.

В саду под огромным ореховым деревом были разложены небольшие куски мяса забитой еще утром коровы Умхи. До выноса тела их следовало раздать по селу в каждый двор. Чтобы милостыня уже ждала усопшего на том свете.

Оставшуюся телку забьют в следующую пятницу. В их доме соберутся старики, чтобы помянуть усопшего, прочитать аяты из Корана.

Не знаю почему, но сердце мое все ее не верило в то, что я никогда больше не увижу сына живым. Похороны, женский плач, собравшиеся люди - все это казалось мне сном, который улетучится, стоит мне открыть глаза. Как же это возможно, думал я, потерять последнюю опору на склоне лет?! Как же смириться с тем, что сломалась пос-

ледная живая ветка на моем иссушенном времени и горестями теле?! Сердце отказывалось верить в это. Казалось, стоит мне войти в дом и навстречу мне, как всегда, выйдет Умха со словами: «Это ты, дада. Заходи!» Но реальность была неумолима. Я знал, что Умхи уже нет. Ведь прошлой ночью, когда жестокий ангел смерти безжалостно терзал его, именно я клал на его растрескавшиеся губы смоченную в холодной воде вату. Именно я, собственной рукой прикрыл его глаза, своим носовым платком подвизал его челюсть.

У меня на коленях лежала его голова, перевязанная белыми бинтами с проступающими на нем красными кровавыми пятнами. Ведь это я и моя старуха провели, беззвучно рыдая, долгую ночь у его тела, уложенного на кровати, словно спиленная чьей-то жестокой рукой молодая чинара.

Все это не сон. Это жестокая явь. Явь!

Весь двор Умхи был заполнен женщинами. Старыми и молодыми. В шалях с опущенными уголками и в завязанных платках. Одни сидели, другие стояли. Многие тихо переговаривались между собой.

Я прекрасно знал, о чем они шепчутся. В таких местах всегда говорили одно и то же. Только имена произносились разные.

- Несчастные дети, как рано они осиротели...
- А Хеда... Потерять мужа в самом расцвете сил...
- Как ей теперь поднимать детей...
- Дед и Халипат стары, и у отца не осталось братьев...
- Несчастные родители, какой это для них удар. Потерять последнего сына на старости лет, когда ты почти прикован к постели...

■ Какой это был хороший человек. Святая душа...

После этого перечисляют все хорошее, что он когда-либо делал для них лично и для людей вообще, все его благородные качества, где и когда они видели его в последний раз, и сны, которые им привиделись и которые однозначно указывали на такое несчастье. После этого переходят на сплетни. Кто, когда и за кого вышла замуж, кого про-

гнал недовольный муж. Здесь можно узнать все обо всех. И как тот или иной уживается с соседом, живет ли в согласии та или иная семья или же они грызутся между собой. У кого сколько кур, и сколько яиц в день они несут. Сколько молока дает соседская корова, и какова ее жирность. Сколько стоила та или иная безделушка в последний базарный день. Обсуждается одежда соседок и их домашняя утварь.

Завидев меня у калитки, женщины перестали шептаться. Их взгляды остановились на мне. Кое у кого вырвался плач. Когда же дочка Умхи с диким криком «Дада» бросилась ко мне, все зарыдали. Несчастливая моя Маълхаш! За одну эту ночь она исхудала настолько, что превратилась в тростиночку. Бесследно исчез веселый, звонкий голос. Из ее груди вырывались хриплые крики, но слез не было. Они кончились. Ее испуганное лицо и беспомощные глаза, ищущие помощи, заставили дрогнуть мое сердце. Она не была самой младшей в семье, но ее я жалел больше других. Наверное, потому, что она была единственной девочкой. Мальчишки-то как-то пробивают себе дорогу. Девочка же без отца или матери - всегда несчастна.

В чуть затемненной комнате на нарах лежало тело Умхи. Голова его была перевязана чистой марлей, тело до самого подбородка укрыто одеялом. На его щеках все еще горел румянец. Казалось, жизнь все еще была ключом в этом теле, прикрытые глаза вот-вот откроются, и Умха пробудится ото сна. Рядом сидела моя старуха. Укутавшись в шаль, как бы защищаясь от преследующего ее горя, какая-то скрючившаяся, беспомощная. Глубоко несчастная мать провела в этой позе всю ночь, не отводя от лица сына печальных глаз, время от времени вытирая уголком шали сочившиеся из них слезы.

Эх, Халипат, Халипат! Когда же нам плакать и рыдать, если не сегодня?! Чеченцу нельзя показывать слезы. Он и не плачет никогда, какое бы страшное горе не обрушивалось на него. Что я есть по сравнению с теми великими *кьонахами*, закаленными суровыми кавказскими горами и тяжелыми испытаниями, преследовавшими их на про-

тяжении многих веков?! Что я есть по сравнению с ними?! Но я обязан быть стойким, и я держусь. А ты? Ты-то всего лишь женщина. Почему же люди осуждают тебя, женщину, если в день смерти собственного ребенка ты даешь волю чувствам? Я же вижу как тебе тяжело, вижу, что это горе отнимает у тебя последние силы, как оно разорвало последнюю тоненькую нить, связывавшую тебя с этой жизнью...

Когда же, когда тебе плакать, если не сегодня! Когда навсегда ты прощаешься с последним ребенком, которого девять месяцев носила под сердцем, над колыбелью которого просиживала долгие ночи, боясь сомкнуть глаза. Для тебя он оставался ребенком даже когда повзрослел, и у него появились собственные дети. Потому что ты - мать!

Когда же, когда же плакать мне, если не сегодня! Когда предаю земле последнего сына, опору мою и надежду, когда остаюсь один на один с поселившейся в моем теле старческой беспомощностью.

Что ж поделаешь. Все это люди, пришедшие сегодня к нам, вернутся в свои дома. К своим детям. Беда, остающаяся за твоей дверью, переносится легко. Мы же с тобой останемся одни в нашем холодном доме. Тогда мы дадим волю своим слезам. В последний раз.

Потом уже будут плакать над нашими телами. Нехотя и равнодушно. По нам уже некому проливать горьких слез.

* * *

Когда люди последовали в дом Умхи, чтобы вынести его тело, я пошел за ними. Но ноги не слушались меня. Силы убывали с каждым шагом, тело мое отказывалось идти вперед, как будто кто-то тянул его назад. В конце концов, мне пришлось остановиться. Простояв некоторое время у калитки, я повернул назад.

С одной стороны мне самому хотелось держать сына за разбитую голову, когда его станут выносить. Кто сделал бы это осторожнее, чем я? Но с другой стороны, я не был уверен, что мое ослабевшее сердце выдержит такое испытание.

Мимо меня быстрым шагом прошли двое молодых людей с пустыми носилками в руках. Через минуту-другую восемь человек станут у веранды. На их плечах будут носилки, устланные пестрым войлочным ковром, с подушкой на одном конце. Весь народ собрался уже возле носилок. Женщины и мужчины. Когда ногами вперед вынесут тело и уложат его на носилки, среди женщин начнется плач. Билал успокоит их (одних ласковым словом, на других прикрикнет) и начнет задавать традиционные в таких случаях вопросы:

- Люди, что за человек был этот Умха?
- Хорошим был человеком, - ответят все.
- Вы все свидетельствуете о том, что он был хорошим человеком?
- Да, свидетельствуем, во имя Аллаха!
- Если здесь есть человек, которому Умха, сознательно или неосознанно нанес какую-нибудь обиду, пусть он простит покойного.
- Он никому не сделал ничего дурного!
- Мы прощаем ему, во имя Аллаха!

Но тяжелее всего для меня всегда было наблюдать за тем, что следует за выносом носилок. Даже когда это происходит у кого-то другого. Крики и причитания бегущих за процессией женщин, грубые голоса мужчин, пытающихся их успокоить. Рвущая на себе волосы, или упавшая без чувств сестра или дочь покойного. Мужчине нужно иметь крепкое, как гранит, сердце, чтобы не заплакать в этот момент. У Умхи не было ни сестер, ни теток, чтобы долгими рыданиями проводить его в последний путь. Но, видя плачущих детей, особенно маленькую Малхиш, я боялся, что и сам могу не сдержаться.

Я зашагал по дороге к кладбищу, чтобы не видеть этих последних и самых тяжелых минут. Но как я ни спешил, старые ноги не смогли отнести меня достаточно далеко. Я слышал вопросы Билала, рыдания женщин и истошные крики внуков, острым клинком пронзавшие мое сердце. А охрипший голос несчастной Малхаш, выделявшийся среди них, окончательно сразил меня. Муки и боль, которых

я до сих пор с трудом сдерживал в своей груди, острым комом застряли у меня в горле. Этот ком буквально душил меня. Я сдерживался изо всех сил. Заталкивал этот тяжелый ком обратно в грудь, закрывал глаза, чтобы из них не хлынули слезы. Говорят, мужчина плачет дважды - в детстве и в старости. Именно в эти две поры у него нет сил противиться слезам. Видимо, горе одолеет меня, но не видит ли меня кто-нибудь, подумал я и оглянулся по сторонам. Но, разве я в состоянии был что-либо разглядеть? И так уже полуслепые глаза были застланы пеленой слез.

О Аллах, и откуда пошел этот обычай - собирать женщин на похороны, где они, заполнив двор и дом, голосят во все горло, лишь усиливая горе близких умершего?! Ладно еще, приходили бы они из сочувствия к ним. Так ведь нет. Эти сборища стали каким-то ритуалом, данью какой-то непонятной и ненужной традиции. А приходят-то они и на следующий после похорон день, и на следующий. А посмотришь на них где-нибудь в пути, когда они еще не дошли до места, и ни за что не догадаешься, что идут они на похороны. Рассказывают друг другу сплетни, шутят, смеются, обсуждают браки и разводы, а когда приближаются к месту, надвигают на глаза платки, прижимают их уголки к глазам и нехотя начинают хныкать.

Здесь им еще как-то удастся более или менее придержать языки, но по пути домой или где-нибудь при встрече дают себе волю:

- Дети-то не пропадут, через год-другой повзрослеют и забудут все...
- Умершего жалко...
- Все говорили, что *Хенех** живет в достатке...
- Фи...
- Ничего особенного у них я не увидела...
- Малюсенький ковер на стене...
- И печка какая-то облезлая...
- А стены? Все в саже!
- А потолок видели? Весь в паутинах!

- Одеяло, которым был укрыт умерший? Самое дешевое!

- А подушка... В грязной наволочке!

После этого начинают перечислять недостатки отсутствующих.

Правильно пишут иные мудрые в своих завещаниях, чтобы на их похоронах не устраивали этот коллективный плач. Я тоже впишу такую строчку в свое завещание. Обязательно!

Когда процессия стала удаляться в сторону кладбища, женские причитания поутихли. В этой неожиданно установившейся тишине все отчетливее слышался глухой топот приближающихся людей, провожающих Умху в последний путь.

Но эту печальную тишину нарушила автомашина, въехавшая в село через южную дорогу. Из салона на всю округу разносилась веселая лезгинка, слышалась барабанная дробь и радостные крики жизнерадостных людей, до отказа заполнивших автомобиль.

Где-то в нижнем квартале раздался сухой хлопок ружейного выстрела. С одной стороны из села выходит печальная похоронная процессия, с другой стороны в село въезжает веселая свадебная кавалькада. Ко мне сегодняшний день жесток, другим же ласково улыбается. Мое сердце сжимают тиски невыразимой муки, их же сердца танцуют, опьяненные счастьем. И эта весенняя природа ласкает тоже их, и золотое солнце улыбается им. В моей же душе установилась вечная, морозная зима. Забыв обо мне, придавленном горем, словно мельничным жерновом, где-то недалеко кто-то палит из ружья, боясь, видимо, что не все еще знают о его счастье. Неужели они не понимают, что каждый звук этого веселья буквально разрывает мое сердце, что каждая пуля, выпущенная ими в воздух, пробивает мое сердце, обжигая его?

Уважение к усопшему - один из лучших обычаев нашего народа. Этот обычай запрещал играть в селе свадьбу, проводить вечеринки, баловаться оружием в течение определенного времени после смерти сельчанина. Нельзя

было проезжать верхом на коне мимо дома близких усопшего. Обычай обязывал каждого постараться облегчить боль людей, в чей дом постучалась беда, разделить их горе, подставить им плечо.

Конечно же, неправильно будет сказать, что обычай к чему-то обязывает или что-то запрещает. Ведь обычай - это не закон, принятый каким-нибудь падишахом и строго обязательный для всех. Обычаи не издаются царями или властью. Лучшие обычаи создаются самим народом. Они живут тысячелетиями, переходя от поколения к поколению, и живут до тех пор, пока народ не создаст что-то лучшее или неблагодарные потомки не бросят их: Что же сейчас? На одном конце нашего небольшого села хоронят человека, на другом - играют свадьбу! А если ты возмутишься этим, в ответ тебе саркастически говорят:

- Что же теперь, если кто-то умер, всем впадать в уныние?

- Нет, конечно же, я не призываю всех ходить в вечном трауре, превратившись в небритых и нестриженных дикарей с длинными ногтями. Но... Когда умирает такой же человек, как ты, который так же любил свою семью, родных и близких, природу, труд, словом, весь этот мир, разве плохо, если в такой день люди, из уважения к усопшему, воздержатся от каких-либо торжеств. Можно же свадьбу или вечеринку отложить на десяток дней, хотя бы для того, чтобы не наносить душевных ран людям, потерявшим близкого человека. Ведь сочувствие, сострадание, готовность разделить горе ближнего всегда, во все времена были, есть и будут первыми признаками человечности.

А сегодня. Я, потерявший последнего сына, и дети, потерявшие отца, мы горим в огне этого безмерного горя, а эти люди с шумом и гамом въезжают в село, чтобы сыграть свадьбу. Может, они и не стали бы делать этого, если бы знали, что здесь похороны. Именно для того, чтобы не допустить такую ошибку и спешивались наши предки, прежде чем вступить в чужое село.

Разве плохо было бы, если бы эти люди проехали через чужое село тихо, без шума и гама?

А эти люди, пришедшие на кладбище? Они уложат носилки с телом Умхи рядом с могилой и разбредутся по кладбищу. К могилам своих родных и близких. Станут читать там молитвы. Почему сегодня, в день моего горя? Разве нельзя было посетить их в другие дни? Кто-то вернется с кладбища и пойдет обниматься с бутылкой. Человек, который только что приносил мне соболезнования, клянясь, что смерть моего сына и для него стала тяжелым ударом, через час будет бродить по селу, еле держась на пьяных ногах...

Прошлым вечером у нас в последний раз собрались люди. Прошлым вечером съели старики и последнего теленка Умхи.

Аллах, конечно, всезнающ. Но чего я не понимаю и не приемлю, так это то, что люди съедают последнюю скотинку осиротевших детей, называя этот грабеж «раздачей милостыни».

Уплетая мясо теленка, рабы Божьи даже не задумывались о том, что в хлеву Хеди, остающейся одной с шестью маленькими детьми, уже нет ничего из живности. И что теперь, чтобы завести одну корову, ей придется экономить буквально на всем, лишая детей-сирот самого необходимого.

Где-то кто-то женится. Наши люди устремляются туда с дорогими подарками. Приходят дальние родственники, знакомые. Каждый считает своим долгом хоть чем-то помочь молодым, начинающим строить новую жизнь. Хоть червонцем, хоть рублем. Не сделать это считается неприличным. Это хороший, красивый обычай. Но разве не было бы лучше, если бы эти подарки, в том числе и денежные, давались не молодоженам, у которых есть молодость, силы и уверенность в завтрашнем дне, у которых есть все, чтобы наладить свое хозяйство, разве не было бы лучше, если бы эта поддержка оказывалась сиротам, потерявшим кормильца, или таким, как я и моя старуха, потерявшим опору и поддержку на старости лет? Но таким мало кто протягивает руку помощи, тем более деньги.

Постоят, поппанут и возвращаются в свои дома. И сына моего они забыли сразу же, как только вышли из кладбища, оставив его в холодной, сырой земле. Да, не так тяжело воспринимаешь то, что остается за твоей дверью. Как же правы были наши отцы, утверждая это.

Мескеты, 1970г.

Перевод Усмана ЮСУПОВА

СОДЕРЖАНИЕ

«Один день судьбы» (повесть) -----	стр. 4
«Калужский пленник» (повесть) -----	стр.196
«В день смерти сына» (рассказ) -----	стр.460

АЙДАМНРОВ Абузар Абдулхакимович
Собрание сочинений в шести томах

Том четвертый

«Один день судьбы» (повесть)
«Калужский пленник» (повесть)
«В день смерти сына» (рассказ)

На русском языке

Издатель:
Центр гуманитарных исследований
Чеченской Республики

Редактор - *Дени Сумбулатов*

Корректор - *Киса Сумбулатова*

Набор и верстка *Халимат Борхаджиевой*

Формат 84x108 1/32. Гарнитура Arial Суг. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл.-печ. л.25.
Тираж 2000 экз. Заказ № 3.

Отпечатано с готовых оригинал-макетов в ГУП
«Республиканская книжно-журнальная типография № 1
им. С.М. Кирова»
367000, РД, г. Махачкала, ул. Ичиг Казака, 31а